

AMERICAN BEAUTY

ТРИДЦАТЬ НОЧЕЙ ЭНИ КИТИНГ

ПЕРЕВОД ДЛЯ САЙТА [HTTP://VK-BOOKSOURCE.NET](http://vk-booksource.net)
И ГРУППЫ [HTTP://VK.COM/BOOKSOURCE](http://vk.com/booksource)

SAMHAIN
PUBLISHING

После трагической смерти родителей Элиза Сноу больше всего хотела убежать от своего прошлого. В свои восемнадцать лет она осталась совсем одна, сбежав из маленькой английской деревушки и переехав в Соединенные Штаты. Днём она бедная, но талантливая студентка, ночью — муза для художника. На протяжении четырёх лет Элиза медленно выстраивала новую жизнь. Она никогда не могла подумать, что потеряет всё снова. За неделю до окончания университета, ей неожиданно отказывают в новой визе. Имея тридцать дней на то, чтобы покинуть страну, она должна встретиться лицом к лицу с тем, что не сможет пережить заново — попрощаться с любимыми и оставить свой новый дом. Однако за несколько мгновений до того, как её мир полностью разобьётся вдребезги, она встречает мужчину, который сможет собрать все осколки воедино. После окончания службы в Ираке, Айден Хейл сменил поля сражений на залы заседаний, став одним из самых успешных венчурных капиталистов в стране. Но при всём своём богатстве, он не может отвлечься от ужасных воспоминаний о войне. Единственное, что дарует ему покой — это картина с изображением Элизы. Айден и Элиза так похожи и так отличаются, кровоточащие душевные раны одновременно привлекают их друг к другу и отталкивают. У них начинается страстный роман, они пытаются обогнать время, чтобы бросить вызов прошлому и бороться за будущее.

Тридцать ночей

Серия: Американская красавица. Книга 1

Автор: Эни Китинг

Переводчик: Marina _lovat

Редакторы: L 0 VEly _ Girl , Rovena _ nn

Вычитка: Marina _lovat

Глава 1

Конец

Я вошла в холодный федеральный офис, задыхаясь. В воздухе стоял тонкий острый запах, который становился отчётливее по пути вглубь здания. Авторитет правительства Соединённых Штатов пронизывал кожу, как давление перед бурей. Американский флаг гордо висел над безупречно-чистым столом, на котором лежала лишь стопка листочков для записей, шариковая ручка и штамп с красными чернилами. Я положила свои папки на стол и разложила кучу бумаг в аккуратной, организованной последовательности — моя жизнь, на страницах и в цифрах. Села на жёсткий деревянный стул и начала тереть ремень часов моего отца "Сейко", дабы успокоить трясущиеся руки. Оставалось всего три минуты. Я мысленно повторила свои доводы в последний раз.

"Меня зовут Элиза Сноу. Мне двадцать два года. Я родилась и выросла в Берфорде, в Англии. Нахожусь я здесь по студенческой визе. Мои родители скончались, когда мне было восемнадцать лет. Поэтому я переехала сюда. Теперь это мой дом. Я учусь в колледже Рид.

Через неделю у меня выпуск. Я специализируюсь в области химии. Я разработала пищевую добавку, небольшая доза которой по питательности приравнивается к порции дикого лосося. Она может помочь в борьбе с недоеданием и будет стоить очень недорого. Пожалуйста, позвольте мне остаться. Я не собираюсь наносить ущерб Соединённым Штатам. Мне больше некуда идти".

Сотрудник иммиграционной службы отрывистым шагом вошёл в офис. На нём был надет выглядевший практически коричневым костюм, а в руках он держал всего лишь один лист бумаги. Я не знала, было ли это хорошим или же плохим знаком.

— Мисс Сноу, — он лаконично кивнул, садясь в кресло за столом.

Его кресло было удобным, мягким, эргономичным. Я открыла рот, чтобы начать, но он остановил меня:

— Мисс Сноу, я вынужден вам сообщить, что мы не одобряем ваш запрос на рабочую визу. Ваша квалификация впечатляет, равно как и ваше изобретение. Тем не менее, я не уверен, что она послужит интересам нашей страны. Это решение является окончательным. Срок действия вашей студенческой визы J-1 истекает в день вашего выпуска, а именно через неделю, начиная с сегодняшнего дня. Я даю вам тридцать дней с момента окончания срока действия визы, таким образом, вы сможете упаковать свои вещи, попрощаться и вернуться в Берфорд. Благодарим вас за вклад в нашу страну.

Он поднялся, по-видимому, не подозревая, что только что оборвал жизнь, которую я кропотливо выстраивала здесь практически все четыре года. Он поставил штамп на лист бумаги красными чернилами "ОТКАЗАНО" и протянул его мне. Но я не могла двигать руками, так что он просто положил его поверх стопки бумаг, которые заключали в себе всю мою жизнь, начиная от свидетельства о рождении до моих жалких выписок с банковского счета.

— Побудьте здесь некоторое время, чтобы взять себя в руки, — сказал он так, словно преподносил мне подарок, как будто время на то, чтобы взять себя в руки, само собой сделает всё произошедшее правильным.

Он ещё раз коротко кивнул головой и покинул офис. Дверь за ним закрылась с жёстким глухим стуком.

У меня не было ни единой мысли в голове. Не было слов. Моей единственной задачей в данный момент было глубоко дышать. Но это усилие само по себе заставило мои нервы заскрипеть, сродни ржавому тросу. Воздух с резким душком щипал мои лёгкие, подобное с моим мозгом творили и слова сотрудника. Неожиданно, образ белых гробов моих родителей возник у меня в голове. Меня не было с ними, когда они погибли. Я хотела бы сказать только им "до свидания". Но вместо этого мне придется сказать прощальные слова другим людям, которые до сих пор живы.

Я вскочила на ноги, отчаянно нуждаясь в движении, в чём-нибудь, что сможет отсрочить столкновение с реальностью хоть на сколько-нибудь. Я собрала документы в папку, чувствуя непреодолимое желание их сжечь. Горячие слезы стояли у меня в глазах, но было такое чувство, что плакать в этом офисе будет слишком великодушно с моей стороны. Я открыла дверь и побежала вниз по коридору, благодаря удобным туфлям-лодочкам моей соседки по комнате Реаган, минуя пост охраны и мужчин в форме, я выскочила на майское утро с характерным для Портленда, штата Орегон, накрапывающим дождем.

Как только я оказалась на улице, мои колени обессилели, и я расплакалась. Я прислонилась к холодной стене здания, не обращая внимания на любопытных прохожих,

которые спишут меня со счетов, как истеричку. Потому что таковой я и была. Меня ничёго не ждёт в Англии. Ничёго, кроме могил моих родителей.

Я сделала глубокий вдох и начала повторять по памяти периодическую таблицу Менделеева, стараясь заглушить рыдания. *Водород, атомный вес 1,008. Гелий, 4,003. Литий, 6,94...* Впервые за последние четыре года, таблица не успокаивала меня. Она попросту дала ясную картину остального мира. Запах мокрой коры, лазурные птицы¹, у меня в кармане запищал телефон... Ох, проклятье, я же должна быть на работе через тридцать минут. Не в химической лаборатории колледжа Рид, где я разрабатывала свою пищевую добавку. Моя студенческая виза позволяла мне работать там лишь по двадцать часов в неделю. Но если я хотела есть хоть что-то ещё кроме протеина, который могла состряпать в пробирке, мне требовалась какая-то дополнительная подработка. Я оттолкнулась от холодной стены и обернула шарф моей мамы вокруг головы. Я направилась в сторону "МИНИ Купера" Реаган, пытаясь игнорировать бутоны на розах, растущих на газоне, и тот факт, что в этом году я не смогу наблюдать за их цветением.

Глава 2

Холодный огонь

Я припарковала "МИНИ" на стоянке у "Фейн² Арт" — одной из лучших галерей Портленда — фыркнув от двусмысленности названия. Оно говорило том, что скрывалось за одним из самых лучших обманов Портленда. Каждая картина в этой галерее продавалась под именем её владельца, Брэтта Фейна. Но, на самом деле, художником он не был. Художником был мой лучший друг, Хавьер Солис. Как и я, он состоял в общине иммигрантов. За исключением того, что у него не было документов. По закону он не имел права здесь работать. По этой причине он и был художником, пишущим за другого, а я иногда позировала для него, и всё это происходило исключительно из-под полы. Если когда-нибудь правда о самозванстве Фейна всплывет наружу, то Фейн разорится, а Хавьера могут депортировать. Поэтому мы держали рты на замке — каждый по своим причинам.

Я вышла из машины и оставила папку-регистратор на заднем сиденье. Кого мои документы теперь вообще волновали? Как минимум, я смогла взять слёзы под контроль, тем не менее, мои глаза пересохли, словно я не моргала часами. Не было необходимости расстраивать Хавьера. Он и так потеряет голову, когда выяснит что случилось. Мысль о прощании с Хавьером грозила моему хрупкому контролю над дыханием, поэтому я побежала через парковку в сторону галереи так быстро, как могла.

Касия, безукоризненная блондинка, работающая администратором, встретила меня с сияющей улыбкой, которая выглядела вовсе не натянутой, в отличие от той, которой она обычно меня одаривала. Я полагала, что моя унаследованная одежда шокировала её. *Отвали, леди. У меня нет денег, и часть вещей принадлежало моей маме, и я буду носить их, пока не умру.* Но Касия, казалось, была действительно чему-то обрадована. Один взгляд вправо от неё, и причина стала очевидна.

Высокий мужчина, одетый в пошитый на заказ тёмно-серый костюм, белую сорочку и

галстук кобальтового цвета, стоял в нескольких футах от её стойки, внимательно рассматривая картину. Его тёмно-каштановые волосы были зачёсаны назад небрежными волнами. Его глаза горели интенсивным тёмно-фиолетовым цветом. В уголке его правого глаза был длиной в дюйм шрам, поблекший от времени. Красивый своей свирепостью. Словно что-то острое не смогло устоять перед его красотой, но нанесло удар рикошетом в последнюю минуту, отчаянно желая пометить его, как свою собственность, и всё же, так и не смогло навредить ему.

Привлекательный. Очень, даже слишком привлекательный. На самом деле, только действительно поразительный человек мог бы привлечь моё внимание в этот тёмный час. На какую-то безумную секунду, я задалась вопросом, а не сломался ли мой мозг и не создал ли он его, как галлюцинацию, чтобы провести меня через последующие тридцать семь дней живой.

Несмотря на всё его магнитное притяжение, что-то в его позе создавало силовое поле вокруг него. Неприкасаемый. Сдержанный. Он стоял прямо, отдалившись от всего, его спина была обращена к стене. Широкие плечи напряжены, как будто он ощущал невидимое незванное общество позади него. Я осмотрела галерею, ожидая увидеть что-то или кого-то другого, кроме Касии. Но помещение было совершенно пустым, за исключением высокого мужчины, размером с Шакила О'Нила³, стоявшего в дальнем углу, подобно охраннику.

— Не хотите что-нибудь выпить, мистер Хейл? — жеманно улыбаясь, предложила Касия, её голос прозвучал выше, чем обычно. Она говорила так, словно симулировала британский акцент. Я фыркнула.

— Нет, спасибо, — ответил он холодно, продолжая неотрывно смотреть на картину, висящую перед ним.

Я проследила за его взглядом и застыла на месте. Я ощутила приступ удовлетворения, обнаружив, что он рассматривает картину, на которой была изображена я. Не то, чтобы он знал об этом. Я никогда не позировала для портрета, а исключительно случайными частями тела. На этой картине был изображен изгиб горла и линия подбородка, волосы слегка зачёсаны назад, обнажая шею. Остальная часть полотна тонула в темноте. Это был стиль Хавьера — он никогда не писал неприкрытые эротические фрагменты, такие как грудь, задница, лобковые волосы. "*Замысел не в этом*", говорил он. Замысел был в том, чтобы заставить смотрящего вообразить остальную красоту. Что тоже само по себе хорошо. Я не могла позировать обнаженной ни для кого, особенно для Хавьера. Сегодня мы будем писать мою талию и левую тазовую кость, но у меня была длинная белая простыня для того, чтобы я могла прикрыть остальное.

— Возможно, мы могли бы оформить данную картину в цвете, — распиналась Касия. — Но художник считает, что чёрный, белый и серый цвета дают возможность высвечивать истинную красоту.

Он не ответил ей. В эту минуту я почувствовала малую толику симпатии к Касии. На самом деле, любой на её месте был бы беспокойным. Мне надо было уходить, но неожиданно мне захотелось снова услышать его голос. Такой холодный и резкий, как будто каждое слово предназначалось для того, чтобы воздвигнуть пропасть между ним и целым миром. Но он также был и магнетическим. Словно ты сделаешь всё, что он тебе прикажет.

Моя скоротечная симпатия к Касии развеялась, как дым, как только она обернулась в мою сторону с приподнятой бровью.

— Иза! Почему ты здесь стоишь? Ты же знаешь правила Брэтта. Уборщицы находятся в

задней части здания, — она склонила свою голову набок, жестом указывая на заднюю дверь, которая вела в тайную студию Хавьера.

Пошла к чёрту, Касия. Я начала было уходить, но мистер Хейл повернулся, дабы посмотреть, что так разозлило Касию. Он двигался с парадоксальной военной грацией. Плавно, но при этом скованно. Будто бы готов был защищать себя в любой момент, и при этом был абсолютно уверен в результате. Он рассматривал меня с пристальным вниманием, уголки его глаз слегка сузились. В его глазах было что-то бескрайнее — словно погрузившись в них, есть вероятность что, никогда не сможешь вернуться назад. На какой-то момент, я запаниковала, что он обнаружит сходство между мной и женщиной на картине. Что он поймет, что это я.

Но я быстро восстановилась. В картине не было ничего, что могло связать её сюжет со мной. Таков был замысел Хавьера. Та женщина на холсте может быть любой другой женщиной, любой фантазией, любой эмоцией, поэтому и выставлена на показ лишь только маленькая неузнаваемая её частичка. Безучастное выражение лица мистера Хейла подтвердило гениальность Хавьера. Он повернулся к Касии, и его голос был невероятно холодным.

— Я покупаю картину. Это часть серии?

Касия закопошилась, пока брала его кредитную карту и передавала ему договор купли-продажи. Она зарделась и стала заикаться, но, в итоге, справилась с ситуацией:

— Хмм, нет — я имею в виду — да. Да, это часть серии. Та картина, которую вы приобретаете — первая в серии. Художник работает над последней картиной, а три другие на складе. Не желаете ли вы и их посмотреть?

Я помнила другие картины. На одной из них было изображено моё правое плечо и ключица. На другой — только мой живот. А на третьей была написана моя левая нога, в части ниже колена, стоявшая на кончиках пальцев.

— Модель та же? — спросил мистер Хейл.

— Да — ну, я хотела сказать, что формально, нет. Художник говорит, что модели не существует, мистер Хейл. Он её воображает.

Он не стал поддерживать дальнейший разговор. На мгновение, я почувствовала, словно постепенно исчезаю. Как будто меня действительно больше здесь не существовало. Адреналин шипел у меня в крови, и у меня возникло непреодолимое желание встать между ними и сказать: *"Это я! Я та девушка, которую вы хотите!"*.

Его голос вновь разрезал воздух.

— Я покупаю их.

Мгновенно, впервые за весь день, я ощутила тепло. Он сохранит всю меня. Я, может, и уеду через месяц, но, по крайней мере, какие-то части меня окажутся на стене живущего на земле Адониса.

— Я свяжусь с вами, когда последняя картина будет готова, мистер Хейл, — разразилась потоком Касия.

Она быстрее сможет поднять Мемориальный Колизей Портленда своим мизинцем, чем получит какую-то ответную реакцию от него.

Он начал читать договор купли-продажи, а у меня сложилось впечатление, что он просто отказывался смотреть на неё.

— Двойная цена, если картина будет закончена к выходным.

Рот Касии распахнулся. Также как и мой. Фейн продает эти картины по десять тысяч

долларов за шутку. Конечно же, Хавьер получает всего четыреста долларов и даёт мне пятьдесят. Кто вообще покупает произведение искусства, даже не взглянув на него? По обычной цене, не говоря уже о двойной? Теперь мистер Хейл вчитывался в гарантийное соглашение. Расстроенная его равнодушием, Касия сорвалась на мне.

— Иза? Сейчас же.

Боковым зрением я увидела, как он быстро поднял голову, но я торопливо уходила прочь туда, где меня ожидал Хавьер, не смея взглянуть на холодного незнакомца.

Глава 3

Дом

Я вошла в длинный тёмный коридор, ведущий в студию Хавьера, держа свой карманный фонарик в руках. Фейн построил эту чертову дыру так далеко от посетителей, насколько это было возможно. Упаси Бог, если они увидят настоящего да Винчи! Хавьер стоял у мольберта, смешивая масляные краски. Они превращались в красивый серебристо-серый цвет, мерцающий на свету, льющемся из высокого окна. Мазок краски придавал глянец тёмному локону волос у его виска. Ощущение дома, которое я, как правило, испытывала рядом с Хавьером, накрыло меня, как одеяло родом из детства.

Он поднял глаза и улыбнулся. Но взглянув на моё лицо, его глаза приобрели настороженный предвещающий бурю чёрный оттенок.

— Как всё прошло? — произнёс он так, будто задыхался.

Мне не надо было отвечать. Порывистый вздох вырвался из его лёгких, будто его ударили тараном. Он шагнул ко мне, сделав три размашистых шага, и крепко прижал меня к груди.

Хавьер пах перечной мятой, мылом и краской. Я не выдержала, мои слёзы пропитывали его тонкую, изношенную футболку. Он хранил молчание. Он знал, что слова не нужны. Его семья тайно пересекла мексиканскую границу в поисках лучшей жизни, когда Хавьер был ещё подростком. Это был единственный безопасный дом, какой он знал.

— Сколько у тебя времени? — прошептал он.

— Тридцать дней с момента выпуска.

— Так скоро.

Это прозвучало, как погребальная песня. Его сердцебиение замедлилось. Почти затихло. Его сердце билось в унисон с моим — как и всё остальное, что было между нами.

С Хавьером всегда было так, с того самого момента как мы встретили мой первый сочельник без моих родителей, тогда я даже не могла посмотреть в зеркало, поскольку в отражении на меня смотрело лицо моей матери, убивающейся от горя. Мы оба были аутсайдерами, с удивлением смотрящими на эту землю. Всего, чего мы оба только и хотели, так это просто быть частью этой земли. Он хотел выйти из тени, а я хотела получить новый старт после гибели моих родителей. Я надеялась, что он всё ещё получит свой счастливый конец, несмотря на то, что у меня его не будет.

— Должен быть другой способ, — в его голосе прозвучали острые дерзкие нотки.

— Его нет, Хавьер. Ты же знаешь об этом так же хорошо, как и я. Я использовала всё своё время на практическую профподготовку в рамках моей визы. Я подавала заявления на все другие типы рабочих виз, какие только могла. Лаборатория отказала в предложении работы, после того, как заявление на визу H-1B не было принято. У меня нет достаточного количества денег на обучение в аспирантуре, да и почти вся стипендия выдаётся исключительно гражданам США. Я слишком стара, чтобы меня удочерили, и не выиграла грин-карту⁴ в лотерею.

— Как бы я хотел быть американцем, — сказал он.

— Зачем? Для того чтобы поставить крест на своей собственной жизни и жениться на мне, лишь затем, чтобы я осталась здесь? Ни в коем случае, Хавьер. Влюбиться в американскую девушку — единственный твой шанс.

Он пожал плечами.

— Лучше иметь всю семью вместе, чем личную жизнь.

Так мы и стояли, пока дверь в студию не распахнулась. В студию ворвался Фейн, свирепо смотря на нас, как бык на красную тряпку.

— Какого чёрта вы тут оба делаете? Эй, мне плевать, если вы парите друг другу мозги в свободное от работы время, но я плачу вам за работу.

Пальцы Хавьера напряглись на моей руке. Я понимала, что в своих мыслях он ломает уже и без того кривой нос Фейна и, вероятно, калечит какую-нибудь жизненно-важную часть его тела. Но их отношения были отчасти ядом, отчасти средством к существованию. Фейн нуждался в таланте Хавьера, а Хавьер нуждался в жюльничестве Фейна. Мы разошлись в стороны, и Хавьер шаркающей походкой вернулся к мольберту.

Фейн искоса посмотрел на меня так, что моя кожа покрылась мурашками.

— Ты знаешь правила, Иза. Не задерживайся больше в фойе! Тебе повезло, что я не заставляю тебя пользоваться чёрным ходом так же, как и его, — он насмешливо улыбнулся Хавьеру и вышел из студии, хлопнув за собой дверью.

— Чёртов пидарас, — пробормотал Хавьер.

Я зашла за ширму и сняла с себя одежду. Моя простыня свешивалась с ширмы. Я надёжно обернула её вокруг себя, зажав прищепками нужные складки так, чтобы единственной обнаженной частью моего тела был изгиб талии и линия бедра. Выходя из-за ширмы, я опустила взгляд на свои голые ноги. Я не могла смотреть на Хавьера, когда мы этим занимались, и он об этом знал. Я заняла своё место под лучом света и закрыла глаза, а взгляд Хавьера сосредоточился на моей коже.

Позже неторопливый ритм взмаха его кисти пропитал воздух — это был единственный звук в комнате. Мои мысли медленно текли мимо этого ужасного дня, мимо пустого будущего, пока неприветливый мистер Хейл незвано не возник у меня перед глазами. По мне пробежала дрожь, похожая на страх, необъяснимое влечение и подчинение одновременно. Это будет его картина. Я заняла себя фантазией о том, куда он её повесит. Возможно, не зная меня лично, его глаза будут прикованы ко мне в течение очень долгого времени. Благодаря манере Хавьера класть мазки, в это вполне можно было поверить.

Глава 4

Сестра

Тремя часами позже я стояла на кухне цвета лаванды и готовила ужин. Ланкаширское рагу⁵ было любимым блюдом Реаган. У неё был вечерний семинар, который должен был закончиться примерно к этому времени. Она дважды написала мне сообщение, интересуясь, как всё прошло, но я не хотела ей отвечать. Что я могу сказать в сообщении? Я втиснула маринованного ягненка в кастрюлю и приступила к нарезке овощей. Я следила исключительно за работой своих рук, не в силах взглянуть на другие поверхности в помещении, каждая из которой превращала эти окрашенные в сиренево-кремовые тона апартаменты в мой дом. Слезы снова угрожали политься, и на этот раз я позволила им падать. Какой смысл их снова сдерживать?

Реаган ворвалась в дом двадцать минут спустя. Я услышала, как хлопнула дверь.

— Иза?

Она выскочила из-за угла, её яркие рыжие локоны развевались повсюду. Как только она увидела меня, её зелёные глаза широко распахнулись, а губы начали дрожать.

— Ох, дорогая, нет. Нет! Нет! Я не могу в это поверить. Они отказали? Как? Твой средний балл, твоя пищевая добавка, у тебя же даже нет ни одного штрафа за парковку! — Реаган так быстро тараторила, как будто я сама приняла такое решение.

— Я знаю, Рег. Но, пожалуйста, давай поговорим о чём-нибудь другом. Всё это уже не имеет значения.

— Это всё потому, что все они чёртовы придурки! — прокричала она, и я не смогла не рассмеяться.

Она любила всё британское и никогда не прекращала расстраиваться из-за моего Королевского английского, как она называла мою манеру говорить. Я пыталась ей объяснить, что была воспитана профессорами из Оксфорда, которые приравнивали сленг в английском языке к сере в природном газе: безопасна в малых дозах, но всё также зловонна. Но это никогда не останавливало её питать надежду, что однажды я заговорю, как Бриджит Джонс. Чего я никогда ей не рассказывала, так это то, что моё настоящее произношение напоминает мне о родителях, и с той минуты, как я села на самолет в Портленд, я старалась американизировать свою речь настолько, насколько это было возможно.

Все же, чтобы заставить её улыбнуться, я постаралась спародировать Бриджит.

— Ты права. Мудаки-извращенцы, вот кто они! — моему голосу не хватало убедительности.

Реаган посмотрела на меня со смесью беспокойства и сострадания. Я избегала встречи с её полными слёз зелёными глазами.

— Мы найдём способ, — она топнула своим резиновым сапогом "Хантер"⁶ об пол. — Должен быть способ. Я звоню папе, он выяснит это. Моя семья любит тебя.

Счастливая Реаган, у неё был отец, который всегда всё делал правильно. К сожалению, даже добрый мистер Старр не может сражаться со Службой Гражданства и Иммиграции США. Но я позволила ей тешить свою иллюзию. Нет причин для того, чтобы мы оба чувствовали себя несчастными. В это время она уже разговаривала по телефону, набирая максимальные обороты. Я попыталась максимально от этого отстраниться. Я знала все варианты, так же, как знала и периодическую таблицу. Но как бы я ни старалась, некоторые слова просочились через мою защиту.

— Да, невероятно, я знаю... Нет, у неё никого такого нет, чтобы... Я не знаю... Ага, разузнай, папа... Минутку, я спрошу.

Она окликнула меня, взглянув поверх плеча.

— Иза, как думаешь, ты сможешь продать формулу своей добавки за один миллион?

Ах, да, об этом варианте я тоже знала. Если у меня есть припасённый миллион долларов, и если я вложу его в американскую экономику, они позволят мне остаться. Я фыркнула. Это способ для богатых купить всё, что они пожелают.

— Нет, Реаган, я не смогу, — я попыталась не показывать угнетённость в своём голосе. Она просто пытается мне помочь и не может принять "нет" за ответ.

По правде говоря, я рассматривала этот вариант. Если бы у меня было бы в запасе ещё шесть месяцев на окончание последней стадии испытаний, возможно, я смогла бы продать добавку. Легко усваиваемые белки, непрерывно выделяющие энергию при переваривании — это перспективное направление, особенно при использовании в целях гуманитарной помощи или в военной сфере. Но никто не будет даже интересоваться ею до тех пор, пока не закончены испытания. Не говоря уже о том, что эта добавка была мечтой моего отца, и, продав её, я буду чувствовать себя так, словно заново похоронила его, но только на этот раз заживо.

Реаган закончила разговор, на её лице отражалось упрямство.

— Не переживай. Мы что-нибудь придумаем.

Я попросту кивнула.

— Спасибо, Рег. И твоему папе тоже спасибо. Я не смогла бы продержаться так долго без тебя.

Она стремительно метнулась через нашу маленькую кухню и заключила меня в объятия, выжав последний воздух из моих лёгких. Мне будет не хватать её, как Портленду не хватает солнца. Сейчас они с Хавьером были моей маленькой семьей. Она была сестрой, которой у меня никогда не было. Я почувствовала комок в горле и быстро отступила, до того, как снова развалюсь на мелкие кусочки.

* * * * *

После обеда, надев фланелевую пижаму, я калачиком свернулась в кровати. Фото моих родителей стояло на прикроватной тумбочке. Питер и Клэр. Мне потребовался целый год, чтобы я смогла произнести их имена вслух. Если у чего-то есть имя, значит ли это, что оно существует? Я выключила свет и начала повторять в уме периодическую таблицу. *Водород, 1,008...* Внезапно — одним своим точным движением — мистер Хейл появился в темноте. Я подала глазами его скульптурные губы, тёмные волосы, широкие плечи. Я притворилась, что он знает о существовании девушки с картины. Я позволила себе вообразить, что он может создать законы, которые не запрещают ей быть мною. И представила, что он сможет остановить время. Последним, что я видела, были его сапфировые глаза. А затем ночь окрасилась в оттенки бирюзового, и я забылась.

Глава 5

Тик-так

— Что ты сказала? — профессор Дентон уставился на меня, словно у меня за ночь выросли рога.

— Да, они отклонили заявление. Я действительно ничего не могу с этим поделать, — моё горло сдавило. — Мне так жаль, профессор. Вам придётся найти мне замену на лето, но я могу помогать с обучением столько, сколько вам потребуется, — пробормотала я, как будто это было настоящей проблемой.

Он печально посмотрел на меня. У него было доброе лицо и борода с проседью, светло-голубые глаза, которые всматривались в меня через очки в тонкой оправе. Казалась, прошла вечность, прежде чем он покачал головой.

— Моя страна только что совершила огромную ошибку, — расстроено произнёс он, глубоко вздохнув. — Что ж, у нас есть ещё месяц. Посмотрим, сможем ли мы найти кого-нибудь, кто смог бы поработать с тобой в Англии над последним этапом.

Признательность к своему любимому профессору наполнила меня. Он не выступил с "должен-быть-способ" планом действия. Он мыслил прагматично, так он поступал в научных экспериментах. Но прямо сейчас я не могла думать об Англии, и уж тем более о работе там. Это казалось окончательным и бесповоротным.

Всё же я улыбнулась Дентону.

— Спасибо, профессор. Им придётся очень постараться, чтобы оправдать ваши ожидания.

Я была намерена уйти, поскольку знала, что у него есть работы студентов на проверку, но он поджал губы, словно решал сложную комбинаторную⁷ задачу:

— А что насчёт того, чтобы продать добавку, Иза? Я понимаю, что она значит для тебя, но нет причин не попытаться извлечь выгоду из того, что добыто кровью и слезами, — он махнул рукой в сторону электронной доски, занимавшей всю стену, исписанной моими разноцветными каракулями.

Я кивнула.

— Вообще-то, я думала об этом. Это может помочь мне с визой, но компании, с которыми я связывалась, сказали, что заинтересованы исключительно в конечном продукте, а не в исследованиях.

Дентон сжал губы плотнее, чем пробка в пробирке.

— Ну, позволь мне поспрашивать. Возможно, я найду более умного покупателя, — его голос прозвучал почти как горделивая мольба.

— Хуже от этого не будет.

Я пожалала плечами, хоть и понимала, что проблема не в том, как найти покупателя. Проблема найти того, кто купит добавку именно за один миллион. Только эта сумма, ни на доллар меньше, удовлетворит CIS⁸.

Я снова поблагодарила его и взяла свой рюкзак, собираясь уйти. Но он протянул руку и положил её мне на плечо.

— В течение следующего месяца давай подержим кулаки за Изу и Артура, если ты не возражаешь. Ты выросла за последние годы гораздо больше, чем любой студент, которого я когда-либо учил. Я с гордостью назвал бы тебя коллегой, и ты бы ей стала, если бы тебе разрешили остаться, — его голос принял обычный, но немного печальный тон.

У меня не нашлось слов его отблагодарить. Они где-то застряли, вместе со слезами.

* * * * *

Следующие два дня я закапывалась в учебники с такой одержимостью, которая вызывала подозрение даже по моим меркам. Я подготовилась к своим выпускным экзаменам по геномике и нейроэтологии, взялась за отчёт по биохимии и даже начала писать курсовой проект Реаган по клинической психологии. К концу каждого дня я выматывалась настолько, что мне не требовалось даже повторять периодическую таблицу, чтобы уснуть. Хавьер заглядывал ко мне каждый вечер. Я беспокоилась, что он так часто колесил туда-сюда на своей полуразвалившейся "Хонде Цивик". Если его остановит полиция, и обнаружит, что у него нет действующих водительских прав, он попадет под депортацию. После того, как я взмолилась, он пообещал ездить к нам на автобусе или на велосипеде.

Мы рассказали его родителям, Марии и Антонио, но не могли объяснить это его четверем младшим сестрам. Тем не менее, чтобы морально подготовить их, мы сказали, что мне надо будет съездить в Англию на некоторое время. Когда они начали плакать, мы больше об этом не упоминали.

К счастью, Реаган перестала искать в Google информацию об иммиграционной реформе, хотя я была уверена, что она докучала своему отцу на ежедневной основе. Мне надо будет должным образом отблагодарить его до отъезда. Не только его, но и всех тех, кто подарил мне здесь дом.

Неосознанно — рефлексивно или инстинктивно — мой разум снова призвал мистера Хейла. Его взгляд скользил по линии моего горла, подбородка, моим губам, до тех пор, пока моя кожа не приняла бирюзовый оттенок из-за их сияния. Тотчас же я ощутила тепло. Я не знала, почему мой разум взывал к нему каждый час. Возможно, потому что его дом был единственным местом, в котором я останусь на этой земле. Или может быть потому, что он решил сохранить меня именно в тот день, когда его правительство выставило меня прочь. В любом случае, он помог мне дышать дальше.

Глава 6

Хейл не приходит один

В четверг утром я проснулась от оглушительного шума орегонского грома. Ещё один выпускной экзамен, и всё закончится. Я не могла даже подумать об этом. Выпрыгнув из постели, я натянула на себя первое, что попало под руку, джинсы и свитер, оставила законченную курсовую Реаган рядом с её рюкзаком, вышла из дома под проливной дождь и направилась в сторону автобусной остановки с целью доехать до колледжа. Как только я нырнула под крышу остановки, выполненной из оргстекла, в глубине моей куртки зазвонил древний, слегка побитый телефон. Я засунула руку в карман, отыскав артефакт, и ответила на звонок:

— Алло?

— Иза, это проф... я имею в виду, Артур. Я поднял свои контакты в Оксфорде, дабы найти кого-нибудь, кто сможет продолжить с тобой последнюю стадию испытаний. Таким образом, университет мог бы субсидировать исследования, — он всегда переходил прямо к делу.

— Спасибо за заботу, Артур. Огромное вам спасибо, — прокричала я сквозь шум дождя и ухватилась за поручень остановки от упоминания об Оксфорде.

— Пока не благодари меня. Посмотрим, получится ли из этого что-нибудь. И помни, Флеминг из Эдинбурга проводит встречу в книжном магазине "Пауэлс"⁹ на следующей неделе. Он может стать ещё одним вариантом.

Я тяжело сглотнула. Как я могла забыть о приезде Флеминга в Портленд. Это же тот самый химик, вдохновивший меня на первую статью, которую я написала вместе с отцом.

— Да, я внесла запись в ежедневник.

— Хорошо, хорошо. Тем временем, один из спонсоров колледжа придет в эту пятницу, чтобы ознакомиться с достижениями факультета. Я знаю, что у тебя сейчас не самое лучшее время, но твой дипломный проект — это наш бриллиант года. Не хочешь провести презентацию своей добавки?

— В пятницу? Другими словами завтра? — воскликнула я.

— В последнюю минуту, понимаю. Я хотел тебе сказать во вторник, но забыл. Ты сможешь это сделать? — слова Дентона неслись потоком, быстрее, чем капли дождя.

Кем бы этот спонсор ни был, он или она, должен быть частью успеха факультета, а Дентон был его руководителем. Не важно, насколько сильно меня пугали публичные выступления, я должна его поддержать.

— Конечно, я сделаю презентацию. Если вас не смущает, что репутация факультета будет зависеть от моих навыков публичных выступлений, — я выдавила из себя смешок.

— Нонсенс. Это твоё детище, и ты знаешь о нём куда больше, чем любой из нас. Я пришлю тебе письмо с деталями через минуту.

В небе прогремел раскат грома, и мне пришлось заняться научным измышлением, чтобы убедить себя, что это не было предзнаменованием.

— У тебя найдётся время составить презентацию сегодня во второй половине дня, и сможем ли мы отрепетировать? — продолжил Дентон.

Моё сердце и нервы начали биться в унисон. Чего не происходило с момента... ну, с момента появления мистера Хейла.

— Конечно. Возьмусь сразу же после экзамена по стереохимии. Сколько слушателей будет?

— Двое. Я организую встречу в маленьком зале — в комнате для собраний "В" — это довольно близко к лаборатории. Хорошо?

— Да, здорово. Чем эта компания занимается?

— Венчурный капитал. Я пришлю тебе информацию о них, так что ты сможешь оставшееся время посвятить подготовке презентации.

Я благодарила его, даже после того, как он повесил трубку. В другое время я растеклась бы лужицей по полу от волнения. Теперь же была признательна ему за это. Я страшилась времени, которое у меня будет после заключительного экзамена. *Проклятье, всё должно быть довольно плохо, раз даже выступления перед аудиторией теперь кажутся даром богов.*

Сдав последний экзамен, в своих изношенных матерчатых кедах, которые до сих пор были насквозь сырыми из-за прогулки к автобусной остановке, тяжелой поступью я вошла в кабинет Дентона.

Дентон уже меня ждал.

— Привет, дитя. Как завершились экзамены?

Я пожала плечами.

— Хотела бы я, чтобы они не завершались.

Он послал мне сочувствующий взгляд, но не стал тянуть время.

— Хорошо, давай поговорим о завтрашнем дне. Вот что я знаю: "Хейл Холдинг" был основан Айденом Хейлом..., — профессорский тон Дентона потонул во внезапно усилившемся шуме крови у меня в ушах. Хейл? То есть мой мистер Хейл? *Мой мистер Хейл? Чёрт возьми*, я сошла с ума.

— Иза?

— Да, простите. Я тут.

— Хорошо. Итак, "ХХ" — инвестиционно-венчурная компания. Хейл начинал её как маленький фонд, а теперь он владеет основным капиталом более ста компаний по всему миру. Он управляет холдингом в одиночку, что большая редкость даже среди венчурных капиталистов. Большинство из них пресловутые параноики, помешанные на власти. Я не имею ни малейшего понятия, как парень делает это, — засмеялся Дентон.

Его глаза стали мерцать, как это обычно бывает, когда он становится свидетелем научного чуда.

— Во всяком случае, "ХХ" имеет наименьший объем выброса углерода в США для компаний такого размера, а его филантропия поразительна. От финансирования исследований стволовых клеток до поддержки школ с низким уровнем дохода. Но его самое любимое поприще — это реабилитация ветеранов США.

Дентон продолжал в таком духе ещё некоторое время. Я впитывала всё, что могла.

— Вы знаете кого они пришлют?

— Нет, но я уверен, что это будет кто-то, у кого достаточно знаний задавать целенаправленные вопросы. Давай поработаем над слайдами в PowerPoint.

Мои нервы снова начали трещать по швам. Чтобы отвлечь себя, я стала гадать: был ли мой мистер Хейл сыном или внуком того, кем была основана компания "ХХ". Или, может быть, он вообще не имел никакого отношения к этому, и даже фамилия Хейл пишется по-другому. Я покачала головой сама себе.

К одиннадцати часам вечера мои слайды были полностью готовы, и мы прошлись по ним пять раз. Я была уверена в качестве своего материала. Я лишь волновалась насчёт того, как преподнесу его и справлюсь ли с непредвиденными вопросами. Дентон подвёз меня домой на своем безопасном для окружающей среды "Приусе" и строго наказал мне немного отдохнуть.

Я кивнула в ответ со всем энтузиазмом, с каким только могла. Не было необходимости рассказывать ему, что я и не надеялась найти в себе силы последовать его совету.

Глава 7

Мистер Хейл

Когда в пять утра прозвенел будильник, я всё ещё не спала. Мистер Хейл составлял мне компанию всю ночь — убаюкивая меня в состоянии транса между мечтами и реальностью. Скрипя сердцем, я заставила себя выкинуть его из головы, дабы отрепетировать свою речь. Но это наполнило меня ощущением утраты, поэтому я сходила в ванную комнату, приняла душ и начала собираться. Прошлой ночью Реаган настояла, чтобы я надела один из её костюмов, но как только я скользнула в него этим утром, то почувствовала себя странно. Костюмы не подходят учёным. Вместо него я решила надеть юбку-карандаш с маминой белой блузкой. Возможно, это было не очень профессионально, но, как минимум, я буду чувствовать себя собой.

Полностью собравшись, я мельком взглянула на себя в зеркало. Даже спустя четыре года после трагического случая с моими родителями, я крайне редко смотрела на своё отражение в зеркале. Девушка, смотрящая на меня из зеркала, с широко раскрытыми глазами, была бледнее, чем обычно, на фоне её черных, длиною до талии, волос. Я старалась не задерживать взгляд на её лиловых глазах. Они всегда напоминали мне о Клэр.

Я отвернулась от зеркала и на цыпочках пробралась к двери, чтобы не разбудить Реаган. Лазурные птицы уже щебетали, несмотря на туманное утро. Я поехала в колледж на "МИНИ", открыв окна и отбивая в такт их чириканью периодическую таблицу.

Дентон уже ожидал меня в зале "В" для конференций, даже, несмотря на то, что у нас было ещё два часа до презентации.

— Доброе утро, дитя. Я знал, что ты появишься ни свет ни заря.

— Да, я не смогла уснуть.

— Тебя что-то волновало? У тебя прекрасные результаты и гениальная идея. А ещё британский акцент. Да они есть будут прямо с твоих рук.

Я кивнула и стала просматривать свои слайды ещё раз, пока Дентон подключал ноутбук к проектору и размещал три буклета с материалами на столах первого ряда. Перед предполагаемым появлением представителей компании "ХХ", я вытащила скрепку для бумаг из сумочки. Этот трюк я применяю, когда приходится обращаться к публике, чтобы не вертеться и не теревить пальцы. К сожалению, повторять по памяти периодическую таблицу во время разговора невозможно, да и к тому же это было бы бесполезно. Я зажала скрепку между большим и указательным пальцами, потирая и слегка сдавливая её. На двенадцатом сдавливании открылась дверь.

Я застыла на месте, моё дыхание тут же отправилось в Англию. Мои колени непроизвольно выпрямились, и меня словно окунули в ледяную воду, которая теперь тонкой струйкой сочилась вниз, начиная с макушки головы и заканчивая кончиками пальцев на ногах. Человек, вошедший в дверь, был ни кем иным, как моим мистером Хейлом. Ни его дедушкой, ни его отцом. Он, во всей своей красе. *Ох, проклятье! Как я вообще смогу на него смотреть и сохранить ясность ума? И зачем я назвала свой тезис "Поможет ли этот белок набрать массу?"*.

Он бдительно изучил комнату, беспрестанно держа спину прямо. Когда он заметил меня, на его бесстрастном лице появилось удивление. Его взгляд был сдержанным, но мне показалось, что я заметила лёгкий намек на заинтересованность в его глазах. Точно так же

он смотрел на меня в "Фейн Арт". Мои щёки стали цвета рубидия, когда я подумала о картинах с моим изображением, висящих на стенах его дома. Он начал идти в моём направлении четко выверенными шагами. Его глаза были светлее, чем когда я увидела его в первый раз — почти бирюзовые, прямо как в моих мечтах. Не то, чтобы цвет глаз изменился, но казалось, будто из их глубины лился свет. Я сделала несколько неглубоких вдохов, чтобы он не смог разглядеть хаос, который посеял.

— Вы, должно быть, мисс Сноу, — он протянул мне длинную руку.

Я смутно отметила, что его голос не был так холоден, как помнила я. Он в равной степени был вежливым и гипнотическим, но теперь имел нежный оттенок. Мне пришлось приложить усилия, чтобы не закрывать глаза.

— Айден Хейл. Рад с вами познакомиться.

Он внимательно смотрел на меня какое-то время, словно хотел что-то ещё сказать. Возможно, пытался определить должен ли он упомянуть, что видел меня раньше?

— Мистер Хейл, мне тоже приятно с вами познакомиться, — я очень старалась, но мой голос прозвучал мягче, чем обычно.

Я протянула ему руку, ожидая, что его ладонь окажется холодной. Но это было не так. Его ладонь оказалась тёплой, его длинные пальцы обхватили моё запястье. От прикосновения меня словно ударило током. Хорошая новость заключалась в том, что это вернуло меня к моменту "здесь и сейчас". Плохая новость была в том, что разряд остался на моей коже, даже после того, как он убрал руку, что явно не помогало мне сосредоточиться на презентации.

К счастью, здесь был Дентон. Он пожал руку мистеру Хейлу, совершенно не выглядя пораженным электричеством. Мистер Хейл, не глядя, отступил назад, сев на сиденье ближе к стене, как будто знал точное расстояние. Затем он поднял буклет с материалами со стола и начал быстро его листать. Его плечи не расслаблялись ни на секунду.

Дверь снова открылась, и вошёл второй мужчина. Он представился как Дэниел Семсон директор по маркетингу в "ХХ". У него были рыжеватого цвета волнистые волосы и добродушное выражение лица, которое заставляет думать о семейных посиделках. Я колеблясь шагнула за трибуну и заметила стоящего за дверью того же мужчину, размером с Шакила О'Нила, которого я уже видела в "Фейн Арт". Он, вероятно, был телохранителем мистера Хейла. *Зачем ему нужен телохранитель на кампусе колледжа?* Ах, да, затем что все женщины из общежития могут похитить его, привязать к стулу в подвале и бесстыдно рассматривать его все двадцать четыре часа семь дней в неделю. Точно так же, как и я сейчас. Я постаралась сосредоточиться на чем-нибудь другом. *Водород, 1,008. Гелий, 4.003-*

— Мисс Сноу, Артур Дентон довольно лестно отзывался о вашем дипломном проекте. С вашего позволения, я хотел бы его услышать, — сказал мистер Хейл в том же выдержанном тоне, который был на несколько градусов теплее, чем тогда в галерее, но всё же был очень формальным.

Чем больше я думала о галерее, тем больше признательности я испытывала к этому незнакомцу, который всю неделю помогал мне пройти через ад, и, наконец, появился лично. Этого стало достаточно, чтобы дать мне некоторую ясность и некоторую силу. Годы британского аристократизма всплыли на поверхность.

— Конечно, сэр.

Я взяла в одну руку пульт для PowerPoint, в другую свою скрепку, и начала пролистывать слайды.

Как только на экране появился мой проект, я стала увереннее в своих силах. Я жила и дышала этим материалом каждый день в течение последнего года, и даже дольше. Я попыталась не заикливаться на мистере Хейле, но каждый раз, когда наши взгляды встречались, он пристально смотрел на меня, точно так же, как и в моих мечтах. Мне показалось, что он выглядел немного заинтересованным, но было сложно понять это наверняка из-за его отменного самоконтроля. Он, должно быть, был великолепным игроком в шахматы. Дентон послал мне несколько маленьких одобряющих улыбок, а Дэниел записывал некоторые детали. Мистер Хейл не делал никаких записей. Наконец, я подошла к заключительному слайду. Борясь с потребностью пройтись "колесом" от радости, я положила пульт на кафедру и сделала глоток воды.

— Какие-нибудь вопросы? — спросила я, молясь всем божественным силам, о которых могла вспомнить, чтобы вопросов не было.

По-видимому, моя молитва была не совсем напрасна, потому что первым, кто нарушил тишину, был Дэниел, а не мистер Хейл.

— Мисс Сноу, всё это, несомненно, очень впечатляюще. Помимо источника белка, может ли формула служить дополнительным компонентом в составе лекарства?

— Да, мистер Семсон. Медикаменты могут быть включены в добавку в порошкообразной форме. Необходимо будет корректировка вкусовых качеств, но с химической точки зрения, это возможно, — я перевела взгляд с Дэниела на мистера Хейла и продолжила говорить, не задумываясь: — Не хотите попробовать? — даже я расслышала волнение в своём голосе.

Тёплые мурашки пробежали по моему позвоночнику, когда мистер Хейл кивнул и ответил:

— Я бы попробовал.

Я попыталась идти — а не ковылять — к трибуне, где у меня находилась пригоршня протеиновых конфет, обернутых в блестящую, легко перерабатываемую, бумагу.

— Извините, у сейчас меня есть только розовые конфеты, — пробормотала я.

Я услышала тихий сдавленный смех со стороны Хейла.

Я раскрыла руку, и все трое одновременно потянулись за конфетами. Я наблюдала исключительно за пальцами мистера Хейла, когда они задели мою ладонь. Разряд электричества внезапно пронзил мою руку и уютно устроился на том месте, к которому он прикоснулся.

— Итак, это безопасно принимать внутрь? Они уже прошли испытания? — спросил Дэниел.

Дентон подпрыгнул, вскакивая со своего места.

— О, да. Я ем их каждый день, особенно когда забываю про обед. Бедной Изе приходится делать их в большем количестве только ради меня одного.

Но мне хотелось быть предельно честной, и я не желала расстраивать мистера Хейла.

— Формально, мистер Семсон, они пока еще не были одобрены FDA¹⁰.

Мужчины, по-видимому, горели желанием попробовать всё что угодно, даже не проверенное на безопасность. Они развернули обертки и закинули маленькие конфеты в рот. Я знала, что конфета мгновенно начнет таять у них на языке. Я отказывалась смотреть на мистера Хейла, насколько это было возможно, поскольку его губы сомкнулись вокруг конфеты таким образом, что это должно было быть признано незаконным.

Дэниел засмеялся.

— На вкус как корица, — причмокнул он губами.

— Да. У этой партии такой вкус.

— Вы изготавливали их с другим вкусом?

— Да. Перечная мята и шоколад. О, и однажды делала со вкусом стейка, так как профессор Дентон думал, что это прекрасно подойдет мужчинам. Я бы не рекомендовала вам их, — я сморщила нос.

Дентон рассмеялся, Дэниел присоединился к нему. От мистера Хейла последовал ещё один такой же тихий сдавленный смешок. Я задалась вопросом "а смеётся ли он когда-нибудь по-настоящему". Его глаза искрились весельем, и на его щеке появилась ямочка — невинная черта, вступающая в противоречие с греховно-красивым лицом и жёстким шрамом. Как он получил этот шрам?

— Как вам пришла такая идея? — задал свой первый вопрос мистер Хейл.

Это был самый простейший из вопросов, но приятное покалывание мгновенно испарилось, ибо вопрос спровоцировал череду воспоминаний.

— Это то, что изначально придумал мой отец, когда я была маленькой. Я лишь продолжила его работу, — я старалась контролировать эмоции в своём голосе.

Мистер Хейл немного прищурил глаза. Дентон знал, что это деликатная тема для меня, поэтому встрял в разговор:

— Иза слишком скромничает. Её отец сформулировал идею о крошечной конфетке, такой же питательной, как и полезная для здоровья еда, но протеин, содержание, вкус и процесс изготовления — это всё её рук дело, — сказал он мистеру Хейлу, который продолжал внимательно меня рассматривать.

— Ваш отец помогал вам во время этого проекта? — спросил он.

Я тяжело сглотнула. *Мне бы этого очень хотелось.*

— Нет, Мистер Хейл, — тихо ответила я, в конечном счёте, прямо посмотрев ему в глаза.

Пожалуйста, не дави, молила я его. Он единожды кивнул, будто услышал мои мысли.

— И как далеко вы зашли в процессе доведения до совершенства и получения одобрения от FDA?

— Требуется один последний этап испытаний. Условия хранения, срок годности и тому подобное. На это потребуется порядка шести месяцев. Затем продукт будет готов к одобрению FDA и получению патента. Я понимаю, что процесс может занять некоторое время.

— Кто по закону владеет добавкой?

— Я, сэр. Колледж Рид имеет незначительную долю, но он передаст её мне сразу после выпуска.

— И вы выпускаетесь на следующей неделе?

— Да, сэр.

— Итак, что произойдет с добавкой после этого?

В разговор вклинился Дентон:

— В идеале, мы будем работать над последним этапом вместе. Таким образом, Рид сможет привлечь больше субсидий, а Иза будет курировать проект.

— Это идеальная перспектива, но каков реальный план? — мистер Хейл слегка нахмурил брови.

— Ну, в связи с обстоятельствами непреодолимой силы, она будет работать над

последней стадией в одиночку, несмотря на то, что я продолжу её консультировать, прилагая все свои усилия, — впервые Дентон неуверенно посмотрел на меня.

Я улыбнулась и понадеялась, что это скроет опустошение, которое я ощущала внутри.

— Какие обстоятельства? — теперь мистер Хейл смотрел на меня, так словно был сыт по горло Дентоном.

Думаю, Дентон тоже это заметил, поскольку выжидающе посмотрел на меня. Как-никак это была моя проблема, чтобы о ней рассказывать, а не его. *Проклятье, Хейл был излишне любопытным.* Но по какой-то причине, мне не хотелось говорить ему, что я уезжаю навсегда.

— Личного характера, мистер Хейл, — ответила я настолько громко, насколько смогла.

Мой ответ ему не понравился, это было очевидно. Его решительное невозмутимое выражение лица не изменилось, за исключением незначительного, практически незаметного изгиба его скульптурной челюсти. Неожиданно я заволновалась, что он не возобновит финансирование факультета.

— Мистер Хейл, нет причин сомневаться в способности факультета завершить другие грандиозные проекты. Я абсолютно уверена в профессоре Дентоне. Благодаря его наставничеству для меня стало возможным создать эту добавку. Пожалуйста, не отказывайте в финансовой поддержке.

Брови мистера Хейла изогнулись, как будто он был удивлён моей короткой, напыщенной речью, но его взгляд смягчился.

— Я не прекращу субсидирование, мисс Сноу. Нет причин для вашего беспокойства. Но в данный момент я сосредоточен на вашем открытии. Наверняка вы нуждаетесь в содействии в работе над последней стадией?

Я улыбнулась, когда поняла, что его недовольство в действительности могло быть добротой. Но, к сожалению, его инвестиции в мой проект не помогут мне остаться здесь. Поможет только моя собственная инвестиция размером в один миллион долларов в уже существующую американскую компанию.

— Мы с профессором Дентоном продолжим сотрудничать. Однажды добавка будет закончена, мистер Хейл. Поверьте мне на слово.

На последнюю фразу он отреагировал улыбкой.

— Какие у вас планы после выпуска? — спросил он, сцепив свои длинные пальцы рук в замок.

— На данный момент никаких планов.

В тоже мгновение его взгляд ожесточился, не было никаких сомнений в том, что причиной этого был мой скрытный ответ. Какое-то чувство отразилось в его глазах, словно они жили своей жизнью, отдельно от него.

— У вас могут быть личные мотивы так тщательно оберегать эту добавку, мисс Сноу. Однако я бы посоветовал вам думать более практично. Вы можете заработать на этом, — его слова были осторожными, почти предостерегающими. Как будто он тем самым давал мне понять, что мои приоритеты были ошибочными. Но приоритеты подразумевают варианты, а у меня был всего один вариант.

— Ну, если вы хотите купить её у меня за миллион долларов за вычетом налогов, я продам вам её сегодня же, — предложила я, так как уже знала ответ.

Он усмехнулся.

— Миллион долларов за незавершенное изобретение? Это крайне высокая цена,

учитывая тот факт, что я не имею никакого отношения к науке. Сказано нев обиду вашим достижениям, конечно же.

— Всё в порядке, мистер Хейл. А за какую цену вы готовы продать свою мечту?

Он перестал улыбаться.

— Я венчурный капиталист, мисс Сноу. У меня нет мечты. У меня есть цели.

Жизнь без грёз...

— Это звучит чересчур безопасно, мистер Хейл, — может быть мне тоже стоит придерживаться такой философии. Если бы я так жила, возможно, такое стечение обстоятельств не причиняло бы столько боли: — У вас есть ещё какие-нибудь вопросы, на которые я могла бы внести ясность? — я улыбнулась.

Дэниел улыбнулся в ответ.

— Я так не думаю, мисс Сноу. Ваши материалы довольно наглядны, и у меня есть этот полезный буклет, который я подробно изучу. Я благодарю вас за то, что нашли время на это, учитывая, что в данный момент вы завершаете свой последний год обучения здесь.

Я кивнула и перевела свой взгляд вниз на руки. Он и понятия не имел насколько точны были его слова.

Дэниел встал вместе с Дентоном. Мистер Хейл не вставал с места до тех пор, пока Дэниел не пожал мне руку и не направился с Дентоном в сторону двери. Напряжение в осанке мистера Хейла оставалось ощутимым. Я протянула ему руку, будучи наполовину напуганной, наполовину испытывая любопытство, ударит ли меня снова током. Что и произошло мгновенно, как только наши руки соприкоснулись.

— Спасибо вам за вашу поддержку факультета, мистер Хейл.

— Не за что, мисс Сноу. Я очень впечатлён вашим проектом, — любезно ответил он.

Внезапно я почувствовала головокружение от его похвалы, такое же чувство я испытывала когда получила свою самую первую пятерку. Я поблагодарила его, проклиная про себя чертов румянец, вновь появившийся на моих щеках. Мистер Хейл выглядел так, словно его это слегка забавляло, а затем он последним вышел из зала.

Я стояла, глядя ему вслед, даже когда за ним закрылась дверь. Какая прекрасная возможность проиллюстрировать, что я потеряю, нежели ниспослать мне невероятно красивого мужчину, который может запудрить мне мозги, всего лишь моргнув. Что-то теплое — словно уголек — нагревалось между моими легкими, как будто его электрический заряд был вложен туда. Я смотрела на свою кожу, как загнипнотизированная. На ней не было никаких вещественных доказательств произошедших только что изменений, но что-то внутри казалось... новым.

Глава 8

La Virgen

Я устремилась через галерею "Фейн Арт" так быстро, как я могла. За несколько секунд, которые у меня ушли на то, чтобы прощмыгнуть через фойе, я заметила, что моей картины больше нет. Сама мысль о том, что она уже в доме мистера Хейла, заставила меня дважды

споткнуться.

Хавьер, как всегда, находился в задней части галереи. Он безучастно смотрел в окно, но заметив меня, улыбнулся.

— Как прошла презентация? — спросил он, пока я переодевалась за ширмой.

— Раз уж меня не стошнило, значит всё прошло хорошо. И ты никогда не догадаешься для кого проводилась презентация. Для того же мужчины, который купил все твои картины, — я выглянула из-за ширмы, желая понаблюдать за его выражением лица. Он был изумлён.

— Тот же парень? Какое совпадение.

— Да, я знаю. Айден Хейл, — нелепо, но произнеся его имя вслух, я вздрогнула. — По-видимому, он главный спонсор Рида.

— Хмм, как тесен мир. Хорошо, что он понятия не имеет, кто является музой для всех его картин.

Впервые за несколько дней я рассмеялась. Только Хавьер мог назвать меня музой.

— Больше похожа на чучело, чем на музу, я полагаю. Ну да ладно. Это помогло тебе. Хотя я думаю, что ты должен просить у Фейна больше денег. Это грабительство, Хавьер.

Он фыркнул.

— Ага, а затем он сдаст меня ICE¹¹, как нелегала.

— Нет, он этого не сделает. Потому что тогда ты сможешь засвидетельствовать его мошенничество, — настаивала я, подавляя желание топнуть ногой.

Он никогда не согласится со мной в этом вопросе. В качестве его оправдания служило то, что иммиграционная и таможенная полиция была страхом, лежащим в основе большинства ночных кошмаров иммигрантов.

— Иза, пожалуйста, мы уже это обсуждали. Он может сделать это анонимно. И даже если он сделает это от своего настоящего имени, никто не поверит нелегалу вместо авторитетного художника.

— Конечно, поверят. Достаточно просто дать Фейну кисть и попросить его нарисовать улыбающееся лицо. Правда моментально всплывет наружу.

— Прекрати это, пожалуйста. У нас и так осталась мало времени, — голос Хавьера был приглушённым и звучал почти, как стаккато¹².

Я закрепила последнюю прищепку на своей простыне и вышла. Мне хотелось утешить его, но что можно было сказать на это? Кроме того, я не могла прикоснуться к нему, когда была завернута в простыню.

Хавьер, колеблясь, отошёл к мольберту.

— Ну же, давай закончим эту картину. Я пробуду здесь всю ночь. Богатенький Хейл потребовал, чтобы она была доставлена ему в эти выходные, и Фейн сказал, что если он уличит меня на том, что я отлучился хотя бы в туалет, то не заплатит мне за неё. Грёбаный мудака. Между тем, представляешь, Хейл удвоил цену ради того, чтобы получить картину в ближайшее время? — Хавьер широко распахнул глаза.

— Нет, не совсем. Но это лишь доказывает насколько ты талантлив, Хавьер. Мне бы очень хотелось, чтобы был способ поведать миру о твоём таланте.

Хавьер фыркнул.

— Тебя не интересует, Иза, что он будет делать с этими картинами? Кто знает, какие ещё пафосники придут к нему домой, и заявят "да, у неё действительно красивая талия", или "как бы я хотел знать, кто она", или "как бы мне хотелось заглянуть чуть ниже"?

Я рассмеялась. Он самодовольно ухмыльнулся и взял свою палитру. Я сидела в своем обычном положении, пока он приступал к работе. Инстинктивно, словно отреагировав на внутреннюю команду, мой разум устремился назад к тому, как выглядел рот мистера Хейла, когда он попробовал мою конфету. Вспышка тепла прошла сквозь меня и мурашки поползли по моей голой коже. Я проигрывала в уме его образ, лишь бы удержать это ощущение немного дольше.

В конце концов, Хавьер позволил мне расслабиться.

— Ну, это последний раз, когда ты позируешь. Эскиз я сделал, так что тебе не придется оставаться здесь на всю ночь.

— Ты уверен? Я не возражаю.

— Нет необходимости в том, чтобы мы оба понапрасну не высыпались, Иза. У тебя нет шести ртов, которые нужно кормить.

Я могла бы. Они были и моими ртами. Сжав руки в кулаки, я стала мечтать о волшебной палочке. Родители Хавьера приехали сюда ради того, чтобы у него была лучшая жизнь. Но у него так никогда и не было своей собственной жизни. И его мечта о живописи всегда останется в пределах границ подпольной работы, в то время как она должна парить к высотам страсти и признания.

— Как ты назовёшь эту серию? — спросила я, когда ушла за ширму переодеться. Обычно он называл свои серии как-то стереотипно по-американски. Его последняя серия называлась "*Подарите Мне Вашу Невзрачность*", а первая называлась, как мне кажется, "*В погоне за счастьем*". Как минимум, Фейн позволял ему такую роскошь, вероятно потому, что этому идиоту самому было не придумать ничего такого интересного.

— Я уже дал ей название сегодня и отправил информацию Фейну. Он сразу же связался с Хейлом, так как Пафосник потребовал имя серии, вероятно, для своего частного музея.

Я практически упала, пока надевала туфли-лодочки Реаган, и, спотыкаясь, вышла из-за ширмы.

— Так как назвал?

Хавьер посмотрел на меня и его взгляд смягчился.

— *La Virgen*.

Слово повисло, словно флюид, в воздухе. Мне потребовалось время, чтобы осмыслить его. Хавьер никогда раньше не использовал испанский язык в искусстве.

— Девственница? По-испански?

Он кивнул.

— Кажется, сейчас самое подходящее время для маленького кусочка правды.

Глава 9

Необычное предложение

На цыпочках я пробиралась по тёмному коридору в сторону главного фойе и, прежде чем завернуть за угол, приостановилась на минутку, чтобы прислушаться и убедиться, что там нет Фейна. Но услышав невозмутимый голос, который я узнавала уже на клеточном

уровне, я прижалась спиной к стене коридора и начала бесстыдно подслушивать.

— Вот остальные картины, мистер Хейл, — притворно улыбаясь, проговорила Касия.

Я развлекала себя, представив её в жидкой форме, немного похожей на шарик. Ответа с его стороны не последовало.

— Могу ли я их взять, сэр? — задал вопрос низкий мужской голос, которого я ранее никогда не слышала.

— Да, Бенсон, спасибо, — голос Хейла был теплее, когда он обращался к незнакомому мне Бенсону.

— Мистер Хейл, могу ли я сделать *что-то ещё* для вас? — спросила Касия — или точнее сказать умоляла.

— Да. Вообще-то, даже две вещи, — я услышала его арктический тон и поняла, что ничего хорошего Касии это не сулило.

— Во-первых, я бы хотел, чтобы последнюю картину доставили завтра вот по этому адресу. Во-вторых, я бы хотел лично встретиться с художником.

— Да, мистер Хейл, — казалось, Касия поняла намёк. — Картина будет закончена к завтрашнему дню, хоть и не будет подсушена. А мистера Фейна сейчас нет на месте, но я передам ему ваше сообщение.

Возникла долгая пауза. По какой-то причине я представила его сейчас нахмурившимся. В итоге, он заговорил тем же холодным тоном, который не допускает противоречия.

— Скажите ему, что я хотел бы с ним обсудить... необычное предложение, если можно так сказать. До свидания.

Необычное предложение!? Что вообще это значит для такого мужчины, как мистер Хейл? Отчего-то я задрожала.

Бенсон начал обсуждать с Касией условия доставки. Было слышно, как кто-то властно вышагивал кругами по мраморному полу, а двое других по-прежнему разговаривали. Дверь скрипнула и закрылась за мистером Хейлом. По-видимому, он заставлял стонать даже неодушевлённые предметы. Вскоре после этого ушёл и Бенсон. Я немного подождала и вышла в фойе.

— Нет надобности срывать на мне, Касия. Я выхожу этим путём лишь потому, что кто-то заблокировал задний выход, — сказала я, прежде чем она задала мне жару за осквернение шикарного фойе.

Но она была чересчур отрешена, чтобы огрызаться на меня.

— Иза, ты это слышала? Он хочет встретиться с Брэттом.

Она оживлённо хлопнула руками. Эта глупышка действительно считает Фейна художником. Он никогда не доверял ей свою самую тёмную тайну.

Я улыбнулась.

— Да, слышала. Какая заслуженная награда за талант Брэтта, — я вложила как можно больше мягкости в сарказм и ушла.

* * * * *

Вернувшись домой, я застала Реаган в гостиной, стоящую напротив импровизированного трюмо. Она взяла моё зеркало, своё и ещё одно из нашей ванной, и установила их так, чтобы можно было рассмотреть себя со всех сторон, словно на примерке свадебного платья. На ней было надето платье бордового цвета, которое облегалo её

настолько сильно, что заставляло её выглядеть, подобно рыжеволосой версии Ким Бессинджер.

— О, привет, душечка, — она ухмыльнулась, когда заметила меня. — Слава Богу, ты здесь. Мне нужен небольшой совет, — она покрутилась перед зеркалами.

Я не могла сдержать улыбку. Я знала это выражение лица, давно пора было. У Реаган намечалось жгучее свидание после месяца слёз из-за разрыва с "я-слишком-хорош-для-Портленда" Аароном, который переехал в Нью-Йорк, не желая даже попробовать отношения на расстоянии. Его потеря.

Я заняла своё место на нашем кремовом диване и подогнула под себя ноги.

— Итак, кто он, где ты его встретила, и да, это платье выглядит превосходно.

Она захихикала.

— Его зовут Нейт. Мне кажется, я испытываю мини-оргазм каждый раз, когда просто смотрю на него, — она прикрыла глаза и закусилась своей губой в наигранном экстазе.

Я старалась удержать улыбку на губах. Счастливица Реаган и её оргазмы. Я была не в состоянии ощутить это. По правде говоря, я думала, что со мной было что-то не так в этом деле. Мое тело не испытывало сексуального возбуждения после аварии с родителями. С научной точки зрения, я понимала, почему это происходило. Моему мозгу было чересчур грустно, чтобы вырабатывать серотонин. Но, понимание этого не позволяло мне почувствовать себя более человеческой. К счастью, когда вы работаете на двух работах, поддерживаете свой средний балл на уровне 4.0, чтобы не потерять стипендию, и изобретаете белковую добавку, чтобы воплотить в жизнь мечту своего отца, вы слишком изнурены к концу дня, чтобы думать ещё и об оргазме.

Я вырвалась из своих мыслей и снова очутилась в гостиной.

— Так, где ты встретила этого Оргазмического Нейта?

— Он один из строителей, занимающихся ремонтом спортзала Рида. Я вся насквозь промокла от пота, а тут он — в джинсах, каске и всё такое, — она снова захихикала.

— Строитель. Полагаю, я знаю, кто будет работать молотком и забивать гвозди.

Реаган рассмеялась и послала мне "я-буду-скучать-по-тебе" взгляд, но быстро убрала это выражение со своего лица. Она перемерила ещё четыре платья, но бордовое всё ещё числилось в лидерах. Час спустя она вышла за дверь, едва не наворачнувшись на своих Лубутенах¹³. Оставив меня дома в шлейфе своих духов "Лолита Лемпика".

Потребовалось всего пятнадцать секунд на то, чтобы понять, что остаться дома в одиночестве было плохой затеей. Не было надобности готовиться к выпускным экзаменам, не нужно было подготавливать презентацию, да и без работы, я осталась наедине с огромным количеством времени на размышления. Я не могла себе *этого* позволить. Я начала маниакально убирать квартиру. Когда с уборкой было покончено, я передвинула мебель в гостиной, так как толкать, тянуть, ворчать от усилия и поднимать — всё это неожиданно оказалось действительно прекрасной затеей. По завершению, я восхитилась работой своих рук. Квартира даже перестала выглядеть как наш привычный дом, но, возможно, это было хорошо. Может быть, моё подсознание понимает, что грядут перемены, и оно выражает это таким вот странным образом.

Но вместо того, чтобы ощутить измождение, я чувствовала себя разгорячённой. Я направилась в свою спальню, но, увидев вещи, которые составляли весь мой мир, я почувствовала приступ тошноты. У меня немного было за душой, только то, что я смогла вместить в один большой чемодан, когда собралась пересечь океан. Я могла пересчитать

свои сокровища по пальцам: набор моей мамы для каллиграфического письма, расположившийся у меня на столе; высушенная роза из её сада в пробирке; немного её одежды в шкафу; шахматы моего отца в верхнем ящике; фотография их, танцующих аргентинское танго, стоявшая на прикроватной тумбочке. В моей груди разверзлась пропасть, так что я ринулась из спальни обратно в гостиную. Моей новой целью стал мой компьютер, возраст которого мог соперничать с тираннозавром. Существовало лишь одно, что, как я знала, отвлечёт меня от всего: мой мистер Хейл.

Я заняла себя отслеживанием в Google упоминаний о нём с таким рвением, какое прикладывала к изучению органической химии. Как обычно, он не подвёл меня. Благодаря ему я ожила и почувствовала головокружение уже через несколько минут. Но, придя в смятение, как только появились его фотографии, мой сильно взволнованный разум заметил три характерные особенности.

Во-первых, нигде не было никакой личной информации о мистере Хейле. Это означало: либо он контролировал этот аспект, либо у него не было личной жизни. Первое предположение было более правдоподобным, а это свидетельствовало о том, что он, вероятно, что-то скрывает.

Во-вторых, у него нет ни деловых партнеров, ни отношений любого рода. Он окончил Университет штата Вашингтон со средним баллом успеваемости 4.0 за четырнадцать месяцев и год спустя основал "ХХ". Сейчас, в возрасте тридцати пяти лет, он контролировал более ста дочерних компаний. И всё это он делал в одиночку. Это говорило о том, что он был более одиноким, чем даже предполагал его равнодушный внешний вид, и у него, должно быть, была электростанция там, где у остальных людей находится мозг.

Ну и, в-третьих, на всех фотографиях он всегда был один, прислонившись либо к какой-нибудь стене, либо окну. Никаких женщин. Никаких мужчин. Это могло быть признаком того, что он был отшельником, либо был равнодушен к половой жизни, или вообще был скрытым гомосексуалистом. Все варианты ужасно расстроили меня, поэтому я продолжила дальше и сконцентрировалась на его шраме. Так странно, что на таком красивом лице, этот изъян привлекал меня. Он делал его настоящим, в то время как всё остальное в нём было сюрреалистическим. Когда я начала задумываться о распечатке одной из его фотографий, и о том, чтобы положить её себе под подушку, я выключила свой тираннозавр и свернулась калачиком на диване.

Нагрузка сделала своё дело. Я, наконец, выдохлась и провалилась в сон в считанные минуты, мечтая о холодных сапфировых глазах.

Глава 10

Парадокс

Проснувшись в субботу утром, я почувствовала себя слегка утомлённой. Будильник сообщил, что было 8:30 утра. Я выдернула вилку будильника из розетки. Больше никакого расписания, больше никаких часов, больше никаких правил.

Еле волоча ноги, я шла по коридору в туалет, проходя мимо спальни Реаган. Всё также

одетая в бордовое платье, она вырубилась прямо на кровати. Нейт, должно быть, оказался хорош в заколачивании свай, нежели гвоздей. Я накрыла её любимым шерстяным одеялом и прикрыла дверь. Если кто-то и заслуживает истинной любви, так это она. Я улыбнулась, вспомнив о её доске Pinterest¹⁴ со свадебными идеями.

Час спустя после того, как приготовила имбирный чай для Реаган, я отправилась в лабораторию, чтобы провести инструктаж Эрика Ли, который впоследствии заменит меня. А что потом, да кто его знает? Впервые в жизни у меня не было плана. По пути в лабораторию я упражнялась в попытке усовершенствовать свой американский акцент. Прошло четыре года, а я до сих пор не смогла освоить ротические¹⁵ переливы языком. Несмотря на это, у меня стал лучше получаться сленг.

Как только я вошла в двери лаборатории, повторяя "вите-а-мин", а не "вит-а-мин", я застыла на месте. Прямо внутри лаборатории, около вытяжного шкафа, я заметила легко узнаваемую голову с зачёсанными назад тёмными волосами, напряжённые, широкие плечи, обтянутые светло-серым свитером, и очень упругие ягодицы, облачённые в тёмные джинсы. *Не веди себя, как безрассудная дуручка. И не пускай слюни.*

— Ах, вот и она, — сказал Эрик, выглядя при этом немного напуганным. Дрожали даже очки и ручки в его карманном чехле.

Мистер Хейл повернулся и практически просветил меня насквозь взглядом, задержав свой пронзительный взгляд чересчур долго на моих ключицах, выглядывающих из-под свитера с вырезом "лодочка". Цвет его глаз едва уловимо сменился с сапфирового на бирюзовый. Почему его глаза так делают?

Не спеша он пошел в мою сторону. Я попыталась успокоить своё сердцебиение, чтобы никто из здесь присутствующих и вплоть до самого Лондона не услышали его.

— И снова здравствуйте, мисс Сноу, — его голос превратился из Арктической тундры в весну на Аляске. *Гениально.*

— Доброе утро, мистер Хейл. Какой сюрприз.

— Да, — ответил он уклончиво, как если бы говорил это скорее себе, нежели мне.

— У вас возникли какие-то дополнительные вопросы по моему проекту? — это единственная причина, по которой, как я думала, он был здесь.

— Не совсем, но я бы хотел несколько минут поговорить с вами. Я узнал от мистера Ли, что у вас гибкое расписание.

— Конечно. Позвольте мне только оставить записку профессору Дентону и показать Эрику таймер.

Он кивнул мне в ответ, и впервые я увидела настоящую улыбку на его лице. Невинная ямочка появилась на его скульптурной щеке, флиртуя со шрамом. Я почувствовала, как вспыхнули мои щёки, и тотчас рванула в офис Дентона, стараясь не споткнуться. Трясущимися руками я небрежно написала записку Дентону, потом показала Эрику таймер и вернулась обратно к мистеру Хейлу, стараясь при этом не выглядеть нетерпеливой.

Он открыл дверь лаборатории, и я вышла из помещения, ощущая его позади себя, подобно маяку. Он поинтересовался, куда бы я хотела сходить, и предложил места, на которые мы с Хавьером любовались лишь через окна, так как даже одна чашка кофе у них опустошит мой восьмидесяти-семи долларовый счет.

— Всё это звучит прекрасно, но мне надо будет вернуться в ближайшее время. Эрик всё ещё учится пользоваться биореактором. Что скажите насчёт кафе Рида "Парадокс"?

— Конечно. Хотя если вдруг реактор взорвется, то в кафе "TourEiffel" будет

безопаснее, — он улыбнулся.

Я старалась успокоить свой нелепый пульс, который начал учащаться от осознания того, что у Хейла имеется чувство юмора. Я улыбнулась в ответ, ища в голове какое-нибудь остроумное высказывание. Но единственное, что приходило на ум — это дурацкие шутки учёных. *Вирус и хромосома вошли в бар* — нет, лучше я буду держать рот на замке.

Мы шли до "Парадокса" преимущественно молча. Поодаль, его телохранитель скрытно следовал за нами, несмотря на то, что кампус сейчас был практически пуст, поскольку занятия уже закончились. Мистер Хейл завёл небольшой разговор о моих выпускных экзаменах, но у меня складывалось ощущение, что этой беседой он лишь разогревается или, возможно, изучает мою реакцию. Как это делают с тестами на детекторе лжи, задают в первую очередь простые вопросы, а затем уже забрасывают гранатами.

Как только мы вошли в "Парадокс", мистер Хейл просканировал всё помещение, точно так же, как он делал это вчера. Видимо, он постоянно наталкивается на знакомых. За исключением повышенной боевой готовности, его состояние казалось слишком бдительным для человека, рассчитывающего познакомиться. Всё это больше походило на ожидание угрозы. Должно быть, женщины привязывали его к полу.

Мы сели в мягкие оранжевые вельветовые кресла за маленьким столиком в углу, на котором стояла шахматная доска с незаконченной партией. Только Айден мог выглядеть так хорошо на фоне оранжевого цвета. Остальные, небось, выглядели, как заключенные. Я посмотрела на шахматную доску, с целью отвлечь себя от его рта, который он поглаживал своим большим пальцем в данный момент.

— Вы играете? — спросил он.

— Играла. Хотя теперь и нет, — я полагалась на годы практики, желая скрыть печаль в своём голосе. Шахматами я занималась с отцом.

— Почему нет?

Я заметила настоящую заинтересованность в его глазах. Не важно, как обезоруживал этот интерес, я не могла потворствовать этому.

— Длинная история. Что вы хотели обсудить, мистер Хейл?

Я не торопила события с ним, но и не хотела, чтобы головокружение, которое я ощущала в его присутствии, постепенно увядало из-за моих воспоминаний.

— У меня есть время, — ответил он, изучая моё лицо.

Я умоляла его глазами не давить на меня, так же как делала и на презентации. Он кивнул, но его челюсть изогнулась, а взгляд стал ожесточённым. Ах да, ему же не нравится моя скрытность. Нас прервала официантка "Парадокса" — Меган, которая бесстыдно пожирала глазами моего мистера Хейла в течение секунд тридцати, прежде чем смогла совладать с собой и одуматься благодаря лишь тому, что он довольно грубо прочистил горло. Краснея и запинаясь — так же как и ваша покорная слуга — Меган вернулась на землю.

— Привет! Меня зовут Меган. Что могу предложить вам, друзья?

Мистер Хейл выглядел очень раздражённым. Было ли причиной этого то, что она во все глаза смотрела на него, или стала запинаясь, или же дело было в том, что она обратилась к нему как "друзья", я понятия не имела. Внезапно меня осенило, что это должно быть довольно утомительно, когда все женщины постоянно рассматривают тебя, как экзотическое животное в зоопарке. Я не могла винить его. Но и не могла удержаться от того, чтобы тоже не обратить свой взор на него. С запозданием я поняла, что он ждет, пока я первой сделаю заказ.

— Горячий шоколад, пожалуйста.

Меган улыбнулась. Она знала о моей зависимости к шоколаду и с удовольствием потакала ей в течение последних четырёх лет.

— А вам, сэр?

— Двойной эспрессо и воду "Пеллегрино", безо льда, без лимона, — быстро отчеканил он.

Меган едва не сломала свою блестящую ручку, пока пыталась все это записать. Оступившись, она убежала прочь, по пути споткнувшись ещё раз. Спотыкание, как казалось, было вызвано опасным воздействием мощнейшей окружающей среды, когда находишься рядом с мистером Хейлом.

— Что забавного? — спросил он меня. Должно быть, это было написано у меня на лице.

— Я просто размышляла о том, что мне надо продать вам свою секретную формулу спрея с запахом сунса, чтобы вы могли отпугивать поклонниц.

Он усмехнулся, и ямочка сформировала морщинки на его выгравированной щеке. Такая простая мимика лица, но эффект на меня оказалась несоизмеримый. Сродни мгновенной реакции, эта идея заставила его рассмеяться.

— И какова будет цена за это средство обороны? — спросил он.

— Один миллион долларов.

— Ну, конечно же, — он снова усмехнулся.

Этот гортанный звук был настолько красив, но, на удивление, это наполнило меня ощущением потери. Я отвела взгляд от его лица, не желая изучать свою реакцию слишком детально.

Затем появилась Меган с нашим заказом. Её руки немного тряслись, пока она ставила чашку с эспрессо перед мистером Хейлом, но на этот раз она ступала осторожно. Это было хорошей идеей.

— Итак, что вы хотите обсудить, мистер Хейл? — задала я вопрос, который гудел у меня в голове, чтобы ненароком не сказать ничего лишнего.

Его улыбка исчезла, и он сделал глоток эспрессо. Поставив чашку на стол, он испытующе посмотрел на меня.

— Это вы изображены на моих картинах?

Чёрт возьми! Вопрос появился передо мной, как приготовившийся к прыжку зверь. Кровь прилила к ногам, а желудок скрутило. Мой рот приоткрылся, и я втянула в себя немного воздуха. Я с ужасом заметила, что он наблюдал за моей реакцией, которая, судя по всему, стала достаточным подтверждением его предположения. Я должна взять себя в руки. Независимо от того, как далеко зашла моя фантазия, наша с Хавьером работа была незаконна. И хоть теперь я конченный человек, но Хавьера могут депортировать. Я должна помочь ему, даже если это уничтожит меня.

— Почему вы так считаете? — я постаралась сохранить голос спокойным, насколько это было возможно, но у меня не очень хорошо получилось.

— Я состоятельный человек, мисс Сноу.

— Что вообще это значит?

Чёрт возьми, неужели он уже знает о Хавьере?

— Это значит, что если я чего-то хочу, я не остановлюсь ни перед чем, дабы заполучить это. К тому же, к такому выводу придти было довольно не сложно. Я видел вас в галерее Фейна и то, как администратор приказала вам уйти, указывало на то, что вы, должно быть,

работаете там. Я получил копию кадрового учета Фейна, и только две женщины работали на него, и обе они были блондинками. Вы единственная женщина с тёмными волосами, а на картине с изображением шеи у женщины тёмные волосы, — он закончил излагать свои доводы спокойно, как будто просто отдавал распоряжения.

— Но моделью не обязательно должна быть сотрудница. Она может быть кем угодно.

— Да, может. Но она — не кто угодно. Это вы.

— Если вы уже пришли к такому заключению, зачем спрашиваете меня об этом?

— Чтобы услышать ваше подтверждение, мисс Сноу.

— И почему же моё подтверждение имеет значение, коль вы так убеждены в этом?

— Потому что это будет капитуляция, а не завоевание, — его голос стал ещё мягче и ещё более гипнотическим, а его взгляд стал в разы более испытующим.

— Капитуляция? Поэтому вы здесь?

— Это одна из причин. И прежде чем вы попытаетесь использовать свою отвлекающую тактику вновь, позвольте мне заявить, что я не намерен оглашать другую причину своего визита, пока вы не ответите мне на этот вопрос, — он задумался. Потом его глаза запылали с новой силой: — Признайтесь в этом, — прошептал он.

Я представила, что точно так же, должно быть, говорил Змей, обращаясь к Еве. Но у Евы не было семьи, которую надо было защищать. У меня была.

— Похоже что, несмотря на все ваши невероятные дедуктивные способности, вы упустили из вида один вероятный сценарий, мистер Хейл.

— Неужели? — он склонил голову набок, создав впечатление абсолютной уверенности в том, что он ничего не упустил из вида.

— Да. Вполне возможно, на каждой из картин изображена разная женщина.

— Там изображена только одна женщина, мисс Сноу. И мы оба знаем кто она. Но если вы нуждаетесь в других доводах, я с радостью продемонстрирую вам это, — его голос был хриплым и тихим. И всё же, он отражался эхом у меня в ушах, даже после того, как он перестал говорить.

— *Продемонстрировать* мне? Как? — я занервничала из-за слова "*продемонстрирую*".

Он подался вперёд через маленький столик, вторгаясь в моё личное пространство. Я почувствовала аромат сандала, корицы и чего-то ещё, что не смогла определить. Моё сердце начало бешено колотиться о грудную клетку. Сделав несколько вдохов, я ухитрилась замедлить его пульсацию. Он протянул длинный указательный палец и начал вести им вдоль моего горла, не прикасаясь к нему.

— К примеру, это, — прошептал он. — Ваша линия шеи. Ваше горло. Ваша ключица.

Его палец следовал по траектории, которую он описывал, но, так и не прикасаясь ко мне. Несмотря на это, эффект был потрясающий. Моё тело сжималось и напрягалось, подобно боевому коню, внезапно остановившемуся на краю обрыва.

— У меня нет сомнений, мисс Сноу, что если вы снимете этот свитер и эти джинсы, я увижу тот самый изгиб талии, бедро и ногу, что и на моих картинах.

Я потеряла дар речи из-за страха и возбуждения, которые разрывали меня надвое.

— Я могу описать их, если пожелаете. У вас три тёмные родинки, расположенные в виде равностороннего треугольника справа над левым бедром. Они — единственные родинки на вашей коже. Я буду более чем счастлив, подтвердить все свои аргументы. Вы хотите, чтобы я сделал это, или капитулируете?

Я попыталась отыскать хоть какие-то слова, или хотя бы вдохнуть воздуха, но не смогла.

Нечто гораздо более тёмное, гораздо более жуткое, чем страх быть пойманной, охватило меня. Моё поверхностное дыхание, стучавшая в ушах кровь, трепет внизу живота и непреднамеренное напряжение моих бёдер, реакция моего тела объясняла всё гораздо лучше любых слов. Возбуждение. Я не чувствовала этого в течение четырёх лет. И без единого касания он пробудил его.

Я упивалась ощущением пробуждения своего тела. Он прервал моё возрождение.

— Так что вы выбираете, мисс Сноу? — напомнил он.

Мне пришлось вспоминать какие варианты он мне предложил. *Ах, да, доказать это или капитулировать.* По правде говоря, я бы хотела, чтобы он доказал. Доказал это с искусной скрупулёзностью. Но я не могла признаться ему в этом. Выбора у меня не было.

— Я капитулирую, — я взглянула на него.

По крайней мере, я смогла сделать это с чувством собственного достоинства.

Он выглядел... практически победоносно, если бы не подавленное выражение его глаз.

— Безопасное решение.

Безопасное? От кого? Я сохраняла выражение лица сдержанным в то время, как его глаза прожигали мои.

— Остается лишь один вопрос, прежде чем мы перейдём к другой причине моего появления сегодня. Почему вы солгали об этом?

— Я не лгала, — сказала я, насторожившись.

— Неэтично подобранное слово, но вы не можете отрицать, что попытались скрыть правду. Так почему?

Хмм, может быть он и не знает о Хавьере. Хотя если подумать, то откуда ему знать? Информации о Хавьере нет в личных делах. Однако я не могу позволить ему копать глубже. Я должна всё это закончить на себе. Я распрямила плечи.

— Потому что я работаю незаконно, мистер Хейл. Моя студенческая виза не позволяет мне работать вне кампуса. Мои недолгие часы позирования дают небольшой, но очень необходимый мне доход, — я с удовлетворением отметила, что мой голос вновь стал нормальным и, более того, он принял дерзкую остроту.

Его глаза слегка распахнулись от удивления.

— Понимаю. Это объясняет, почему о вас так мало информации, — теперь его голос был печальным и тёплым. В нём не было ни вероломства, ни льда, ни секретов. Более того, впервые я увидела нежность в его глазах.

— Вы наводили обо мне справки?

— Как я уже говорил, я состоятельный человек. Но я не смог найти много информации о вас, если не считать ваших впечатляющих достижений в учёбе.

Я задалась вопросом, не стоит ли мне начать волноваться о том, что он наводил обо мне справки, но лишь испытала волнительный трепет. Помимо того, разве ни я искала информацию о нём прошлой ночью в интернете?

— Да, это связано с CIS — Служба гражданства и иммиграции США. Они храня записи об иностранных приезжих под грифом "строго секретно", — объяснила я.

Поэтому-то он и не знал, что вскоре мне придется уехать. Я испытывала такую же неразумную потребность утаить это от него.

— Должен отметить, что вы непредсказуемы, мисс Сноу. Я думал, что вы вольнонаёмный работник, а не подпольный. Но не переживайте, я не доложу на вас. Собственно, это подводит меня к следующему вопросу. Я хотел бы вас нанять.

— Нанять меня? — мой голос взвизгнул, словно от воздействия гелия. *Ха!*

— Да, именно. И да, я осознаю, что нарушаю закон. По всей видимости, меня это не заботит.

— Но для начала мне надо закончить работу над добавкой.

Он улыбнулся.

— Я говорю не о вашей добавке. Я говорю о картине. Я хотел бы нанять вас в качестве модели для картины, которая будет написана исключительно для моих глаз.

Чёрт возьми! Что скажет Фейн о том, что я самостоятельно заключаю сделки? С другой стороны, это означает, что Хавьер заработает больше денег. Я уклонилась от прямого ответа.

— Какого рода картина? Я не позирую обнажённой.

Он самодовольно ухмыльнулся.

— Что заставило вас подумать, что я хочу, чтобы вы позировали обнажённой?

Мои щёки горели огнём.

— Простите, я предположила, что это то, чего вы хотите, учитывая характер картин, которые вы уже приобрели. Моя оплошность, — я опустила взгляд на чашку горячего шоколада, желая полностью раствориться в ней.

Его улыбка была дьявольской.

— Ваше предположение было верно, но в тоже время и нет. Если бы я был художником, ваше нежелание обнажать тело, конечно, было бы огромной проблемой. Но так как я не художник, а вы будете позировать перед другим мужчиной, у меня нет намерения заказывать картину в стиле ню. Это рассеивает ваши сомнения?

Я старалась мыслить ясно, но всё, о чём я могла подумать — это о позировании обнажённой для него. *Чёртова идиотка, возьми себя в руки.*

— Почему вас волнует, что другой мужчина увидит меня обнажённой?

— Я и сам задумывался над этим вопросом. На данный момент давайте просто скажем, что мне нравится, когда мои произведения искусства... единственные в своём роде. Более того, я собираюсь заплатить Фейну достаточно приличную сумму за то, что он никогда снова не будет вас рисовать.

Я наблюдала за ним, потрясённо. Это и было то самое "необычное предложение", которое он хотел обсудить с Фейном?

— Я сожалею, что вы из-за этого потеряете работу, в которой так отчаянно нуждаетесь. Я компенсирую вам это по справедливой цене, включая долю прибыли, которую вы должны получать за свою работу.

— Это очень мило с вашей стороны, мистер Хейл, но вам нет необходимости платить мне. У меня всё ещё есть работа в лаборатории, да и срок действия моей студенческой визы истекает в ближайшее время.

Я позволила этому повиснуть в воздухе, надеясь, что он посчитает, что это говорит о том, что ограничения в вопросе работы скоро будут так же сняты. По какой-то причине мне не понравилось, что он хотел мне заплатить. Это заставило меня почувствовать себя беспристрастной, сродни наёмному работнику. Если бы он попросил меня это сделать бесплатно, было бы гораздо лучше.

— Кажется, вы неправильно истолковали мои слова и считаете, что это переговоры, мисс Сноу, но это не так. Я хочу заплатить вам, поскольку стану причиной того, что вы никогда ни для кого не будете позировать снова. И здесь больше нечего обсуждать.

Его слова попали в цель. Я постаралась, чтобы мой голос прозвучал настолько

отстранённо, насколько это было возможно, таким был мой привычный способ справляться с гневом.

— Мистер Хейл, похоже, вы, как и Фейн, считаете, что иммигранты не имеют никаких прав в переговорах. К сожалению, вы правы, и вы загнали меня в угол, поскольку знаете мою тайну. Так что у меня нет иного выбора, кроме как согласиться. Но не обольщайтесь по этому поводу, так как вплоть до вашего ультиматума, я собиралась принять ваше предложение с удовольствием. Теперь, всё что вы получите — капитуляцию, как вы и хотели. Итак, давайте перейдём к делу?

Казалось, мистер Хейл покинул "Парадокс", и в его оранжевом кресле уже сидел дракон, с прорезями вместо глаз, из ноздрей которого вырывался огонь, из ушей валил дым, а вместо кожи была чешуя. Он выглядел так, будто пытался успокоить сам себя. Я не отвела взгляда от него в сторону. Я даже не моргнула. Наконец, он заговорил:

— Я не рассматриваю вас, как гражданина второго сорта, мисс Сноу. Но полагаю, что могу понять, почему моя подача могла быть оскорбительной для кого-то в вашей жизненной ситуации. У меня не было намерений заставить вас почувствовать себя использованной. Примите мои извинения.

Я сдержанно кивнула.

— Принято.

Он сделал глубокий вдох, и его голос стал теплее:

— Итак, приступим к условиям сделки. Я хочу, чтобы вы позировали в моём доме.

Ну, это никогда не сработает с Фейном, но зато удержит ярость дракона подальше от меня, поэтому я вполне могу согласиться на это.

— И я не хочу лишь намёк на ваше тело. Я хочу его полностью, включая лицо.

При других обстоятельствах это было бы условием, препятствующим заключению сделки. Но так как он сказал, что не будет наготы, я не возражала. Да и по правде говоря, я была польщена.

— Я не знаю почему, но ладно.

Его взгляд стал нежным.

— Вы не знаете почему?

— Нет, не совсем. Но всё хорошо. Вам не надо произносить передо мной речь о том, какая я на самом деле красивая и совершенно себя недооцениваю.

— Похоже вы хорошо знакомы с этой речью.

— Да, и, откровенно говоря, это никогда ни для кого не срабатывало. Было бы лучше, если бы наше время мы использовали продуктивно.

Он покачал головой и прищурил глаза, словно составлял иной план с целью убедить меня. Я ощутила, как тепло начало возвращаться к моей коже, поэтому стала лепетать:

— Что бы вы хотели видеть на мне?

Его глаза заискрились, а зубы слегка коснулись нижней губы лишь на мизерную долю.

— Мою рубашку.

Основной наряд после секса на утро следующего дня. Если так будет продолжаться, я буду краснеть до тринадцатого июня.

— А что ещё?

— Больше ничего. Только мою рубашку.

Мне придётся вести переговоры по этому вопросу, так как даже если в галерее будем только мы с Хавьером, мне потребуются трусики.

— Должна ли рубашка быть расстёгнута или застёгнута?

— Расстёгнута, — одними губами произнёс он.

Во рту у меня пересохло.

— Мм, похоже, это будет проблемой, учитывая правило "никакой-наготы". Я буду чувствовать себя более комфортно, если на мне будут трусики, — сгорая от стыда, я снова опустила взгляд на чашку с горячим шоколадом.

— Хорошо, трусики. Но выбирать их я буду сам, — мягко произнёс он.

Я кивнула.

— Спасибо.

— В принципе это всё. Если только вы не хотите поговорить о цене.

Я отрицательно покачала головой. Нет, это будет унинительно.

— Итак, я хочу тот же цвет и стиль, что на остальных картинах, но прежде чем я найму Фейна, я должен получить некую дополнительную информацию от вас.

— Какого рода информацию?

— Вы спите с Фейном? — его голос вновь стал монотонным и холодным.

Вот это да! Грубо и несколько оскорбительно. Но я полагаю, он имел право так считать, учитывая то, что уже знал.

— Нет, не сплю.

— Кстати, вы состоите с кем-то в отношениях?

— Нет.

Он откинулся назад на спинку кресла.

— Тогда я обсужу с Фейном расписание и свяжусь с вами.

Я была сбита с толку.

— Почему вы не стали бы нанимать Фейна, будь я с ним или кем-то другим в отношениях?

Он приподнял бровь.

— Я не хочу, чтобы вас что-то отвлекало, мисс Сноу. И я определенно не намерен вызывать раздражение у ревнивого дружка. Для него добром это не кончится.

— Полагаю в этом есть смысл, — ответила я, но по какой-то причине, у меня сложилось впечатление, что его слова несут в себе нечто ещё. Ох, ладно. Фейн в любом случае сорвёт эту работу, поэтому у меня нет повода для беспокойства.

Мистер Хейл сделал глоток эспрессо.

— Вы часто ездите в Англию? — внезапно спросил он.

— Нет.

Формально это было правдой.

— А что насчёт ваших родителей? Они в Англии?

Я знала, что рано или поздно этот вопрос будет задан. У меня был заготовлен шаблон ответа на такой вопрос. Сделав глубокий вдох, я изложила, как под копирку:

— Мои родители погибли, мистер Хейл.

Я не смотрела на него, потому что не хотела видеть то, что как уже я знала, увижу. Жалость. Мне не нравилось это видеть ни в ком, и, по-видимому, я поистине презирала то, что это будет исходить от него.

— Мне очень жаль, — его голос был ещё мягче, чем я слышала прежде. Краем глаза, я заметила, что он немного протянул руку в моём направлении, но затем остановился, словно передумал: — И мне жаль, что я задал этот вопрос. Я и понятия не имел.

— Нет надобности извиняться. Нет вины в добром намерении.

Я рискнула взглянуть на него. Выражение его лица было нежным, будто он увидел нечто болезненное. И не только болезненное, но, возможно, и знакомое.

— У вас есть родные братья и сестры? — спросил он таким же нежным тоном.

— Нет.

Я всегда хотела иметь сестру или брата, но мама не смогла иметь детей после моего рождения. Она всегда переживала из-за этого.

— Я сам единственный ребенок в семье. Сочувствую.

Это добровольное признание было похоже на протянутую оливковую ветвь, которую я приняла с улыбкой.

— Я прошла через стадию, когда рисовала брата и сестру. Мои родители были вынуждены терпеть нарисованного человечка за обеденным столом в течение нескольких месяцев.

— Надо было и мне такое попробовать. Возможно, это сделало бы меня менее эгоистичным, — отшутился он, но предвещающие бурю глаза выдали в нём некое сожаление. Отчего-то, мне захотелось подавить это чувство в нём.

— Я замечала, что большинство хороших людей думают о себе, как об эгоистах.

Он улыбнулся, но ямочка так и не появилась на его щеке.

— А что насчёт ваших родителей? — спросила я.

— Они отправились в Таиланд на отдых и проведут там весь следующий месяц. Мой отец, Роберт, архитектор; моя мама, Стэлла, редактор, — его голос стал сдержанным и отстранённым. — Почему вы уехали из Англии? — он снова перевёл всё внимание на меня.

— После гибели моих родителей в автокатастрофе, мне нужна была перезагрузка. Я всегда думала, что Штаты были более дружелюбны к иммигрантам, чем Европа. Поэтому-то, я здесь.

Я опустила историю о длинном, извилистом пути, который прошла за последние четыре года, о лапше быстрого приготовления "Топ Раменс", зависимости от других. Это испортило бы настроение.

— Должно быть, вам было очень трудно, — произнёс он мягко.

— У меня бывали такие времена. Хотя теперь гораздо лучше. Я скучаю по ним до сих пор, но сделала всё возможное, чтобы сохранить их дело живым. К примеру, пищевая добавка, которой мой папа был настолько увлечен. Большинство дней, я просто чувствую себя очень везучей в том, что была настолько безоговорочно любима, пусть даже и короткий период времени.

— Что ж, учитывая то, что я видел, они бы воистину вами гордились.

— Спасибо. Мне бы хотелось в это верить.

У меня было ощущение, что он пытался поймать мой взгляд, но я усиленно помешивала свой уже остывший горячий шоколад. Призрачная дыра опустошала мою грудную клетку. Не потому, что мне недоставало чего-то утраченного, а по той причине, что я лишилась того, чего у меня никогда уже не будет. Я беспокойно возилась со своими часами, или если быть точнее с часами моего папы "Сейко".

Мистер Хейл тоже посмотрел на них, и его взгляд смягчился. Неожиданно, я осознала, что он всё понял.

— Да, они принадлежали моему папе. Я знаю, что они мужские, но не могу представить на себе нечто иное, — рефлексивно я взглянула на часы мистера Хейла.

Это были часы "Одемар Пиге"¹⁶, которые, вероятно, стоили гораздо больше, чем год платного обучения в Риде. Он спрятал руку под стол, выглядя при этом чуть ли не смущённым.

— Нет необходимости прятать ваши часы Джеймса Бонда, мистер Хейл. Поверьте мне, сироты не любят заставлять других чувствовать себя некомфортно. Совсем наоборот, я рада за вас, — я вложила как можно больше честности в свой голос.

Очевидно, он утаивал нечто тёмное в себе, и вопреки этому, или возможно из-за этого, получалось это у него очень хорошо. Он должен гордиться, а не смущаться.

— Ваши родители тоже, должно быть, гордятся вами, — сказала я.

Его глаза распахнулись, и взгляд потерял фокус, словно если бы в глубинах его глаз сместились тектонические плиты. А затем его глаза стали спокойными.

— Если я когда-нибудь продам свою добавку, то пришлю вам фотографию своих часов "Одемар", — пошутила я, дабы вырвать его из раздумий, которые так сильно опустошали его глаза.

Это сработало. Он вернулся, на лице появилась меланхоличная улыбка.

— Или, может быть, вы узнаете, что выиграли в лотерею, мисс Сноу.

Неожиданно "мисс Сноу" стало резать слух.

— Вы можете называть меня Элиза, мистер Хейл. Или Иза.

— Элиза.

Он кивнул.

Моё тело загудело от того, как прозвучало моё имя на его устах. Он не предложил мне того же. И это было хорошо. По какой-то причине, произнести *Айден* было бы слишком для меня. Словно в тот же миг, как только я произнесу его имя вслух, я стану связанной с ним осязаемым образом. Но после того как я стала свидетелем противоречий ямочки-и-шрама, его ума, а теперь и его отзывчивости, у меня было ощущение, что если я позволю себе подойти чересчур близко к Айдену Хейлу, это будет пожизненным заключением. Неожиданно мне захотелось уйти.

— Я лучше пойду. Мне ещё нужно массу информации загрузить в бедного Эрика.

Он встал из-за столика вместе со мной.

— Я провожу тебя до лаборатории, Элиза.

Он оставил несколько банкнот на столе и отошёл в сторону, позволяя мне пойти первой. Я вышла в туманное утро, чувствуя себя вывернутой наизнанку. Включая даже своё собственное имя.

Глава 11

Дом солнца

К полудню пасмурная погода сменилась на полноценный проливной дождь. Я съёжилась в своей куртке, пока ехала на автобусе номер 6 к Солисам, стараясь не думать о мистере Хейле или о своей нелепой реакции на него. Когда я проиграла в этом сражении, то принялась повторять периодическую таблицу до тех пор, пока автобус не подвёз меня к

крошечному дощатому домику Солисов, расположенному в районе иммигрантов на проспекте Норт Вильямс.

Хавьер поддерживал дом семьи Солисов окрашенным в холодный белый цвет. Горшки с жёлтыми нарциссами рядами стояли на окнах, которые Мария задрапировала кружевными занавесками. На почтовом ящике не было имени, только лишь цифры. Американская мечта Солисов воплотилась. Как и моя. Я знала здесь каждый укромный уголок и закоулок. Мускатный орех на кухне Марии, чистящее средство с запахом лимона, диван, который служил кроватью для Хавьера, так как его комната была переделана под студию.

Я бросилась к двери, постучала всего один раз и тут же вошла внутрь.

— Это я, — уведомила я о своём приходе.

Младшие сестрички Хавьера выбежали из гостиной комнаты и крендельками обернулись вокруг моей талии. Вслед за ними вышел и сам Хавьер, за ухо у него был заложен карандаш. Они выполняли домашнее задание. Мария была на работе, даже, несмотря на то, что сегодня была суббота. В углу, на кухне стояло пустое инвалидное кресло Антонио — вероятно, он отдыхал. После того, как в прошлом ноябре с ним произошёл несчастный случай на стройке, он был слаб, невзирая на физиотерапию, которую он проходил по четвергам.

— Вот, лови — новые краски, — сказала я, бросив Хавьеру доверху набитый баночками с краской пакет с застёжкой.

Одно из преимуществ быть химиком? Ты можешь создавать в лаборатории такие вещи, как собственный шампунь, увлажняющий крем для соседки по комнате или акриловые краски для своего де-факто брата.

Он поймал пакет.

— Спасибо! Дентон до сих пор не против этого?

— С ума сошёл? Он считает, что я должна запатентовать формулу.

Он кивнул и поставил пакет с красками на столешницу. Я начала прибираться на кухне, тогда как девочки в подробностях рассказывали мне, как прошёл их день.

— Всё ещё без горячей воды? — спросила я Хавьера, наряду с тем, что Изабелла рассказывала мне о своём тесте по биологии.

— Потребуется ещё три новые картины, чтобы я смог купить новый нагреватель, — он пожал плечами, помогая Изадоре отрабатывать балетные пируэты.

К тому времени, как я протёрла столешницу спиртом, Бель и Дора вернулись к выполнению домашнего задания, разместившись за кухонным столом, а Даниэла начала рисовать в альбоме, одновременно с этим четырёхлетняя Анамелия стучала по игрушечным барабанам.

Я поймала взгляд Хавьера и кивком головы указала на его комнату. Он должен знать о проекте мистера Хейла. Он последовал за мной в комнату, нахмутив брови.

Чем больше я рассказывала — стараясь при этом говорить тихо, чтобы девочки не смогли услышать — тем больше его глаза округлялись в страхе. К моменту, когда я закончила, его смуглая кожа побледнела.

— Что ты сказала? — прошептал он.

Его руки тряслись. Мне было невыносимо видеть, как он пребывал в полном ужасе. Я подошла к нему и взяла его за руку.

— Я знаю, это пугает, Хавьер, но подумай об этом. Быть того не может, чтобы Фейн пошёл на это. Хейл хочет, чтобы картина писалась у него на дому, и если Фейн согласится,

он, считай, признается в мошенничестве. Шшш, успокойся.

Я поглаживала рукой его спину. Его дыхание было учащённым, прерывистым и быстрым, как у подстреленного оленя.

— Но, Иза, девочки! А что если Фейн перепугается и уволит меня? Или меня поймут? Они попадут под опеку государства, так как их отец парализован, а мать экономка, — его тихий голос дрожал. Я сжала его руку.

— Послушай меня. Пожалуйста! Фейн придумает повод, дабы перенести это и, в лучшем случае, мы окажемся в галерее, как обычно. И по завершению я отдам тебе все деньги. Мне уже ничего тут не светит, но ты можешь добиться большего. Может быть, отложишь их на сберегательный фонд для колледжа?

Хавьер оттолкнул мои руки.

— Сберегательный фонд для колледжа? — фыркнул он. — Ты лучше всех должна понимать, — он покачал головой и, топая, ушёл в другую часть комнаты.

— Почему ты вообще согласилась, Иза? Почему ты вообще пошла на этот риск?

— Мне так жаль, я побоялась, что он копнёт глубже, и я была..., — я мгновенно умолкла, так как он послал мне взгляд полный чистой ярости.

Его чёрные как смоль глаза были настолько темными, что у меня возникло предвидение краха. Его ноздри раздувались. Я никогда раньше не видела такого облика Хавьера. Когда он заговорил, его голос был тихим:

— Не скармливай мне этот бред, Иза. Ты сделала это не ради меня.

— Что? Что ты имеешь в виду?

Мои глаза начало покалывать. Хавьер никогда раньше не был зол на меня. Ни разу за четыре года. Он крадучись подошёл ко мне и склонил рот к моему уху:

— Тебе нравится, что американец-миллиардер фантазирует о тебе, не так ли? Тебе льстит сама мысль о том, что его глаза будут смотреть на тебя даже тогда, когда ты уедешь.

Я начала было в отрицании качать головой, но потом остановилась. Он говорил правду, хоть это не имело никакого отношения к состоянию Хейла. Всё дело было только в самом Хейле.

— Как я и думал, — сказал Хавьер.

— Хавьер, нет. Я делаю это не ради его денег, и не потому, что он американец. Я полагаю, мне...

Он накрыл мои губы испачканным в краске пальцем.

— Даже не надейся закончить предложение. Полагаю я знаю причину. Но сейчас не время, чтобы привязываться ещё сильнее, Иза. Если у нас осталось всего тридцать два дня на то, чтобы побыть семьёй, мы не должны тратить это время на незнакомцев. Их так много, дорогая, а семья здесь у тебя всего одна, — его голос утратил злость и стал мягче.

По моим щекам катились слёзы. Он стёр их указательным пальцем и притянул меня в свои объятия. Дарящий уют запах краски и перечной мяты окружил меня. Он прижался губами к моему лбу, куда обычно целовал меня папа. Безмолвные рыдания разрывали мою грудь так сильно, что я не могла произвести ни одного звука.

Когда рыдания превратились в тихие слёзы, я села на его стул для рисования, вытирая глаза рукавом.

— Ты решила, что будешь делать? — спросил Хавьер, усевшись, поджав ноги, на полу.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить о чём он меня спрашивает.

— Ах, да. Я не смогу с этим справиться, Хавьер. Не смогу я взойти на сцену, когда там

будет столько родителей.

— Мы с Марией будем там.

— Нет, вам обоим надо работать. Я не собираюсь наводить беспорядок и в вашей жизни.

Он нахмурил брови так, что они стали похожи на кисточки для красок.

— Хорошо, мы просто организуем тебе маленькую вечеринку здесь в следующее воскресенье.

Я начала было протестовать, но в моём кармане зазвонил телефон. Реаган.

Как только я ответила, она пронзительно завизжала. После нескольких фальцетов, я догадалась, что она получила предложение по работе в Орегонском университете науки и здоровья в качестве ассистента при проведении тестирования живых моделей в поведенческой терапии. Наконец-то! Хотя у кого-то из нас происходит что-то хорошее.

— Итак, мы идём в ресторан "Андина" выпить. Папа угощает, — окончательно заявила Реаган. — Приводи с собой Хавьера. Это последнее мероприятие, которое оплачивает папа. И мы все сможем пропустить по стаканчику. Ну, или по шесть.

* * * * *

"Андина" — элитный перуанский ресторан Портленда — место достаточно шумное для того, чтобы разговоры сливались с гулом толпы, но не настолько шумное, чтобы мы заработали себе ларингит от крика. Реаган придержала для нас место в нижнем зале. Мы заказали "Сангрию", мохито и закуску из сырой рыбы Севиче¹⁷. После первого мохито, Реаган стала разглядывать меня с прищуренными глазами. Я же смаковала свою "Сангрию". Каждый раз, когда у неё был такой взгляд, это могло означать, что она замышляет о чём-то вроде прыжка с моста на веревке.

— Иза, я тут подумала, — начала она зловещим тоном. — А почему бы тебе просто не остаться нелегально? Это куда лучше, чем пустой дом. Тебе придётся поставить крест на науке, но..., — она умолкла, пожав плечами.

По правде говоря, я уже думала об этом. Мария могла бы найти мне работу уборщицей в отеле. Но моя мечта о науке будет похоронена.

— Я думаю об этом, — пробормотала я и допила свою "Сангрию" полностью, наполнив бокал снова.

Зазвучала мелодия знойного танго — "Sentimientos" — и ко мне наклонился Хавьер.

— Давай потанцуем. До того, как ты окончательно напьёшься.

У Хавьера было то, чего не было у многих американских мужчин — чувство ритма. Он умел танцевать, и делал он это хорошо. Я никогда не могла понять отвращение американских парней к танцам. Я любила аргентинское танго.

После четырёх лет совместных танцев, мы двигались, плотно прижавшись друг к другу. Футболка Хавьера была на уровне моих глаз, и я заметила маленькие пятнышки краски. На нём они выглядели изысканно, а не грязно. Через две песни мы вернулись за стол — Хавьер шёл, я же ковыляла.

— Хавьер, ты должен научить меня танцевать танго, — потребовала Реаган, как только мы сели за стол. Её образ слегка был затуманен по краям: — Иза — ужасный учитель. Всё заканчивается тем, что веду я.

Хавьер рассмеялся, и они стали планировать уроки, в то время как я схватилась за

мохито. Я залпом выпила напиток, едва не заглотив дроблёный лёд со дна стакана.

Кто-то откашлялся, и это прервало мои попытки наброситься на лёд. *Чёрт возьми, я знаю этот звук.* Прищурившись, я посмотрела сквозь дымку, и там был он, во всей своей красе. Мой мистер Хейл. Высокий, красивый. Его сапфировый взгляд пригвоздил меня к месту. *Надеюсь, мой рот был закрыт, но я могла и ошибаться.*

— Элиза, — он кивнул, в его голосе послышалась насмешливая нотка.

— Здравствуйте, мистер Хейл.

Брр! Мои слова прозвучали, как сдавленный вздох, то ли от его взгляда, то ли от выпитых мной напитков, я не знала.

— Что ты делаешь в такую погоду на улице? — медленно проговорил он, словно обращался к умственно-отсталому.

— Формально, мы не на улице, — рассудила я и засмеялась. То последнее мохито вдруг показалось мне не такой уж хорошей идеей: — Ой! Простите, вы имели в виду не дома. Что ж, мы пришли сюда выпить. Получить нейромедиаторную подпитку, вызываемую этиловым спиртом.

— Ясно, — его голос стал монотонным, а его глаза рассматривали Реаган и Хавьера.

Вспышка ярости зажглась в их глубинах, будто он счёл их двоих ответственными за это глупое решение — или за ливень с ураганом. Немногие, всё ещё трезвые мои нейроны вспомнили о манерах за столом, и я представила ему своих друзей. Реаган удостоили формальным "было-приятно-познакомиться-с-вами", ну а Хавьер получил лишь резкий кивок.

— Как ты доберешься до дома? — спросил Хейл, холодно смотря на Хавьера.

— Я за рулем, — Реаган вскинула вверх руку. — Я выпила только одно мохито, и моя машина припаркована прямо снаружи здания.

Хейл выглядел так, если бы этот план ему совсем не нравился. Оглушительный раскат грома выбрал этот момент, чтобы пророкотать. Хейл стиснул челюсть, и его правая рука сжалась в плотный кулак.

— Сэр, прибыла группа из Токио, — тихо произнёс уже знакомый мне глубокий голос.

Только сейчас я заметила близнеца Шакила в нескольких футах справа от Хейла. Несмотря на его внушительный размер, у него были самые добрые карие глаза, какие я когда-либо встречала у незнакомцев.

— Они ожидают в вашем личном зале.

— Спасибо, Бенсон, — ответил Хейл, сосредоточив свой взгляд на мне. Его глаза, как обычно, засверкали, и его кулак расслабился: — У тебя всё в порядке? — спросил он охрипшим голосом, словно мы были наедине.

Возможно, дело было в его тоне, или в его испытывающем пылком взгляде, но вопрос прорвался через алкогольный дурман, и в этот миг мне захотелось, чтобы всё было в порядке. Я захотела быть обычной американской девушкой, у которой были родители, синий паспорт, которая озорно захихикала бы, и ответила на его вопрос настоящим "да".

— На этот вопрос есть семнадцать вариантов ответа в дихотомическом ключе, мистер Хейл, — ответила я, заставив себя улыбнуться.

Несколько секунд он удерживал мой взгляд, я смотрела на него в ответ. Куда могла полностью испариться моя эйфория? Неожиданно мне захотелось, чтобы он не видел эту мою сторону.

— Доброй ночи, мистер Хейл, — сказала я ему, мой тон прозвучал более резко, чем я

рассчитывала.

Его челюсть дёрнулась один раз, и он перевёл свой снайперский взгляд на Хавьера с Реаган. Он свирепо посмотрел на них, и этот взгляд можно было описать только как гнев дракона.

— Хорошего всем вам вечера, — он формально кивнул и собрался уходить, но затем задержался. — Береги себя, — сказал он мне, смотря на меня всё тем же пылким взглядом.

Бенсон отступил в сторону за мгновение до того, как Хейл развернулся, словно уже предвидел это движение. Я уставилась на широкие плечи и узкие бедра Хейла, пока он поднимался по лестнице в частные обеденные залы ресторана. Затем залпом выпила мохито Хавьера и остатки "Сангрии" в бокале Реаган, и принялась жевать лёд.

Глава 12

Первое прощание

Проснувшись в воскресенье утром, я ощущала себя подобно Джонни Кэшу¹⁸, не имея возможности даже приподнять голову, чтобы она не болела. По словам Реаган и Джонни "пиво на завтрак помогает". Кто я такая, чтобы усомниться в их словах? Я дошла до холодильника и взяла одну из излюбленных "Корона" Реаган. Я сделала глоток прямо из бутылки, сев за наш кухонный стол, ужасаясь от мыслей о прошлой ночи. Кто же знал, что мистер Хейл теперь думает обо мне? У меня не было никаких сомнений, что я разочаровала его, несвязно говоря, едва стоя вертикально, да ещё и с более частными перепадами настроения, чем у Сибил¹⁹.

Но главный вопрос заключался в том, почему это так сильно заботит меня? У меня не было оснований так бурно реагировать на мужчину, которого я едва знала, в стране, где я едва существовала. Мне надо что-то с этим делать. Может быть, сломать себе бедро, чтобы процесс написания картины не осуществился. Наверняка, на заживление бедра потребуется дней тридцать.

Реаган вошла в кухню, на ней была одежда для тренировки — шорты "Юнион Джек", розовая футболка и кеды, которые она настоятельно требовала называть *джамперами* или *кроссовками*.

— Привет, пьяница. Как себя чувствуешь? — она рассмеялась. Звук её смеха заставил мою голову пульсировать.

— Очень плохо.

С озорным видом она села за стол напротив меня.

— Твой мобильник звонил четыре раза за ночь, поэтому я ответила на звонок, — произнесла она нараспев.

— О, Боже, это был Эрик?

Если он уничтожил ещё одну партию протеина, я его кастрирую.

— Неа, — она сделала глубокий вдох, дабы создать драматический эффект. — Айдэн Хейл.

Долгое молчание воцарилось в моей голове на это сообщение. Медленно, я собрала все свои силы, чтобы сформировать внятный ответ:

— Что?

Реаган вновь рассмеялась.

— Ага. Через пять минут после того, как ты отключилась. Он хотел убедиться, что мы благополучно добрались до дома. Он сказал, что номер твоего телефона и адрес были указаны в демонстрационных материалах.

Мой пульс запустил неровный ритм.

— Он что-нибудь ещё сказал?

— Нет. Лишь поблагодарил и повесил трубку.

Я не могла понять овладевшее мной разочарование. Что я ожидала услышать от него в разговоре с Реаган? Я совсем ненормальная.

— Иза, мне кажется, ты ему нравишься. Допускаю, что он странным образом это показывает, но иначе, почему его вообще это волнует? — произнесла с уверенностью Реаган.

Каждая страдающая от похмелья клеточка моего мозга хотела в это верить. Вот только если бы не одна очень маленькая проблема. Реальность. И у меня не было ни единого шанса вчера сообщить Реаган о моей новой работе моделью. Чем больше я ей рассказывала, тем сильнее её брови исчезали под её рыжими локонами.

— Ну, это объясняет, почему он звонил, желая убедиться, что ты благополучно, в целостности и сохранности добрались до дома, но это не объясняет, почему он был так раздражен. Выглядело это немного несоизмеримо для того, чем бы это ни было.

— Я не знаю. Он довольно эксцентричный мужчина. Складывается впечатление, будто каждая реакция усиливается в его случае, но я понятия не имею, почему.

К примеру, когда он входит в помещение. Мы все осматриваемся, но он выказывает сверхбдительность. Личное пространство: нам всем оно требуется, но не с таким, как у него радиусом. Конфиденциальность: похоже, он поднял её до уровня изоляции.

— Интересно, проявляет ли он такое же ревностное отношение во всех интересных делах, — Реаган захихикала и ритмично подёргала бровями.

Я вспомнила теплоту его взгляда в "Парадоксе" и подавила дрожь. Я не готова была рассказать Реаган об этом. На самом деле, я не должна была даже и думать об этом.

— В любом случае, это не важно. Что я могу сделать за тридцать один день?

— Я могу предложить массу вещей, которыми можно заниматься с таким мужчиной, как Хейл, в течение тридцати одного дня, — Реаган снова захихикала.

Я приложила холодную бутылку "Короны" к щеке.

— Подумай также и о своей временной работе, — Реаган подмигнула. — Или ты можешь заняться подготовкой своей речи со мной.

— Моей речи? Какая речь?

Реаган раскрыла рот от удивления.

— Иза, когда ты последний раз проверяла свою почту?

— До экзамена по стереохимии. А что?

Она с трудом дышала.

— Твою мать, ты не знаешь. Ты — выпускник, произносящий прощальную речь. Номер один на своём потоке. Я думаю, это само собой разумеющееся, что именно ты выступишь с речью на выпускном собрании.

Меня удивило, насколько я была не заинтересована в этой информации. Да, у меня хороший уровень успеваемости, но у меня не было стремления произносить речь перед гордыми родителями, тогда как мои... Кто-то другой должен сделать это, тот, у кого есть

родители, которые будут сиять от радости и запомнят этот день.

— Тогда мне лучше проверить почту. Я что-нибудь придумаю.

Реаган подозрительно на меня смотрела. Я сделала, как надеялась, убедительное, пусть и страдающее от похмелья, непроницаемое лицо. Она хлопнула мне по руке и оттолкнулась от стола.

— Тогда желаю британской удачи. Пока, — она рассмеялась и отправилась на пробежку.

Спотыкаясь, я добралась до своего тираннозавра и открыла почтовый ящик. И в самом деле, там оказалось сообщение от ректора Кемпбелла с просьбой произнести прощальную речь. Я написала ему ответ:

"Уважаемый ректор Кемпбелл,

Спасибо Вам за оказанную колледжем Рид мне честь. К сожалению, я не смогу произнести речь на выпускном собрании. Если это требование, которое я должна выполнить, дабы получить похвалу, данным сообщением я отказываюсь от этого.

С уважением,

Элиза Сноу"

Я выключила компьютер и схватила свою древнюю камеру. Моя миссия на сегодня проста: сделать так много фотографий о жизни здесь, насколько это было возможно.

Глава 13

Шторм "Хейл"

Окончательно стемнело, и больше я не могла фотографировать. По крайней мере, я запечатлела "Город Книг" "Пауэлса", пусть даже я не смогу бывать там, чтобы прочесть все его миллионы книг. Я возвращалась домой на нашу воскресную Красную ночь — вечерний ужин Реаган и Элизы. Правило Реаган номер один: не нарушать эту традицию даже ради парней. Очевидно, она единственная, кто придерживался этого правила.

Я завернула за угол здания, в котором располагались наши апартаменты, и первое, что мне бросилось в глаза — это чёрный, выглядевший по-президентски внедорожник "Рэндж Ровер", который был припаркован *не* на дороге, а прямо на тротуаре, вплотную к лестнице. Машина практически забаррикадировала лестницу. Калико²⁰, кот, спасённый моим соседом, совершенно не черепахового окраса, гневным взглядом пристально разглядывал того, кто находился внутри машины. Я собралась наклониться, чтобы почесать его за ушком, но внезапно дверь внедорожника открылась. Я замерла. Мои колени распрямились, а сердце разорвалось у меня в груди. Потому что из внедорожника, изящно выпрямившись, вышел мой мистер Хейл. Хотя нет, не мой мистер Хейл.

Он выглядел угрожающе. Его глаза были леденяще-синими и бледнее, чем обычно. Он был в полной боевой готовности, более напряжённый, более надменный — словно если бы каждая клеточка его тела напряглась, в попытке сдержать силу внутри себя. Это был не дракон. Это было то, чего даже драконы боятся.

— Элиза.

Он не одарил меня своим привычным кивком головы, и его голос был холодным, как у Касии. Подумав о Касии, я догадалась, почему он был мертвецки бледным. Должно быть, Фейн сорвал предстоящий процесс написания картины.

— Мистер Хейл. Какой приятный сюрприз. Вам пришлось долго ждать?

— Да.

— Простите, я не знала, что вы приедете. Всё в порядке?

— На этот вопрос есть около семнадцати вариантов ответа в дихтономическом ключе, Элиза.

Тепло опалило мои щёки — как минимум я это заслужила — поэтому я начала лепетать:

— Так всё плохо, не так ли? Могу ли я посоветовать чашечку горячего шоколада взамен "Сангрии"? Теобромин...

— Почему Брэтт Фейн пытается уговорить меня воспользоваться услугами своего протеже, Харви Селлерс, для написания картины? — его голос прервал меня, как ледяное лезвие.

Полное дерьмо! Мои подмышки вспотели, а желудок мой резко свело. Должно быть, он предложил бешеные деньги Фейну, раз уж тот решил пойти на такой риск. Но я не могу рисковать жизнью Хавьера — даже если мои инстинкты твердят мне, что Хейл не причинит ему вреда.

— Что вы имеете в виду? — начала увиливать я, желая лишь одного, чтобы мой голос прозвучал, как у Маргарет Тэтчер, но вместо этого, прозвучала я, как Белоснежка у скрипучего колодца.

Он прожигал меня пристальным взглядом, пока я мысленно не дошла до калия, повторяя про себя таблицу. Затем что-то в его глазах изменилось. Они лишились своего леденящего взгляда и сосредоточились на моём лице, подобно объективу фотоаппарата.

— Что ты скрываешь, Элиза? — спросил он.

С его голосом то же произошли изменения. Впервые, его голос перестал быть холодным. Он был расчётливым, со скрытой теплотой.

В этот миг, мне захотелось рассказать ему свой секрет. Я хотела рассказать о себе абсолютно всё. Но не могла вымолвить ни единого слова, и, в итоге, я поняла почему. Потому, что тотчас, как только Хейл узнает истину, всё это станет явью. Он стал моей фантазией, точно так же, как и эта земля однажды ею стала. И его тоже мне придётся потерять.

— Я не знаю, почему Фейн попросил вас воспользоваться услугами Харви Селлерса.

Я не могла открыто смотреть ему в глаза и при этом врать, поэтому начала теревить ремешок фотоаппарата, обернутого вокруг моего запястья.

— Может быть, тогда ты знаешь о другом. Почему нигде нет никаких упоминаний о человеке по имени Харви Селлерс? Никаких персональных файлов, ни банковских счетов, ни водительских прав, ни адресов, ни кредитных историй, ничего. Фактически... как если бы его не существовало вовсе, — он говорил ровным, сдержанным тоном — в манере игрока в шахматы передвигать пешки до того, как сделает ход ферзём.

— Более того, Элиза, информации о Харви Селлерсе гораздо меньше, чем о тебе. А потом я вспомнил, как ты сказала, что CIS хранит информацию об иммигрантах под грифом секретности. Поэтому я стал подозрительным, Элиза. Очень подозрительным.

Он склонил голову, и наши глаза оказались на одном уровне. Мотылёк и пламя. Я не

осмелилась даже моргнуть. Когда я ничего не ответила, он продолжил:

— Но затем, прошлым вечером, я обнаружил ключ к разгадке в самом неожиданном месте, — он снова призадумался, и я почувствовала, что он только что сделал ход ферзём.

Моё дыхание становилось поверхностным, и я бесконтрольно подумала о колибри со сломанными крыльями.

— Ты знаешь, что я об этом думаю?

Я покачала головой.

— Неужели? Ну, давай посмотрим, могу ли я тебе помочь в этом. Я вспомнил, что Касия Мосс сказала мне в тот самый первый раз, когда увидел тебя. *Ты* помнишь это?

— Я помню, как наблюдала за вами, — произнесла я единственную бесхитростную вещь, которую я высказывала за последнее время.

Даже если он и расслышал нежность в моем голосе, он не подал вида.

— Касия Мосс сказала, что художник использует только чёрную, белую и серую краски в своих картинах. Это тебе ни о чём не говорит?

Я кивнула.

— Представь моё удивление, когда прошлым вечером я увидел те же самые цвета, покрывавшие пятнами футболку твоего партнера по танго, *Хавьера Солиса*.

Шах и мат! Пятна краски на одежде Хавьера — я никогда бы не подумала, что они станут красноречивым ключом к разгадке.

— Ты можешь объяснить мне это совпадение, Элиза?

— Нет, не могу, — я говорила правду, поскольку на самом деле не могла ничего объяснить. Это не моя тайна, чтобы её рассказывать.

Он кивнул, словно уже предвидел мой ответ.

— Почему женщина со средним балом успеваемости 4.0, создавшая весьма сложный протеин, и уровень IQ которой составляет 160, не способна сложить дважды два?

— Откуда вы узнали уровень моего IQ?

— Артур Дентон весьма восторгался тобой. Впечатляюще, в самом деле. Всё это объясняет твоё открытие, твой средний балл успеваемости, твою способность вычислять дихтономические ключи без промедления, и твоё соавторство в возрасте шестнадцати лет в статье под названием "Голодный геном", автором которой был Питер Эндрю Сноу, опубликованной в газете Кембриджского университета.

Услышав имя своего отца, я обнаружила в себе силы.

— Вы слишком много позволяете себе копаться в чужих жизнях, мистер Хейл, в то время как вы, похоже, свою личную жизнь очень сильно охраняете. Уверена, у вас есть на это веские причины. Мне очень любопытно о них узнать, но я не хочу выяснять этого. Может быть, вам стоит позволить себе такое же вежливое отношение и к другим людям? — мой голос был твёрдым, но живот мой мутило. Капельки пота стекали вниз по моей спине.

Выражение его лица кардинально изменилось. С осмотрительного до безучастного за долю секунды. Он смотрел на меня с пристальным вниманием, но напряжение в его глазах немного ослабло.

— *Его* право на личную жизнь, я могу допустить. Но не твоё. У меня есть намерение узнать абсолютно всё о тебе, Элиза, — моё имя он произнёс очень нежно.

Под его внимательным взглядом я изменилась. Дело было не только во вспышке тепла и напряжении бёдер. Что-то теплое, пульсирующее зародилось между моими легкими, возможно, это был новый орган, который мгновенно ожил всего лишь в ответ на симпатию к

мистеру Хейлу.

Впервые за этот вечер я позволила себе опустить взгляд ниже его шеи и осмотреть весь его облик — кашемировый тёмно-синий свитер, дорогие тёмные джинсы — деньги и власть бросались в глаза в каждом дюйме его облика. Подсознательно, мой взгляд метнулся к моим кедам. Сколько часов я провела в них? Я вздрогнула, когда подумала о том, что он скажет, если вдруг палец моей ноги, наконец-то, прорвётся через изношенную ткань. Рядом с ним я выглядела, как Золушка в полночь, но не оставившей за собой стеклянной туфельки, чтобы он смог меня отыскать. словно нас уже не разделяло два мира и тридцать один день. Я рискнула украдкой посмотреть на него и увидела такое же нежное выражение лица, когда он тоже обратил внимание на мои кеды.

Он выглядел так, будто собирался что-то сказать, но прямо в этот момент дверь здания, где располагались мои апартаменты, открылась, и прямо на нас выскочила Реаган, её ярко-рыжие волосы были убраны в косу.

— Иза! — прокричала она. — Где, *чёрт побери*, тебя носило?

Ещё до того, как я начала объяснять, она прервала меня:

— Я очень беспокоилась. В твоей записке говорилось, что ты вернёшься через сорок пять минут. Ни телефонных звонков! Ни машины! Ни денег! А что если бы они пришли —, — она внезапно умолкла, когда наконец-таки заметила мистера Хейла.

Я мельком взглянула на него. Он смотрел на неё с осторожностью, его брови были нахмурены. Я попыталась вести себя так, якобы ничего не произошло.

— Рег, я понимаю, мне очень жаль. Я всё тебе объясню, как только мы окажемся дома, — я взглядом умоляла её остановиться. Она кивнула и улыбнулась ему.

— Как дела, Хейл? — бросила она ему.

Он выглядел так, словно бы его никогда раньше не приветствовали словами "как дела". Он сдержанно кивнул, что, несомненно, означало "хорошо, как у тебя?", и повернулся ко мне.

— Как скоро ты сможешь приступить к своей первой сессии у меня дома? — его голос был тёплым, но настойчивый, как если бы он не хотел оставлять никаких сомнений, что картина, бесспорно, будет написана.

— Завтра, — *ну вот*, теперь мой голос прозвучал, как если бы я вдохнула гелия.

— Разве у тебя нет планов отпраздновать окончание колледжа? — его голос смягчился.

Это и были мои планы отпраздновать.

— Я сделала это прошлым вечером.

Он нахмурил брови, будто бы вспомнил о чём-то неприятном.

— Ты уверена? Это большое достижение в жизни, — он упорно настаивал.

— В следующие выходные Солисы организовывают в мою честь вечеринку, — ответила я, надеясь тем самым заставить его сменить тему разговора. А также задумалась над вопросом "не будет ли странным пригласить его".

Он кивнул, словно мой ответ удовлетворил его.

— Тогда я встречу тебя у библиотеки Рида сразу после церемонии вручения дипломов.

Ничего себе. Это может сорвать все мои планы.

— Умм, мистер Хейл, не могли бы вы мне предоставить ещё полчаса после торжества?

И вам не стоит меня забирать. Я сама могу к вам приехать.

Он покачал головой.

— Я сказал, что заберу тебя. Но у тебя будут твои полчаса. Я встречу тебя здесь в

половине второго, — он прозвучал, как армейский генерал. Если бы я не была настолько истощена нашим разговором, я бы посчитала это забавным.

— Хорошо. Тогда увидимся.

Неожиданно я поняла, что сказать мне больше нечего, а он планирует уйти. Я не знала, чего мы достигли сегодня здесь, но у меня было ощущение, что мы только что стали немного ближе друг к другу. И, несмотря на моё желание остановить время, завтра не сможет наступить быстрее.

— Ну, раз теперь всё улажено; ты, живо пошла внутрь со мной, — Реаган "дошла до ручки". — Твой корнуэльский сливочный варенец ждёт тебя, да и Колин Фёрт²¹ не становится моложе.

Хейл посмотрел на неё, приподняв бровь. Она схватила меня за руку и потащила прочь.

— Спокойной ночи, мистер Хейл, — я улыбнулась ему через плечо, удивляясь "почему Колин Фёрт больше не выглядит для меня красавцем".

— Эй, Элиза? — окликнул он меня, когда мы уже добрались до лестницы.

Я повернулась чересчур стремительно, и дыхание спёрло у меня в горле. Его неземное лицо — лишённое то ли ярости, то ли напряжения, то ли обвинения — смягчилось, его глаза светились.

— Да? — выдохнула я. Или, может быть, вздохнула.

— В следующий раз, пожалуйста, не указывай свой домашний адрес на материалах, которые раздаёшь незнакомым людям. Это чересчур небезопасно.

Он хотел, чтобы я была в безопасности, как он и сказал вчера. Моё сердцебиение ускорилося до неистового ритма. Будто услышав это, его губы сложились в самую любимую мной улыбку, обнажив ямочку. Я едва кивнула; и пристально всматривалась в его лицо, пытаясь вложить каждую частичку его в свою память.

Глава 14

Выпускница

Пересмотрев все серии "Гордость и предубеждение" на канале BBC, я, наконец, отправилась спать. Несмотря на то, что я должна была быть истощена, я была настолько поглощена мыслями о завтрашнем дне, что вновь начала повторять периодическую таблицу, но на этот раз на испанском языке. Реаган с пристрастием допрашивала меня весь ужин, и потребовался ровно час, чтобы успокоить Хавьера по телефону. Видимо, Бенсон заберёт его из галереи лишь два часа спустя, после того как Хейл увезёт меня отсюда. Я начала гадать "почему он разграничил часы нашей встречи", и мой желудок сделал сальто.

Впервые за всё время, я попробовала прошептать его имя вслух. Айдэн. Айдэн. Айдэн. Становилось всё проще и проще произносить его. Проще впустить его. Когда я окончательно уснула, его имя отзывалось эхом в моей голове.

Проснулась я от того, что Реаган усиленно стучала в мою дверь.

— Иза, просыпайся, ты пропустишь церемонию, если не начнёшь собираться прямо сейчас.

Ох, полное дерьмо! Я же не озвучила ей эту новость прошлым вечером, так как она полностью потеряла самообладание из-за Хейла и Колина Фёрта. Я выползла из кровати и открыла дверь.

— Доброе утро, Рег.

— Давай, соня, я займусь твоими волосами. У тебя грандиозная речь! — она захлопала в ладоши.

Ладно, ничего же плохого не случится.

— Рег, я не буду произносить речь. Вообще-то, я — умм — я не пойду.

Разинув рот, она смотрела на меня, словно я говорила на поросячьей латыни²².

— Какого хрена?

Я и не ожидала, что она, или кто-либо ещё, поймёт меня в этом вопросе. Но я, ни за что, не потрачу четыре часа из моих дней, которые итак уже были сочтены, дабы услышать о том, какое это большое начало. Формальный отсчёт дней, предоставленных мне ИСЕ, начинается сегодня, несмотря на то, что мой личный отсчёт начался неделю назад. Я бы предпочла провести следующие четыре часа, готовясь к позированию для картины, вкушая на практике имя Айдена, а также приводя ноги в порядок и занимаясь другими замечательными делами. Не говоря уже о том, что сама мысль о моём появлении на выпускном без родителей, заставляла мой желудок скручиваться похуже любого похмелья. Я выдала Реаган отредактированную версию своего мнения. Потребовалось добрых пятнадцать минут, дабы убедить её. И, наконец, она смягчилась.

— Хорошо. Полагаю, я понимаю это. Честно говоря, я бы тоже была огорчена. Итак, хочешь ли ты, чтобы я приняла диплом от твоего имени?

— Я не уверена, что они позволят тебе. Это же не Оскар, Рег.

Она посмотрела на меня щенячьими глазками и затем убежала в свою комнату собираться, пока я завтракала на кухне хлопьями.

Как только я осталась одна, волнение стало настойчиво брать надо мной верх. Я собиралась встретиться лицом к лицу с Айденем Хейлом, не надев ничего, кроме трусиков и расстёгнутой рубашки. Чёрт возьми, а вдруг он выберет стринги? Что делать, если в комнате будет холодно, и у меня... затвердеют соски? Хавьер тоже там будет. Он также хорошо сможет всё это разглядеть. Как вообще я могла согласиться на это, имея так мало информации? Ах, да, всё потому, что мой мозг был в состоянии каши в тот момент, да ещё из-за того, что я не могла и не думать, что вся эта затея на самом деле воплотится в жизнь. Теперь, когда осталось всего пять часов до встречи, мои руки начали дрожать, и мне пришлось поставить чашку с хлопьями на стол. Глубокий вдох, продолжительный выдох. Водород, 1,008. Гелий, 4,003. Литий, 6,94...

Реаган вошла в кухню, отсрочив тем самым мой эмоциональный срыв, который грозил мне вот-вот разразиться. В простом тёмно-зелёном платье она выглядела ошеломительно. Прежде чем она смогла бы разглядеть во мне душевное расстройство, я отвлекла её:

— Рег, ты великолепно выглядишь. Слушай, давай я сделаю несколько фотографий.

Это мгновенно сработало. Она захихикала и начала позировать, посылая воздушные поцелуи в камеру, пока я фотографировала её.

— Говоря о прекрасном внешнем виде, что ты наденешь сегодня? — спросила она, встав в позу серьёзного-студента-психолога.

Я знала наверняка, что надену. Или точнее сказать, не надену.

— Всё, что найду в твоём шкафу, — пожав плечами, я улыбнулась.

— Мои бюстгальтеры пуш-ап во втором ящике, — захихикала она.

В этой мысли моя голова совершенно не нуждалась.

— Вот держи, счастливого выпуска! — сказала я, протянув ей маленькую коробочку, обернутую в бумагу цвета триколор: красный, белый и синий. Мои руки слегка дрожали.

— Иза! Ты не должна была покупать мне...

— Я и не покупала. Это было у меня уже давно.

Она, должно быть, услышала напряжённость в моём голосе, так как искоса на меня посмотрела. Но Реаган не могла удержаться от открытия подарка более чем три секунды. Три, два, один.

Она разорвала бумагу патриотической расцветки и приподняла крышечку. Затем она ахнула и отскочила назад на два шага.

— О, Боже мой! — прошептала она и подняла свой взгляд на меня, её зелёные глаза были широко распахнуты. — Это изумрудная брошь твоей мамы?

Я улыбнулась.

— Да. И моей бабушки Сесилии. Она всегда принадлежала женщинам в нашей семье. А теперь она принадлежит тебе.

Глаза Реаган наполнились слезами.

— Иза, я не могу...

Обеими руками я взяла её за руку.

— Да, ты можешь. Я хочу этого. Кроме того, она так подходит к твоим глазам...

Рыжеволосый огненный шар практически сбил меня с ног, едва не завалив на кухонный пол. Она ничего не говорила. Также как и я. Мы просто держали друг друга в объятиях, отказываясь озвучить то, о чём мы обе думали в этот самый момент. "До свидания".

— Тебе пора поторопиться, — сказала я. — Или ректор Кемпбелл совсем разозлится.

Она всхлипнула и улыбнулась.

— Стало быть, будет взбешён, верно?

— Верно.

Она приколола брошь Клэр на своё платье и погладила её.

— Хорошо, я остановлюсь в отеле "Люсия" с родителями сегодня вечером. Заглядывай, если Хейл окажется придурком. А ещё лучше, тупо его трахни.

— Реаган!

— Всего хорошего, — крикнула она через плечо и захлопнула за собой дверь.

В звенящей тишине, мои нервы разыграли в полную силу. Я отвлекла себя решением дилеммы "что же надеть". Да, это было нелепо, по той причине, что одежда будет снята в тот самый миг, как только я войду в его дом, но всё же, в моей эскапистской²³ фантазии выглядело это фактически свиданием. Очень даже одностороннее свидание. Я перемерила, по крайней мере, двадцать нарядов, прежде чем решила на тёмно-синее платье-футляр и красные туфли без каблука. Патриотично. На удачу. Затем я сходила в ванную, приняла душ. Я побрила ноги, про себя поблагодарив своих предков за генетический росчерк пера, послуживший причиной того, что волос на лобке у меня почти не было. Бразильская эпиляция была бы столь же эффективной, но более дорогим удовольствием. Если Хейл выбрал какое-то кружевное, просвечивающее изделие, выглядывающие лобковые волосы, несомненно, убьют меня, если нервы не сделают эту работу раньше, чем он покажется здесь.

Когда, наконец, я была готова и одета, мои нервы накалились до предела, и я начала потеть. Я включила напольный вентилятор и встала перед ним, поднимая руки вверх, пытаюсь

успокоить саму себя.

Хавьер будет там. Он знает тебя. Если Хейл попросит о чём-то чересчур сумасшедшем, как например, закинуть ноги за уши, Хавьер решительно воспротивится этому по эстетическим причинам. Он, как никто другой, привередлив в вопросе своего творчества. Если тебя попросят надеть стринги, ты просто вежливым образом ответь "нет" и настаивай на том, чтобы на тебе остались свои трусики. И чтобы ни случилось, не скидывай их при виде его.

Мои бёдра изогнулись от этой мысли, и мне пришлось трижды перепроверить свои трусики, дабы убедиться, что они подобраны правильно. Это были единственные кружевные трусики, которые я имела, на всякий случай если потребуется прибегнуть к ним. Мои ободряющие слова, произнесённые самой себе, не оказали никакого воздействия, так что я прибегла к моему любимому шоколаду, "Бачи"²⁴, который был запрятан на кухне в задней части ящика со специями. Как правило, я беру с собой плитку на случай чрезвычайных ситуаций. Сегодня я взяла две и запихнула их в сумочку. Затем я вернулась к вентилятору и начала повторять периодическую таблицу в обратном порядке, но уже на итальянском языке.

Когда я добралась до фосфора, дверь задребезжала под четырьмя резкими, громкими ударами. Согласно часам моего отца, в моём распоряжении есть ещё один час до того, как Хейл появится здесь. Я заглянула в дверной глазок и примёрзла к месту. Черт возьми, за дверью стоял дракон, только на этот раз это был дракон с большой буквы "Д". Что же я натворила сегодня? Ох, может быть, он решил отменить написание картины. Я наскоро составила непродуманный план и открыла дверь.

— Мистер Хейл, какой приятный сюрприз, — начала я, с огромной улыбкой на губах, мой голос прозвучал достаточно высоко, что даже летучие мыши смогли бы меня услышать.

Он шагнул внутрь. Мне показалось, что он пытался успокоить себя, но об этом сложно было говорить, учитывая дым, исходивший из его ушей. Он провёл рукой по волосам. Какого чёрта с ним не так? Мои трусики были слегка напуганы, цепляясь к моим бёдрам изо всех сил. Он сделал один глубокий вдох и взорвался:

— Вы считаете себя настолько выше всех остальных, мисс Сноу, что не соизволили присутствовать даже на своём собственном выпускном из колледжа, который пожаловал вам свою самую высокую академическую почесть? Или вам так не важна своя собственная жизнь? — проговорил он сквозь стиснутые зубы.

Ох, проклятье! Как он узнал об этом и почему его это заботит? Будь сильной, Иза.

— Мне жаль, но это не ваше дело, — я проигнорировала его второй вопрос. Что-то в этом заставило меня почувствовать омерзение.

Он посмотрел на меня так, будто я только что нанесла оскорбление его матери. По правде говоря, я подумала, что увидела, как из его ноздрей вырывался огонь.

— Не моё чертово дело? И это твой ответ? — вспыхнул он, всё ещё скрипя зубами, что как я полагала, было гораздо лучше, чем это были бы клыки.

— Да, это и есть мой ответ, — я оставалась спокойной, надеясь на то, что хоть что-то из этого скажется и на нём. Но не тут-то было.

— Более трех тысяч человек наблюдало, как ректор Кемпбелл вызвал мисс Элизу Сесилию Сноу, выпускницу-отличницу, произносящую прощальную речь, которая, как оказалось, отсутствовала, и на целую минуту вся аудитория погрузилась в тишину, и ты считаешь, что это не моё чертово дело? — он выплюнул огонь.

Дерьмо! Почему ректор Кемпбелл анонсировал это? Я же написала предателю. Ладно, не всё сразу. Сначала, разберёмся с Драконом.

— Нет, я не говорила "чёртово дело". Я сказала просто "дело".

Он посмотрел на меня, его ноздри расширились, и он прорычал в ответ, в это же время его руки, сжатые в кулаки, опустились вниз:

— Да что с тобой не так?

О, а это забавно. Он трансформировался в существо из книг Толкиена, а чудачка теперь я? Обычно я спокойное, рационально-мыслящее создание. Видимо, я не создавала впечатление таковой на прошлой неделе, но я такая. Но прямо сейчас, после того, как я недавно побрила ноги, надела кружевные трусики и усиленно тренировалась произносить его имя, при этом стоя перед дебильным вентилятором, мне захотелось выцарапать ему глаза.

— Со мной всё так, мистер Хейл. Тем не менее, исходя из вашего поведения в течение последних двух дней, могу ли я предложить, что существует вполне реальная возможность того, что что-то серьёзно не в порядке с вами? Я настоятельно рекомендую вам посетить психиатра, сэр, и, желательно, в самое ближайшее время, прежде чем вы станете угрозой улицам Портленда, и испепелите всех нас за использование нашего права, как свободного человека, ходить туда, где нам чертовски очень нравится бывать, — прошипела я, почувствовав родство с Медузой Горгоной, так как он превратился в камень от услышанного.

До того, как я успела сделать вдох, он сделал два шага вперёд, и его рот обрушился на мои губы, его руки, как тиски обхватили моё лицо.

Мощь его поцелуя пригвоздила меня к стене и заставила потрясённо выдохнуть. Его губы повторяли контуры моих губ, а его язык кружил внутри моего рта. Мои колени слегка задрожали. Словно ощутив это, одна его рука оторвалась от моего лица, скользнула вниз по моему телу и расположилась на пояснице, изогнув меня вплотную к нему и поддерживая весь мой вес. Я скромно провела языком по его языку. Я почувствовала привкус корицы и чего-то ещё, чего-то Айденовского.

Моя кровь воспламенилась, и ещё один потрясённый вздох покинул меня. От услышанного, он вжался в меня бёдрами, а его длинные пальцы зарылись в моих волосах. Он отвёл мою голову назад, так что мой рот раскрылся ещё шире. Наши языки двигались в унисон, и его ярость сменилась на отчаяние, а затем на медленный ритм, который я могла поддержать. По своему собственному усмотрению мои руки обернулись вокруг его шеи, а пальцы запутались в его волосах. Он напрягся, из-за этого я попыталась отстраниться, но он прижал меня ещё теснее, пока между нами не осталось пространства. Я чувствовала каждую линию его тела, вплотную прижатую к моим изгибам. Его зубы слегка задели мою верхнюю губу. Мне потребовалась целая минута, чтобы понять, что стон, который я слышала, исходил от меня. Он отстранился от меня, его дыхание было резким и затрудненным.

— Невыносимая женщина, — прорычал он.

Я открыла глаза. Глубина его сапфировых глаз пылала. Без поддержки его руки, мои колени снова стали шаткими и слабыми. А потом меня осенило. Проклятье, меня только что целовал Айден Хейл! И какой же это был поцелуй. Признаю, у меня не было большого опыта в таких делах, но я готова была поставить на кон формулу моей добавки, что ни одну девушку, нигде и никогда не целовали подобным образом. Я осторожно ущипнула себя, дабы убедиться, что это не сон. Да, это было более чем реально. Мои губы покалывало.

— Ты готова идти? — спросил он, его дыхание уже вернулось под полный контроль.

Несомненно, обсуждать поцелуй мы не будем. Хорошо. Что если его следующие слова покончат со всем этим? Да и что здесь обсуждать? Каким-то чудом, он хотел меня на некоем уровне, я же хотела его на всех уровнях. Этого вполне было достаточно на данный момент. Вполне хватит на всю жизнь для кого-то вроде меня.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы сформулировать мысль, не говоря уже о том, чтобы ответить ему. И даже тогда, всё, что я смогла сделать — это кивнуть и взять свою сумочку.

Он взял меня за руку, и мы вышли в первое солнечное утро портлендской весны.

Глава 15

Сад Айдена

Айден открыл для меня дверь своего тёмно-серого "Астон Мартин"²⁵. Может быть ему нравились британские вещи. Я села в машину так осторожно, как это было возможно, ощутив себя странно-потерянной, когда он выпустил мою руку. Он обогнул машину, сел в неё, и автомобиль тронулся с места. Внезапно Айден стал напряженным. Его глаза потемнели, пока он осматривал улицу со снайперской бдительностью. Напряжение в его плечах стало резко скручиваться вокруг него, подобно эластичному бинту. Мне хотелось выяснить причину этого, но я очень боялась услышать ответ.

Он включил акустическую систему, и звуки мелодии Лучо Далла²⁶ "Карузо" наполнили машину. Каковы были шансы?

— У тебя всё в порядке? — спросил Айден.

Должно быть, это было написано на моём лице.

— Да. Всё дело в песне. Мои родители любили эту композицию, — я почувствовала себя необыкновенно, словно они только что дали мне благословение.

— Я могу переключить, если это слишком для тебя, — он посмотрел меня так, будто я могу сломаться.

— Не надо, она мне нравится. Они, должно быть, там счастливы. Кроме того, я обожаю слова.

Он изучал меня в течение минуты, словно пытался разгадать некий шифр.

— Что ты в них любила?

Я пожала плечами.

— Полагаю то, как они отказывались прощаться друг с другом вплоть до самого конца.

— Было бы лучше сделать это в самом конце, — он кивнул, возвращая взгляд на дорогу.

Надвигающийся отъезд в Англию непредвиденно превратился в гарпию, уничтожая тепло, которое оставил его поцелуй.

— Итак, значит, вы были на моём выпускном? — спросила я, желая отвлечь себя от жжения в горле.

Он ухмыльнулся.

— Ну, похоже на то.

— Зачем?

Из него вырывался порывистый вздох.

— Я не хотел, чтобы ты была одна в один из наиболее грандиозных моментов твоей жизни, — он покачал головой, словно эта мысль сама по себе была заблуждением.

Это было одно из самых приятных высказываний, которые я от него слышала. Мои пальцы зудели от желания прикоснуться к его лицу, поэтому я сцепила их вместе, дабы они не стали действовать сами по себе.

— Спасибо. Это было очень чутко. И это объясняет, почему вы были так расстроены. Увы, не безумны, в конце концов.

Он тяжело задышал, словно если бы он на самом деле считал себя безумцем.

— Элиза, почему ты не пошла?

На этот момент ярость ушла. Оставив после себя нечто вроде беспокойства. Так ли это? Он беспокоится обо мне? Если следовать этой теории, то его поведение в течение этих последних нескольких дней приобретает совсем иной смысл.

Придя в замешательство, я стала пристально смотреть в окно, подавляя рыдание, готовое вырваться из меня из-за такого позднего обнаружения этого фактора во всей этой игре. Покончить с этим прямо сейчас или покончить с этим позже? Что из этого принесёт меньше боли? Болезненный спазм в моём животе дал понять, что любой из этих вариантов является ужасным. И если у меня осталось так мало времени, будет ли это таким уж преступлением постараться удержать его немного подольше? Может быть, лишь на сегодняшний день?

— Мистер Хейл —, — я умолкла, так как он своими длинными пальцами дотянулся до моего подбородка и развернул моё лицо к себе.

— Назови меня по имени, — его голос был низким и строгим, но взгляд был нежным.

— Айден, — прошептала я. Мгновенно он стал более реальным, понуждая меня немного дольше вскармливать фантазию о нас: — Айден, мы можем договориться кое о чём?

Он нахмурился.

— Зависит от того, что это.

— Не могли бы мы договориться, хотя бы на сегодня, установить эмбарго?

Он свёл брови вместе.

— Эмбарго? Эмбарго в каком вопросе?

— Секреты. Я поделюсь одним из моих секретов, а ты поделишься одним из своих. Карт-бланш для нас обоих, но всё остальное обсуждаемо, — я постаралась сохранить свой голос нежным, в попытке скрыть свою угнетённость.

Он внезапно свернул вправо и выжал тормоз. Автомобиль позади нас резко просигналил и обогнул нас, водитель кинул на нас разъярённый взгляд. Спина Айдена выпрямилась, его мышцы обозначились, и он развернул тело, чтобы быть обращённым лицом ко мне.

— Элиза, у тебя проблемы? Поскольку если так и есть, то ты должна рассказать мне. У тебя нет причин проходить через это в одиночку.

Как я могу поделиться с ним этой болью и не создать с ним связь? И куда я приду после этого? Если бы вы считали, что потеряли всё, только для того, чтобы обнаружить что есть гораздо большее, что можно потерять, рискнули бы вы этим? Или вы не стали бы рисковать и попытались бы пережить это?

— Спасибо. Я буду иметь это в виду. Итак, мы договорились? — я посмотрела прямо

ему в глаза, стараясь сохранить выражение лица спокойным.

— Нет, чёрт возьми, мы не договорились.

Он бесконтрольно окинул меня диким взглядом.

Впервые в его глазах я заметила намёк на беспомощность. Не в силах устоять, я медленно, так чтобы он заметил моё намерение, протянула руку, желая погладить его по щеке. Учитывая мощнейшее силовое поле, которое окружало его, возможно, ему требовалось некое предупреждение.

— Нет причин для беспокойства. У меня нет проблем. Давай просто попробуем. Неужели скрытная часть тебя не находит это очень привлекательным?

Он покачал головой и зажал переносицу между большим и указательным пальцами, сделав глубокий вдох.

— Как будто твоих картин и мозгов не достаточно чтобы довести любого мужчину до безумия, теперь ты ещё и это подкидываешь в огонь. Но полагаю, что я нахожусь в гораздо более выгодном положении, дабы помочь тебе, если я заключу эту сделку, нежели не заключу её. Поэтому, да, мы устанавливаем эмбарго на раскрытие секретов, — он покачал головой, как будто не мог поверить самому себе.

Да! Глоток рая на двадцать четыре часа в пучине ада. Я медленно прислонилась к нему и оставила легкий поцелуй не его щеке.

— Спасибо.

Он выглядел, как если бы его никогда ранее не целовали в щёку. Я откинулась назад, на случай если поцелуй заставил его почувствовать себя неловко. Его глаза были бездонными — светлыми на поверхности, тёмными в глубине.

Он снова завел машину, не проронив ни слова. Мы поднимались всё выше и выше по Вест Хиллс, обогнув Портлендский "Сад Роз". У меня в груди всё дрожало, и я поняла, что Айден живёт близ сада роз, как и я когда-то — хотя слово "живёт" чересчур мягкое. Царит — подходит ему гораздо лучше.

"Сад Роз" остался позади нас, а мы всё ещё поднимались вверх. Неожиданно, я осознала, что мы вступили в его владения, так же мы узнаем о приходе весны. Это ощущается в крови, прямо перед тем, как начинает таять лёд. От перепада высот у меня стало закладывать уши, и я не могла слышать ничего, кроме собственного сердцебиения. В округе не было видно домов, только густые вечнозелёные деревья и небо. Айден резко свернул влево и остановил машину перед современными железными воротами. Он скользнул ладонью по сенсорному экрану монитора, выполненному из нержавеющей стали. Ворота открылись.

Я ожидала увидеть дом сразу, но нет. Обрамленная высокими дубами и кедрами, бесконечная, словно игравшая в прятки, дорога волнами изгибалась перед нами. Справа, на зелёной поляне, был вымощен ровный круг. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это была вертолетная площадка.

В конце концов, будто являясь неотъемлемой частью природы, среди деревьев появился статный дом. За исключением того, что само слово "дом" ощущалось чересчур искусственно. Дом оказался чуть ли не продолжением первозданного леса. Всё в нём, начиная с деревянных панелей из красного кедра до тёмно-серой черепицы, серых камней из русла реки и лёгких широких окон, было органическим. Современные минималистичные линии огибали природу, а не подчиняли природу своей воле.

Айден, сидевший рядом со мной довольно усмехнулся, и я тут же прикрыла раскрытый от удивления рот.

— Тут так красиво, — сказала я.

— Становится ещё лучше.

Он улыбнулся и вышел из машины, чтобы открыть мне дверь. В тот же миг, как только я вышла из машины, он вновь взял меня за руку и прижался губами к моим волосам. Я подалась к нему, исподтишка вдыхая его особенный аромат. Мне надо найти способ упрятать его аромат во флакон.

Подойдя к двойной входной двери, он снова прислонил ладонь, но уже к другому сенсорному экрану. Дверь распахнулась, открывая вид на кремово-синева-серых тонов фойе. Как только мы вошли внутрь, практически неразличимо загорелся свет. Я один раз моргнула, и всё вернулось к нормальному видению. Хмм, может быть, я вообразила себе всё это.

Придерживая меня за талию, Айдэн повёл меня в роскошную гостиную комнату. Едва лишь мы пересекли порог, свет вспыхнул и снова потускнел, быстро мигнув. Я повернулась к нему, желая задать вопрос, но он лишь покачал головой. Я откинула это прочь, когда мир, расположенный между небом и землей, окружил меня.

Прямо передо мной открывался вид на практически осязаемый Маунт-Худ²⁷. Преломленные солнечные лучи были моим единственным ориентиром, указывающим на то, что задняя стена, отделявшая нас от вулкана, была полностью выполнена из стекла. Я моргнула, вспомнив лекцию Дентона на тему оптических качеств стекла. Это стекло, должно быть, было самым лучшим по характеристикам — почти невидимым.

Всё, начиная с открытого камина, выложенного из отполированных рекой камней, до барных стульев на кухне, которая была размером с галерею "Фейн Арт", было сделано на заказ и было шикарным. Всё было выдержанно в светло-серых и сливочных тонах, за исключением каштанового деревянного пола и огромного размера журнального столика из мореного дуба. Цвета рек и лесов. Абстракция, недооцененное искусство, и ни единого намёка на мои картины. Было что-то умиротворяющее в этом потрясающем естественном декоре.

Тем не менее, моя первая мысль была... это не одиночество. Контролируемый минимализм слишком нарочит для этого. Изоляция. Вот что это. Я искала признаки души Айдэна. На журнальном столике были сложены несколько книг. Братья Карамазовы — одна из моих любимых, стихи Байрона, роман Тима О'Брайена "Вещи, которые они несли с собой". Искупление, страсть, чувство вины, война. И поэзия. У Айдэна Хейла была душа.

Мой взгляд переместился к блестящему чёрному фортепиано, скрытому за стеклянной стеной. Моё дыхание перехватило от увиденного. Не потому, что это был редкий Бёзендорфер²⁸. А от того, что стояло на нём; это была самая удивительная композиция из цветов, которую я когда-либо видела. Цветы были не в вазе — они были помещены в низкий хрустальный террариум, подобно секретному саду. Подойдя к нему, я почувствовала себя так, словно пребывала в транс, ощущая тепло тела Айдэна позади себя.

В террариуме, возвышаясь над зелёным мхом, было представлено по одному бутону, вероятно, каждого цветка, какой только возможно было купить в Портленде. Гиацинт, орхидея, гардения, пион, амариллис, калла, лилия, роза...

— Я не знал, какие твои любимые.

Теплое дыхание Айдэна щекотало мою щеку. Это просто воздух — но его воздух, мои колени начали дрожать. Он притянул меня к своей груди, его губы, трепетно пульсируя, двигались от моего подбородка к уху:

— Итак? — прошептал он.

— Хмм?

— Любимый цветок?

Он поцеловал нежное местечко прямо за моим ухом. Я затрепетала.

— Умм...

Он довольно усмехнулся и отошел в сторону.

— Возможно, чересчур рано совмещать размышления с поцелуями.

Я покраснела до цвета амариллиса.

— Розы, — выдохнула я.

Он приподнял бровь.

— Розы? — в его голосе послышались нотки веселья.

— Что не так с розами?

— Ничего. Просто это чересчур банальный выбор для такой незаурядной женщины.

Мне захотелось поцеловать его — также сильно, как он целовал меня. Из-за этого я начала тараторить:

— Ну, мой самый любимый сорт это *Aeternum romantica*. Это сорт встречается крайне редко, так как у него практически не бывает пыльцы. Эти розы могут хорошо выращиваться в террариуме, который, конечно же, был изобретен ботаником Натаниэлем Багшоу Уордом в 1829 году...

Прекрати! Прекрати сейчас же!

Скульптурные губы Айдена изогнулись в улыбке.

— Спасибо тебе за цветы, — пробормотала я.

— А тебе спасибо за урок ботаники.

— Итак, мы можем обсудить процесс написания картины? — спросила я, дабы переключить себя со статуса "умник" на "псевдо-вожделенную музу".

Он одарил меня настоящей, с ямочкой на щеке, улыбкой.

— Да, можем. Но сначала, у нас обед по поводу твоего окончания колледжа. Об этом бессмысленно спорить, учитывая, что ты не пошла на свой выпускной, да и обед уже был запланирован.

Я сделала над собой усилие, чтобы не выглядеть изумлённой. Или не пустить слюну. Ох, эти двадцать четыре часа становились всё лучше и лучше.

— Если бы я знала, что ты будешь там, возможно я бы пошла.

Но если бы я пошла, потерял бы он настолько контроль, чтобы поцеловать меня? Вероятней всего, нет. Вот и ещё одна причина, почему всё это было великолепной затеей.

Он подвёл меня к барной стойке, и там появилась женщина в белом фартуке, с целью обслужить нас. Айден представил её, как свою экономку, звали её Кора Дэвис. Ей было под пятьдесят, у неё было милое, любезное выражение лица, и короткие тёмно-русые волосы. Она преподнесла нам на обед дикого лосося с салатом из фенхеля и яблока.

— Новая комната готова, сэр, — сказала она, и после того, как он одобрительно ей кивнул, она ушла, с улыбкой на лице.

— Новая комната? — спросила я, в то время как Айден раскупоривал бутылку какого-то вина, наименование которого было длиннее, чем целый абзац. Я не смогу его повторить, даже если ко мне приставят дуло пистолета.

Он улыбнулся.

— Да. Для твоей картины.

— Ты отвёл целую комнату для написания моей картины?

Он пожал плечами, словно это было само собой разумеющееся.

— Да.

— Почему?

— У меня есть особая идея на уме.

— Какая идея?

— Фантазия.

Его голос был нежен, но что-то в этом слове — желаемое, но никогда не осуществимое — заставило мой желудок резко скрутиться. Словно если бы он всегда был моим. За исключением того, что, невзирая на мои оставшиеся считанные дни, я хотела больше, чем просто фантазию. Захочет ли он?

— Хавьеру это понравится, — сказала я, пытаюсь отвлечься от тёмных мыслей. — Это будет его первым собственным полем действия.

Я собиралась настроить себя на более легкое настроение, но Айден поставил бутылку вина на столешницу и внимательно посмотрел на меня, его глаза были цвета полуночи. Изменение было настолько неожиданным, что у меня перехватило дыхание.

— Я задам этот вопрос лишь один раз и лишь сегодня, несмотря на наше эмбарго, — его голос потерял всё его обольщение и снова стал холодным. — В каких ты отношениях с мистером Солисом?

Мне потребовалось время на поиск слов. Я не могла отвести взгляд от его тёмных глаз. По какой-то причине, я испытала мимолетное ощущение опасности.

— Мы с Хавьером были лучшими друзьями в течение последних четырёх лет, — сдержанно ответила я. — Но он для меня больше чем друг, он — семья. Солисы спасли мою жизнь после несчастного случая с родителями.

Он медленно кивнул, и его глаза начали проследить линию моего подбородка, моего горла — словно ища что-то. Когда они так делали, в них загорался тот самый бирюзовый свет, который я ожидала, и даже знала.

— Прими мои извинения, Элиза, — теперь его голос был нежным. — Данная тема — не моё дело.

Что-то в его словах напугало меня гораздо сильнее, чем его тёмный взгляд.

— Я ничего не имею против, — сказала я, мой голос надломился.

Он медленно поднял руку и нежно провёл пальцами по моей нижней губе, а затем спустился вниз на горло. Легко, словно тёплый бриз. Но моё тело откликнулось на это с жаждой. Мой пульс готов был прорваться сквозь кожу. Мурашки покрыли всё моё тело. Он улыбнулся.

— Я не хотел тебя напугать, — сказал он, кончиками пальцев очерчивая мои ключицы.

— Я видела и хуже, — выдохнула я. — Нитроглицерин, к примеру.

На его щеке появилась ямочка.

— Всё же мне жаль. Мне очень сложно контролировать свою реакцию, когда ты поблизости.

Где-то в глубине своего разума я понимала, что стоит задать множество вопросов. Но я могла сформировать только один единственный:

— Почему?

Он вздохнул и опустил свою руку.

— Эмбарго, — сказал он, налив немного вина в бокал и передавая его мне.

Как я могла поспорить с этим?

Я сделала глубокий, успокаивающий вдох, и прикоснулась своим бокалом к его бокалу.

— Тогда за эмбарго.

Он усмехнулся, пододвигая свой стул ближе ко мне, так что наши руки почти соприкасались.

— И за женщин, которые нарушают его.

Глава 16

Только ради любви

Когда мы завершили обед, Айден вынес коробку, обернутую бумагой лилового цвета. Цвета моих глаз. Из-за того, то на ней не было бантиков, и она была аккуратно перевязана лентой, которая явно соответствовала военной организации его дома, у меня сложилось впечатление, что упаковывал он всё сам.

— Счастливого окончания обучения, Элиза, — сказал он, приподняв одну бровь. Я никогда такого не забуду.

Трясущимися руками, аккуратно, дабы не разорвать бумагу, которой он касался, я начала разворачивать коробку. Поминутно он переминался с ноги на ногу, при этом выглядя без малого взволнованным. Такая нормальная реакция заставила меня улыбнуться, и я заглянула под бумагу. То, что я увидела, ошеломило меня. Там оказалась пара совершенно новых кедров, абсолютно идентичных моим, но мои кедровы, по сути, были уже убитыми. На каждом заднике новой пары, сдержанно, тон в тон, была нанесена нашивка, на которой я прочитала:

Элиза С. Сноу

"Она идёт во всей красе".

Мой вздох громким свистом рассёк воздух. Это была строка из самого трогательного стихотворения Байрона, обожающего женщину на расстоянии. Недостигаемая, но всё же своя, во всех отношениях. А также потрясающая игра слов, так как обувь предназначена для хождения. Мне потребовалось несколько попыток, чтобы обрести голос.

— Стихотворение Байрона имеет особое для тебя значение? — прошептала я: шепот — самое уместное сейчас. Любой другой выше этого звук мог бы испортить момент.

— Да.

— Почему?

Он покачал головой.

— Эмбарго.

— Есть ли причина, почему ты выбрал его для меня?

Он улыбнулся и провёл кончиком одного пальца по моей щеке. Ласка была нарочито нежной — словно если бы он прикасался к миражу — из-за чего мне показалось, что это касание несёт в себе ответ на мой вопрос.

— Каждая строка в этом стихотворении напоминает мне о тебе, — его большой палец проследил линию моего подбородка и скользнул поверх моих губ.

Как и раньше, моё тело мгновенно отреагировало. Сердце заколотилось у меня в горле, кровь прилила к низу моего живота. Он одарил нежными поцелуями мой подбородок и щёку, поцелуи были сродни порханию крыльев бабочки.

Его шрам так близко. Действительно близко. Мне хотелось поцеловать его, но я не знала, как он получил его, поэтому лишь слегка на него подула. Он улыбнулся, но отпрянул.

— Спасибо за обувь и за стихотворение. Я буду носить их очень бережно.

Он усмехнулся.

— Может быть, мне стоит организовать похороны твоим старым кедам?

— Нет, полагаю, они достойны музея. Или, по крайней мере, стать эталоном Гиннеса.

— В таком случае, я рад за твой второй подарок, — сказал он, вынимая из коробки камеру "Никон", которая на вид была профессиональной. — Похоже, твоя старая камера готова к выходу на пенсию.

Я улыбнулась, борясь с образовавшимся в горле комом. Иронию подобно этой оставляю на волю судьбы. Айдэн подарил мне способ сохранить всё, что я потеряю.

Его большой палец коснулся моего подбородка.

— Всё в порядке?

— Ты не смог бы сделать мне лучший подарок.

Он улыбнулся, словно испытал облегчение.

— Даже телескоп "Хаббл"²⁹ не был бы им?

— Даже это.

— Тогда я отменю свой заказ. Ну, а теперь ты готова к написанию картины? — спросил он, волнение сквозило в его голосе.

Проклятье, время пришло. Я тотчас испытала недомогание как лосось, плывущий вверх по течению.

— Умм... могу ли я сначала ещё выпить?

Он улыбнулся.

— Требуется немного нейромедиаторной подпитки, вызываемой этиловым спиртом?

Я лихорадочно кивнула, покраснев с головы до пят.

— Ладно, нейромедиаторная подпитка уже на подходе.

Он наполнил мне бокал, и я осушила его за считанные секунды, не потрудившись при этом выглядеть как леди.

Впервые я услышала его беззаботный смех. Звук его смеха отражался в том самом тёплом местечке, которое он разжёт внутри моей груди.

— Ещё?

— Да, пожалуй. Не помешает.

На этот раз он наполнил бокал лишь наполовину. Я жадно выпила вино.

— Хорошо, достаточно. Мне не нужен ещё один урок о дихтономических ключах, прошлый урок заставил меня бодрствовать всю ночь.

Он с трудом вырвал бокал из моих пальцев.

Полагаю, я заслужила это. Мне хотелось попросить его провести, бодрствуя всю ночь напролет — желательно, вместе со мной — но я не была уверена, что моя нервная система выдержит это. Водород, 1.008. Гелий... Ох, чёрт побери, у меня нет времени даже на всю плитку шоколада целиком. Прекрасно, у меня есть резерв. Я тут же вытащила шоколадки

"Бачи" из моей сумочки.

Он взглянул на них и усмехнулся.

— Небольшой запас на случай чрезвычайной ситуации?

Я кивнула и съела остатки яблочных долек, затем выпила немного воды. Наслаждаться подобным образом шоколадом научила меня моя мама.

— Что ты делаешь? — спросил Айден, в замешательстве смотря на последнюю дольку яблока.

— Ох, прости. Я так ем шоколад. Не хочешь попробовать?

Как утверждали Хавьер и Реаган всем с кем они общались: я не делюсь шоколадом с лёгкостью. Но Айдену я всегда подаю руку помощи, не говоря уже о моей последней плитке шоколада.

Он улыбнулся.

— Конечно. Но причём здесь яблоки? Я никогда раньше о таком не слышал.

— Они очищают вкусовые рецепторы.

— А вода?

— Очищает рецепторы после очистки.

— Как много очистки.

— Да, но оно того стоит.

Айден снова усмехнулся, съел последнюю дольку яблока, затем выпил немного воды. Развернул плитку "Бачи" и кинул её в рот. Зная какой эффект оказывает на меня его рот, я заняла себя чтением записки, которая была внутри моего "Бачи".

— Хмм, теперь я могу понять, что такого особенного в этом. Это достаточно вкусно, — он облизал губы.

— Да, но шоколад "Бачи" подразумевается читать, чтобы достичь полного эффекта, — выпалила я, не подумав.

Он посмотрел на меня так, словно решил, что должен был построить палату, обитую войлоком, а не студию для написания картины.

— Читать? Как можно прочесть шоколад?

— Ну, в шоколаде "Бачи" спрятаны небольшие, имеющие отношение к любви высказывания внутри каждой упаковки. К тому же, само слово "бачи" означает поцелуй по-итальянски.

— Должен ли я добавить "в кровати" к высказыванию, как они делают это с печеньем с предсказаниями? — он выглядел таким греховным, его идеальная бровь надменно изогнулась.

Я покраснела.

— Я так не думаю. Это... разрушит поэтику, — пробормотала я, но всё о чём я только могла думать, так это об Айдене, произносящим "в кровати".

— Ну, давай посмотрим, что судьба мне уготовила.

Он выудил записку из серебристой обертки. Я затаила дыхание.

— Любите меня ради самой любви, — медленно прочитал он.

Глубокая складка пролегла меж его бровей. Он выглядел так, словно быстрее склонялся к тому, чтобы быть наказанным, нежели любимым ради самой любви.

— Элизабет Браунинг умела писать. Но не волнуйся, это не означает, что предсказание достигнет тебя.

Я решила свести всё на шутку, но внутри я была потрясена. Я никогда ещё не видела

такой интуитивной реакции, направленной против любви. Как будто он считал, что она не является частью его мира.

Он всматривался в меня.

— Понятно. Что сказано в твоём?

— 'Если ты подаришь мне все поцелуи мира, их всё равно будет слишком мало'.

Иносказание Секста Проперция³⁰.

— Твоё звучит веселее, — он улыбнулся, но его глаза остались непроницаемыми. Затем он взял меня за руку: — Пойдём.

Я встала, удивившись, что мои колени держат меня. Мы направились по коридору, вдоль полностью стеклянной стены; наша поступь по отполированному паркетному полу вторила нам. У самого потолка была установлена звуковая система; Нил Даймонд³¹ напевал о девушке, которой предстояло стать женщиной. Мы прошли мимо шести открытых дверей и остановились перед одной, которая была немного приоткрыта. Он открыл дверь и отошёл в сторону, пропуская меня вперёд. Я вошла в комнату, чувствуя, что вхожу в дом с привидениями и вместе с тем в сновидение.

Его спальня.

Всё здесь было серых и кремовых оттенков, но моё внимание было приковано к стенам. На стенах висели мои картины. Все они, расположились в одну линию на стене, обращённой к его кровати. Та, на которой была изображена моя шея, была первой, затем шли моё плечо, моя талия и, наконец, моя нога. Будто бы он каждый раз заново раздевал меня. Низ моего живота резко свело от этой мысли.

— В твоей спальне? Не тут я ожидала их увидеть, — сказала я, попытавшись проконтролировать свою реакцию, но потерпев неудачу, покраснела.

— А где ты ожидала их увидеть?

— Если быть честной, то не знаю. Но не здесь.

— Ну, мой кабинет кажется не особо уместным, — он усмехнулся, качая головой, как будто действительно рассматривал такой вариант.

Мой взгляд метнулся на огромную кремового цвета кровать. На ней лежала белая рубашка и пара трусиков. Я подошла и осторожно взяла трусики в руки. Мгновенно меня накрыло чувство облегчения. Не стринги. Это были шёлковые трусики-бикини, цвета моей кожи, с кружевом лишь по бокам. Я практически запрыгнула на него в знак благодарности, но это вовсе не помогло бы мне.

— Успокоило? — спросил он, забавляясь.

— Да, очень. Я представляла, что всё будет намного хуже.

— Хуже? Хмм, я бы использовал термин "лучше". Поверь мне, я довел себя до сумасшествия, думая о вариантах, — он погладил мою нижнюю губу. Её прожгло от этого прикосновения: — Я позволю тебе подготовиться. Не лучшая идея мне оставаться здесь, — он подмигнул и ленивой походкой вышел из своей спальни.

Как только за ним закрылась дверь, я осела на пол. Дыши глубоко, дыши глубоко. Водород, 1,008. Гелий, 4,003. Литий 6,94... Ох, Иза, не будь таким ребёнком. Это просто рубашка. Я поднялась, вино придало мне немного сил, взяла рубашку с трусиками, и пошла в сторону, как мне показалось, его ванной комнаты. Снова ярко вспыхнул свет. Ванная комната была впечатляющей, как и все остальное в доме, но мне не хватило присутствия духа, чтобы тщательно осмотреться. Я повернулась спиной к зеркалу, боясь, что сорвусь.

Я надела трусики, игнорируя то, как они ощущались на моей чувствительной коже. Мой

шаткий, но быстрый пульс отбивал ритм между моими бёдрами прямо по изысканному шёлку. Я взяла его рубашку и испытала порыв понюхать её. Запах сандала и самого Айдена. Как только я вдохнула его аромат, я осознала, что он уже надевал эту рубашку, возможно даже сегодня, вероятно, для того, чтобы пометить то, что принадлежит ему. Эта мысль без малого заставила меня забиться в конвульсиях, но также как, ни странно, придала мне немного мужества. Может быть, он понимал, что я буду нервничать, но буду не в силах устоять от того, чтобы не надеть её, зная, что она была на нём. Я надела рубашку, и его аромат заклеил мою кожу.

Я выглядела вовсе не как те длинноногие блондинки в мужских рубашках, которые, как создавалось впечатление, были созданы на заказ для них. Нет, я выглядела как неотёсанный подросток, одетый в чересчур большую рубашку. Её край достигал середины моих бёдер, а рукава опускались ниже кончиков пальцев, практически доходя до коленей. Остальная часть висела мешком, но, по крайней мере, этого было вполне достаточно для того, чтобы прикрыть грудь. Ткань немного просвечивалась, привлекая внимание к моим соскам, но меня не было представления, что с этим можно было сделать. Может быть, наложить на них пластырь? Проклятье, и почему я с собой не прихватила пластырь? Я начала искать его под двумя раковинами, отметив, что одна из них выглядит так, будто ей никогда не пользовались. Никакого пластыря. Нет даже ленты. Ох, чёрт побери! Я услышала стук в дверь и практически опустилась на пол.

— Элиза, я могу войти?

— Умм... ах... минутку, — мой голос в очередной раз прозвучал на частоте, которую могут слышать только летучие мыши.

Я сложила свою одежду, пригладив руками, расправила перед его рубашки, сделала глубокий вдох и открыла дверь.

Он осмотрел меня с макушки до кончиков пальцев на ногах, которые подогнулись от его взгляда. Ох, ладно, может быть ему не понравится мой вид и он положит конец этому безумию. Но его глаза горели огнём. Он взял меня за руку и повёл назад в спальню, ни на секунду не отводя от меня взгляда. Я, наверное, преодолела стадию бабочки и теперь находилась на территории "змея-и-заклинатель-змей". Он остановился в футе от кровати, его тело находилось в нескольких дюймах от моего тела.

Его пронзительный взгляд заставил меня испытать неловкость, поэтому я нарушила воцарившуюся тишину:

— Умм, хочешь ли ты, чтобы я нанесла макияж? Но должна предупредить тебя, я крайне плохо умею это делать, — мой голос прозвучал с придыханием.

Он наклонился ко мне, приблизив рот к моему уху.

— Никакого макияжа, — прошептал он, и его губы порхнули от мочки моего уха, вдоль моей челюсти, подбородка и вернулись назад.

Он повторил этот маршрут три раза. Я и не подумала успокоить своё шумное дыхание. Он отпрянул назад, и хотя его отстранённость была более знакомым ощущением, нежели его близость, я почувствовала себя потерянной.

— Не потому, что не хочу, — сказал он, словно почувствовал мои сомнения. — Если это не очевидно, Элиза, я весь горю.

Он обхватил рукой мою шею и притянул меня ближе к себе. Его эрекция властно прижалась ко мне. Ох! Насколько наглядная демонстрация.

— А ведь, в свете того факта, что в любую минуту здесь появится твой друг, я должен

ограничиться лишь поцелуями.

Он улыбнулся и начал закатывать рукава моей рубашки. Каждый раз, когда кончики его пальцев слегка касались моей кожи, моё сердце начинало стучать так громко, что я боялась, как бы он не услышал.

Закатав рукава рубашки, он отступил назад и пристально посмотрел на меня. Я была уверена, что выглядела нелепо.

— Почему ты выбрал рубашку для картины? — задала вопрос я, дабы отвлечь себя.

— Серия называется "La Virgen". Я не знаю, соответствует ли название действительности, но мне кажется, что завершение серии должно нести посыл как об освобождении, так и о принадлежности. Ты так не считаешь?

— Ты имеешь в виду принадлежности тебе?

Его глаза стали неистово-синими и тектонические плиты, которые я впервые разглядела в "Парадоксе", скрылись с поля зрения — равно как и отрешённый взгляд.

— Как минимум на картинах, — сказал он мгновение спустя

Он взял меня за руку и, выйдя из его спальни, мы направились по ещё более просторным коридорам. Наконец, мы достигли арочного дверного проёма, из которого струился яркий свет.

— После тебя, — сказал он, но прозвучало это так, будто подразумевал "для тебя".

Я в транс шагнула внутрь.

Моя первая мысль была о том, что освещение здесь не потускнело.

Моя вторая мысль... умиротворение.

Две необъятные стеклянные стены, задрапированные абсолютно белыми портьерами, собранными по сторонам, обрамляли комнату. По ту сторону стекла девственный луг откосно опускался до непроходимого леса. Небесный свет лился внутрь, окутывая комнату едва ли не сакральной атмосферой. Пол был выложен выбеленным деревом, а в самом центре, где все лучи света соединялись в земную северную звезду, стояли шезлонг и кресло, идентичные тем, что были в спальне Айдена. Остальная часть комнаты была окрашена в тёплые белые тона, подобно сказочной версии чистого листа.

— Мебель такая же, как и в твоей спальне? — приглушённым голосом спросила я, боясь осквернить непорочность комнаты.

— Да, — голос Айдена был таким же тихим.

— Почему не в настоящей спальне?

— Потому что она не для присутствия в ней мистера Солиса. И я не был уверен, захочешь ли ты этого.

В его взгляде читалось сражение, словно если бы что-то тёмное душило слабый проблеск света, который освещал сапфировые глубины его глаз в определённый момент. Я взяла его руку обеими руками.

— Ты этого хочешь?

— Я не должен, — ответил он.

— Почему нет?

Он покачал головой. У меня не было представления о том, что означали его таинственные слова, но я понимала, что тоже не должна была хотеть этого. Я погладила его скульптурную щёку, затрепетав от контрастного сочетания острых граней, мягкой щетины и восхитительной кожи.

— Может быть, на сегодня мы оба сможем притвориться, что должны, — сказала я.

Он грубо притянул меня к себе. Его губы впились в мои с новой гранью противоречия. Словно одна сила побуждала его, а другая сдерживала. Через наружную дверь послышался голос Бенсона:

— Мистер Солис прибыл, сэр.

Эффект от вмешательства Бенсона был мгновенным. Осанка Айдена стала прямой и напряжённой. Он стал выше, также как и вчера на улице у моих апартаментов. Сражение в его глазах испарилось, а его место заняла сосредоточенность снайпера. Поначалу я считала, что этот взгляд означает, будто он взбешён, но сегодня я видела сумасшествие в его глазах, и сумасшествием был Дракон. Этот взгляд нёс в себе нечто иное. Настороженность. Или защита. Прежде чем я смогла придумать, что можно было сказать, он вылетел из комнаты.

Пока я была в одиночестве, я постаралась успокоиться. Будучи одетой в телесные трусики и расстёгнутую рубашку, мне будет довольно неловко находиться здесь с ними двумя. Вскоре послышалась их поступь снаружи комнаты. Я села на точную копию кресла из спальни, скрестила руки на груди и подогнула под себя ноги. Я не смогу справиться с присутствием Хавьера.

Первыми вошли в комнату Хавьер и Бенсон, неся с собой мольберт и картонные коробки, за ними следовал Айден. Хавьер не выглядел Хавьером. На нём была надета светло-голубая рубашка с воротником, тёмные джинсы, которые я никогда ранее у него не видела. Его единственные туфли были начищены лучше, чем качественно-новый паркетный пол.

Он направился прямо ко мне и расположил коробку с вещами у моих ног. Не промолвив ни слова, он что-то вытащил из коробки. Моя белая простыня. Я едва не потеряла сознание, испытав облегчение. Он накинул её на мои плечи, так и не подняв глаз выше моего подбородка. Я натянула её на грудь, вцепившись в неё изо всех сил. Если бы я не была *en déshabillé* (перевод с франц. — раздета), я бы его обняла. Должно быть, он понимал, что я разваливаюсь на части. Он кивнул мне и слегка пожал плечами. Я кивнула ему в ответ, но затем заметила Айдена.

Его челюсть была резко-очерченной, поза неподвижной, тёмные глаза впились в спину Хавьера. До того, как я смогла сделать вдох, он быстро подошёл к нам. Его плечи резко подёрнулись, когда он встал близ Хавьера, гораздо ближе, чем я видела его стоящего рядом с кем-либо ещё, кроме себя.

— Если ты больше не хочешь в этом участвовать, я могу всё отменить, — его голос был ровным, за исключением незначительного падения на каденцию³² на слове отменить.

Два часа назад это было бы подарком. Теперь же, это казалось ударом в живот. Не столько отмена написания картины, сколько необходимость покинуть его.

— Конечно, я хочу. Я лишь надела свою рабочую форму, — улыбнулась я, указывая на свою простыню. Он внимательно изучал моё лицо, вероятно в поисках подтверждения.

— Итак, мистер Хейл, что бы вы хотели видеть на картине? — вежливо встрял в разговор Хавьер.

Айден оторвал свой взгляд от меня и сосредоточил его на Хавьере.

— Я даю вам полный карт-бланш, мистер Солис. Мои единственные условия таковы: она остается в данном облачении, а вы используете ту же тему и цветовую гамму, как и в других работах.

Я не была удивлена, услышав, как его голос снова стал холодным и беспристрастным.

Хавьер кивнул и пошёл по комнате, рассматривая её иначе, чем делаю это я, и, надо полагать, иначе, чем Айден. Он пробежался рукой по стенам, мебели, портьерам. Я знала его достаточно хорошо, чтобы понять, что в этот момент он вдыхает запахи, слышит звуки и, может быть, даже вкушает тонкий аромат сандала, витающий в воздухе.

Проводя рукой по шезлонгу, он задал свой очередной вопрос:

— Хотите ли вы, чтобы я использовал мебель, как часть послания?

— Послания?

— Да. Каждая картина несёт в себе послание. Учитывая выбор мебели, это довольно просто. Она может стоять, или может сидеть. Собирается оставаться или уходить. Или она может немного понежиться. Что вы предпочитаете?

Я горделиво заулыбалась как мамочка из родительского комитета. Хавьер знает своё дело.

Айден смерил Хавьера взглядом.

— Художник — вы. Мне будет гораздо интересней самостоятельно провести анализ.

Затем он пристально посмотрел на меня, и его слова, высказанные ранее, зазвучали у меня в ушах. Я не должен. Это всё? Компромисс между "должен" и "хочу"? Это та фантазия, которую он просит Хавьера увековечить?

— Хорошо, — кивнул Хавьер.

Взгляд Хавьера, брошенный искоса, сосредоточился на кушетке. Я готова была поспорить на свои оставшиеся тридцать дней, что его выбор на кушетку не падет. Для его манеры письма это было бы чересчур очевидным.

— Теперь, немного о деле, — сказал Айден. — Конечно, вы понимаете, что Фейн ожидает оплату за эту картину, даже, несмотря на то, что стало очевидным, кто является истинным художником. Я уверен, вы согласитесь, что лучше не давать ему повода применить ответные меры, ни к вам, ни к Элизе.

По мне пробежала дрожь. Айден был прав. Если Фейн ничего с этого не получит, он донесёт на Хавьера в CIS за воровство. Хавьер тяжело сглотнул — его собственный страх был хорошо замаскирован любезностью.

— Он сказал, что платит вам зарплату, — продолжил Айден. — Но мы все знаем, что это ложь. Поэтому я планирую заплатить вам такую же комиссию, какую я выплачиваю Фейну...

— Мистер Хейл, нет —, — начал было протестовать Хавьер, но Айден жестом руки прервал его.

— Я хочу, чтобы вы получили то, что заслуживаете, мистер Солис. По данному вопросу я не веду никаких переговоров.

Я хотела его. Прямо здесь, прямо сейчас. Не из-за его денег, а потому что он дал Хавьеру некое признание. Я знала, как много это значит для Хавьера. Хватило одного взгляда на его лицо, и я увидела ту же признательность, какую испытывала и я.

— Спасибо, мистер Хейл, — Хавьер выглядел смущённо, его глаза опустились на начищенные туфли.

— Не за что. Ну а теперь, учитывая ваши обстоятельства, я уверен вы поймете, что это значительная сумма средств будет передана из-под полы. Я проконсультируюсь со своими юристами о лучшем способе провести оплату, но с вашей стороны, с юридической точки зрения, будет лучше, если вы сочтёте написание картины не как работу, а как подарок мне и Элизе.

Я ощутила покалывание, услышав о нём и мне вместе. Лоб Хавьера нахмурился — услышал ли он тоже, что услышала и я? — но он кивнул.

— Пусть будет подарок, — сказал он.

Айден кивнул в ответ, но его взгляд был полностью прикован ко мне. "Спасибо" лишь одними губами промолвила я ему, и он улыбнулся.

— Готова принять позу? — спросил Хавьер.

— Да, — ответила я с улыбкой, решив по мере возможности облегчить это для всех.

— Хорошо, откинься на кресле, — сказал он. Я была права. Никакой кушетки.

— Чутьочку больше. Так. Расслабь левую руку вдоль подлокотника. Нет, не так словно ты упала. Вот так хорошо. Теперь ухватись за другой подлокотник своей правой рукой, словно ты поддерживаешь себя. Да, примерно так. Нет, не скрещивай ноги. Укажи своими пальчиками ног на дверь, — проинструктировал он, его глаз художника прослеживал каждое движение.

Правило Хавьера "Номер Один" — оставлять достаточно неопределённости для смотрящего, чтобы тот смог найти своё собственное послание. И эта поза соответствовала этой философии, подобно перчатке. Мне не терпелось спросить его о замысле, но он не скажет мне ничего, пока здесь присутствует Айден. Правило Хавьера "Номер Два" — никогда не раскрывать свою собственную интерпретацию своего ремесла. Я была единственным исключением в этом правиле.

Хавьер беспокойно вертел меня, пока не усадил так, как хотел. Я украдкой взглянула на Айдена. Но казалось, словно он снова поменялся местами с драконом. Его глаза были непоколебимо наведены на мои ноги, указывающие на дверь. Остальное в его позе излучало волны напряжения, сродни крыльям, покрытым чешуйками.

— Я вас оставлю, — выплюнул он и размашистым шагом вышел из комнаты, раньше, чем я успела сказать... хоть что-нибудь.

И, к счастью, до того, как Хавьер смог заметить яростный взгляд. Бенсон последовал за ним в обычной манере, держась на расстоянии в три фута от Айдена.

Почему он был зол? Какое послание он увидел в этой позе? Чтобы он не увидел, было ли это тем, чего он хотел? Я сделала глубокий вдох. Ладно, вечером, я приложу максимум усилий, чтобы уверить его в том, что если бы я могла, то не сидела бы в этом кресле, а предпочла бы лежать на шезлонге так долго, как он мог бы обладать мной.

Хавьер продолжал бродить по комнате, устанавливая мольберт, намечая концепцию, но занимался он этим молча.

— Ну, было достаточно мило с его стороны заплатить тебе так же, как и Фейну? — начала я.

— Да, очень мило, — он прозвучал немного расстроено.

— У тебя всё в порядке? — спросила я, пока он измерял высоту кресла.

Он призадумался и затем поднял на меня взгляд.

— А у тебя?

Я улыбнулась.

— Да. На удивление сегодня хороший день.

В течение нескольких минут он всматривался в меня, а затем глубоко вздохнул.

— Будь осторожна, пожалуйста. Он, похоже, немного ревностный. Я не знаю — но что-то не так.

— Что именно? — мой голос был одновременно и настороженным и пытливым.

Лоб Хавьера изрезали морщины, и он прищурил глаза, будто рассматривал образ.

— Он слишком отчаянно этого желает, — он покачал головой, как если бы образ ускользал от него.

Отчаянно желает? Не все ли мы отчаянно нуждаемся в своих фантазиях?

— На всякий случай держись на расстоянии. И так уже ситуация достаточно плоха без всего этого, — он мановением руки указал на комнату.

Я задрожала и ещё сильнее стиснула простыню. Он был прав, как всегда. Но сегодня — день без демонов.

— Я буду осторожна, — ответила я быстро. — А теперь расскажи мне какие у тебя задумки насчёт картины?

Он снова покачал головой, но выложил:

— Ну, ты больше хочешь остаться здесь, чем уйти, поэтому ты будешь сидеть и чувствовать себя расслаблено. Но мы знаем, что ты вынуждена уйти, таким образом, твои ноги указывают в направлении двери, чтобы наглядно продемонстрировать противоречие и неопределенность. Он сможет увидеть всё, что пожелает в этом образе.

Великолепно. Хавьер предоставил мне выбор в искусстве, в то время когда в настоящей жизни у меня его не было.

— С таким посланием я полагаю, ты не захочешь, чтобы я ухмылялась как сумасшедшая или выглядела угрюмой?

Хавьер улыбнулся.

— Ты правильно полагаешь. Я хочу, чтобы ты была сама собой. Думай только о сегодняшнем дне, только об этой комнате, и только о том, что ты чувствуешь прямо сейчас, — он взъерошил мне волосы и побрёл к своему мольберту.

Его глаза сфокусировались на мне. Я начала было закрывать глаза, но вдруг вспомнила, что на этот раз они должны быть открытыми. Звук движения грифеля по холсту сделал своё дело. Вскоре я стала витать в облаках.

Я стала гадать, где сейчас в этом роскошном доме был Айден. Может ли он нас видеть? Тотчас, я испытала трепет. Сама мысль о его взгляде на мне — то первобытный, то нежный — заставила меня пылать. Чем мы займемся, когда останемся наедине? Будет ли он всё ещё неистовым и прижмёт меня к стене, сорвёт мою простыню и прорычит мне на ухо "ты остаёшься"? Или это будет нежный Айден, который купил все до единого цветка, полагая, что среди них окажется мой любимый? Я не знала какого Айдена желала больше. Был ли способ объединить их вместе? Поцеловать их, укусить их. Мои бедра изогнулись, и я заёрзала в кресле.

Хавьер поднял взгляд.

— Что с тобой? Ты вся покраснела.

— Правда? Должно быть жарко из-за светильников, — пробормотала я.

— Тебе нужен перерыв или что-нибудь ещё?

— Нет, нет! Продолжай.

Перерыв это всё, что мне требовалось в данный момент. Я хотела, чтобы это закончилось поскорее, потому что прямо сейчас, в рубашке, пахнущей Айденом, мои нудящие бёдра были не единственной проблемой. Более серьёзная проблема была тем, в чем была я абсолютно уверена, что люди подразумевают под "действительно влажная". И шелковые трусики, очевидно, наглядно демонстрируют это. Водород 1.008, Гелий, 4.003, Литий, 6,94... Ох, чёрт, это не помогает. Верно. 173 на 432 — умм — 74,736.

— Всё. Объявляю перерыв, — наконец сказал Хавьер, качая головой.

Было вдвойне хорошо, поскольку в комнату вошла миссис Девис, принося лёгкие закуски и напитки. Я напала на мороженое, как отчаявшийся эскимос в пустыне Сахаре. После хлеба, салями и сыра, Хавьер снова вернул меня к работе.

Я вновь заняла своё место, мой взгляд переместился на настенные часы. Мгновенно каждая капля желания, которое опустошало моё тело всего минуту назад, исчезла. Тридцать дней. Было довольно мучительно сложно распределить их между Реаган, Хавьером и Солисами. Как вообще я могу подарить один единственный день Айдену? И что произойдёт, если подарю? Он уже ощущался неким образом существенно-важным для меня. Если я впущу его, способна ли буду отпустить его?

— Ладно, на сегодня всё, — объявил Хавьер, выдернув меня из мыслей.

Запнувшись, я приподнялась и вытянула ноги, прижимая простыню к груди, пока Хавьер складывал свои кисти.

— Ты собираешься всё оставить здесь?

— Да. Мне надо провести ещё несколько сессий, прежде чем вернуться к Фейну. Но сначала я сделаю твой эскиз, так тебе не придётся тратить своё время на это.

Когда он закончил собирать свои вещи, Бенсон предложил отвезти его домой.

— Иза? — Хавьер посмотрел на меня. — Ты идёшь?

Полагаю, я знала, что он спросит меня об этом.

— Думаю, я проведу сегодня вечер с Айденом.

Тень беспокойства затуманила взгляд Хавьера.

— Но я увижу тебя завтра. Да и частенько буду видеть после этого, до —, — я не смогла закончить предложение, так как у меня стянуло горло. А ещё и потому, что в комнате находился Бенсон.

Хавьер долго всматривался в меня — изучая моё лицо, подобно карте. Я не знаю, что он увидел там, но его губы слегка поджались, подбородок сморщился.

— Ты тоже нам нужна, дорогая, — ответил он и, кивнув на прощание, бросился вон из комнаты, Бенсон последовал за ним.

Удушьяющий вздох вырвался из моей груди, но я со скрежетом сжала зубы. Я побежала вниз по коридору, напрямик в спальню Айдена, борясь с пылающим в горле огнём. Моя одежда лежала у подножья кровати, там же где я её и оставила. Я медленно вошла в ванную комнату, закрыла дверь на замок и надела одежду. Неожиданно для самой себя, я решила оставить на себе свои новые трусики. Кто знает, что произойдёт сегодня вечером? Откровенно говоря, возможно я была самонадеянной, так как Айден не просил меня остаться. В противном случае, я оставлю их себе как сувенир.

Идея о ночи, проведённой здесь, развевалась надо мной, как Американский флаг в офисе миграционной службы. Я села на край мраморной ванны, которая выглядела так, словно могла вместить в себя минимум шесть человек. Этот образ заставил меня испытать

приступ тошноты. Как много женщин побывало в этой ванне, сидело здесь точь-в-точь, как и я, вероятно ощущая такое же, как и я, отчаяние в вопросе Айдена Хейла? Могу ли я бы просто следующим номером? Могу ли я быть нечто большим? Даже когда часы отсчитывают моё время?

Подсознательно я крепко сжала часы отца, и благодаря силе этой хватки два ответа возникло из хаоса:

Во-первых, Айден Хейл — тёмная личность, возможно даже и опасная. Её предупреждающие знаки — мерцающий свет, отрешённый взгляд, физическая сдержанность, ярость, неистовство, которые исходят из него в определённые моменты — живые доказательства этой гипотезы. Правильным решением будет покинуть его и провести каждую оставшуюся у меня минуту с Хавьером и Реаган.

Во-вторых, я не смогу сделать этого.

Глава 18

Вне времени

Я вышла из спальни Айдена и направилась в сторону гостиной комнаты. Я потупила взор и удерживала его на своих красных туфлях, репетируя свои следующие слова, в тот момент как едва не столкнулась с ним на кухне. Ярость, похоже, куда-то испарилась. Он выглядел страстным, даже вызывающим головокружение. Это был образ, который вводил меня в заблуждение больше всего остального. Явная радость среди мрачности и изоляции. Такой же заключённый, как и я им. Я не смогла сдержать усмешку, которая разрывала моё лицо пополам.

— Ты же не пыталась ускользнуть, верно?

— Нет, вообще-то, я пришла в поисках тебя. Наверное, хорошо, что я не ушла далеко. Скорее всего, я бы потерялась.

Он рассмеялся.

— Тогда я думаю, самое время для экскурсии по дому. У меня не было шанса показать тебе всё ранее.

— Может быть, мы совместим это с уроком по искусствоведению. Ты же понимаешь, такие аспекты как, к примеру, двусмысленность указывающих кончиков пальцев ног.

Он снова рассмеялся.

— Я мог бы исследовать эти указывающие пальчики.

Пальчики, о которых шла речь, подогнулись от предвкушения. На мгновение я задалась вопросом, должна ли я навязать ему лекцию, но мой взгляд упал на настенные часы. Уже прошло шестнадцать часов и пятнадцать минут нашего эмбарго.

Его указательный палец лёг мне под подбородок.

— Никаких часов сегодня, — прошептал он и обнял меня за талию, склонив своё неземной красоты лицо к моему лицу.

Поцелуй был нежным и спокойным. Его язык очертил мои губы раз, два, три раза, четыре. Он не спешил. Мои губы приоткрылись, и только тогда его язык проник внутрь. Его руки стиснули мою талию сильнее. Неожиданно медленного темпа мне стало недостаточно.

Я ухватила его нижнюю губу зубами и прикусила её так, как мне этого хотелось с момента, как я завелась в комнате, отведённой для написания картины. Он застонал и зажал в кулак мои волосы, отведя мою голову назад.

Он опустил свои губы к основанию моего горла.

— Эта первая часть твоего тела, которую я увидел на твоей картине, — прошептал он. — Мне ничего так не хотелось, как поцеловать её.

Его губы порхали по моей коже. Я была в огне. Тёплая пульсация между моих ног вызывала дрожь до тех пор, пока не затрепетала остальная часть меня вдоль и поперек.

Он отпрянул назад и взял меня за руку.

— Давай закончим эту экскурсию.

Он подошёл к настенным часам и выключил их. Затем он отключил микроволновку, духовой шкаф и звуковую систему. Он выключил все часы. Мы прошли по всем комнатам, и где бы он ни увидел часы, он выключал их и дарил мне поцелуй. Властный поцелуй, нежный поцелуй, долгий, мимолётный, с легкими покусываниями, смакующий поцелуй, воздушный поцелуй, вплоть до того, пока единственным, что удерживало меня от падения на деревянный пол, не оказалась его первобытная хватка вокруг моей талии.

В конце концов, мы вошли в его библиотеку. Она могла соперничать с коллекцией редких изданий Рида. Ряды полок из красного дерева от пола до потолка тянулись вдоль стен, на них хранились сотни, возможно тысячи, книг. Шахматная доска ручной работы была установлена в углу. Если бы мы не сгорали от нетерпения, и мои часы не вели бы свой отсчёт, я бы просидела здесь всю ночь напролёт. Он улыбнулся, заметив благоговение, которое, должно быть, было написано на моём лице.

— Что значат мужчины в сравнении с книгами и библиотеками, — усмехнулся он, перефразировав выражение Элизабет Беннет из романа "Гордость и предубеждение". Настолько чертовски умно.

— Вся их борьба была тщетной. Ничего не выходит, — исковеркала я слова мистера Дарси.

Он рассмеялся и прижал меня к себе сильнее.

— Действительно, тщетно, — сказал он, целуя меня в присутствии Остин и тому подобное.

Выходя из библиотеки, я заметила на полке каллиграфическую ручку с длинным чёрно-белым пером. Красивый Амхерст³³.

Он заметил мой взгляд.

— Подарок моей матери. Она посчитала, что это подходящая мужчине ручка. Она купила одну для меня и вторую моему отцу, когда они были в Европе, — он закатил глаза, но когда он говорил о своей матери, в его глазах появилась какая-то болезненная тоска.

— Красивое, — прошептала я, подумав о перьевой ручке своей мамы, лежащей на моем комодe.

Это было подобно последнему предупреждению, предостерегающему от шага к ещё большим потерям. Я оттолкнула эту мысль прочь и взяла в руки перо. Оно трепетало, как и я. Я ласкающим жестом провела им по его щеке, немного задержавшись на шраме. Он взял перо из моих рук и пробежался им по моим губам, линии подбородка, шее и ключице. Мое дыхание стало прерывистым.

Держа перо в руке, он повёл меня из библиотеки вниз по коридору, и, наконец, привёл в спальню. Он отключил будильник и снял свои часы "Одемар", вытащил головку подзавода и

положил их в комод. Его глаза пылали. Неторопливо, но с целеустремленной сосредоточенностью он направился в мою сторону.

Каждый мускул в моём теле скрутило в спираль и натянуло. Низ моего живота сжимало тёмной, вызывающей привыкание болью. Я была готова. Я хотела этого. Он нежно прикоснулся к моему лицу, всматриваясь в меня в поисках разрешения. Я смогла лишь кивнуть и потянулась к часам моего отца. Я не снимала их в течение четырех лет, но сегодняшний день был вне прошлого. Мои руки дрожали, пока я отстёгивала застёжку. Айдена обхватил мою руку своей ладонью. Я полагала, что ощущаться это будет так, словно с меня сдирают кожу, но от прикосновения Айдена моё запястье испытало лёгкость.

Когда часы были сняты, мы их не остановили. Он аккуратно положил их в комод рядом со своими "Одемар". А затем он посмотрел на меня, одарив искренней улыбкой.

— Пусть время остановится, Элиза.

Глава 19

Шедевр

Свет в спальне был приглушён. Никаких звуков, только ночь, и моё шумное сердцебиение. Он так близко, очень близко. Я чувствовала аромат сандала. Корицы. Айдена. Я не видела ничего, кроме него. И он обратился частично в хищника, частично в мужчину. Расплавленная синева его глаз подталкивала, плавилась, затягивала в омут, леденила и пробуждала снова и снова, в какой-то внутренней борьбе.

Он погладил пальцами мою щёку, спустился ниже вдоль линии подбородка, пока не достиг моих губ. Большим пальцем он обводил мою нижнюю губу, и край его ногтя слегка задевал мою кожу, взад-вперёд, взад-вперёд. Мои глаза закрылись, голова медленно склонилась набок.

Затем обе его руки обрамили моё лицо.

— Открой глаза, — прошептал он. Я повиновалась, но мои веки были тяжёлыми.

— Элиза, ты делала это раньше? — его голос был тихим, подобно ночи. Я смогла лишь покачать головой в отрицании.

— *La virgen*, — выговорил он. — Ты уверена, что хочешь этого?

Хочу ли этого, да. То, что следует после, нет. Я кивнула. Несомненно, способность говорить покинула меня. Его губы подмяли мои. Я почувствовала его горячее дыхание на своих губах.

— Я должен бы остановить тебя, но не могу. Потому что каждый день, каждый час — бодрствуя или во сне — с того момента, как я увидел твою первую картину, ты преследуешь меня, — его голос был натянутым, а огонь в его глазах разгорался всё ярче.

Одна его рука покинула моё лицо и устроилась на моей поясице. Он прижал меня к своему телу. Ещё сильнее, ещё собранней. Для меня. Он поднёс губы к моему уху:

— Думаю, настало моё время преследовать тебя в ответ.

"Ты уже делал это" хотелось мне произнести в ответ, но я не смогла найти свой голос.

Его губы нежно коснулись мочки моего уха, это было подобно касанию пера, которое

лежало на кровати рядом с нами. Он захватил мою мочку рта, прикусив и нежно потянув её зубами. Моя спина стала неподвижной, и по ней прокатилась дрожь, как по натянутой струне. Трусики, которые он выбрал для меня, теперь ощущались влажными и прохладными. Моя разгорячённая кожа была им благодарна за это.

Он поцеловал местечко чуть ниже уха, потом проложил поцелуями линию вдоль моего подбородка, и спустился к шее. Его другая рука сжала в кулаке мои волосы и отвела мою голову назад так, что он смог оставить поцелуи на моей шее, начиная с самого основания, следуя вверх до моего подбородка, и, наконец, вернулся к моим губам. Я уже скучала по нему. Его язык был живым. Он кружил вместе с моим языком, плоть к плоти. Я медленно потянулась, желая обернуть свою руку вокруг его шеи и запустить пальцы в его волосы. Это была близость в новом виде.

Он начал целовать мою щёку, нос, веки. Я запаниковала.

— Пожалуйста, только не целуй меня в лоб, — прошептала я.

Я не открывала глаза, боясь увидеть неожиданные эмоции на его лице. Я понимала, что прозвучала как ненормальная, но это был самый наилучший момент, чтобы всё испортить. Его губы остановились.

— Посмотри на меня, Элиза.

Я открыла глаза, находясь в ужасе от того, что он посчитает меня непомерно изувеченной изнутри, с чересчур большим багажом за душой.

— Почему ты попросила меня об этом?

Я тяжело сглотнула и выдавила из себя шёпот:

— Мой папа целовал меня в лоб. Я не смогу вынести этого. Ты можешь целовать меня везде, где захочешь. Всё что угодно. Но не там.

Он резко втянул воздух, а его глаза стали невыносимо нежными. Этот звук знаменовал собой трансформацию. Со стоном он раскрыл мои губы своим языком, и мы потерялись друг в друге. Внезапно я поняла, что вплоть до этого момента, он колебался. Но мои слова поставили точку во всех сомнениях, которые были у него, и теперь он действовал несдержанно.

Приласкав мою спину, он обхватил мою попку. Сначала это было нежным прикосновением, затем жёстким. Он вжал меня в свои бедра, и всплыла на поверхность та его сторона, которая сеяла хаос во мне весь день напролёт. Он дразнил меня, дыша всё тяжелее. Прикусив мою нижнюю губу, он потянул её. Это не было нежным. Это причинило боль, но эта боль разожгла безумство внутри меня. Я потянула его за волосы, и, не задумываясь, прикусила его губу в ответ. Мои мышцы напряглись под его руками, тогда как я начала плавиться под его прикосновениями.

Он ухватил подол моего платья и медленно его поднял. Когда оно, наконец, было снято, он отбросил его с такой силой, что оно долетело до задней стены комнаты. Я стояла перед ним облачённая лишь в кремовый кружевной бюстгальтер, который явно не гармонировал с купленными им трусикам. Похоже, его это вовсе не волновало. Его глаза светились триумфом, когда он отступил на шаг назад.

— Ты великолепна, — прошептал он. — Даже лучше, чем я себе представлял. А это уже о чём-то говорит.

Здесь не должно было быть места скромности, но оно было. Я заставила себя посмотреть на него, вместо того, чтобы опустить взгляд. На нём было так много одежды. Я никогда раньше не видела обнажённого мужчину, но казалось, что Айден не принадлежал к

тому же виду, что и все остальные мужчины.

Не будучи уверенной, что могу двигаться, я попробовала сделать небольшой шаг к нему. Нерешительно я приподняла руки, чуть ближе к его ремню. В тот момент, как я ухватилась за него, он обернул свои руки вокруг меня и прошептал:

— Начни немного выше. Или это свершится гораздо раньше, чем любой из нас этого желает.

Я не смогла сдержать свою самодовольную усмешку. Это заставило его ухмыльнуться, веселье вернулось в его глаза. Я начала расстёгивать его рубашку, но мои пальцы тряслись. После первых двух пуговиц, он выдохнул, схватил мои руки и разорвал рубашку. Пуговицы разлетелись в разные стороны.

— Это надо делать так, — сказал он, будто таков был его привычный способ раздеваться.

Это насмешило меня и одновременно заставило испытывать неловкость. Это было... Я не могла подобрать слов. Прожигающе рассудок сексуально? Это лучшее, что мне пришло на ум.

Под рубашкой у него была надета футболка. Она облегалась каждый его мускул, подобно обёрточной бумаге на подарке. Я скользнула пальцами под край футболки и начала снимать её, загипнотизированная его телом, которое дюйм за дюймом открывалось передо мной. Сначала появились жёсткие края V-образного рельефного торса, исчезающие под его низко посаженными джинсами. Затем появились короткие тёмные волосы, которые дорожкой опускались вниз от пупка. И каждый пик, и каждая впадина его накаченного торса были идеально-симметричными. Я замерла и изумленно рассматривала его тело. Я не знала, как долго это происходило, но со временем звук прочищаемого горла привёл меня в чувства.

— Элиза, когда ты основательно закончишь с вождением осматривать моё тело, не была бы так добра полностью снять с меня футболку?

Я тут же подняла взгляд, заметив, что из-за своего благоговейного трепета, я совсем забыла о футболке. Футболка закрывала его лицо и безвольно свисала вниз по его спине.

— Ох, прости, — пробормотала я, жар опалил не только моё лицо, но и всё моё тело.

— Не стоит. Ты можешь игнорировать моё лицо в пользу моего тела в любое время, когда пожелаешь.

Я сняла с него футболку, и его великолепное лицо вновь предстало перед моим взором. Я поднялась на кончики пальцев ног так высоко, как смогла, и поцеловала его в губы.

— Такое лицо невозможно игнорировать, — пробормотала я ему в губы.

Он углубил поцелуй. Я не смогла устоять от того, чтобы не втянуть его нижнюю губу и нежно её прикусить. Его стон сделал меня смелее. Я положила руки ему на плечи. Его мышцы пульсировали под моим прикосновением. Он тяжело дышал, но мне было хорошо знакомо такое дыхание. Оно было таким же, как и моё. Быстрое и поверхностное. Я опустила руки ему на грудь, а затем мучительно медленно провела ими по его грудной клетке, его животу, вдоль пояса его джинсов.

Я щёлкнула пряжкой ремня и расстегнула его. Затем я перестала двигаться и бесстыдно устала на ремень. Что конкретно я буду делать с выпуклостью, которая выпирала через его джинсы?

Не будь смешной, он будет направлять тебя, отругала я себя. Я втянула в себя воздух и расстегнула ширинку. Скользнув руками под его джинсы, я начала снимать их, молясь единственной рационально-мыслящей клеткой моего мозга, чтобы они ни за что не

зацепились. Рокот вырвался из его груди, но он не торопил меня. Возможно, он позволил мне наслаждаться моим первым в жизни открытием. Я осела на пол вместе с его джинсами и стянула их с его ног вместе с ботинками и носками. Даже его ноги были привлекательными. Я откинула джинсы на спинку кресла, осознавая, что только что предстала перед скульптурой, сотворённой по заказу лично для меня самим Микеланджело.

Его ноги были слегка усыпаны темными волосками. Мои глаза прослеживали их, поднимаясь вверх, пока моя голова не откинулась назад. Жёсткие мышцы воспарили к небесам. Вернее к одному и только единственному богу, который теперь пленил весь мой фокус: на нём были надеты плотно-прилегающие тёмно-серые боксеры. Медленно поднявшись и убедившись, что мои ноги смогут поддержать меня, я потянулась к ним, пробежавшись пальцами вдоль края, где он встречался с его кожей. Он напрягся и дёрнулся под моими руками. Я собрала последнюю каплю мужества, подпитываемого грызущей потребностью в моих жилах, и опустила боксеры на пол.

Он возрос, как будто сорвался с цепи, будучи слепым ко всему, кроме меня. Твою ж мать! Обнажённый мужчина — это совершенно иное измерение. Утилитарный и красивый. Непристойный и романтичный. И единственная ось, удерживающая противоречия вместе, теперь стояла прямо передо мной. Горячий. Тяжёлый. Жёсткий. Настоящий. Член.

С первого же взгляда, благоговение и всё остальное покинуло меня. Мною начал управлять инстинкт. Мужчина и женщина.

Айден наблюдал за мной, в его взгляде читалось изумление и голод.

— Это не так страшно, не так ли? — поддразнивал он меня. — Поверь мне, всё будет хорошо.

Я кивнула. Он понимал лучше меня. Поразительно быстро он проложил маленький шаг между нами. В тот же миг, я оказалась в его руках, мои ноги, обернулись вокруг его талии, а мой бюстгальтер был снят. Должно быть, он был волшебником. Или, может быть, мой бюстгальтер расплавился сам по себе. В любом случае, я не могла беспокоиться об этом, так как он поцеловал меня с таким отчаянием, которое я никогда прежде не ощущала. Я отдала ему в ответ всё, что имела. Должно быть, я получила на это право, потому что наши стоны сплелись. Его торс пульсировал напротив моего горячего влажного местечка между ног. Низ моего живота трепетал. Я сильнее обхватила его ногами, частично боясь двигаться, частично испытывая сумасшествие от потребности в этом.

Он сделал два шага к кровати и уложил меня на неё, встав между моих ног. Он посмотрел на меня с такой страстью, что мои руки взметнулись вверх, дабы прикрыть свою грудь, но он схватил их и отвел в сторону.

— Не надо, — сказал он. — Позволь мне посмотреть на тебя. Никаких твоих картин сегодня. Только ты.

Я не смогла спрятаться. Под его взором я чувствовала себя женщиной. Не потому что моя грудь ощущалась налитой, потяжелевшей, а из-за того, что впервые в своей жизни на меня смотрел мужчина. Интуитивно я выгнула спину, желая его прикосновений. Но он коснулся моей кожи пером ручки. Я почувствовала себя подобно чистому листу.

Перо заскользило по моим щекам, челюсти, шее, ключице, плечам, груди, рёбрам, талии, бокам, трусикам и бедрам. Оно прокладывало путь, подобно линиям на картинах. Айден вернул перо обратно вверх, вырисовывая другие линии, прожигая новые пути. С каждым шорохом пера, я превращалась всё больше и больше в лампу накаливания.

— Я знал это. Нигде на теле нет никаких больше родинок, — сказал он, пока перо

описывало круги вокруг трёх родинок на моём бедре.

Он поочередно касался меня то пером, то кончиком стержня. Мягкий и твёрдый, гладкий и острый. Вырисовывал круги вокруг моих сосков, на моей груди. Ощущалось это так, словно он писал на мне. Я старалась разобрать буквы, слова. Что-то я упускала. Что-то распознавала. Я. Моя. А. Х. Трепет в нижней части моего живота стал дрожью, действующей по собственному усмотрению.

Перо проложило путь вверх к моим губам и порхало над ними.

— Скажи мне чего ты хочешь, Элиза, — прошептал он, пока перо описывало мою грудь и соски. Круг за кругом. Их стянуло, они болели, они нуждались в чём-то более сильном и, хотя они были сравнительно небольшие, они приподнимали остальную часть моего тела, желая прильнуть ближе к его руке.

— У меня нет слов, — ахнула я, и он улыбнулся.

Он откинул перо в сторону и склонил своё тело надо мной. Плоть к плоти впервые в моей жизни.

— Нет, я полагаю их и не должно быть у такой невинной, как ты. Позволь мне дать их тебе. Повторяй за мной, — он склонил своё лицо ближе ко мне.

— Рот, — сказал он.

— Рот, — прошептала я, и он накрыл мой рот своим.

Его губы были горячими и влажными. Они повторяли мои формы, уговаривали, изгибались и укутывали мои губы.

— Язык, — промолвил он в перерыве между поцелуями.

— Язык, — выдохнула я в ответ, и наши языки вновь закружили в страстном танце. Вскоре его темп оставил меня позади.

— Горло, — его губы путешествовали по моему подбородку, колеблясь и ожидая, когда я заговорю.

— Горло, — мой голос стал частью тишины, моё дыхание было настолько громким, чтобы позволить чему-либо другому прозвучать, но он вмешался.

— Кожа. Прекрасная кожа.

Я произнесла это, и его губы очертили мою ключицу.

— Плечо.

Он проложил новый путь и нежно поцеловал меня в плечо.

— А теперь сложные слова, Элиза. Они с каждым разом будут всё сложнее и сложнее. Произнеси их, — приказал он.

Он произносил слова и перемещался, слова, повторяемые мной, становились всё больше и больше похожи на мольбу. Он остановился на моей груди. Его губы сомкнулись вокруг моего левого соска и нежно втянули его в рот, в то время как его рука зажала другой сосок. Поцелуи, посасывание, покусывание, некоторые укусы были нежными, подобно капелькам, другие же были гораздо жёстче, чем его сжатие или касание кончика птичьего пера. Моя дрожь стала насильственной. Он переключился на другой сосок и жёстко всосал его, чередуя острые укусы с нежными ласками языком. Все до единой мышцы ниже моей талии извивались и горели. Каждый взмах его языка посылал новую вспышку сквозь меня, и в тот момент, когда я уже была на краю пропасти, его рот двинулся ниже.

Живот. Пупок. Талия. Бок. Ягодица. Бедро. Я повторяла его слова в оцепенении. Каждый раз, когда его губы прикасались ко мне после того, как я произносила слово, пульсация между моих ног становилась всё сильнее.

— Повтори, Элиза, — проговорил он, и только тогда я поняла, что упустила последнее слово.

Последнее слово. То, которое заставляет мир вращаться. Он повторил его снова — чувственно, грязно, жизненно — пока нежно ласкал плоть близ выбранных им трусиков, которые теперь дрожали. Его горячее дыхание воспламеняло мою кожу. Я понимала, что он ждёт меня. Ах, подумаешь. Я повторила за ним последнее слово, прозвучало оно как призыв к спасению, и он прижался губами и носом к моим трусикам. Я стала извиваться, и он отступил. Удовольствие становилось болезненным. Пожалуйста. Теперь, я умоляла его в своих мыслях.

— Они были влажными весь день напролёт, не так ли? — спросил он. Мой стон полностью подтвердил его догадку, а мои бедра качнулись в его направлении по своему собственному усмотрению: — Мне бы хотелось разорвать их в клочья, но я довольно сильно привязался к ним, — одним быстрым движением он стянул их с меня.

Впервые в жизни я была обнажена перед мужчиной, мои руки метнулись прикрыть себя.

— Прекрати это.

Он развёл мои руки в стороны отнюдь не бережно. Он выглядел восторженным. Его контроль тоже испарился. Хорошо, что он не мог тянуть время гораздо дольше, и, честно говоря, я вспыхну, если он будет оттягивать момент дольше. Он начал прокладывать тропинку из поцелуев внутри моего бедра. Его путь назначения был очевиден. Достигнув его, он подул на моё лоно своим тёплым дыханием, заставив меня зашипеть. Он подарил маленький поцелуй моей лобковой кости. Его щетина щекотала. Его слова дождём обрушились на меня снова, теперь уже в предложениях, командах, гораздо грязнее и, как ни странно, более романтично. Более интимно. Некоторые я смогла повторить, некоторые нет. Он по-прежнему не смущался и, наконец, в итоге достиг центра, где исступление творилось сильнее всего.

Его рот накрыл мою эрогенную зону в тот самый момент, когда один из его пальцев скользнул внутрь меня. Мой возглас расколол воздух, и я сжала в кулак покрывало. Мои бедра начали изгибаться сами по себе. Он укротил меня другой рукой и начал посасывать в одном ритме с движениями своего пальца, заставляя меня послать ещё одну мольбу в воздух. Затем его язык перехватил инициативу, кружа над моей плотью и вылизывая меня, а его второй палец присоединился к первому. Давление его рта на мне усиливалось. Все мои мысли рассеялись. Быстрее. Глубже. Жёстче. Я натянулась как тетива. Возносясь. Опадая. На мои глаза опустились шторы. Темнее по краям. Ломаясь. Сгорая. Призывая. Огонь. Лёд. Воздух. Айден. Айден. Айден.

Крик отражался эхом от стен и в моей голове. Я упала назад на кровать. Я парила в облаках? По мере того как мир приобретал свои очертания, я всё ещё ощущала его рот на мне, но теперь в поцелуях, подобно убажывающему, успокаивающему порханию.

Я чувствовала себя новой. Почти божественной. Благословение через грех — какой хороший замысел. Я посмотрела на него, и он выглядел победителем. Он прослеживал путь поцелуями вверх, вверх и вверх, пока не оказался на одном уровне со мной, лицом к лицу.

— Привет, — прошептал он, его голос надломился от собственной потребности.

— Привет, — хрипло шепнула я в ответ.

Интересно, смог ли он увидеть боготворящее обожание в моих глазах. Он поцеловал мои губы, и моя единственная рационально-мыслящая клетка мозга отметила для себя те

места, где его рот только что побывал. Меня совсем это не заботило. Его отчаяние прорывалось через поцелуй, и он запутался пальцами в моих волосах, потянув за них чуть ли гневно. Его зубы приструнили мою нижнюю губу, а язык начал требовать повторения внутри моего рта.

Когда он разорвал поцелуй, его голос был гортанным, сиплым:

— Я нуждаюсь в тебе. Ты всё ещё хочешь этого?

— Да, — уверенно ответила я, — больше всего на свете, — мой голос был наполнен такой нуждой, что это слышала даже я сама.

Как могла я жаждать его так отчаянно, после того, через что моё тело только что прошло? Хотя, может быть, именно потому, что моё тело теперь знало это, и, наконец, может свободно парить и опадать.

Мгновение он пристально смотрел на меня, словно не мог в это поверить. Нечто новое появилось в его глазах. За непристойной потребностью, хищником, темнотой — впервые за всё время показалось нечто в глубине его глаз, представляющее собой свет.

Он осыпал поцелуями мой нос, веки, щёки. Его руки странствовали вниз по моему телу. Их ласки были невыносимо-приятными. Совсем иными в отличие от его предыдущего требовательного обладания. Я потерялась, сосредоточив внимание на ощущении его щетины, грубой в сравнении с моей новорожденной кожей, и на прогибе его мышц на моей груди, животе, бедрах.

Где-то рядом или же издалека, послышался скрип от открытия и закрытия ящика. Мои глаза сконцентрировались на том, как Айдэн медленно расположил себя между моих ног. Он разорвал фольгу презерватива зубами и раскатал его по своей длине, не испытывая необходимости смотреть на то, что делал.

— Не волнуйся, я чист, — сказал он. — Но сделать тебе ребёнка будет слишком низко, даже по моим стандартам.

Я не поняла, что он имел в виду, но так как на этот момент у меня осталась всего одна рационально-мыслящая клетка, я отбросила это в сторону.

— Умм... я тоже чиста, — пробормотала я.

Он довольно усмехнулся.

— Почему-то я не особо переживал.

Я покраснела. Прекрасный способ выставить себя идиоткой, Сноу. Он вернулся к моему рту, весь юмор испарился, и его руки переместились на мою поясницу. Он ласкал каждый сантиметр моего тела на своём пути вниз, близ моих боков, ласкал мою спину и мои бедра. Мои мускулы — будучи уже как желе "Джелло" — расслабились, и мои глаза закрылись.

— Открой глаза. Я хочу видеть тебя. Всегда, — приказал он.

Он прозвучал натянуто, едва совладея собой, и я испытала немного гордости. Хорошо, я не так уж плоха в этом. Его руки продолжали ласкать меня, а мои бёдра сонно ослабли на покрывале, где он и удерживал их. Затем, одним резким движением он скользнул в меня. Ощущение было таким ошеломительным. Я заглушила крик в горле. Не потому, что это не было больно, а потому, что этот момент был создан не для крика или избитого разбивающего стёкла вопля. Это было моим воскрешением и, у меня было ощущение, что вполне возможно, это было его искуплением. Это был момент, когда душа призывает, а тело должно прислушаться. Мои пальцы зарылись в его руках, и я вдохнула. Он посмотрел на меня с благоговением, а затем поцеловал мои губы.

— Почти там, — мягко проговорил он, и я осознала, что он тоже хранил молчание до

этого момента.

Он толкнулся глубже и остановился, когда достиг самых дальних пределов моего тела; темного, неизведанного места. Испытывая наивысшее болезненное чувство, мои зубы вцепились в его нижнюю губу, желая облегчить импульс. Он дал мне время привыкнуть. Медленно я выпустила его губу, целуя её, переживая, что сделала ему больно. Он улыбнулся.

— Красивая, Элиза, — прошептал он.

Его охрипший голос превратил моё имя в музыку. Я расслабилась, и он медленно вышел. Несмотря на боль, я сразу же ощутила пустоту и захотела большего.

— Ещё раз, — пробормотал он, и на этот раз он вошёл в меня одним резким толчком без промедления.

Мои пальцы вновь вонзились в его руки, но вскоре я привыкла. Это была не та боль; это была отчаянная жажда, которая хотела его ещё больше, ничуть не меньше. Он снова остановился. Сами собой мои бёдра сдвинулись ближе к нему с неистовой потребностью в большем.

Он улыбнулся мне естественной, неподдельной улыбкой и начал двигаться во мне снова и снова, на этот раз без каких-либо остановок. Я чувствовала лишь полноту, он поддерживал медленный ритм, которому я могла вторить. Я позволила своим лёгким освободиться, и стоны, которые не имели ничего общего с болью, окутали нас. Я обхватила руками его шею, а он обернул мои ноги вокруг своей талии. Сначала мои бёдра двигались нерешительно, но он направлял их, пока они не стали страстно двигаться в ответ на его движения. Он увеличил свой ритм, и я стала двигаться нерешительно, стараясь не отставать. Я не смогла.

Он достиг пронзительного пика, сильнее, быстрее и массивней, чем было до этого. Он схватил мои бёдра, наклоняя их и выталкивая в том же движении, наполняя меня ослепляюще изысканно и невероятно глубоко. Я оказалась на краю кровати, моя голова склонилась через край, и мои волосы каскадом упали на пол. Он схватил меня за плечо и вжал меня в кровать, так что я не могла двигаться. Затем его рука обвилась вокруг моего горла и сжала его. Не достаточно сильно, чтобы перекрыть мне доступ воздуха, но достаточно, чтобы я забыла обо всем остальном. С каждым толчком, я задыхалась. Его хватка ослабла, и он поцеловал моё горло. Ещё толчок. Два. Три. Его зубы сжались под моим ухом, и моя кровь прилила туда. Мои стоны сменились на крики, пока моё тело приспособивалось к новым ощущениям. Мои внутренности начали содрогаться и отчаянно сжиматься. Он вложил ещё больше силы в свои толчки. Шесть. Семь. Моё видение стало темнеть, в ушах звенело. Восемь. Девять. Я взорвалась. Одно единственное слово слетело с моих губ. Его имя. Он толкнулся внутрь меня ещё раз и кончил со стоном, в конвульсиях и, наконец, замер на мне.

Мы оставались в таком положении некоторое время — может быть несколько минут, а может и часов. Звук нашего тяжёлого дыхания наполнял воздух. Запахи стали смешиваться с ароматом сандала и корицы. Сегодня на нашей ничейной земле, мы остановили время. Не было часов. Ни прошлого. Ни будущего. Лишь этот пузырь, переливающийся чувствами через края.

Медленно возвращалось сознание. Сначала появился привкус во рту, затем мысли, а затем уже раздумье. Я двигалась через свои мысли, увлекаясь последними фантазиями, вне страсти, вне бывших версий меня. Ничто не могло сравниться с этим. Всё это, с другой стороны, было абсолютно новым для меня. И, несмотря на все картины, я только сейчас ощутила себя шедевром.

Я не могла пошевелить конечностями, но я повернула голову и поцеловала его в макушку головы, которая до сих пор покоилась на моей груди. Он пошевелился и несвязно простонал. Он медленно приподнялся, вместе со мной, до сих пор приросшей к нему, и перекатился на спину. Мои руки потерялись на просторах его ладоней, а пальцы свились с его пальцами.

Он открыл глаза. Они были умиротворенными, удовлетворёнными. На этот раз в них ничего не бушевало. Он приподнялся и вышел из меня, немного отодвинувшись в сторону. Ощущение пустоты от потери его, вероятно, отразилось на моём лице, так как он заулыбался.

— Не волнуйся. Я скоро вернусь. Полагаю, я нашёл место, где хочу быть похороненным, — его голос был охрипшим и сиплым. Он усмехнулся от своего собственного каламбура: — Как ты себя чувствуешь? — затем спросил он серьёзным тоном.

Я улыбнулась.

— Тебе придётся научить меня нескольким словам для этого.

— Для начала я лучше услышу твои слова, — меж его бровей пролегла складка. Я протянула палец, испытывая потребность разгладить её.

— Хмм, хорошо. Счастливо, удовлетворённо, оргазмически, исступлённо, сюрреалистически, — я начала смеяться, так как он потёр своей щетиной по моей груди и отомстил укусом.

— Тебе нужна энциклопедия, Элиза? — складка между бровей исчезла, и его глаза заискрились юмором.

— Нет, мне твои грязные словечки нравятся больше.

— Элиза, ты ещё пока не слышала мои грязные словечки, — рассмеялся он и нежно поцеловал меня. — Помимо твоей новообретенной борьбы за слова, как всё остальное прошло для тебя? Я сделал тебе больно? — он прозвучал беспокойно.

— Ну, у меня нет большого опыта, но с моей точки зрения, ситуация просто лучше и быть не может. Полагаю, ты бы лучше смог дать ответ на этот вопрос, опять-таки, учитывая твой очевидный авторитет и опыт в данном вопросе, — поддразнивала я его, в моей самой лучшей научной манере.

Он просто рассмеялся, накручивая и раскручивая прядь моих волос пальцами.

— Позволь мне кое-что проверить, — сказал он.

Он перекатил меня на кровать, и быстро исчез в ванной комнате. Он появился с махровой салфеткой, ещё до того как я успела сделать вздох. О, нет. Это будет унижительно. Почему тебя вообще это волнует, идиотка, после всего того, что ты только что с ним делала?

— Позволь мне посмотреть. Не смущайся. Я просто хочу убедиться, что ты в порядке, — уговаривал он нежно.

Закрыв глаза, я представила себя невидимкой, и раздвинула ноги. Я чувствовала, как он протирает тёплой влажной тканью меня. Больно не было. Это ощущалось приятно. Он сдвинулся на кровати, и я открыла глаза. Он положил салфетку на тумбочку. Мне даже не надо было смотреть на неё. Я знала, что увижу там.

Он обхватил руками моё лицо, лаская мои губы большим пальцем. Я улыбнулась. Не то чтобы я ждала свою свадебную ночь. Я ждала, пока желание найдёт меня. И после всех этих лет, оно, наконец, отыскало меня.

Он обнял меня за талию, перенёс меня и уложил поверх себя. Я склонила голову ему на грудь, вдыхая его аромат. Спазмы вибрировали по его телу, подобно толчкам землетрясения.

Его эрекция давила мне на живот, но он не набросился на меня. Может быть, он хотел дать мне время восстановиться. Или, может быть, он не хотел меня обидеть. Какими бы не были причины, он просто медленно водил пальцами по моим волосам, целуя их и тихонько шепча:

— "Она идёт во всей красе, светла, как ночь ее страны. Вся глубь небес и звёзды все, в её очах заключены".

Его голос был подобен снотворному, пока я слушала стихотворение Байрона, пытаюсь понять, почему оно напоминает Айдену меня, и почему он выбрал его для этой ночи. С каждым произнесённым словом, моё тело и ум находили умиротворение, какое они прежде не знали. Может быть, это из-за Айдена, так как женщина в стихе даёт надежду, примиряя невинность и похоть, тьму и свет. В нём, так или иначе, они сосуществуют без каких-либо противоречий. Подобно тому, что они совершили в нашу эмбарго ночь. Я никогда не проводила так много времени, думая о своей красоте. Но сегодня — частично женщина, частично искусство — я почувствовала себя красивой, изнутри и снаружи. Пробужденной, даже когда уснула.

Глава 20

Пробуждение

— *Закрой глаза, Элиза,* — сказал Айден.

Я закрыла глаза, и он поцеловал мою обнажённую кожу. Мои губы, мою шею, мою грудь. Неожиданно его губы покинули меня. Я ждала их, но вместо этого арктический воздух ужалил мою кожу. Я распахнула глаза и всё что увидела так это снежную бурю. Мощный снежный покров ослеплял меня, в то время как я обнажённая стояла на белоснежном просторе. Кристаллы льда сковывали мои дыхательные пути. Я взглянула на свои руки, и они приняли пурпурный оттенок. Бесплотная, синяя, костяная рука схватила мою руку.

— *Вернись, Элиза,* — голос моей матери взывал ко мне.

Как по сигналу, снежная буря превратилась в аэропорт Портленда. Я была обнажена и находилась в PDX³⁴. Одна. Не было Айдена. Ни Хавьера, ни Реаган. *Заканчивается посадка на рейс 602 до Хитроу, Лондон. Рейс 602. Пассажир Элиза Сноу... Элиза Сноу...* Бесплотная рука сжала мою руку ещё сильнее и потянула меня к выходу.

Дёрнувшись, я проснулась, хватая ртом воздух. Я никого не обнаружила. Моё имя резонировало во мне. Элиза, Элиза. Глаза цвета сапфира встретились с моим взглядом, как только окружающий меня мир начал приобретать чёткие очертания.

— Элиза? Элиза! Всё в порядке. Посмотри на меня, — голос Айдена был взволнованным, его руки находились близ моего лица, как будто он не был уверен, должен ли прикасаться ко мне.

От увиденного образа воздух нашёл свой путь в мои лёгкие. Он ворвался быстрыми и прерывистыми рывками, и сверкающий лоск из капелек пота покрыл мой лоб. Я не двигалась ни на дюйм, но дрожала даже моя кожа.

— Элиза, ты здесь. Ты в безопасности, — Айден произносил слова методично, словно проводил меня через испытания по использованию спасательного оборудования. — Дыши.

Дыши.

Я подчинилась, втягивая в себя глубокий вдох и вдыхая аромат сандала и корицы. Это успокоило моё горло, в этот же момент мои лёгкие начали восстанавливать свою работу.

— Вот, отлично. Хорошая девочка, — Айден улыбнулся, и его пальцы слегка скользнули по моей щеке.

Я моргнула, дабы избавиться от призрака посиневшей руки моей мамы, и сосредоточила всё своё внимание на нём. Выпрямившись, он сидел на кровати, рядом со мной. Его взгляд был бдительным, плечи напряжены, спина негибаема ровная, как будто он приготовился к сражению. Свет в спальне всё ещё был включён. Перьевая ручка всё также лежала в изножье кровати. Ничего не изменилось. За исключением меня самой.

— Лучше? — спросил он.

Я кивнула, внезапно смутившись. Мне захотелось забраться в вытяжной шкаф и просидеть там, как минимум, до тринадцатого июня. Но так как из-за этого я не смогу видеться с Айденом, я выдавила из себя улыбку.

— Я в порядке, не волнуйся. Извини, что разбудила тебя.

— Нет, не разбудила, — он обхватил руками моё лицо. — Ты уверена, что ты в порядке? Не хочешь воды? Поесть?

— Нет, я в порядке. Это всего лишь плохой сон, вот и всё, — я накрыла его руки своими ладонями.

Он наклонился и стал прокладывать дорожку из поцелуев по моей щеке до уголка рта, снова и снова, снова и снова. Нежно, подобно касанию перьевой ручки, как будто всё остальное может напугать меня.

— Хочешь поговорить об этом?

— На самом деле нет, — ответила я немного погодя, сосредоточившись лишь на его губах.

Разговоры о сне могут полностью нарушить договорённость об установленном эмбарго и уничтожить оставшиеся минуты этой сказки.

— Что такое шесть-ноль-два? — спросил он, его губы всё ещё оставались на моей коже.

Ох, проклятье! Я говорила во сне? Обычно я не говорю во сне. Реаган говорила, что в большинстве случаев я лишь хныкаю. Ну, как минимум это отчасти объяснимо.

— Число Авогадро³⁵. Любимая константа моего папы. Видимо мой мозг позаимствовал его для сна.

Его брови сошлись вместе, нахмурившись, и я смогла рассмотреть битву в его глазах: *спрашивать, не спрашивать, эмбарго?* В итоге, он кивнул, но больше давить на меня не стал. Возможно, он также хотел, чтобы эмбарго продлилось ещё немного дольше.

— А почему ты не спал так поздно? — сменила я тему разговора. — Не мог оторваться от наблюдения за тем, как я пускаю слюни?

Красивая, асимметричная улыбка приподняла его губы, и ямочка сформировалась на его щеке.

— Что-то типа того.

— Не хочешь лечь поспать? Должно быть уже поздно.

Я посмотрела на ночь, вступившую в свои права за стеклянной стеной, задаваясь вопросом какой был час. Это самый худший из возможных для меня вопросов. Сколько часов у нас осталось? Как я смогу уйти после этого?

— Нет. Если только ты не хочешь. Я не очень хороший соня, — он пожал плечами.

Но я знала о бессонных ночах слишком много. Ночи, когда кошмар твоих снов так же ужасен, как и реальность. Эта ночь была не такой, как те ночи. И я тратила её на кошмары, которые могут заставить Фрейда выйти на пенсию раньше, вместо того, чтобы смотреть на Айдена с вождением.

Я быстро передвинулась ближе к нему на кровати. Он обвил меня руками.

— Итак, если ты не хочешь спать, чем ты хочешь заняться? — спросила я, целуя уголок его рта.

Несколько секунд он пристально смотрел на меня, но не набрасывался. Возможно, поступать так с женщиной, которая только что пережила ночной кошмар, противоречило его морали.

— Я бы хотел, чтобы ты рассказала мне что-нибудь, что не попадает под эмбарго.

— Что ты хочешь знать?

— Всё.

Он играл с моими волосами, предоставляя мне время на размышление. Он едва дышал, вероятно, боясь давить на меня.

В тишине, которая поглотила нас, у меня появилось внезапное желание оставить что-то позади — здесь, с ним. Не на его кровати, не в стенах его дома или даже не на его коже. Нечто глубже, в таком месте, которое только он знает. Желание становилось принуждением. Оно с силой билось о мою грудную клетку с настоятельностью того, кто был привязан к электрическому стулу.

— Ты готов к полуночной прогулке? — спросила я.

Его брови изогнулись. Видимо он ожидал долгую историю или, учитывая мой послужной список, битву за информацию.

— Куда?

— Есть место, куда я обычно хожу одна. Оно закрыто сейчас, но мы всё равно сможем попасть внутрь. Я бы хотела показать тебе его, — сказал я, ошеломленная и сбитая с толку своим собственным решением.

Этот прекрасный незнакомец казался более правильным, правильной Хавьера и Реаган, гораздо правильной, чем любой, кого я встретила здесь.

Айден улыбнулся.

— Было бы честью для меня.

Маленький уголёк в самом сердце моей груди накалялся и пульсировал, пока остальная часть меня затаилась от того, что я собиралась сделать. Это было начало мучительного конца. Но я буду беспокоиться по этому поводу завтра. И возможно это был способ разделить с ним нечто, что имеет отношение и ко мне тоже.

— Пошли, — сказала я, выбираясь из кровати.

Он же сделал совсем противоположное. Он откинулся назад на кровать, упёршись на свои локти, его глаза путешествовали по мне. Я прикрыла свою грудь и позорно убежала в другой конец роскошной спальни, где на полу кучкой лежало мое платье. Он жизнерадостно рассмеялся беззаботным смехом, который расколол ночь. Это было освобождением, подобно звуку водопада.

— Элиза, я запомнил на всю свою жизнь то, что ты сейчас пытаешься прикрыть. Поэтому ты с таким же успехом можешь позволить мне насладиться представлением.

Он прав, идиотка. Он всё это уже видел. Всё же, я схватила своё платье и прижала его к груди, покраснев с головы до пят. Он откинул с себя покрывало, встал с кровати и не спеша

пошёл в мою сторону, на нём не было ничего, кроме совершенной безупречной кожи. Я понимала, что он шёл своим привычным шагом, но для меня это было как в замедленной съёмке. Я была абсолютно уверена, что ангелы пели на небесах.

— Пытаешься коё-что запомнить для себя, Элиза?

— Не совсем. Просто осознаю, что память не воздает по заслугам действительности.

Он улыбнулся, но на этот раз ямочка на щеке не появилась.

— Зависит от памяти, — сказал он так тихо, что я не была уверена, расслышала ли я его правильно.

Он потянулся ко мне, накрыл ладонями мои руки и выдернул платье из моих пальцев. Его глаза начали исследовать меня, начиная с корней волос и заканчивая подогнутыми пальчиками ног. Он наклонился ко мне, поднеся рот к моему уху:

— Не прячься от меня, — его дыхание послало огненный поток по моей коже. Но как только моё дыхание ускорилось, он отошел: — Заманчиво, однако, я не хочу, чтобы тебе было больно. Тебе потребуется позировать ещё завтра, — он подмигнул и, тут же без каких-либо колебаний, к нему вернулся юмор.

Ох, чёрт, моя картина! Будет ли он все также настаивать на этом, когда услышит правду?

Широко шагая, он направился во встроенный гардероб — или точнее, во встроенные апартаменты — захватив с собой моё платье.

— Не думаю, что моё платье подойдёт тебе, Айден. Должно быть немного узковатым для... ах — паховой области.

Он снова рассмеялся смехом, похожим на шум водопада. Освещение в гардеробе замерцало, когда он пересёк порог. Он зашёл далеко вглубь гардероба, мышцы на его обнаженной спине пульсировали от напряжения, которое было очевидно даже с расстояния. Почему он напряжен? Что стало причиной? Я хотела спросить, но была уверена, что причина попадёт под эмбарго.

Он натянул на себя чёрные джинсы и тёмно-синий свитер с невероятной скоростью. Затем выкопал какую-то одежду из шкафа, выполненного из полированного дерева, и через несколько секунд вернулся ко мне.

Ужаснувшись, я посмотрела на гору одежды.

— Это всё для меня?

— Да. На улице прохладно, а у тебя при себе только одно платье.

Прежде чем я успела открыть рот, он через голову накинул на меня белую футболку с коротким рукавом, затем ещё одну, но уже с длинным рукавом, и только потом уже синюю толстовку с капюшоном. Вся надетая на меня одежда доходила мне до колен. Он опустился передо мной на корточки и натянул мне на ноги серые спортивные штаны.

— Айден, тебе не кажется, что это уже слегка излишне? Учитывая, что сейчас май в Портленде, штате Орегон, а не зима в Арктической тундре?

— Вообще нет, — ответил он, приподнимая мою правую ногу.

Он поцеловал пальчики на моих ногах и затем запихнул их в шерстяной носок. Он повторил точно такой же ритуал и с левой ногой, и в завершении подготовки к Ледниковому периоду натянул мне на голову шерстяную шапку так, что она укрывала голову вплоть до бровей. Он отступил на шаг назад, разглядывая свою работу с важной неторопливостью.

— Ты уверен, что нам не потребуются шарф и перчатки? Или костюм химзащиты?

— Не искушай меня, — улыбнулся он и шлёпнул меня по попке. — У тебя всё

получится. Пошли, найдём недостающие элементы.

— Я выгляжу нелепо.

— Я всё равно трахну тебя.

— Это грубо.

— Зато, правда.

— Я потею.

— Ещё лучше.

— Айден, ну, правда, могу я хотя бы снять шапку? Я с трудом вижу. Я упаду.

— Нет, не можешь, — ответил он, подняв меня на руки, словно я весила столько сколько и шапка, а не в два раза тяжелее моих нормальных фунтов из-за всей этой одежды, слоями покрывавшей меня.

Я обернула руки вокруг его шеи. Его постоянное напряжение исчезло, и он целенаправленно вышел из спальни.

Как только ночной воздух резко хлестнул по моей коже, я тут же стала благодарна своему наряду эскимоса. Ветер здесь был более резким, чем в городе. Айден поставил меня на ноги рядом с "Астон Мартин" и открыл мне дверь. Впервые с момента аварии, мне захотелось иметь собственную машину, так я смогла бы сама отвезти его, а не лишь указывать направление. Хмм, но взвесив ещё раз все за и против, я поняла, что в таком случае не смогла бы пристально его рассматривать.

Айден грациозно скользнул на водительское сидение, несмотря на его рослое телосложение, и включил зажигание. Он нажал кнопку на руле, и звуки «К Элизе»³⁶ наполнили салон машины.

Мои глаза метнулись к нему. Он улыбнулся.

— Посчитал это уместным.

— Моя мама назвала меня в честь той пьесы, — высказалась я по своей инициативе, удивившись, насколько легко эти слова покинули мой рот.

— Она тебе подходит. Она имеет способность умиротворять, я полагаю.

— Умиротворять? Ты имеешь в виду усыплять?

Он рассмеялся.

— Мы уже выяснили, что ты заставила меня бодрствовать ночью. Поэтому нет, усыплять не подходит. Куда ехать, Элиза?

— Вниз по холму, налево.

Я слушала мелодию, пока "Астон Мартин" плавно поворачивал, лучи света пронзали плотную темноту. Каждую секунду, мой взгляд порхал к лицу Айдена. Сейчас на нём читался иной тип красоты — нечто, что сверкало изнутри. Музыка сменилась на "Лунную сонату", когда мы совершили последний поворот. Чем ближе мы подъезжали, тем громче стучало моё сердце, до такой степени, что его стук нельзя было заглушить даже звуками ангельского пианино. Я пристально смотрела вперёд, туда, где через несколько метров должна была появиться высокая, живая изгородь из роз.

— А! — Айден улыбнулся. — "Сад Роз".

Я кивнула, опуская окно. Влажный майский воздух ворвался внутрь салона, принеся с собой аромат начала цветения. Айден припарковал машину и с пронзительной бдительностью изучил окружающую нас ночь. Это было настолько напряжённо, что я проследила за его взглядом, почти ожидая, что тени вот-вот начнут трансформироваться в темноте. Но там ничего не было.

Он вышел из машины и подошёл к моему открытому окну. Он провёл косточками пальцев по моей щеке.

— Уверена, что хочешь быть здесь?

— Да. А ты?

— Да, — он нахмурился, будто этот ответ его самого удивил.

Он открыл мне дверь, обхватив меня рукой и притянув к себе. Я ожидала ощутить неизменное напряжение, которое натягивает его мускулы, но они оказались почти полностью расслабленными, подобно струнам скрипки после долгого концерта.

Мы начали свою прогулку по одному из старейших общественных садов в Соединенных Штатах. Десять тысяч роз, а со временем будет ещё больше. Но это не единственная причина, почему я прихожу сюда. Я остановилась под огромными шпалерами у входа, я всегда так делаю. Рождественские огни и тёплые галогенные огоньки освещали тропинки. Большая часть бутонов скрывалась в темноте, из-за насекомых создавалось впечатление, что их лепестки гудели. Сродни шёпоту послышался свист горного ветра. Я сомкнула колени, борясь с открывающейся в моей груди воронкой, которая разрывает её на части каждый раз, как я прихожу сюда. Но сегодня, она сдержала себя, не выйдя из границ. Не потому, что её не существовало, а подобно угольку, который накаляется в присутствии Айдена, она наполнялась светом, а не уничтожала.

— Ты приходишь сюда одна, — голос Айдена был низким — это было утверждением, а не вопросом.

— Да, я выросла среди сада роз. Не такого огромного, как этот, конечно. Но у него был такой же аромат.

Я сделала глубокий вдох, задаваясь вопросом "а ощущали ли мои лёгкие разницу". Айден тоже втянул в себя воздух, в то время как его глаза впитывали в себя виды сада. Было нечто уникальное в том, как он воспринимал вещи — как будто бы поглощал их всеми своими чувствами.

— Значит, ты приходишь сюда, когда скучаешь по дому, — тихо констатировал он.

— Нет. Я не скучаю по Англии. Я прихожу сюда, когда скучаю по ним.

— По своим родителям?

Я кивнула.

— Это единственное подходящее им место, которое я нашла здесь. Пошли. Сюда.

Я взяла его за руку и повела его за собой по покрытой мхом вымощенной тропинке.

— Тропинка, ведущая в наш коттедж в Англии, выглядела точно также как и эта, за исключением того, что она была всего лишь в два фута шириной, — сказала я, ощущая странное чувство, будто приглашаю Айдена не в свой дом, а в свой первоисточник.

Его наделённые сознанием глаза осматривали тропинку. Затем он притянул меня к своей груди и нежно погладил большим пальцем мою нижнюю губу.

— Почему ты приходишь сюда одна? Уверен, вовсе не потому что не можешь найти себе компанию.

— Мы все нуждаемся в таком месте, куда можем приходить и находиться в одиночестве. Ты так не считаешь?

— Да, я полагаю, что так и есть.

— У тебя есть такое место уединения, Айден?

В его глазах сразу же выстроились стены, и он перестал ласкать мои губы.

— Да, есть, — его голос был резким.

Я ждала, что он расскажет мне, где оно находилось, но он этого не сделал. Я не стала подталкивать его, несмотря на то, что готова была отдать все свои оставшиеся дни лишь бы узнать это. Такими вещами делятся только по собственному желанию.

— Тогда видимо, тебе знакомо это чувство.

Он кивнул. Я встала на цыпочки и нежно поцеловала его в губы.

— Пошли, позволь мне показать тебе остальное, — сказала я, следуя по мшистой тропинке.

— Здесь есть твои любимые розы? — спросил он, как только мы вошли в округлый "Шекспировский сад", украшенный мерцающими огоньками.

— Нет, *Aeternum romantica* растёт только в Восточной Африке. Почва Портленда будет чересчур влажна для неё. Я видела её только на картинках. Но однажды я видела её пурпурную розу-родственницу, когда та была доставлена в Англию для графини Уэссекской Софи³⁷. Моему отцу было дано задание выделить масло из лепестков розы, так чтобы графиня смогла использовать его, — я улыбнулась от воспоминания о том, как папа равно, как и Дентон, подпрыгивал на пятках, когда получал вызовы в королевский суд.

— Серьёзно? — сдавленно рассмеялся Айден.

— О, да. Он был довольно истощённым. Но до того как он заперся под замок для проведения работ по экстракции масла гераниол, ему удалось получить разрешение мне и моей маме на доступ для созерцания роз.

Я брела вдоль периметра "Шекспировского сада", остановившись у куста лиловой розы флорибунда³⁸. Я почувствовала, как Айден остановился позади меня, словно тень.

— *Purpura romantica* выглядит практически так же, как та роза, — сказала я. — За исключением её бутонов, они были меньше и пахли как мёд.

Я нежно прикоснулась к лиловым лепесткам. Пальцы Айдена накрыли мои, ощущая также лепестки под собой.

— Как твои глаза, — сказал он.

Я кивнула.

— Как и глаза моей мамы. И моих прабабушек до того времени. Я думаю, именно поэтому мой папа работал так усердно над тем, чтобы получить разрешение на допуск посмотреть те розы. Он обменял свой годовой бонус на несколько бутонов, — я проглотила волну подступающих слез. На это не потребовалось сверхъестественное усилие, как это обычно бывало: — Моя мама, Клэр, испытала верх блаженства. Она была всерьёз помешана на розах — нечто, что она унаследовала от своей матери.

Я начала отходить от флорибунды, но Айден обхватил руками мою талию и притянул меня к себе. Склонив голову, он провёл кончиком носа вдоль моего горла к подбородку. Глубоко вдохнув. Затем его теплые губы впились в мои уста. Если бы я прожила даже миллион лет, я не смогла бы описать поцелуи Айдена. Поцелуй был сначала неторопливым, нежным как лепестки. Его губы и язык боролись за господство в моем рту, в тот момент, когда они объединили свои усилия, я сдалась. Мои руки безвольно обвисли на его плечах, вся ностальгия была забыта. В этом и был весь его план? Он разорвал поцелуй, улыбнувшись.

— Ты пахнешь лучше, чем эта роза, — сказал он. — Продолжай вести.

— Мне нравится твоё восприятие запаха, но половые гормоны вводят в заблуждение обонятельное ощущение. Так что как видишь, твои умозаключения неблагоприятны.

Я взяла его за руку и последовала к "Шекспировскому" кольцу из высоких чайных роз. Его низкое горловое довольное подсмеивание развеселило ночь. Я стукнула его по носу

одним из бутонов цикламена. Он улыбнулся и фыркнул.

— Всё же ты пахнешь лучше.

— Тебе бы не хотелось, чтобы моя мама услышала это. Она была рождена аристократкой — Леди Сесилией Джулианой Синклайр. Эта роза — *"Ла Франс"* — была самой любимой у Сесилии. Как мне рассказывали, у каждой Леди Синклайр была своя собственная именная роза.

Айден приподнял мою голову и снова поцеловал меня.

— У меня было предчувствие о тебе, — произнёс он в мои губы.

— Какое ещё предчувствие? — мои слова были больше похожи на вздохи.

Он отстранился от меня, пробежавшись большим пальцем по моей нижней губе.

— Когда я впервые увидел тебя, ты показалась такой... разрушенной. Но в тебе есть чувство собственного достоинства, словно если бы кто-то нанёс тебе пощечину, а ты подставила другую щеку. Слова "изящная" и "аристократическая" пришли на ум.

Я рассмеялась.

— Полагаю, ты первый кто употребил эти слова по отношению ко мне.

— Очень сильно сомневаюсь в этом. И мне действительно не нравится твоё самоуничижение, — его челюсть резко сжалась.

— Я — англичанка, Айден. Самоуничижение это наша национальная отличительная черта.

— Ты смогла американизировать свою речь, но не своё мировоззрение? Дело должно быть в чём-то ещё.

— Ну, вполне очевидно, я ждала мужчину, который купит картины с изображением моих обнажённых частей тела. Нет ничего более благодатного для чувства собственного достоинства женщины, которая оказалась желанна только благодаря частям её тела, — сказала я, пытаюсь сохранить серьёзное выражение лица.

Он улыбнулся и снова прижал меня ближе к себе.

— А как насчёт того, чтобы быть желанной за её невыносимое отношение всезнайки?

Я рассмеялась.

— Это наследственный фирменный знак.

Я провела рукой по бутонам чайной розы, вспоминая то, как моя мама выражала папе своё недовольство в этом же вопросе.

— Так что случилось с Леди Сесилией? — подстрекал меня Айден, без сомнений полагая, что моё всезнающее отношение исходило из моей аристократической линии.

— Она сбежала с семейным дворецким, Франклином Брайтоном — моим прадедушкой. Когда скандал утих, её семья отказалась от неё и вычеркнула её имя из наследия рода. Они никогда не воссоединились. Она и Франклин, оба покинули мир, к моменту моего рождения.

Я стукнула по бутону розы ещё раз и бесцельно направилась через покрытую травой площадь к белому гибриду розы "Айвори", расположившейся в углу.

— Ещё одна роза с особым предназначением? — спросил Айден.

— Не такая особенная, как остальные. Но она тоже часть истории. Моя мама встретила папу, когда работала в музее Ашмола³⁹ в качестве ассистента хранителя музея. Это была любовь с первого взгляда, как говорили они. И судя по тому, что я наблюдала, она действительно существует.

— Они поженились через шесть месяцев. Спустя год родилась я, в тот самый момент

мой папа получил профессуру в Оксфорде. Они переехали в крохотный коттедж в Берфорде, маленьком городке, расположенном близ университета.

— Мама любила заниматься садоводством. Её розовые английские розы постепенно покрыли все кирпичики коттеджа и даже кровельную плитку крыши. Коттедж больше походил на сказочный домик, нежели на дом двадцать первого века.

— Это любимая роза твоей мамы? — Айден указал на бледный бутон.

— Нет. Эта роза очень похожа на гибрид, который она выращивала для меня.

Мягкий, пахнувший корицей, приглушённый вздох сорвался с его губ.

— Красивая.

— Да, красивая. Она работала над ней годами. И, конечно, назвала её "Элизой". Вот эту розу называют розой столистой, потому что она имеет ровно сто лепестков. "Элиза" имеет немного меньше лепестков, но обладает тем же цветом и ароматом.

Айден наклонился и вдохнул её аромат.

— Мне больше всего эта роза понравилась. Но при всём моём уважении к твоей матери, ты всё же пахнешь лучше.

— Особенно после того, как вспотела под всеми этими одеяниями.

Я обратила своё лицо к нему, на этот раз готовая к его поцелую. Как только его губы накрыли мои, я осознала, что он целовал меня у каждой розы. Я не знала, делал ли он это с целью сохранить мои воспоминания под контролем или просто потому, что мог позволить себе это сделать, но какой бы ни была причина, эта прогулка ощущалась по-новому. Больше моей, нежели моих родителей.

— Пошли, впереди ещё одна остановка, — сказала я, когда вновь обрела способность говорить.

Он последовал за мной на выход из сада, вдоль коридора из вьющихся Английских роз.

— Больше никакого Шекспира, — задумчиво рассуждал он вслух, как будто бы говорил сам с собой. Я покачала головой. Знает ли он, что конец близок?

— У них здесь есть розы, выведенные твоей мамой? — спросил он, ни разу не выпустив моей руки.

— Нет. Её самая любимая бледно-розовая роза "Инглиш Гарден". Самые близкие ей родственники прямо у нас над головой, — я указала на полог из роз над нашими головами.

Мы покинули туннель из роз и вошли в сердце сада, к его богатому на изгибы, ярусному фонтану. Он весело журчал, таким способом он приветствовал меня все эти четыре года. Тёплый жёлтый свет у основания фонтана превращал воду в жидкое золото. Сотни медных монеток и серебряных четвертаков устилали гранитное дно. Я села на край, опустив пальцы в воду. Я ожидала, что Айден присядет рядом со мной, но он приподнял меня и усадил к себе на колени.

— На этот раз фонтан?

— Да. Мои родители не зарабатывали много, но раз в год, они выбирали некое место в мире, в котором, как они считали, я должна была побывать, до того как отправлюсь учиться в колледж, и мы посещали эти места. Иногда папа уезжал на день или на два дня раньше нас, с целью организовать "поиски сокровищ" для мамы и меня. Обычно для неё он прятал такие вещи, которые имели значение лишь только для них двоих. В наше последнее совместное путешествие в Рим, он спрятал пару кружевных трусиков в фонтане "Де Треви", что полностью возмутило её, но я считаю, это было уморительно. Она отругала его прямо там, на месте, напротив фонтана, кроме своего возмущения, она полностью забыла о том, что

вела себя непозволительно неприлично в общественном месте и размахивала трусиками у него перед лицом. Я никогда не видела, чтобы он когда-либо ещё так сильно смеялся.

Я призадумалась, позволив комку в моём горле опуститься в живот. Айден вычерчивал линии своим большим пальцем взад-вперед по моей руке, но не двигался. Казалось, будто он перестал дышать.

Я рискнула взглянуть на него. В его глазах я увидела множество слов, но он не прерывал меня. Он взял мою руку, которая была сжата в кулак, и накрыл её своей ладонью. Это согревало, и я продолжила свой рассказ:

— Они возвращались домой из Оксфорда 4 января 2011. На дорогах был гололёд, и в них врезался грузовик. Их машина загородила собой и спасала от участи быть раздавленным внедорожник с двумя детьми и их мамой.

Мои лёгкие содрогнулись, и, вздохнув, я сдержала слёзы, готовые прыснуть из моих глаз. *Водород, 1.008* –

Айден поцеловал мои губы, и моё дыхание остепенилось. Странно, но в этот момент, я почувствовала себя сильнее. Как будто бы он взвалил на себя эту боль, подобно моему могучему герою. Я кружила указательным пальцем в фонтане, пока не образовался маленький водоворот.

— Куда ты отправилась после аварии?

— Сначала я провела в больнице несколько недель, я не чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы вернуться к занятиям в школе. Затем переехала в дом моих бабушки с дедушкой, и закончила своё обучение, но уже дистанционно. Я была принята в Оксфорд, куда подавала заявление ещё до несчастного случая, но так и не смогла смело встретиться с университетом, который очень много значил для них. В действительности, всё Объединенное Королевство стало для меня врагом. Было нетрудно убедить моих бабушку с дедушкой в том, что мне надо уехать.

— Поэтому ты выбрала Рид?

— Да. Оксфорд и Рид имеют сопряжённые программы обучения, поэтому Рид позволил мне подать заявление даже, несмотря на окончание срока приёма заявлений. Я приземлилась в PDX 24 августа 2011, и в ту же неделю начала посещать занятия.

Брови Айдена изогнулись, и он улыбнулся.

— Действительно? Вот это совпадение.

— Какое совпадение?

— В этот день я купил свой дом, — он выглядел так, словно хотел что-то ещё сказать, но покачал головой от какой-то непроизнесенной им мысли. — Что случилось с коттеджем роз?

— Мне пришлось потратить всё своё микроскопическое наследство, дабы погасить закладную. До отъезда, я отдала ключи мистеру Племмонсу, любимому маминому садовнику. Я не смогла заставить себя сдать коттедж в аренду, и чтобы кто-то ещё прикасался к их вещам. Теперь о нём заботится мистер Племмонс.

— Твои бабушка с дедушкой всё ещё живут в Англии?

— Нет. Дедушка умер два года назад. Бабушка теперь живёт в Праге с моим дядей. Он преподаёт там, в Карлов университете⁴⁰.

Айден ласкающе погладил мою щеку, смотря мне прямо в глаза.

— Тебе действительно не к кому возвращаться туда, верно?

— Теперь Америка мой дом. Она собрала меня заново, кусочек за кусочком. Это были

хорошие четыре года. Лучше, чем я могла когда-либо надеяться. Это была страна, за которую стоило бороться.

Его глаза застыли на последнем предложении. Я увидела вспышку гнева, промелькнувшую в них, прежде чем он совладал с ним. Я не понимала этого, так что просто сжала его руку и прижала указательный палец к его губам. Он поцеловал его, будто я знала, что он так поступит. Улыбаясь, я прижала поцелованный им палец к своему лбу, не совсем в центр, но рядом. Он тоже улыбнулся, опустив руку в воду и обрызгав меня.

Я рассмеялась. Ночная тьма нуждалась в этом звуке. Я взглянула на монетки, пожалев, что не захватила с собой свой кошелёк.

— Как много среди этих монеток твоих, Элиза?

Проклятье! Мне надо быть осторожной рядом с ним. Похоже, от его неусыпного взгляда ничего не ускользает.

— Всего несколько. Девушка нуждается в удаче.

Он ухмыльнулся.

— Это не очень-то по-научному.

— Удача никогда и не была таковой. В противном случае, она была бы предсказуема.

Он покопался у себя в кармане.

— Мы не можем ссориться с удачей, — сказал он и подал мне несколько четвертаков.

Я взяла монетки с улыбкой, закрыв мою ладонь в кулак. Затем я отвернулась и закрыла глаза. За последние четыре года, я просила о своей добавке, о безопасности для Солисов, о выпускных экзаменах Реаган, о своей грин-карте. Но сегодня, ничего из этого я не желала. Сейчас мне требовалось совсем немного удачи. Так что вместо этого я загадала единственное желание, которое впервые возникло у меня на уме, начиная с того самого ужасного дня на прошедшей неделе. Я разок подула на монетки и бросила их через плечо. Они упали в воду с приятным *всплеском*.

Когда я повернулась, Айден стоял прямо позади меня. Он прижал меня к своей груди, и я прислонила щеку к его груди, ощущая себя легче, чем я когда-либо себя чувствовала, находясь в этом саду.

— Что ты загадала?

— Если я скажу тебе, то желание не сбудется.

— Или может быть сбудется.

Я подняла на него взгляд, анализируя его лицо. Что мне предстоит потерять? *Всё*, этот злобный голос внутри меня с ужасом разрывал меня. Чем ближе мы приближались к рассвету, тем больше я паниковала. По своему собственному хотению, моё желание сорвалось с моих уст:

— Я хочу еще один день, подобный этому.

Айден нахмурился, его взгляд упал на мои губы, как будто слова всё ещё держались за них. Он расположил свои руки, подобно зажиму, вокруг моего лица, его глаза неумолимо что-то искали в моих глазах. Мне нечего было скрывать в этом желании, поэтому я просто смотрела на него, про себя молясь. *Ещё один день, пожалуйста. Ещё один день.*

— Ты хочешь ещё один день эмбарго? — спросил он, прозвучав благоговейно.

Хочу ли я этого? Нет, не совсем. В какой-то момент между его первым поцелуем и последним желанием, суть вещей радикально изменилась для меня. Вместо желания ничем не делиться, за исключением настоящего момента, теперь мне хотелось разделить с ним всё, кроме части будущего. И в этом-то была огромная разница.

— Нет. Я хочу день с тобой. Мы оба можем выбирать, чем поделиться. Никаких правил, никакого эмбарго, только потому, что мы хотим этого.

Он медленно покачал головой и отпрянул назад. Он провёл рукой по волосам и сдвинул пальцами переносицу. Неужели идея о ещё одном дне со мной настолько сложна?

— Это твой выбор, чем поделиться, Айдэн, — тихо произнесла я. — Я хочу, чтобы этот день принёс и тебе удовольствие. Точно так же, как ты сделал сегодня для меня.

— И в конце ты мне расскажешь то, что утаиваешь?

— Даю тебе слово.

Он сделал глубокий вдох и кивнул.

— Тогда пусть будет ещё один день.

Глава 21

Новое

Есть нечто в аромате розы, что не поддается биологии. Ты ощущаешь его своим разумом ещё до того, как все остальные чувства отреагируют на этот аромат. Так что первое, что я ощутила, так это то, как нечто мягкое кружило на моих губах. Я вдохнула, когда запах стал сильнее, смешавшись с ароматом сандала и корицы.

— Ох! — ахнула я, мои глаза распахнулись.

Айдэн сидел на краю кровати, его лицо было затемнено стилизованной розой кремового цвета, которой он трепетно водил по моим губам. Казалось, будто выглядел он ещё лучше после проведённой ночи. Дело было не только в его тёмных джинсах и светло-синей рубашке, которая прекрасно оттеняла цвет его глаз. На прикроватном столике стоял поднос с завтраком и, как только я открыла глаза, меня одарили слегка кривобокой улыбкой.

— Это было хорошее "ох" или плохое? — спросил он, легонько постукивая стилизованной розой по моим губам.

Ничего плохого не несло в себе это "ох". Совсем ничего плохого. *Ох, ох, ох!* Он здесь. И всё ещё всецело мой на целый день. Он положил розу на подушку и медленно наклонился, из-за его опьяняющего запаха все розы стали излишними. Он погладил мою щёку кончиками пальцев.

— Научное исследование завершено?

Я несколько раз моргнула.

— Что? — таков оказался мой эйнштейновский ответ.

— Ты наблюдала за мной достаточно критически, поэтому могу только предположить, что ты решала некую химическую сложную проблему.

— Не думаю, что у нас имеется сложная химическая проблема, — мой голос был нежным, словно превращался в пар из-за сухости во рту.

Он провёл большим пальцем по моей нижней губе. Под его прикосновением она тут же начала пульсировать.

— Нет, я тоже так не думаю, — он нежно поцеловал мои губы. — Боюсь, я укусил их довольно сильно, — сказал он, заскользив по ним языком, подобно бальзаму.

О, нет, у меня, наверное, несвежее утреннее дыхание? Ох, а кого это заботит!

— Ты можешь укусить их снова, если хочешь.

Он легонько подул на них и отодвинулся со вздохом.

— Может для начала ты должна съесть свой завтрак. Я уже и так лишил тебя ужина прошлым вечером.

Я хотела сказать, что с едой был перебор, но мой желудок предательски заурчал. Смутившись, я откинулась на изголовье кровати и взяла поднос в руки. Яичница, бекон, пшеничная булочка, апельсиновый мармелад, корнуэльский сливочный варенец, бокал "флейта" с клюквенным соком и стакан воды. Но самым лучшим было то, что там оказались дольки яблока и шоколадка "Бачи".

Я рассмеялась.

— Как ты узнал, что я люблю корнуэльский сливочный варенец.

— Твоя соседка упомянула об этом, когда выносила тебе выговор по поводу Колина Фёрта.

— Вау! У тебя прекрасная память.

Он пожал плечами.

— Хорошо, спасибо! Так красиво. Особенно "Бачи". Ты сам всё это сделал?

— Нет, Кора приготовила. Но если это поможет спасти мою репутацию в твоих глазах, то я размещал заказ и отправил Бенсона отыскать розу. Я дал ему фотографию розы, похожую на "Элизу".

— Ты спасён, — рассмеялась я, заложив за ухо розу и откусив немного яичницы.

— Ты прекрасна, — сказал он, практически выдохнув себе под нос.

Я уже было приготовилась отшутиться, но его губы приоткрылись, и я мгновенно уверовала в свою красоту. Затем я вспомнила, что у меня был открыт рот и вилка в руках. Я прожевала яичницу, не хватало ещё того, чтобы кусочки яичницы выпали изо рта на кровать и полностью уничтожили мой образ и его шёлковые простыни.

— Твой румянец заставляет розу ревновать, — ухмыльнулся он.

— Издержки профессии при работе с рубидием и парами брома, — я почувствовала себя неловко, поэтому перевела разговор на более важную тему. — Итак, расскажешь мне что-нибудь о себе, что не попадает под эмбарго?

Бирюзовая глубина его глаз застыла.

— Немного рановато для этого, так не кажется?

Возможно, он был прав. Кроме того, в моём распоряжении был весь день.

— Хорошо, так чем бы ты хотел заняться сегодня?

— Ну, я подумал, ты могла бы попозировать для написания картины, а затем этот вечер мы могли бы провести вместе.

Он выглядел так, словно провёл бесчисленное количество времени в размышлениях при разработке данного плана.

Моя вилка упала на поднос.

— Моя... моя картина? — было ощущение, словно что-то вылупилось из яиц прямо у меня в животе.

Его выражение лица осталось невозмутимым.

— Да.

— Я не хочу позировать, — выпалила я. Бокал "флейта" с клюквенным соком слегка задребезжал: — Я хочу провести время с тобой.

Он улыбнулся, но на этот раз улыбка не обнажила его ямочку, и подушечками пальцев он ласково прикоснулся к моей щеке.

— Мы и проведём. Вечером.

Он схватил вилку, зацепил яичницу и отправил её в мой рот, который был широко открыт из-за того, что мне ничего не оставалось, кроме как есть.

Я прожевала и проглотила настолько быстро, насколько смогла, чтобы сделать это без чавканья. Он снова наполнил вилку, но я остановила его руку.

— Айден, у нас договоренность провести вместе день. Я делюсь с тобой чем-нибудь, ты делишься чем-то, — я попыталась удержать свой голос на спокойной волне, вместо того, чтобы начать сетовать, когда на самом деле только этого мне и хотелось.

Челюсть Айдена изогнулась, словно он плотно сжал зубы. Он медленно положил вилку на поднос. Его левая рука с силой впилась в стёганое одеяло, так что побелели суставы. Вспышка ярости разгоралась в его глазах.

— Элиза, мы сможем провести вместе время, как только ты закончишь с позированием. Это не так уж и сложно, — его голос был уравновешенным, таким монотонным, из-за чего я могла лишь предположить, что тем самым он скрывал разбушевавшийся шторм. И он исключил часть "обмена личной информации".

— Я не понимаю. Почему эта картина так важна, что даже не может подождать один единственный день?

Он покачал головой и стал всматриваться в картины на стене. Я уже собралась было сказать, что *ухожу*, но в том, как он рассматривал их, было так много беспомощности. Затем его глаза сосредоточились на мне, подобно фокусным линзам.

— Потому что я объяснил тебе, Элиза. На картинах ты всегда будешь принадлежать мне.

Кислород застрял в моих легких. *Всегда*. Если "всегда" было тем, чего он желал, я не смогу ему этого дать. Но в его ответе таилось нечто ещё, что также напугало меня.

— Ты больше предпочитаешь образ, нежели настоящую девушку? — вопрос сорвался с моих губ по своему собственному желанию.

Мой желудок резко сжался от этой мысли — ещё более насильственно, чем я предполагала. Я взглянула на поднос с едой; двадцать девять оставшихся дней с силой подталкивали меня сбежать, прошлая ночь принуждала меня остаться. Проведённая ночь неким образом что-то изменила для меня. Нечто едва уловимое, однако, смелое. Теперь я не хотела быть лишь неким образом на картине.

Прерывистый вдох нарушил мою душевную погребальную песню. Мой взгляд вспорхнул в его сторону. В его глазах не осталось никакого намека на ярость. Тектонические плиты сдвинулись и замерли, и снова сдвинулись, как будто что-то разгоралось в самом сердце. Он обхватил руками моё лицо, его длинные пальцы закопались в моих волосах.

— Позвони мистеру Солису. Написание картины на сегодня отменяется, — его голос был тихим.

Я кивнула, мои внутренности скрутило.

— Ты отправляешь меня домой?

Он улыбнулся, но в уголке его рта закралась печаль.

— Нет, Элиза, не отправляю.

Внушало ужас, что такие простые слова могут вызывать такую колоссальную оздоравливающую гармонию.

— Спасибо, — промолвила я, обвив руками его шею и накрыв в поцелуе его рот.

Впервые с того момента, как я вкусила его, он ответил на поцелуй нерешительно. Он подул прохладой на мои губы, и затем медленными ласками языка заставил мои губы снова запылать. Я сжала в кулак пальцы в его волосах, желая притянуть его ещё ближе. Неожиданно его поцелуй изменился. Его губы перестали двигаться и плотно прижались к моим губам, словно он дышал моим воздухом. Затем он высвободил меня. В его глазах светилась первобытность. На короткий миг у меня возникло импульсивное желание обнять его сильнее, чтобы он не исчез.

Он поднялся и ущипнул мой подбородок.

— Почему бы тебе не закончить свой завтрак и не одеться? Мне необходимо сделать несколько звонков.

— Хорошо, — ответила я, задыхаясь либо от мягкости его голоса, либо от опустошения поцелуя, я не знала.

Широкими шагами он вышел из спальни, закрыв за собой дверь. Как только захлопнулась дверь, я развернула "Бачи" и закинула шоколадку рот, ритуал был нарушен. Когда знакомый вкус растаял у меня на языке, я прочитала записку.

"Любовь причиняет больше боли, когда меньше всего знает. Аноним."

Я покачала головой. Иногда мне кажется, такие послания заколдованы на прочтение мыслей чёртовых идиотов, которые верят в этот бред собачий, как называет это Реаган. Я положила записку на прикроватную тумбочку, выпила воды и клюквенный сок, и выбралась из кровати, чтобы сходить в ванную комнату для удовлетворения утренних нужд.

После того, как я оказалась в ванной комнате, не имея четкого представления чем могу заняться, я решила пошпионить. Шкафы из полированного дерева были упорядочены с военной аккуратностью. Зубная паста. Зубная нить. Расчёска. Старомодная кисточка для бритья и бритва. Его одеколон. Я уставилась на флакон, пребывая в неверии. Это был простой безликий флакон с выгравированными инициалами "А.Х." на нём. *Проклятье, у него есть свой собственный одеколон!* Я вдохнула его аромат и задрожала. Да, это был он.

По мере прохождения обыска, тот оказался не особо богатым на информацию. Я схватила его расчёску, чтобы распутать свои волосы, но когда уловила своё отражение в зеркале, решила провести более внимательный осмотр, но уже самой себя. Женщина, смотрящая на меня из зеркала, была обновлённой. Глаза ярче — аметист вместо лилового, щёки румяные, губы темнее и опухшие. Я нежно прикоснулась к ним. Они немного зудели под моими кончиками пальцев. У меня были секс-травмы. Блестяще!

Я покинула ванную комнату и оделась, натянув на себя свои собственные трусики. Повинуясь импульсу, я оставила часы отца в комодке Айдена. Затем вытащила свой разбитый телефон из сумочки и набрала Хавьеру и Реаган. Никто не ответил. Хавьер, вероятно, работал, а Реаган, наверное, страдала от похмелья, всё ещё находясь в отеле "Люсия". Я оставила обоим сообщения, неожиданно испытав недостаток в их уютных предсказуемых голосах. После этого на цыпочках я пробралась в гардероб Айдена, чтобы изучить содержимое красивой с ручной гравировкой деревянной коробки, которая расположилась на высоком шкафу в дальнем углу. Но едва я пересекла порог, как мелодия, которую я знала всю свою жизнь, донеслась до меня. "К Элизе".

Я рванула прочь из спальни, побежав вниз по коридору. Когда я добралась до порога гостиной комнаты, я остановилась, заставив тем самым свет постоянно мерцать. Но я была слишком заворожена, чтобы идти дальше.

Айден играл на фортепьяно. Снаружи, за стеклянной стеной, две лазурные птички пикировали вниз, вероятно, позавидовав его игре. Он улыбнулся, когда заметил меня. Отчаяние поцелуя испарилось. Он смотрел на меня, в то время как его пальцы порхали по клавишам, не пропуская ни единой ноты.

Я пошла в его сторону, слегка возмущившись великолепием комнаты, которая разделяла нас. Его глаза ни на секунду не отпускали мой взгляд, в то время как "К Элизе" набирала свой быстрый темп. *Как удивительно!* Я никогда не видела, чтобы пианист ни разу не опустил взгляд на клавиши. Мелодия завершилась, как только я подошла к нему, но он незамедлительно начал снова.

— Привет, — сказала я.

— Привет.

— Красивое исполнение.

— Должно быть дело в музее.

Я улыбнулась, наблюдая за его искусными пальцами, восхищаясь их многостороннему таланту: начиная с прищипывания сосков и заканчивая игрой на фортепьяно на уровне концертного мастерства.

— Как ты можешь играть настолько хорошо, не глядя на клавиши?

Он пожал плечами.

— Я просто играю.

Я пристально разглядывала эти независимые руки, которые, казалось, имели свои собственные глаза. Он улыбнулся.

— Ты играешь, Элиза?

— Не так.

Он откинулся назад, жестом приглашая меня сесть к нему на колени. Его права рука вновь легла на клавиши, как только я скользнула на его колени.

— Сыграй со мной, — шепнул он мне на ухо.

Я разместила свои пальцы на клавишах и начала играть. Он уткнулся носом в мою шею и глубоко вдохнул. Я пропустила "До мажор". Он довольно ухмыльнулся и прильнул губами к моей шее. Ещё один пропущенный "До мажор". Его губы проложили путь к мочке моего уха и ущипнули её. В итоге я махнула рукой на игру и сконцентрировалась на дыхании.

— Говорят, Элиза была той женщиной, которая разбила сердце Бетховену, — произнёс он мне прямо в ухо. — Он сделал ей предложение руки и сердца, но вместо него она выбрала аристократа.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него.

— Есть другое мнение, что она была его ученицей, которая училась всему у него, вплоть до своей преждевременной смерти, — я поцеловала его в щёку, пытаюсь понять его настроение.

— Мне больше нравится первое предположение.

Он поцеловал меня, его губы и язык двигались в исключительной синхронности с фортепьяно. Гармония была настолько ошеломительной, что в этот миг, тепло зарождалось не в моём животе, а в моих глазах, как будто, слёзы закипали в них. Он завершил мелодию и обхватил меня руками.

— Прими мои извинения за то, что произошло ранее, — тихо произнёс он. Я замерла: — Я обещаю лучше контролировать свои... мысли сегодня.

— Мысли? Я думала, это была реакция. Неужели кто-то действительно может

контролировать мысли?

— Ради тебя, я на это надеюсь, — он ухмыльнулся. А затем до того, как я успела задать вопрос, он продолжил: — А теперь давай начнём всё сначала. Чем бы ты хотела сегодня заняться?

Я решила запомнить его проблемы с контролем мыслей для будущего досконального изучения.

— Давай сходим куда-нибудь.

Он замер и напрягся.

— Куда?

На мгновение я потерялась в его реакции. Такое сопротивление выходить наружу было как "за правило"? Или выражалось только для особенных мест? Я знала, куда на самом деле очень хотела пойти. Мне хотелось сходить в его место уединения, но я не могла пригласить туда саму себя, лишь потому, что сделала тоже самое для него.

— Должно же быть место в Портленде, штате Орегон, которое тебе нравится.

— О нет, это была твоя идея.

— Ладно, один из моих любимых авторов проводит сегодня встречу в "Городе Книг" "Пауэлса". Мы могли бы сходить, посмотреть на него и затем погулять по магазину? У них есть кое-что, что я бы хотела тебе показать.

Он улыбнулся, но его плечи не расслабились.

— Кто автор?

— Найджел Флеминг. Он учёный, вообще-то. Мы с моим папой опирались на его "*Химию Сознания*", когда совместно писали статью.

Он наблюдал за мной, его глаза что-то просчитывали.

— Элиза, что если я смогу договориться с ним о беседе с нами в приватной обстановке? Тебе бы это понравилось? Таким образом, нам не придётся иметь дело с толпами людей и очередями.

Я ахнула. Частная беседа с Найджелом Флемингом? Чёрт возьми! Я не знала ни одного химика, кто не поднял бы мензурку за это.

— Ты можешь это организовать? — спросила я, мой голос был хриплым с оттенком восхищения.

Он улыбнулся.

— Есть несколько преимуществ быть мной. Это значит да?

Я задумалась, дабы осмыслить ответ.

— Айдэн, это действительно очень чутко с твоей стороны, но нет, я не могу позволить тебе сделать это. Это будет стоить целое состояние. Давай просто сходим и послушаем его. Я испытаю от этого такое же удовольствие, особенно если ты будешь рядом.

Его плечи всё также оставались напряжёнными.

— Такие растраты я даже не замечу. Я бы хотел сделать это ради тебя. И ради себя, так как если быть немного откровенным, я не ожидаю в очередях и не стою в толпах, — по какой-то причине его голос стал суровым.

— Но это чересчур.

Он вздохнул и вытащил свой телефон из заднего кармана.

— Айдэн, что ты делаешь?

— Спасая день, — он нажал одну кнопку, и прежде чем я успела моргнуть, кто-то ответил.

— Бенсон, найди личного агента по связям с общественностью Найджела Флеминга и договорись о продлении его выступления сегодня в "Пауэлсе" для частной аудиенции... Да... Как можно скорее... Затем арендуй "Пауэлс" на вторую половину сегодняшнего дня... Полностью... Перекрытие, конечно... Спасибо. Позвони мне, как всё организуешь, — он отключил телефон и взглянул на меня, с таким видом будто занимался таким каждый день.

Я попыталась вспомнить английский язык, моргая, делая дыхательные упражнения и всё что угодно в перерывах между этим, но так и не смогла. Проклятье, он просто взял в аренду самого Флеминга и два огромных городских квартала! Почему? Не буду лгать, это было настоящей фантазией иметь "Пауэлс" в своём собственном распоряжении, но в тоже время это было полным сумасшествием. Кто делает такое, лишь для того, чтобы избежать ожидания в очереди?

— Дыши, Элиза, — довольно ухмыльнулся он, нежно подув мне в лицо.

Запах корицы вернул меня к чувствам.

— Айден, спасибо. В самом деле. Но я думаю, ты — чокнутый.

Он снова довольно усмехнулся.

— Ты даже не представляешь, насколько права. Ну, а теперь, этого будет достаточно или нам потребуется курс психоанализа, чтобы обсудить все причины, которые заставили меня принять такое решение?

Он улыбнулся от осознания того, что выиграл, и на его щеке вновь появилась ямочка. Испытывая беспомощность изменить произошедшее только что событие, или противостоять его улыбке, я сдалась и поцеловала его в щеку.

— Я химик, а не психоаналитик, а это означает, что я обращаю внимание на факты. И сейчас я знаю, что ты любишь прикусывать губу, бесконечность и ночь, но ты не любишь выходить на улицу или быть среди людей. Таким образом, я делаю заключение, что ты вампир.

Его смех отразился эхом в комнате.

— Я не скажу Дентону или Флемингу об этом прегрешении в научной оценке. Но ты права, мне нравится кусать тебя.

Он начал целовать меня так, что все мои мысли испарились. Кончики его пальцев описывали мои бедра. От его вкуса все противоречия растворились и весь остальной мир исчез. Моё тело ожило. Я будто вновь открывала всё для себя, я помнила его, как если бы он был из другого времени. Не из прошлого. Возможно из будущего. Я потерялась в его губах, его языке; его пальцы порхали по моей коже. Выше. Выше. Он отвёл в сторону мои трусики, пробежавшись пальцем по моему лону, и вздохнул. Я сильнее прижалась к нему. Ещё один палец присоединился к пытке, словно он играл на фортепьяно.

— Болит? — прошептал он.

Мои ноги начали дрожать и единственный звук, который я смогла издать, был стон.

— По-видимому, нет.

Он расстегнул ширинку, впившись в меня глазами, пока доставал презерватив из заднего кармана и раскатывал его по своей длине. Его руки обвили вокруг моих бедер. Я закрыла глаза, ожидая, выяснить каким будет ощущение, таким же таинственным, как это было вчера. Но он не двигался. Я открыла глаза и он улыбнулся.

— Так лучше.

Он опустил меня на себя. Шипящий свист вырвался из меня. Это было точно так же сверхъестественно. На самом деле, даже лучше.

— Ах, ты, — выдохнул он и прислонил меня спиной к фортепьяно.

Сначала он двигался медленно, затем его темп изменился, быстрее, ритмичнее. Я ухватилась за клавиши и плавно качнула бёдрами вместе с ним. Я сконцентрировалась только на том, как он пульсировал внутри меня и на фальшивой фортепьянной прелюдии, которая, как минимум для меня, звучала гораздо лучше, чем Бетховен.

Глава 22

Чудо

Я пронеслась через апартаменты, словно за мной гналось всё подразделение ИСБ, поскольку Айден с Бенсоном ожидали меня в "Астон Мартин", чтобы доставить нас в "Пауэлс". Реаган всё ещё пребывала в отеле "Люсия" со своими родителями. За несколько секунд я приняла душ, неожиданно испытав удовольствие от того как горячая вода жалила любовные укусы Айдена. Затем заскочила в свою комнату за первой в своей жизни пачкой презервативов. Я надела мамино платье, фасона пятидесятых годов. Она одевала его в тот день, когда встретила моего папу. Мне всегда хотелось надеть его, но ни одно событие не ощущалось настолько правильным для этого. Я повесила себе на шею свою новую камеру, полученную в честь окончания колледжа, оставила записку Реаган и побежала на улицу, перепрыгивая через две ступеньки, чтобы вновь встретиться с Айденем.

Я скользнула на пассажирское сидение рядом с ним. Его поза была более напряжённой, чем я когда-либо ранее видела. Как будто все группы его мышц были туго натянуты его собственной кровью. Его глаза были сужены, но увидев меня, они немного утратили внутренний накал.

— Знаешь, я мог бы купить тебе немного одежды, Элиза, и избежать всего этого возвратно-поступательного движения.

— И потратил бы на меня ещё больше денег? Нет, спасибо.

Он скользнул пальцами по моей руке.

— Но, вероятно, я не смог бы найти ничего лучше этого платья. Ты прекрасно выглядишь.

— Спасибо. Это платье моей мамы, — всецело оговорилась я, теребя подол платья. — Я подумала, что будет весьма занимательно для ужина, хотя такие вампиры, как ты, вероятно, не едят.

Он склонился к моему уху и прошептал:

— О, я питаюсь. Мы можем отправиться домой прямо сейчас и досконально изучить мои предпочтения в еде.

О, Боже мой, он не может говорить об *этом* прямо сейчас.

— Всё что угодно лишь бы избежать посещения разных мест, Айден.

— Всё.

Кончики его пальцев заскользили вдоль края платья, задержавшись на моём бедре. Я начала по памяти повторять периодическую таблицу, в попытке отвлечь себя от напряжения внизу живота и предательской влажности в моих трусиках. К счастью для моего

самоконтроля, Бенсон завёл двигатель, и автомобиль тронулся. Тотчас рука Айдена сжалась в тугую кулак и опустилась на его колено. Чем глубже мы пробирались в центр города, тем более неподвижным он становился. Его кулак ни на секунду не расслабился.

— Все в порядке? — спросила я.

— Всё прекрасно, — ответил он таким тоном, что означать это могло только лишь "нет". Он повернулся к Бенсону: — Бенсон, с нами в машине Элиза. Давай будем внимательно следить за дорогой. Тот мудака на белом фургоне двигается по двум полосам.

— Да, сэр, — ответил бедный Бенсон, уверенно удерживая машину на своей полосе.

— И вон та блондинка пишет сообщение. Оставайся с левой стороны.

— Да, сэр, — Бенсон выглядел так, словно предпочёл бы ехать в машине с той самой блондинкой.

Я никогда не слышала, чтобы Айден был таким резким с Бенсоном. Обычно эта драконья-речь предназначалась отсутствующим абитуриентам. Чувствуя ответственность за то, что день Бенсона повернул в худшем направлении, как только его попросили найти столистную розу кремового цвета, я решила привести в действие свою новую камеру и отвлечь Айдена от дороги.

Я сфотографировала его резкий профиль; его глаза сканировали окружающий мир, так словно он обращал внимание даже на самую маленькую его толику. В мгновение, когда вспыхнула вспышка камеры, его голова резко развернулась в мою сторону. На мгновение сверхнастороженность блеснула в его глазах, но затем сосредоточенность его глаз ослабла. Это произошло настолько быстро, что я не была уверена, видела ли это на самом деле. Медленно я опустила камеру, но он улыбнулся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Проверяешь смогу ли я проявиться на фотографии?

— Несомненно.

Моя самая любимая улыбка с ямочкой вернулась, и я сделала ещё одну фотографию. Он покачал головой. Я продолжила щёлкать затвором, его выражение сменилось с улыбки на смех, и потом на приподнятые брови, которые говорили коротко и ясно "достаточно или ещё". К моменту, как мы добрались до улицы Бернсайд, я лишилась преимущества своей камеры. Но как минимум теперь у меня было нечто его для последующих поколений. Я с трудом задыхалась, когда осознала, что видимо мне хотелось того же, что и ему: образ навсегда.

Каждая капелька тепла покинула моё тело, когда мир снаружи растворился в образе аэропорта PDX из моего ночного кошмара. *"Покончи с этим. Покончи с этим прямо сейчас, если ты хочешь пережить двадцать девять дней"*, этот тихий голос завыл словно гарпия. *Водород, 1.008. Гелий, 4.003. Литий, 6.94...*

— Мы на месте, — приглушённо произнёс Айден, ласково касаясь моего колена.

Тепло его руки растопило лёд.

— Ты в порядке? — спросил он, глубокая V-образная складка пролегла меж его бровей.

Я кивнула, зарываясь лицом в его шею, его запах успокаивал меня больше, чем периодическая таблица. Он обхватил меня руками и приподнял мою голову.

— Что-то не так? — спросил он, его наделённые сознанием глаза внимательно изучали меня.

Я поцеловала его в щеку.

— Не сейчас, пожалуйста.

Он прошептал мне на ухо:

— Ты обещала рассказать мне.

— И я расскажу. Но прямо сейчас я хочу насладиться этим чересчур дорогим днём, который ты нам купил. И сделать как можно больше фотографий.

Он кивнул и передал мне камеру, всё ещё удерживая взгляд на моём лице. Я сделала ещё один снимок с ним и один с видом на двери в магазин "Пауэлс", на которых красовалась большая красная табличка с надписью: ЗАКРЫТО НА ЧАСТНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ.

От одного этого вида я отпихнула все свои сомнения в сторону. Вместе с самым красивым мужчиной на земле, полностью в моём распоряжении был весь "Пауэлс", а я, как идиотка, трачу своё время впустую.

— Пошли, — сказала я, выбираясь из машины.

Перемена моего настроения, должно быть, была написана на моём лице, потому что он улыбнулся. Прошептав что-то Бенсону напоследок, он выпрямился, выйдя из машины. Его глаза всё время сканировали тротуар. Затем, обняв меня за талию, он шагнул к дверям и открыл их для меня.

— После тебя, Элиза.

Я знала это место, равно как и лабораторию Дентона, несмотря на это, сегодня оно ощущалось по-новому. Было тихо, лишь спокойная концертная мелодия лилась из звуковой системы. Два сотрудника молчаливо работали у прилавка, сортируя и укладывая несметное количество книг в стопы. Запах пергамента витал в воздухе. Но наибольшее отличие было не в пустоте. А в этом особом сегодняшнем ощущении, "Пауэлс" ощущался как моя собственная история. Я сделала фотографию, несмотря даже на то, что прекрасно понимала, что никогда этого не забуду.

Поблизости от меня усмехнулся Айдэн.

— Ты прекрасно выглядишь, когда удивлена.

Я широко улыбнулась, приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы, не заботясь о том, что могу вызвать приступ тошноты у трудолюбивых сотрудников магазина.

— Я думаю это достойно трофея "Самое Лучшее Свидание".

— Ну, это разрывает в клочья весь мой замысел о путешествии на НАСА.

Я рассмеялась и потянула его за собой в лабиринт с цветовой кодировкой "Пауэлса".

— Думаю, Флеминг организовал беседу наверху, в Пурпурной комнате.

Он следовал за мной со знанием долга, целуя меня у каждого прохода между стеллажами, в который мы заглядывали, точно так же, как он делал и у себя дома, и в "Саду Роз". Я пристально рассматривала полки, наполненные до самых краёв книгами, казалось, мои глаза были недостаточно широко раскрыты для полного обозрения всей картины. К моменту, когда я закончила свой третий обходной путь в секции Исаака Ньютона и направилась в сторону Американских научных исследований, Айдэн, обхватив меня за талию, потянул назад, смеясь:

— Элиза, я мог бы оказаться в затруднительном положении, но ты, похоже, слегка отвлечена.

— Ты шутишь? Это же "Пауэлс"! Самый большой независимый книжный магазин в мире. Один миллион томов, 122 тематические зоны, 3,500 подразделов и комната с редкими изданиями. Проклятье, как я смогу уделить время всему этому? — мой голос принял панические нотки.

Он снова рассмеялся.

— Может, я смогу помочь, но давай для начала встретимся с Флемингом.

— Флеминг, да, верно, хорошо. Затем новейшая химия, Менделеев, Кюри, Остин, Достоевский, Неруда, Дикинсон —

Его рот накрыл мой, унося прочь все мои мысли, и я безвольно прогнулась в его руках.

— Тогда "*50 Оттенков Серого*", — сдавленно рассмеялся он.

Мои щёки залило гранатово-красным румянцем.

— Умм, технически человеческие глаза могут различать порядка двухсот пятидесяти шести оттенков серого, — пробормотала я, направляясь к Пурпурной комнате, дважды споткнувшись по пути.

Найджел Флеминг ожидал нас в зоне, отведенной для подписи книг авторами, стоя у кафедры с кипой бумаг и несколькими экземплярами своей книги. Выглядел он именно так, как и на фотографиях. Невысокого роста, с небольшим животиком, с белёсыми усами, с очками наподобие защитных, и в костюме из твида. Я сфотографировала его, ощутив, как комок нервов опускается вниз по моему горлу. Чтобы сделал папа, будь он здесь?

Флеминг поднял взгляд и улыбнулся.

— Ах, вы должно быть мистер Хейл! — произнёс он своим сильным манчестерским акцентом.

От этого звука истинный кратер развёлся в моей груди. Рука Айдена на моей талии напряглась. Он догадался?

— Профессор, спасибо вам за согласие на эту незапланированную встречу, — сказал Айден, пожимая руку Флемингу. — Я приношу свои извинения, что не смог поговорить с вами предварительно, но мы не могли упустить шанс встретиться с вами. Ваша работа по обмену между агути-связанным протеином и проопиомеланокортином оказала огромное влияние на вот этого начинающего химика, Элизу Сноу.

Флеминг посмотрел на меня, но я была настолько ошеломлена, чтобы смотреть на кого-то ещё, кроме Айдена. Я не знаю, что было написано на моём лице, но я почувствовала кондиционированный воздух "Пауэлса" на своих миндалинах. Откуда Айден знал химические термины? Он повернулся ко мне с улыбкой, искусно изогнув свою бровь. Я моргнула и взяла себя в руки.

— Как ваши дела, профессор Флеминг? Для меня огромная честь встретить вас, сэр.

— Ух, ты! Уроженка Оксфорда! — воскликнул он, беря мою руку и рьяно пожимая её, от чего мои зубы застучали.

— Как поживаете, мисс Сноу, как поживаете! Что такая прелестная леди, как вы, делает в Портленде, штате Орегон? — живот Флеминга вздымался и опускался с каждым чрезмерно произнесённым манчестерским гласным звуком.

— Я только что окончила Рид. Мы с моим папой использовали большую часть вашей работы по грелину и меланокортину для своей первой совместной статьи.

— Приятно это осознавать. Знаком ли я с вашим отцом?

— Питер Сноу, профессор.

— О, милая девочка, да-да, конечно. Сам лично встречал его на нескольких конференциях. Ваш отец — прекрасный химик. Мои соболезнования.

— Спасибо, профессор.

— Итак, присаживайтесь оба, и у нас состоится прекрасная беседа о дугообразных ядрах да порассуждаем о химиках, которые не верят в теорию сознательности.

Он сжал свои ладони в кулаки от воодушевления, зеркально отобразив мою хватку на

руке Айдена. В свою очередь, Айден улыбался чаще, чем я видела его улыбку за всё то драгоценное время, которое провела с ним.

Мы заняли два места перед экраном проектора. Флеминг возился с пультом управления, призывая его к сотрудничеству. Я рассмеялась над тем, что даже химики подобные ему, бывают сбиты с толку американскими технологиями.

— Ах! Дело в шляпе, — воскликнул он, когда экран засветился, и Пурпурная комната погрузилась в темноту.

Диаграмма с человеческим мозгом появилась на экране. Флеминг начал с теории, которая интересовала нас с моим отцом. По той причине, что рука Айдена лежала на моей талии, манчесторовский диалект не разъедал мои внутренности. Я склонила голову ему на плечо, украдкой поглядывая на его всеведущие глаза. Он впитывал информацию, но каждые несколько минут наши взгляды встречались. Раз или два он целовал мои волосы.

— Как ты узнал о протеинах, снижающих чувство голода? — прошептала я.

— Прочитал.

— Когда?

— Пока ты наряжалась в своих апартаментах. Тише, — он указал на экран своим подбородком.

Я слушала Флеминга, но часть моего сознания бесповоротно зациклило на Айдене. Как он мог освоить так много информации всего лишь в течение десяти минут, чтобы оперировать ею? Невозможно, на протяжении двадцати четырёх часов, всё остальное в нём превзошло, даже его красоту. Я схватила его руку, восхищаясь тем, как он заставлял всё ощущаться по-новому. В каждом слайде я видела своего папу, правда, но ничего из этого не ощущалось как дань уважения. Только как блистательное свидание с особенным мужчиной.

Когда презентация закончилась, Флеминг настоял на получении информации о моей работе. Айден купил мне подписанную Флемингом книгу, но когда он поймал меня за попыткой купить вторую для Дентона, то купил всю имеющуюся в наличии стопу. Он также предложил свести Флеминга с владельцем международной сети книжных магазинов.

— Ах, очень хорошо, очень хорошо, мистер Хейл. Какая удача всё-таки, что вы захотели частную аудиенцию. Элиза, дорогая, задумайтесь об аспирантуре. Мне доставит огромное удовольствие представить вас всему Эдинбургу.

Он пожал мне руку, широко улыбаясь. Я улыбнулась в ответ, сохранив выражение своего лица сдержанным. Профессор Флеминг даже представить себе не мог, как скоро я с ним свяжусь.

Когда мы вышли из Пурпурной комнаты, я бросилась на Айдена.

— Спасибо тебе за это. Это так много для меня значит, — я поцеловала его, понимая, что мне не получится всецело выразить свою признательность всевозможными словами на английском языке.

— Не за что. Вообще-то это было довольно интересно. Итак, насколько я помню, у тебя был план по нападению для освоения "Пауэлса".

— Сначала, кое-что другое.

Я взяла его за руку и повела в Розовую комнату, которая была размером с его собственную библиотеку.

Он довольно усмехнулся.

— Больше роз?

— Не на этот раз. Просто совпадение.

— Хорошо, потому как Бенсон может уволиться, если ему придется изучать искусство оригами для создания бумажных роз.

Я рассмеялась, перемещаясь через проходы между стеллажами. Он всегда следовал за мной или шёл рядом — но никогда не шёл впереди. Не желая упустить ни единую частичку его присутствия, я начала идти задом наперёд.

— Вот здесь, — сказала я, когда мы подошли к ряду 738. Я начала подкатывать лестницу, но Айден остановил меня.

— Ты хочешь что-то достать?

— Да. Там наверху, на седьмой полке.

Он схватил меня за бёдра, будто я было сродни пульту управления Флеминга, и посадил меня на своё плечо.

— Мне так больше нравится, — сказал он.

— В таком месте моя попа ещё никогда не была.

— Немного удачи, и твоя попка скоро найдёт другое место, чтобы посидеть, Элиза.

Он сымитировал мой акцент настолько идеально, что я прекратила тянуться к полке и стала внимательно его рассматривать. Он не прилагал никаких усилий, чтобы скрыть тот факт, что заглядывает под моё платье.

— Твой оксфордский акцент безупречен! — выпалила я — почти как обвинение. Теперь я всерьёз была поглощена его умом: — Ты жил в Англии? — что ещё имеет смысл?

— Посещал.

— Но как ты смог произнести так чисто? Я пыталась говорить с американским акцентом все последние четыре года!

Он рассмеялся.

— Это определенно не сработало, даже, несмотря на то, что ты освоила жаргон. Теперь я могу провести здесь весь день, глядя на твои восхитительные ноги и эти довольно-таки соблазнительные хлопковые трусики, но я бы предпочел разорвать их на части в частном порядке. Итак, покажи, чем ты хотела со мной поделиться, поскольку только так мужчина может устоять, — он скользнул рукой под моё платье, прокладывая пальцами дорожку вверх.

— Ладно, ладно, вот она, — я потянулась за хорошо знакомым мне томом. Он опустил аккуратно меня вниз, моё тело льнуло к нему.

— *Теория Ликвидации Нищеты?* — прочитал он, его брови изогнулись.

— Знаю, знаю, техническое название, но смотри, — я открыла книгу на 485 странице и указала: — Это то, что ты помог мне пережить сегодня.

Он взял книгу, его зрачки сузились, изучая текст. Его рот раскрылся в форме прекрасного "О".

— "Геном Голода", авторы Питер Эндрю Сноу и Элиза Сесилия Сноу, — медленно прочитал он. — Это то, что ты написала в возрасте шестнадцати лет!

Я кивнула, потеряв дар речи. Он выглядел до смерти увлеченным, в отличие от зевающей Реаган и закатывающего глаза Хавьера, что было более чем понятной реакцией, нежели эта концентрация внимания. Он начал перелистывать страницы, но я вырвала книгу из его рук.

— О, тебе нет необходимости читать это. Я лишь хотела показать тебе, как много для меня значила сегодняшняя встреча с Флемингом. Давай, пойдём, почитаем что-нибудь более интересное.

— Более интересное, чем "если когда-либо и существовала ответственность для людей

— та, мимо которой мы не должны проходить, а наоборот должны довести её до конца — так это устранить то, что уничтожит наше потомство. Благодаря производству синтетического нейропептида NPY / белка ожирения AGRP и пептидома POMC, мы можем построить в нашей ДНК искусственные последовательности, которые смогут не только насытить чувство голода, но и вовсе погасить его", — он процитировал статью, ни разу не опустив взгляд на страницы.

Я пристально смотрела на него, ошарашено, до тех пор, пока перед моим лицом не махнула рука, приводя меня в чувства.

— Как ты это сделал? — всхлипнула я. — Ты просто-напросто процитировал абзац со страницы 879, но ни при каких обстоятельствах ты не мог прочитать так много. Ты читал это раньше?

— Нет.

Я задумалась о моём жизненном опыте с ним, и неожиданно всё сошлось.

— У тебя фотографическая память, не так ли?

Он склонил голову на бок.

— Не совсем.

На мгновение всё выглядело так, словно он не собирался вдаваться в подробности, но затем он нахмурился, будто принимал решение. Он провёл рукой по опоре полки, глядя на меня.

— Я обладаю одним из типов эйдетической памяти, Элиза.

Что?

— Ты серьёзно? Я думала, что эйдетическая память это миф, — справилась я, вспоминая, как моего профессора по психологии познания досаждало, что люди злоупотребляют термином "*тотальная память*".

— Истинная эйдетическая память вполне может быть и мифом. Память не изучена в полной мере. Именно поэтому я и сказал, что у меня один из её типов.

Он дружелюбно улыбнулся. Очевидно, раньше он часто сталкивался со скептицизмом.

— Ты мне объяснишь? Как это работает? — изумлялась я, задаваясь вопросом "а мог ли он позволить мне провести сканирование его черепа на установке МТР Рида, чтобы я смогла заглянуть внутрь".

— Ну, это шире, чем фотографическая память. Я помню не только то, что читаю и вижу, но и то, что слышу, вкушаю, испытываю, чувствую — полный спектр восприятия. После того, как я почувствую что-то, каждый раз, когда я думаю об этом, я вновь испытываю совершенно ясно ту же гамму чувств и реакций. Это относится не только к эмоциональным переживаниям, но и к мирским, — он усмехнулся, нет никаких сомнений, что моя челюсть выпала и убежала в отдел нейробиологии.

— Именно так ты узнал, что я женщина с картины, и что картину нарисовал Хавьер! Ты абсолютно точно помнил изгиб моей шеи, да ещё и пятна краски на нём, верно?

Он улыбнулся.

— Да. Таковы очевидные детали. Взгляд. Звук. Аромат стилизованной розы. Поэтому я могу играть на фортепьяно, даже не глядя. Поэтому могу произнести слова точно так же как ты или даже Флеминг, — он перешёл на прекрасный манчестеровский акцент. — Поэтому я не делаю фотографий или записей.

— Как насчёт неявных деталей? Расскажешь ли ты мне немного больше, пожалуйста? — бесстыдно умоляла я с зарождающимся ужасом, что только что потеряла

всякую надежду когда-либо испытывать потребность в другом мужчине.

Он усмехнулся и взял мою руку, направившись назад в Пурпурную комнату. Флеминга не было нигде видно.

— Вот пример, который ты сможешь понять. Ты сказала, что приехала сюда 24 августа 2011 года.

— Да, — выдохнула я, ожидая чего угодно, начиная от звука Боинга-777, исходящего из его рта, до ещё большего акцента Британских авиалиний.

— Ну, я очень живо помню, чем занимался в тот день, — он потянул меня дальше в лабиринт. — Было семьдесят шесть градусов по Фаренгейту (~24 °C). На завтрак у меня был омлет и четыре ломтика бекона, запечённый на гриле дикий лосось на обед в ресторане "Рингсайд", который стоил двадцать восемь долларов, и спагетти с мясными шариками на ужин. Я сделал четырнадцать деловых звонков, послал сто семнадцать электронных писем и прочитал газету, из которой узнал, что в Китае завершились летние олимпийские игры, и судья Каплан из Окружного Орегонского суда вынес постановление местной компании в вопросе нарушений в лесозаготовке, — он повернул в ряд 422 и потянулся к полке номер шестнадцать за книгой по юриспруденции. — Страница сто двадцать семь, третий параграф сверху, — он подал мне книгу.

Я пробежалась глазами по тексту и вот оно! Заключение судьи Каплан, стенограмма. Думаю, я только что испытала оргазм. Оргазм моего головного мозга.

— Проклятье! Ты совершенно прав! В тот день, когда я прилетела, я купила газету, и так часто перечитывала её на протяжении многих лет. Я помню новости о летних олимпийских играх, только за единственным исключением, что ты прочитал это лишь однажды, — я решила откопать эту газету позже в своём шкафу и снова её прочитать.

— Именно поэтому я выбрал эту дату. Я подумал, что это бросится тебе в глаза. И, конечно же, ты знаешь, что в этот день я купил свой дом. Должно быть, я знал, что ты приедешь.

Он не пытался быть романтичным. Он сообщил это своим обычным способом излагать факты. Но это было самым интимным признанием о его чувствах, которое он сделал. Я не смогла устоять. Я обвила руками его шею, потянувшись к его губам, словно они могли успокоить этот интеллектуальный огонь. Но они лишь добавляли ещё больше горячего в него.

Он рассмеялся.

— Мой дом заводит тебя?

— Нет, ты заводишь меня.

— Элиза, полагаю у тебя фетиш на мужчин со странными мозгами.

— Да, мне действительно кажется, я таковой имею.

— Безусловно, милости прошу.

Он снова прильнул к моим губам, но теперь я вновь была начеку. Я хотела знать больше. Было что-то в том, как он говорил, намекая на проклятие, следующее за благословением.

— Ты сказал, что ты также помнишь каждую эмоцию.

Я попала в нечто, поскольку тектонические плиты в его глазах переместились. Теперь я поняла секрет, который скрывался за этими глазами. Они раскрывались и впитывали и изменялись, потому что он одновременно проживал в нескольких местах и в нескольких временных измерениях.

— Да, я помню эмоции, — его слова были осторожными, его голос звучал жестче.

Я понимала, что в моём распоряжении всего несколько минут, возможно, даже секунд, прежде чем его неожиданное откровение закончится.

Из тысячи вопросов я выбрала наиболее важный.

— Ты когда-нибудь забываешь?

Он улыбнулся, но ямочка на его щеке так и не появилась, нежно прикоснулся пальцами к моей щеке. Он взял книгу из моих рук и не глядя, поставил её на место.

— Нет, Элиза. Я не могу.

— Никогда?

— Некоторые специалисты полагают, что с годами это пойдёт на убыль. Но начиная с возраста семи лет, когда мы впервые обнаружили это, я не заметил никаких изменений.

Его голос затих, стал печальным, как будто воспоминания всех его тридцати пяти лет тяготили его. Независимо от того, насколько удивительным я находила его мозг, до меня только что дошло насколько, должно быть, это было страшное наказание.

— Ты бы *хотел* забыть?

Он улыбнулся.

— Некоторые вещи — да. Другие — к примеру, то, как ты смотришь на меня прямо сейчас — нет.

Я прильнула к нему и нежно погладила его щетину.

— А вещи, которые ты хотел бы забыть? Это то, что заставляет тебя испытывать подобное напряжение? — рискнула я копнуть глубже.

Как по команде, его плечи превратились в камень. Он закрылся. Моё время истекло.

— Пошли, — сказал он. — У нас миллион книг, один с эйдетической памятью и один нетерпеливый ученый, который хочет прочесть их все. Нагрузи меня работой, — он оставил лёгкий поцелуй на моих губах.

Я поцеловала его в ответ, ощущая нахлынувшую пустоту. Мне казалась, что как только я узнаю нечто о нём — нечто действительно настоящее — моя жажда будет утолена. Но этого не произошло. Так как я поняла, что эйдетическая память, как и его успех и его внешность, были поверхностными. Айден, живший внутри него, всё ещё скрывался.

Мы покинули Пурпурную комнату, идя через лабиринт рука об руку, мой разум взрывался от полученной информации.

— Айден, пожалуйста, могу ли я задать ещё один вопрос?

Он прищурил глаза.

— Только один.

— Если ты помнишь абсолютно всё, зачем изначально нужна была картина с моим образом?

Он резко остановился.

— Потому как я хочу фантазию, — он пожал плечами.

— И что это за фантазия?

Его челюсть изогнулась.

— По существу, это то, что никогда не воплотится в жизнь.

Мой живот снова резко скрутило, когда голосок внутри меня начал завывать. Фантазия. Не настоящая девушка. И настоящей девушке я не смогу дать больше, чем двадцать девять дней. *"Беги, глупышка. Беги прямо сейчас и получи какое-нибудь сильное лекарство, чтобы пережить полёт"*.

Я сглотнула.

— Возможно, ты прав.

Глубокая V-образная складка вновь образовалась между его бровей. Та же вспышка беспомощности, которая блеснула в его глазах, когда он смотрел на мои картины этим утром, быстро промелькнула и сейчас. Этого было достаточно, чтобы застопорить мои ноги. Безумие, но я скучала по человеку, который скрывался внутри него, хотя никогда и не встречалась с ним.

— Тогда давай поживем фантазией немного дольше, — сказала я.

Глава 23

Секреты

После ужина, который состоялся у Айдена дома — выбор был простым: либо у него дома, либо в частных залах ресторана "Андина" — я пристально рассматривала кипы книг, прислонившись к стеклянной стене. К моему ужасу, Айден купил все до единой книги, к которым мы прикасались в магазине. Все 178. И как теперь я должна буду всё это увезти с собой в Англию? Как я смогу хоть одну оставить здесь, не взяв с собой? Солнце садилось за Маунт-Худ. Пронзительная боль снова появилась у меня в животе, поэтому я взяла его перьевую ручку и стопу книг.

— Что ты делаешь? — спросил Айден, всё ещё сидя за огромным обеденным столом из морёного дерева. Кончиком пальца он провёл по краю своего бокала.

Я села рядом с ним, раскладывая свои сокровища на столе.

— Подпишем мои новые книги.

Он улыбнулся и протянул руку к локону моих волос.

— Ещё больше ритуалов?

Я кивнула.

— Я всегда подписываю свои книги, на случай если вдруг их потеряю, то может быть однажды случайно смогу их найти.

Я опустила перо в чернильницу с тёмно-синими чернилами и начала с романа *"Гордость и Предубеждение"*. Айден склонился, дабы посмотреть на это, отведя в сторону мои волосы. Его теплое дыхание щекотало мою щеку.

— Хочешь присоединиться ко мне? — спросила я, желая иметь его собственноручные записи на этих страницах, когда всё это закончится.

Наверное, он услышал отчаяние в моём голосе, так как улыбнулся в ответ.

— Конечно, — сказал он и взял из стопы книгу со стихами Байрона. — Так как мы должны делать это? Похоже, у тебя есть некая система.

— Просто напиши своё имя на страницах восемь, двадцать четыре и одиннадцать.

Сначала он нахмурился, а затем улыбнулся.

— Ах! Даты, когда ты сюда приехала.

— Да, и это так же первая дата, которая у нас с тобой общая.

Я опустила перо и подписала "Братья Карамазовы". Когда я подняла взгляд вверх, что-то в глазах Айдена изменилось. Бирюзовые глубины были окутаны тенью. Он взял под

контроль это в считанные секунды, но этого было достаточно, чтобы запустить странный зуд на моих ступнях. Как будто они хотели сбежать. Я подогнула их под себя.

— Ещё подпишешь? — спросила я, передавая ему перо.

Тень развеялась. Он взял *"50 Оттенков Серого"* и подмигнул мне.

— Ты можешь оставить себе перо, я подпишу ручкой.

Мы подписывали книги, сидя бок о бок, наши бёдра соприкасались. Он обрушил на меня шквал личных вопросов. После посещения "Пауэлса", он забрасывал меня всеми возможными вопросами, начиная с пустяков, заканчивая тестами Роршаха. Пока я отвечала на его вопросы, я на самом деле задумалась о том, как смогу выманить хоть какую-то толику информации из него. Несмотря на мои отважные попытки в "Пауэлсе" ("Я уже прочитал эти книги, Элиза, это для тебя"), на попытки по пути домой ("Бенсону необходима тишина в машине, Элиза") и во время ужина ("Во время приёма пищи говорить не рекомендуется, Элиза"), Айден оставался неуловимым куда сильнее, чем Элемент 115.

— Любимые праздники? — допрос продолжился, когда он подписал *"Повесть о двух городах"*.

— Я ссылаюсь на пятую поправку.

— Ты что? — улыбнулся он.

— Ссылаюсь на пятую поправку. Я не отвечу ни на один твой личный вопрос, пока ты не расскажешь мне что-нибудь о себе. И более того, я откажусь позировать для картины, — пригрозила я, воспользовавшись тем незначительным из инструментов воздействия, которым я обладала.

— Мы не можем этого допустить, — он подписал *"Таинственный сад"* и отложил ручку в сторону. Сделал глоток вина. Его взгляд стал напряжённым, но он улыбнулся: — Ладно, что бы ты хотела знать?

Я была настолько ошеломлена приглашением, что чернила капнули с пера на страницы *"Тысяча и одна ночь"* и вопрос получился "в лоб":

— Почему нигде нет никакой личной информации о тебе?

— Потому что по определению, такое больше не сможет быть чем-то личным.

— Куда ты ходишь, когда хочешь убежать от реальности?

— На самом деле я не могу убежать, как мы уже выяснили это.

Он постучал себе по виску. Его голос стал жёстче, поэтому я перешла на более безопасную территорию, пока он опять не закрылся от меня.

— Кто твой лучший друг?

Его улыбка по-прежнему была искренней. Он снова взял ручку и подписал *"Прощай, оружие!"*.

— Маршалл.

Я широко улыбнулась, когда получила поистине первый настоящий ответ от него. Нечто такое обыденное, как лучший друг.

— Маршалл живёт где-то здесь поблизости?

У меня было сильное желание услышать в ответ "да". Я не испытывала потребности встречаться с ним, но это означало бы, что кто-то смог пробиться через стены Айдена и быть рядом с ним.

Он пригубил ещё немного вина и подписал *"Приключения Гекльберри Финна"*.

— Нет.

— Ох! Ты часто с ним встречаешься?

— Не так, как хотел бы, — он подписал "*Рождение Венеры*" и встал. — Не хочешь ли своего десерта? Я уверен, ты найдешь это более увлекательным, чем моя дружба, — не дожидаясь моего ответа, он широким шагом направился в кухню.

— Я очень сомневаюсь в этом, — сказала я, следуя за ним.

Он двигался настолько быстро, что уже был у шкафов. Я села за стол для завтраков. Я собиралась спросить о том, как долго он был знаком с Маршаллом, когда он повернулся ко мне и одарил улыбкой.

— Даже "Бачи"? — спросил он, поднимая куполовидную крышку с серебристой тарелки, на которой аккуратно были сложены шоколадки в серебристой упаковке, обрамлённые яблочными дольками.

Вздых изумления сорвался с моих губ. Как много "Бачи" здесь? *Одна, две, три, четыре* - Смех Айдена заглушил мою арифметику. Он поставил тарелку передо мной.

— Тридцать, — произнёс он.

Мой живот скрутило и обожгло, слово там прорвало язву.

— Что ты сказал? — прошептала я.

Он нахмурился.

— Тридцать? Пожалуй, у меня найдётся больше, если ты хочешь? Что на это скажешь? Шестьдесят? Сто?

Впервые, с момента как я услышала это, его голос стал смущённым. Его тембр настолько сильно располагал к себе, что я оторвала свой взгляд от серебристой шоколадной башни и пристально посмотрела на него.

Он всё ещё хмурился.

— Я могу выяснить, не продается ли компания, которая их производит? — предложил он вполне серьёзно.

Этого хватило, чтобы заставить меня рассмеяться. Айден Хейл может и имеет уникальные мозги, но девичья одержимость им несомненно находится вне его дедуктивных способностей.

Я схватила его за ворот рубашки и поцеловала его.

— Давай начнём с тридцати, — ответила я, даже, несмотря на то, что "начнём" не имело к этому никакого отношения.

Он обхватил руками моё лицо, его губы и язык превзошли мои. Его сердцебиение барабанило под моей ладонью. Неожиданно он отстранился и пристально посмотрел на меня. Его глаза были необыкновенно спокойными. Пока я смотрела в них, в свободные от эмоциональной динамики, это заставило меня задуматься: "а не был ли это такой момент, когда он хоть на мгновение ничего не вспоминает".

— О чём ты задумался? — спросила я.

Он покачал головой.

— Заблудшая мысль. Не хочешь ещё вина?

— Вообще-то, немного теплого молока, если ты не против, — пробормотала я, так как мой мозг был полностью занят расшифровкой выражения его лица.

— Молока? — улыбнулся он.

Я кивнула. У меня был скрытый мотив для этого. Молоко помогает мне бороться с ночными кошмарами, и сегодня ночью я не собиралась видеть их.

— Ладно, будет молоко.

Он открыл холодильник, наполнил молоком из пакета два хрустальных стакана и

подогрел его в микроволновке. Я сделала фотографию своей камерой.

Он прищурил глаза.

— Зачем ты делаешь так много фотографий, Элиза?

— Конец эпохи, — правдиво ответила я.

Он вынул стаканы из микроволновки, пристально смотря на меня. Приводило в замешательство то, как он никогда не смотрел на то, что делал. Он сел рядом со мной, подал мне стакан и прикоснулся своим стаканом к моему.

— За новую эпоху, — сказал он.

— И за старую.

Я улыбнулась, не в силах пить за новую эпоху, которая ожидает меня впереди. Я потянулась к башне из "Бачи", взяла верхнюю шоколадку, а остальные решила оставить на все мои оставшиеся дни.

— Разделишь одну со мной? — спросила я его.

— Ты можешь себе это позволить?

— Едва.

Он усмехнулся и взял "Бачи". Я наблюдала, как его длинные пальцы сняли серебристую упаковку и нашли записку.

— Что там сказано?

— "В любви как на войне, все средства хороши", — тихо прочитал он цитату на вощёной записке.

— Ну, не так фатально, — тайком я была рада, что заколдованное "Бачи" не сообщало ему нечто такое, типа "женщина с картины влюбится в тебя", и тем самым напугает его до смерти.

— Так ли это? — он снова посмотрел на записку и положил её на мраморную столешницу. — А что говорит твоя?

Я развернула свою шоколадку, вылавливая первым делом записку. "Нет, поцелуй — не тайна, а секрет, но в губы сказанный случайно!". Ну, спасибо, Ростан! Всё та же нахлынувшая пустота бродила в моей груди, когда я задалась вопросом "было ли это одним из видов секретов Айдена, который он разделит со мной". Может быть, я должна вконец прекратить читать это проклятые записки.

Я сглотнула и подняла вверх глаза.

— Расскажи мне секрет, Айден.

Он медленно наклонился, пока наши губы не встретились. На вкус он был как молоко и "Бачи". Его губы нежно двигались, словно он шептал. Но затем его поцелуй изменился. Он встал настолько резко, что стул опрокинулся на пол позади него. Он сжал мои волосы в кулак и рванул мою голову назад, его рот был в нескольких дюймах от моего рта.

— Ты хочешь знать секрет, Элиза?

Я кивнула, затаив дыхание.

— Я никогда не целовал никого в губы, — прошептал он. — Слишком много вкуса, слишком много сути женщины, чтобы помнить. Но мне нравится целовать тебя.

Я была настолько ошеломлена этим откровением, что отступила назад, но он сдавил мой подбородок, качая в отрицании головой. Обняв меня за талию, он приподнял меня, я ногами обхватила его за талию, и он медленной походкой подошёл к мраморной кухонной столешнице. Он усадил меня на неё, потянулся к моему стакану с молоком и сделал глоток.

— Есть гораздо лучший способ пить молоко, — подмигнул он.

Он выглядел чересчур греховно. В его глазах мелькнул некий умысел, словно он был на задании. Я запустила руки в его волосы и притянула его ближе к себе. Я погладила его щёку, задержавшись на шраме. Побуждение поцеловать его было настолько сильным, что я наклонилась, вымаливая глазами разрешение. Он улыбнулся и кивнул.

Я осторожно подула на шрам. Он имел форму в виде буквы L. *"Во имя любви"* бесконтрольно подумала я, находясь под воздействием Хейлиума. Я прижалась губами к шраму. Это была узкая дорожка, со временем ставшая жёсткой. Он оставил отпечаток на моих губах. Я снова поцеловала его.

Он простонал и начал целовать знакомые мне участки, которые он ранее уже пометил. Мою челюсть, моё горло, мою ключицу.

— Ты хочешь знать ещё один секрет? — прошептал он, касаясь моей кожи.

Я простонала "да".

Он поднёс свой рот к моему уху.

— Ты мне нравишься в этом платье, потому что выглядишь так, словно принадлежишь счастливому времени.

Он развязал бант на спине. Я была слишком потеряна, чтобы найти смысл в его словах, поэтому просто вняла их. Медленно он расстегнул молнию и приспустил платье с моих плеч, обрушив поток поцелуев на них. Сняв полностью с меня платье, он положил его на столешницу. Затем отступил на шаг назад, пристально рассматривая меня. Я полностью осознавала, что свет был включен, но его вчерашние слова до сих пор звучали в моих ушах. *"Не прячься от меня"*. Я боролась со своей скромностью до тех пор, пока он не улыбнулся.

— Ещё секретов, Элиза?

Я кивнула, не имея никакой власти над своей речью.

— Никто не выглядит так, как ты, в моей памяти. И даже ты сама.

Одно его магическое движение и мой бюстгальтер оказался снят. Я мечтала о том, что могу что-то сказать, но единственный звук, который я оказалась способна издать, был вздох. Его губы прижались к моему горлу и стали опускаться всё ниже и ниже, и, наконец, его рот накрыл мой правый сосок. Его язык вырисовывал круги, из поцелуев и покусываний он сплёл узор, который заставил меня трепетать. Я попыталась обхватить его ногами за талию, чтобы ощутить прикосновение его тела, но он раздвинул их так широко, насколько это было возможно, заполнив столешницу по всей длине. Я ощущала себя выставленной на показ, но моя кровь кипела, поэтому меня это совсем не волновало. Медленно два его пальца скользнули внутрь меня. Эффект был молниеносным. Мои бедра качнулись вперёд, требуя углубить. Он прорычал мне в грудь:

— Веди себя хорошо или я не поделюсь с тобой больше никаким секретом.

Он покружил пальцами раз, два. Единственный звук, который я смогла произнести в ответ, был стоном. Мои бедра возбуждённо извивались под его мучительно-медленными, но уверенными пальцами.

— Вот ещё один: мне нравится какая ты на вкус.

Стоя между моих ног, он преклонил колени на пол, подул приносящим удовольствие воздухом на меня и ущипнул моё лоно. Его пальцы всё так же растягивали меня и кружили внутри меня. Всё внутри меня начало дрожать. Почти. Ближе. Ближе.

— Итак, насчёт этого молока, — сказал он, и вылил всё ещё горячее молоко на ложбинку между моими грудями.

Оно воспламеняло мою кожу и стекало одной единственной струйкой вниз по моему

телу, между моими ногами, где в ожидании находился его рот, который затем сомкнулся на мне. Тепло молока и давление его рта отправило меня через край. Мгновенно взрывной экстаз накрыл меня. Мои руки обессилили, когда он проглотил последнюю каплю молока, и я тяжело опустилась на столешницу. За закрытыми веками темнота была окутана красноватым туманом. Его имя отражалось в ночи. Я слышала его так, будто находилась под водой.

Когда я пробудилась от перенесённого экстаза, я всё ещё могла ощутить его успокаивающие поцелуи у себя между ног и на внутренней стороне моих бёдр. Я взглянула вниз на него. Его образ был размыт по краям. Он поднялся с колен, улыбаясь, и моё зрение сфокусировалось.

— Не двигайся, ни на дюйм, — приказал он и широкими шагами направился в сторону спальни.

Я несколько раз моргнула, всё ещё испытывая потрясение от его секретов и его прикосновений, когда он вернулся с презервативом и расположился между моих ног.

— Сними мою одежду.

Ох, ну наконец! Я начала было расстёгивать его рубашку, но это требовало так много времени, что рванув, я разорвала её, точно также как он сделал это вчера. Я проигнорировала его смешок, пока расстёгивала молнию на его джинсах и грубо стягивала их вниз по его ногам. Он шагнул из них, полностью затвердевший и мощный. Мои глаза были прикованы к его естеству, но он приподнял мой подбородок, так чтобы я подняла свой взгляд.

— Вновь глаза на меня.

Он приподнял меня со столешницы, прижав ближе к себе, и очень медленно скользнул внутрь. Моё тело начало подстраиваться под него. Точно также неторопливо он вышел и снова вошёл в меня в том же темпе. Его глаза были закрыты, а челюсть сжата в попытке сдержать себя.

— Ещё секрет, Элиза?

— Да, — "а" повисло в воздухе.

— Мне нравится, что я единственный, кто был внутри тебя. У тебя нет никаких иных воспоминаний подобного рода.

Он продолжил движение, и на этот раз стон вырвался из его груди. Этот звук разорвал все мои связи с разумом. Я хотела больше. Больше секретов, больше интенсивности, больше глубины, больше его. И словно поняв меня, он вложил больше силы в свои толчки, и мои стоны сменились на громкие мольбы. Его пальцы впились в мою плоть, оставляя синяки на моей спине, его дыхание ускорилось. Ещё один толчок. Два, три. Я разбилась вдребезги. Всё внутри меня сотрясалось, а снаружи трепетало. Неистовое освобождение засосало меня в небытие. Последнее, что я слышала, это завершающий возглас Айдена — не стон, а именно возглас — а затем опустилась тишина.

У меня было смутное ощущение, что меня куда-то перенесли, но не было никакого представления, как это случилось, или когда, или где я. Когда я открыла глаза, волшебным образом мы очутились в его кровати. Я лежала на животе, а он, полулежа, возвышался надо мной, его вес пригвоздил меня к матрасу. Он поцеловал меня за ушком, ущипнув за мочку.

— Ты способна когерентно мыслить? — поинтересовался он.

— Ммм.

— Готова узнать ещё больше секретов? — прошептал он, и прежде чем я успела ответить, он сжал мои волосы в кулак и повернул мою голову так, что наши рты встретились.

Этот поцелуй был совсем иной. Дикий. Исчезли приносящие наслаждение нежные дуновения воздухом, исчезли мягкие щелчки языком. Его губы обладали властной остротой, так, словно произносимый ими секрет был предвестником бури. Я старалась максимально возможно ему вторить, зарывшись пальцами в его волосы. Его губы двинулись ниже по моей челюсти, вернувшись к моему уху.

— Мне нравится как ты пахнешь, потому что я никогда ранее не чувствовал этого, — прошептал он, раздвигая мои ноги коленом, и удерживая мою голову, прижатой к подушке.

Его голос был наполнен тайнами. Его рука грубо обхватила мою грудь. Это принесло боль, но было бы гораздо больнее, если бы его рук на мне не было. Мою кожу начало прожигать статическим зарядом. Его рука опустилась ниже по моему телу, туда, где этот заряд был наиболее сильным. Каждый жёсткий круг, выписываемый его пальцами, приносил порцию огня, пульсирующего у меня в крови. Мои лёгкие не смогли поспевать за этим темпом.

— А вот и последний секрет, Элиза. То какая ты прямо сейчас, полностью моя, это как раз то, что я буду вспоминать, глядя на эту картину.

Он подхватил мои бёдра и приподнял их в воздух. В тот же миг, он членом жёстко ударил по моему лону. Я вскрикнула от рассекающего ощущения. Моя кровь сильно стучала в ушах. Я слышала, как он разрывает фольгу презерватива, я не знала, где он его взял, и затем резко вошёл в меня, заполнив наполовину. Я простонала от облегчения. Он вышел. И когда я стала хныкать, он начал повторять свою игру снова и снова, пока электрический зуд на моей коже не превратился в нечто иное, намекая на великолепный шторм за горизонтом. Именно это будет моим концом. И не потому, что я не выживу. А потому что из-за такого заявления прав на меня, он вышел за пределы моего тела. Было нечто такое пленяющее в этом, несмотря на моё совсем недавнее раскрепощение, я никогда не чувствовала себя менее свободной. Он снова потерся об меня и затем остановился. Я сдалась и начала умолять:

— Пожалуйста, Айдэн.

— Полагаю, теперь твоя очередь делиться секретами.

— Я хочу тебя! — прокричала я.

Подождите — что? Что я только что произнесла? Бедрами я проталкивалась ближе к нему, но он заставил их остановиться.

— Это опасный секрет, — прошептал он мне на ухо и одним резким толчком наполнил меня.

О. Боже. Мой. Все толчки, которые я впитала в себя — абсолютно нисколько — не шли в сравнение с этими. Я не могла ощутить ни одной части своего тела, кроме неумолимого сжатия внутри себя. Я выкрикивала, взывала настолько громко, настолько кротко, упрашивала, приказывала, умоляла. Я не могла понять слов, которые срывались с моих уст, но меня это не заботило. Единственное, что имело значение — не просто он, а чувство принадлежности ему.

— Смотри на меня, — произнёс он сквозь зубы.

Мои глаза распахнулись, и я потерялась в бирюзовых глубинах. Сверкнула молния. Впервые моё освобождение началось в моих глазах. В глазах стояли слезы, и затем всё, особенно осознание, вырвалось из меня. Мы оба рухнули на кровать. Я почувствовала, как он вышел из меня и обвинил меня руками, целуя мой висок.

— Достаточно на сегодня секретов, — шепнул он.

Моя последняя мысль была о тепле его кожи на моей спине и том факте, что это было

похоже на то, словно у меня всё ещё есть с ним завтра. А затем я забылась.

* * * * *

Ахнув, я открыла глаза. В спальне Айдена было темно, за исключением лунного света, льющегося через стеклянную стену. В моём разуме стремительно текли мысли. Мою кожу всё ещё покалывало электрическим разрядом, подобно следу уходящего шторма. Я запаниковала от мысли, что у меня случился ещё один ночной кошмар, но нет. Единственными мыслями в моей голове были нашёптанные Айдемом секреты. Если он никогда раньше не целовал женщину в губы, должно быть, я ему нравлюсь. Но до того как я воспарила над кроватью от нахлынувших ощущений, ещё секрет был раскрыт: опасно хотеть его. Почему?

Я посмотрела на Айдена, дабы успокоить поток своих мыслей. Его лицо было расслабленным, его волосы были в беспорядке, что стало делом моих рук. Несмотря на всю власть, которую он излучал, когда бодрствовал, выглядел он уязвимым. Но напряжение в плечах никогда не отпускало его, даже во сне. У меня возникла сильная потребность обнять его. Я протянула руку, желая ласково погладить его по щеке. Тепло его тела согрело мои пальцы, и я нежно коснулась ими его щетины.

Мгновение. Он вытянулся в струнку, его рука с силой схватила моё запястье. Его остов начало сотрясать. Его голова склонилась к груди, как будто кто-то удерживал её там, и его спина превратилась в камень. Плечи и бицепсы натянулись, словно он пытался прорваться через цепи. Шея резко дернулась из стороны в сторону, как если бы на неё была накинута петля или тугой хомут. Его грудная клетка вздымалась. Угрожающий звук начал формироваться в его груди, и кровать начала покачиваться от его судорожных содроганий. Его пальцы впились в мою плоть.

— Айден! — с ужасом воскликнула я.

Его голова всколыхнулась и повернулась ко мне. Я не могла разглядеть его глаза в темноте, но ощутила горячее дыхание на своём лице. Его дыхание было прерывистым, израненным. Хватка на запястье слегка ослабла, и его голова резко дёрнулась в сторону, словно отгоняла невидимое прикосновение. Или словно некая сила пыталась разорвать на части или задушить его. Моё сердце колотилось в груди, но в этот момент я осознала свой собственный страх. Это был страх не за себя. А за него.

— Айден, — прошептала я, желая прикоснуться к нему, но боясь сделать ещё хуже. Затем я вспомнила то, как он успокаивал меня вчера: — Всё хорошо. Это не на самом деле. Проснись. Ты в безопасности.

Дрожь начала спадать, но его голова снова резко дёрнулась. Перед моими глазами предстал безумный образ зловещей силы, пытающейся отнять его у меня.

Я не могла позволить, чтобы это произошло ни с одной его частичкой.

— Айден, пожалуйста, это я, Иза — умм — Элиза. Элиза Сноу.

Он ахнул так, словно вырвался из-под воды. Молниеносно он отпрянул назад и включил прикроватный светильник. Его глаза были дикими, цвета практически непроглядной синевы. Его руки нависли над моим лицом.

— Элиза? Боже! Я тебе причинил боль? Я тебя ударил? — неистово настаивал он.

— Нет, вовсе нет. Видишь? Я в порядке.

Я подняла руки так, чтобы он смог увидеть их. Его глаза внимательно осмотрели мои

руки, мою грудь, моё лицо, мои глаза.

— Это был лишь плохой сон, — уверяла я его, несмотря на то, что имела хорошие познания в том, что собой представлял плохой сон, и ничего подобного этому я ещё никогда не видела. — Может тебе принести воды? Может выйти на свежий воздух?

Я стремительно бросилась ближе к нему. Мне хотелось его обнять, но инстинктивно я понимала, что в данный момент ему не захочется ощущать чьи-либо руки вокруг себя. Поэтому я лишь прикоснулась обеими руками к его лицу и поцеловала его шрам.

— Шшш, — прошептала я. — Всё закончилось. Всё позади, — но как только я сказала эти слова, мне пришло на ум: а на самом ли деле для него всё закончилось? Какое бы ни было это зло, с его памятью, мог ли он избавиться от этого? — Айден, расскажешь мне, что не так? Пожалуйста? Я хочу помочь.

В мгновение его взгляд стал жёстче. Вспышка ярости блеснула в его глазах. Он скинул мои руки с лица.

— Извини, я на минутку, — формально ответил он, и прежде чем я успела моргнуть, он отодвинулся, встал с кровати и выскочил из комнаты.

Я смотрела ему вслед, пытаюсь успокоить своё дыхание. Мои лёгкие хорошо справлялись до этого момента — ради него. Но от вида захлопнутой двери спальни, они начали содрогаться. Я сделала вдох-выдох, но кислород не поступал. Я просеменила в ванную комнату и выпила немного воды, стараясь поразмыслить. Что же произошло с ним такое, что стало причиной этого? Так как единственное, что я знала наверняка, равно как и периодическую таблицу, такой сон он видел уже раньше. Это было частью его самого.

Я услышала, как открылась дверь в спальню, поэтому выбежала из ванной комнаты. Он был одет в туже одежду, что и днём, вероятно, он нашёл её на полу в кухне, оставленную там во время деления счастливыми секретами. Я подошла к нему и взяла его за руку.

— Тебе лучше?

— Да, спасибо, — тот же вежливый тон.

— Мне очень, очень жаль.

Его челюсть сжалась, и он прикрыл глаза.

— Почему ты извиняешься, Элиза?

— Потому что разбудила тебя. Я лишь хотела прикоснуться к твоему лицу, — промямлила я, поглаживая его щетину.

Он подвёл меня к кровати. Его глаза всё ещё были закрыты. Я не знала, представлял ли он нечто или пытался это оттолкнуть.

— Посмотри на меня, — обратилась я к нему с просьбой.

Он открыл глаза. Теперь они были взяты под контроль, они были ясными, но совершенно холодными.

— Элиза, ты не сделала ничего плохого. Поверь мне. Это не имеет к тебе никакого отношения. Единственное о чём я сожалею, что напугал тебя. Мне очень жаль. Теперь иди спать. Я вернусь чуть позже.

Вернусь чуть позже? Нет! Я не хотела, чтобы он оставался один, и вновь переживал какие бы то ни было ужасы, которые он уже, должно быть, видел с предельной ясностью. Я схватила ворот его рубашки и притянула его ближе к себе.

— Остайся со мной. Мы можем поехать в "Сад Роз", если хочешь? Или поговорить? Или давай просто сходим на прогулку? Или займёмся любовью? Просто... просто остайся.

Он попробовал разомкнуть мои пальцы на своей рубашке, ущипнув меня за подбородок.

— Иди спать, Элиза.

Когда я не выпустила из рук воротник его рубашки, он склонил голову так, что наши лбы практически соприкасались, и закрыл глаза.

— Пожалуйста, — произнёс он тихим голосом.

Тогда я поняла, что никогда прежде не слышала от него искренней просьбы о чём-то, в чём он нуждался. Ну, а теперь он просил. Я кивнула и оторвалась от него, затратив больше сил, чем мне потребовалось на то, чтобы сесть на борт того самолёта четыре года назад. Он склонил голову в сторону и удалился из комнаты.

Я лежала на его стороне кровати, ощущая его тепло, которое словно как в ловушке сохранилось под одеялом. Я удерживала свой взгляд на двери, мечтая о том, чтобы она открылась. Я сосредоточила всё своё внимание лишь исключительно на запахе его подушки, прислушиваясь к любому признаку мужчины, находящегося по другую сторону стены. Но там присутствовала лишь тишина.

Водород, 1,008... Кислород, 15,999. Фтор, 18,998. Неон, 20,180... Астат, 210. Радон, 222. Франций, 223. Радий, 226.

Глава 24

Разрыв

Свет сочился сквозь мои прикрытые веки, слегка окрашивая внешний мир в золотые оттенки. Моей первой мыслью было, что я должна бы ощутить тепло. Но вместо этого, я дрожала. Мои глаза широко распахнулись.

Я в кровати Айдена, на его стороне. Но его здесь нет.

Тотчас я всё вспомнила и рывком села в кровати. Я почувствовала другую сторону кровати. Она была холодной. На моей подушке лежали часы моего папы. Что-то медленно стелилось в моём животе лишь от одного их вида. Я взяла их — 9:30 утра. Когда я застегнула ремешок на своём запястье, мягкая изношенная кожа придала мне немного опоры. Первым делом: движение.

Я выбралась из кровати, ощущая боль от его толчков меж моих бёдер. На кресле, стоявшем в углу, лежали моё платье, бюстгальтер, трусики, а под ним стояли мои сандалии. Мой желудок снова скрутило, поэтому я побежала в ванную комнату.

Я так замёрзла, что страстно желала горячей воды. Но когда я на цыпочках вошла в огромную душевую кабину закрытого типа, мою кожу резко стянуло. Неожиданно мне расхотелось смывать с себя его запах. Прямо сейчас моя кожа пахла так же, как он. Я наглухо закрыла рычаг душа.

Когда я вышла из ванной комнаты, спальня всё ещё была пуста. Волоски на моей шее приподнялись. Должна ли я пойти и найти его или я должна подождать его здесь? Что из этого будет хуже или лучше? Дрожь стала неистовой, поэтому я оделась. Когда я наклонилась, чтобы надеть сандалии, я увидела одну из пуговиц его рубашки под кроватью. Словно сумасшедшая, я взяла её и спрятала себе в бюстгальтер. Затем, сделав глубокий вдох, я направилась в гостиную комнату.

Он сидел на софе, повернувшись лицом в мою сторону, спиной к стеклянной стене, читая "Нэшнл Географик". Он был свежевыбрит, его волосы всё ещё были влажными.

— Доброе утро, — сказала я, отметив с облегчением, что мой голос не выдал мои опасения.

Он оторвал взгляд от журнала и поднял на меня глаза. Первое, что я увидела это огромное отличие в выражении его лица сейчас, по сравнению с тем каким оно было вчера, когда он разбудил меня нежным касанием стилизованной розы. Оно было исключительно сдержанным. Но что-то было не так в его глазах — они были чересчур спокойными. Цвета серого сапфира.

— Доброе утро, Элиза. Хорошо спалось?

Тоже было и в его голосе. Учтивый, но слегка отрешённый. Дрожь вернулась.

— Я спала хорошо, — ответила я немного погодя. — Похоже, ты уже давно проснулся?

— Да.

Вовсе ни его слова леденили мне душу. Причиной этого была та самая отчуждённость в его глазах и в его тоне.

— Так чем ты занимался?

— Немного поработал. Поразмышлял о мироздании.

— Поразмышлял о мироздании? Звучит угрожающе.

— Не все ли такие размышления угрожающие?

— Зависит от принятых решений.

Он едва улыбнулся.

— Да, полагаю, что так.

И это всё? Это всё, что он собирался сказать?

— Так к каким решениям ты пришёл?

Он встал и подошёл ко мне. Его походка была такой же медлительной.

— Ко многим. Но чем же ещё заниматься ночью. Ты голодна? Не хочешь позавтракать?

Завтрак?

— Нет уж! Я лучше поговорю.

Он одарил меня "миллионы-милль-отсюда" улыбкой.

— Не сейчас — у меня конференц-звонок. Чувствуй себя как дома. Вскоре увидимся.

Он прошествовал мимо меня, забирая свою сдержанную улыбку с собой.

— Айден? — окликнула я его.

Он шёл настолько быстро, что был уже почти за порогом комнаты. Он повернулся, его взгляд был выжидающим.

— Да?

— Это имеет отношение к твоему ночному кошмару? Поэтому ты ведёшь себя так... так необычно?

Ничего не изменилось на его лице.

— Нет, Элиза. Ночной кошмар не имеет никакого к тебе отношения, — его голос прозвучал официально так, словно он сказал "не твоё дело".

— Да, имеет. Ты не вёл себя подобным образом до прошлой ночи.

Это был ещё один колющий удар мне в живот, я скучала по мужчине, которым он был. Красивый, нежный мужчина, дающий мне "Бачи" и нащёптывающий секреты.

Ни единой эмоции не промелькнуло в его глазах. Он сделал несколько шагов в обратном направлении в комнату и остановился — находясь всё ещё довольно далеко от

меня.

— До прошлой ночи ты попросила о двух днях, и я тебе их дал. Был ли у меня ночной кошмар или не был — это не относится к делу. Время вышло, Элиза.

Он развернулся и покинул комнату, свет мерцал по мере его продвижения по коридору.

Мои колени подогнулись в тот же миг, как он завернул за угол, и я осела на софу. *Моё время вышло*. Как же хорошо я это понимала. Я устала сидеть на стопу книг, приобретённых в "Пауэлсе", расположившуюся у стены, на террариум цветов, на свою новую камеру "Никон". Внезапно для меня всё это стало маловажным. Поверхностным. Словно гравитация, которая удерживала их от возможности быть унесёнными ветром, погасла и теперь они беспризорно вращались во вселенной. Точно так же, как и я.

Я думала, что всё это было из-за ночного кошмара. Но теперь, услышав его, я смотрела на прошлую ночь новыми, наконец-то, ясными широко открытыми глазами. Он сказал "до свидания" ещё даже до ночного кошмара, когда занимался со мной любовью. *"Это то, о чём я буду вспоминать, когда буду смотреть на эту картину"*. Почему? Что это было? Я терзала подол своего платья, когда предположения в моём рассудке свелись в таблицу.

Вариант первый: Ему не особо нравится настоящая девушка, в отличие от той, что изображена на картине. Возможно, я была чересчур сумбурна, слишком открыта, слишком закрыта, слишком "всего", чего по утверждению Реаган мужчины не хотят.

Вариант второй: Всё дело в его демонах. Какой бы демон не терроризировал его ночью, заставляя его мускулы натягиваться и закрываться его от окружающего мира, он действительно удерживает его от меня.

Как только эти варианты сформировались у меня в голове, мне захотелось бежать и не думать о том, что случится потом. Но как, ни странно, я не смогла заставить себя уйти. Независимо от того, какая из гипотез правдива, я беспокоилась о нём. Но как я смогу помочь мужчине, который не хочет принимать помощь?

Я ещё покрутила подол платья, задаваясь вопросом "а как бы поступила моя мама". Как бы она *поступила* с отцом? Они всегда были искренними друг с другом. У них никогда не было секретов. И вот именно так я поняла, что мне требуется сделать. Не только потому, что это будет верным поступком. Но и потому что это может дать толчок Айдену тоже открыться. Это должно было помочь.

Я встала, мои колени дрожали. С каждым сделанным вглубь по коридору шагом, я в мыслях прокручивала свои слова. Когда я достигла закрытой двери, ведущей в библиотеку, резкий тон его голоса остановил меня.

— Просто используй мою чёртову карту, Хендрикс. Мы что должны каждый грёбаный год проходить через это?... Нет, я вообще-то подумываю уехать сегодня вечером... Да, так хорошо... Увидимся через две недели.

Он швырнул телефон, и затем стало тихо. Он уезжает? Почему? Куда он собирается? Ещё один поток дрожи разнёсся по моей коже. Я сделала глубокий вдох, распрямила плечи и постучала.

— Да? — отозвался он таким же резким тоном.

Я открыла дверь, ощущая меньше гостеприимства, нежели в кабинете иммиграционной службы. Он стоял за огромным столом, перед тремя беспрерывно работающими компьютерными мониторами. Когда он увидел меня, его глаза выдали некую озадаченность. Затем вернулось невозмутимое выражение лица. Я подождала пока он хоть что-нибудь произнесёт, хотя бы просто моё имя в качестве признания, но он этого так и не сделал. Он

просто ждал, с вопросом в глазах.

— Умм, могу войти? — спросила я, борясь с острым порывом сбежать, который становился всё сильнее. Как и инстинктивное беспокойство, которое я ощущала по отношению к нему.

— Да, — сказал он, жестом руки приглашая меня присесть в одно из кожаных кресел цвета коньяка, стоящих перед его столом.

Как только я вошла в библиотеку, вид и запах тысячи книг придал мне сил. Я заняла кресло, желая о том, чтобы он подошёл и сел в другое кресло, рядом со мной. Он выжидательно смотрел на меня.

Я обратилась к годам практики в английской "будь спокоен" философии и улыбнулась.

— Я ненароком подслушала. Ты куда-то собираешься?

— Да. Небольшое путешествие с друзьями.

Странно, но это успокоило меня. Если его демоны одолевают его, тогда друзья должны помочь.

— Маршалл едет? — я продолжала улыбаться.

— Нет. Тебе что-то надо, Элиза?

Я почувствовала, как улыбка застыла у меня на губах, в то время как волна тошноты стала подниматься по моему горлу.

— Я — я хотела рассказать тебе правду. О себе. Если ты всё ещё хочешь услышать, — мой голос утратил какую-либо громкость, в итоге превратившись чуть ли не в шёпот.

Наконец-то, его лицо утратило контролируемый фасад. Его брови изогнулись от удивления. А затем сформировалась глубокая V-образная складка между ними.

— Почему именно сейчас? — его голос был очень настороженным.

— Потому что, это ощущается верным. И потому что ты хотел знать?

Я не хотела произносить последнее предложение. Или произносить его в качестве вопроса. Но маленькая, напуганная часть меня задавалась вопросом "а на самом ли деле его это заботит".

— Я всё ещё хочу знать.

Я должна была попытаться подавить облегчение, которое я испытала от услышанного, но не смогла. Сама с собой я разберусь позже.

Ладно, ничего не остается. Я сделала глубокий вдох.

— Я возвращаюсь в Англию.

Как я и думала, в момент, как только я рассказала ему об этом, это сразу же стало явью. Мой живот скрутило, и рвотный позыв был настолько неистовым, что я с силой стиснула зубы, когда желчь обрушилась на них. Моё горло и лёгкие вели борьбу за удержание кислоты внутри моего тела.

Он быстро неоднократно моргнул. Остальное в нём оставалось крайне сдержанным.

— Что? — в итоге переспросил он.

— Я возвращаюсь в Англию. Моя студенческая виза истекла, в тот день, когда я окончила колледж. Я должна покинуть страну через двадцать восемь дней.

Невозможно, но V-образная складка между его бровями становилась всё глубже и глубже. Его руки, лежавшие на подлокотниках кресла, изогнулись подобно когтям.

— Я не понимаю. Зачем ты возвращаешься в Англию после всего того, что случилось там, вместо того чтобы просто обновить свою визу? — он прозвучал раздраженно. Как будто не одобрял мои решения.

— Я не хочу возвращаться. Но я пыталась получить новую визу, и мой запрос отклонили. В тот день, когда я впервые увидела тебя, я как раз возвращалась с интервью из иммиграционной службы.

Локтями своих длинных рук он упёрся в стол, скрестив пальцы, и положил на них подбородок. Замешательство переросло в мнительность.

— Есть какая-то другая виза? Это кажется немного... неправдоподобно.

Я расвирепела от осуждения в его голосе, но заставила себя вспомнить, что Айден был как и Реаган. Непререкаемый Американец. Непокколебимо гостеприимный. Он не может понять, через что большинство из нас-аутсайдеров должны пройти лишь для того, чтобы дышать американским воздухом. Это не его вина. Он просто этого не знал.

— Я испробовала всё, что могла. Я подавала заявления на три визы, на самом деле. Все они были отклонены.

— Но что насчёт твоих рекомендательных писем? Твоей добавки? Однозначно, это чего-то стоит? — настаивал он, придя в своё состояние высокой боеготовности.

Я открыла рот в попытке объяснить, но непредвиденно не смогла этого сделать. Все эти подробности, бывшие настолько жизненно-важными для меня, теперь ощущались сродни банальности между нами двумя. Я сглотнула и покачала головой.

— Недостаточно хороши.

И это стало ощущаться похожим на правду — касаясь всего.

Он неистово встал, кресло закрипело от его усилия. На его лице не было ни замешательства, ни мнительности. На самом деле, оно было полностью лишено эмоций. Лишь целеустремленность. Я не могла воспрепятствовать своему разочарованию. Я не была уверена, чего ожидала, но я на что-то надеялась. На смещение тектонических плит, когда он поделился бы чем-то, равным образом, как и на позволение с его стороны мне ему помочь. Или на объятие, на поцелуй, на доброе слово, на нечто успокаивающее, может быть. *"Всё будет хорошо. Я буду по тебе скучать"*. *"Рад, что мы встретились"*. Или даже на злость. *"Пошло всё. Чёрт. Чёрт. Чёрт"*. Я бы даже испытала некое облегчение из-за простого общения с ним. Что угодно, кроме этого расчетливого, рационального устранения проблемы. Так как из-за этого, я не имела никакого представления о том, заботит ли его это или он просто чувствует, что должен что-нибудь сделать для бедной сироты, которой некуда больше идти.

Он дважды измерил расстояние за своим столом, затем снова сел в кресло. Он поднял телефон и нажал цифру быстрого набора.

— Отмени мою встречу в два часа и придержи все звонки, — выплюнул он и повесил трубку.

— Айден..., — сказала я, но он поднял вверх указательный палец, пока пролистывал данные на телефоне.

Я посмотрела на настенные часы, не в силах вынести сосредоточение в его глазах. Это не то, чего я хотела. Я не хотела быть помехой ему, чем-то, что ему необходимо было исправить. Произнести прощальные слова будет достаточно сложно, не испытав чувств, в конечном счете, я была беременем, а не женщиной. Словно я приобщила к его проблемам, вовсе не облегчая их, как мне этого хотелось.

— Айден Хейл, соедините со Скоттом Ривз.

Я едва успела моргнуть, как он снова заговорил. Скотт Ривз, должно быть, был очень быстрым или само по себе имя Айден Хейл заставляло его бросать абсолютно все дела.

— Скотт, мне надо встретиться с тобой сейчас же... Отмени. Я плачу двойную ставку. Приведи своего лучшего юриста по иммиграционным вопросам, вообще-то, даже лучше целую команду... Спасибо, — он окончил разговор и снова начал прокрутку информации на экране телефона.

Проклятье! Нет никакой надобности платить двойную цену за команду юристов, только ради того, чтобы услышать то, что я могу рассказать ему за бесплатно. И мне не хотелось, чтобы он узнал о вариантах с браком и инвестициями. Этот новый Айден может подумать, что на всем протяжении времени я загоняла его в ловушку ради грин-карты или ради его состояния. Эта мысль вызывала отвращение.

— Айден, пожалуйста, не мог бы ты отложить свой телефон в сторону? — попросила я его настолько громко, насколько смогла в этот момент. Он поднял взгляд.

— Я знаю все свои возможности. Тебе нет необходимости платить армии юристов ради меня.

Он покачал головой.

— Без обид, Элиза, но я лучше услышу профессиональное мнение по этому вопросу. И откровенно говоря, я плачу армии юристов на ежедневной основе, поэтому это не важно.

Он снова пролистал информацию на своём телефоне и набрал номер, фактически обрывая разговор. Я не обращала внимания на его деловые переговоры настолько сильно, насколько могла, пытаясь найти смысл творившемуся безумию. В конечном счете, он завершил разговор, сделал глубокий вдох и поднялся.

— Пойдём, встретимся с юристами.

Я допустила мысль, что он пытался быть добрым, но я не могла принять этого. Вдобавок, будет довольно затруднительно сидеть там перед всеми этими костюмами и смотреть на его лицо, когда он услышит о том, что брак или деньги смогут меня спасти. Я была уверена, что он получал удары, подобно пиньяте⁴¹, из-за одного или сразу же из-за двух этих условий от бесчисленного количества женщин. А меня не беспокоит ни то, ни другое. Мне хотелось лишь его времени. Я встала.

— Айден, я не хочу идти на эту встречу. Это не то, что я ожидала от тебя, и я никогда не рассказала бы тебе, если бы —, — я замолкла, потому как мои рассуждения теперь казались ошибочными — на основании подобных утверждений мой папа или Дентон никогда бы не позволили мне проводить эксперимент.

— Если что, Элиза?

Ладно, с таким же успехом я могла бы признаться в этом.

— Если бы я не хотела быть искренней с тобой и помочь тебе. Я подумала, что если я поделюсь с тобой своим секретом, тогда, может быть, ты будешь тоже более открытым со мной. Расскажешь мне о том, что заставляет быть тебя напряжённым подобным образом.

Его челюсть сжалась, и снайперский фокус его глаз слегка сдвинулся. Он выглядел почти разгневанным. Хорошо. Лучше так, чем это холодное спокойствие, которое я должна была выносить всё утро.

— Я считал, что сделал это очевидным, Элиза. Я не расскажу, независимо от того, как много секретов расскажешь ты мне или как много дней ты проведёшь со мной.

Я кивнула, когда он сокрушил мою логику, подобно замку из песка.

— Моя ошибка, — произнесла я своим самым ровным тоном. — Но, возможно, ты окажешь мне любезность, поделившись своими решениями, принятыми прошлой ночью, касаясь меня, таким образом, мы могли бы прийти к обоюдному единому мнению. Думаю,

что заслужила объяснение.

Он пристально посмотрел на меня. Его взгляд был настолько сильным, настолько ослепляющим, что я практически закрыла глаза.

— Я полагаю, спасение твоего будущего является немного более важным обстоятельством в данный момент, — впервые за сегодняшнее утро, его голос смягчился — словно он одновременно и отвечал и уклонялся от прямого ответа.

Конечно же, он был прав. Я отчаянно пыталась решить проблему. Но почему же не всё во мне соглашалось с этим?

Как если бы он мог почувствовать мои сомнения, он медленно подошел ближе.

— Мы сможем поговорить об остальном после встречи, — сказал он и отступил в сторону, указывая мне идти впереди него.

Прямо сейчас я осознала, что никогда не видела его, идущим во главе, или чтобы он первым проходил через дверной проём. Он всегда держался позади. Это было лишь его манерами или чем-то иным? На данный момент, я отложила этот вопрос в сторону и сосредоточилась лишь на своих собственных шагах, на батальоне юристов, ожидающем меня, и, главным образом, на некоторых ответах. Свет вспыхнул и погас в последний раз, когда мы пересекли порог библиотеки.

Глава 25

На продажу

Секретарь коллегии адвокатов, красивая женщина, которая была похожа на Адриану Лима⁴², и расцвела, и затрепетала, и растаяла, и заулыбалась в тот самый миг, как только увидела Айдена. Мне показалось, что даже её язык слегка вилял как "хвостик". Продолжалось это до тех пор, пока он не прочистил горло, этот звук опустил её на землю, и она повела нас в большой конференц-зал, её бёдра покачивались немного больше, чем это позволяли естественные движения.

Шесть юристов встали со своих мест в унисон, как только Айден вошёл в зал. Все они были в костюмах, и я была уверена, что они были довольно состоятельными людьми сами по себе. Впрочем, то, как они жеманно улыбались при виде него, он явно ими владел. Айден держал свою обычную физическую дистанцию, даже когда они пожимали друг другу руки. Он представил меня как "Элиза Сноу, друг".

Я запомнила имена всех юристов, особенно самого пожилого, Боб Норман, который был в этой фирме главой отдела по иммиграционному законодательству. У него был животик Санта Клауса и пушистые седые волосы, ему было порядка семидесяти лет. Его умные серые глаза сверкали на благодушном лице. Другие же, похоже, были рядовыми костюмами, и, вероятно, испытали удивление о созыве на такое срочное совещание только лишь для того, чтобы встретиться с молодой девушкой, а не с армией иммиграционной полиции.

Айден подвёл меня к чёрному, отделанному под мрамор, огромному столу, и мы заняли свои места со стороны стены. Ещё одна модель его поведения выбрала этот самый момент,

чтобы всё само собой сошлось в моей голове. Я никогда не видела его сидящим так, чтобы его спина была незащищена и открыта. Даже в своём собственном доме. Хмм... Я сохранила это открытие в непрерывно растущий файл под названием "Айден Хейл" на будущее.

— Итак, Элиза, — начал Боб с одобряющей улыбкой. — Почему бы тебе не рассказать мне что происходит, и я смогу выяснить, чем мы можем помочь.

— Спасибо, Боб. И благодарю всех остальных, — сказала я, испытывая признательность, что мой голос был спокоен и ни капли не выдавал неразберихи, творившейся у меня в душе.

Я рассказала юристам всё. О сотнях бланков, о десятках заявлений, о трёх типах виз, даже о своей нелегальной работе в качестве модели в "Фейн Арт". Они записывали всё быстро и скрупулёзно, большую часть времени Боб кивал, его глаза были широко раскрыты. В конечном счете, повисла долгая пауза. Я посмотрела в лицо каждому юристу, пока они внимательно изучали записанную информацию в своих записных книжках. В итоге, заговорил Боб:

— Моя милая девочка! Ты действительно сделала всё возможное, не так ли?

Я не понимала, почему моё горло внезапно стянуло. Вероятно, дело было в его сверкающих глазах, в его голосе с одышкой, что напоминало мне дедушку Сноу, или в его добрых словах. Какова бы ни была причина, я не смогла бы вести разговор без того, чтобы мой голос не задрожал, поэтому я просто кивнула и начала вырисовывать атомные орбиты в своей записной книжке.

— Таким образом, остаётся лишь одна загадка, — осторожно прощупывал Боб. — Несомненно, если ты выяснила достаточно, чтобы провести всю эту работу, и я подозреваю, что ты уже знаешь о единственных оставшихся вариантах.

— Полагаю, что так, но специалисты тут вы.

Впервые за всё это время заговорил Айден:

— Я настаиваю, Боб. Я не знаю вариантов и хотел бы получить доскональное, но краткое изложение по всем альтернативам.

Боб снова кивнул.

— Хорошо, в двух словах, она действительно находится в очень затруднительном положении. Она приехала сюда по визе, которая выдаётся на основе соглашения по обмену студентами, так как отчасти она была консолидирована Оксфордом, но это лишило её неких возможностей, доступных для других студентов. Поэтому теперь у неё есть лишь временные варианты и три долгосрочных варианта.

— Что ты этим хочешь сказать? — голос Айдена был суровым. Было заметно, что он чувствовал себя не в своей тарелке, а такое редко с ним случалось.

— Ну, временные визы выдаются тем, кто не намерен здесь жить и, равно как и у нынешней студенческой визы Элизы, со временем срок их действия истекает. И когда это произойдёт, она должна будет вернуться домой.

— Это звучит нелепо, — Айден указал на очевидное. — Зачем проходить через всё это, если она, в конце концов, окажется в точно такой же ситуации?

Боб повернулся ко мне.

— Элиза, прав ли я, что ты хочешь переехать сюда жить на постоянной основе? Иммигрировать, если можно так выразиться? Вместо всех этих временных вариантов?

— Да, именно этого я и хочу. Но если я должна уехать, я лучше сделаю это прямо сейчас. Позже сделать это будет гораздо сложнее. Больше отношений..., — я не рискнула

взглянуть на Айдена, но могла почувствовать, как его глаза сверлили меня, когда мой голос умолк.

— С другой стороны, это позволит тебе выиграть некоторое время. Время на попытку выполнить один из долгосрочных вариантов, — по-доброму предположил Боб.

— Что за долгосрочные варианты? — снова потребовал ответа Айден.

Боб посмотрел ему прямо в глаза. Насколько сильно он догадывался о наших отношениях?

— Брак с гражданином США, мистер Хейл, миллион долларов или акт Конгресса.

За его словами последовала тишина. Я украдкой взглянула на Айдена.

— Брак — не вариант, — проговорил он сквозь стиснутые зубы настолько резко, что юристы вжались в свои кресла.

Его тон был настолько жестоким, что я рефлекторно отвернулась, словно он только что нанёс мне пощечину. Не потому что я ожидала, что он жениться на мне, а потому как он произнёс эти слова. С острой, как лезвие, яростью, почти с отвращением. И при этом настолько открыто. Он никогда бы так не отреагировал, если бы считал, что есть хотя бы слабый проблеск возможности для нас быть вместе.

Я обхватила пальцами часы папы, пытаюсь найти силы дышать или заставить хоть какие-то части моего тела реагировать. Я слишком глубоко увязла. Даже, несмотря на то, что знала, что со временем эта история закончится, я позволила себе чувствовать себя подобным образом. Влюбиться настолько сильно, так быстро. *Глупая, Элиза*. Я хотела убежать так далеко отсюда, насколько это было возможно. Я должна была прислушаться к Хавьеру. Я должна была прислушаться к тому маленькому голоску в своей собственной голове.

Первым пришёл в себя Боб.

— Ну, в таком случае, Элиза, есть ли у вас какие-то другие варианты с замужеством?

Я хотела опустить взгляд, но для меня было настолько принципиально смело встретиться с понурыми взглядами. Я посмотрела Бобу прямо в глаза.

— Нет, Боб. И я пришла на эту встречу не ради того, чтобы выпрашивать предложение о замужестве.

Моё заявление было адресовано лишь одному единственному мужчине, и он понял это. Как и должен бы понимать, что своей унижительной реакцией он только что поставил жирный крест на какой-либо шанс, который был у нас. Я не посмотрела в его сторону.

Боб тепло улыбнулся.

— Я думаю, что это совершенно очевидно, дорогая. Не думаю, что такая женщина, как ты, нуждалась бы в муже, если бы такова была её цель. И, в любом случае, я должен сказать тебе, что замужество подобного рода здесь не сработает, в случае если ты вступишь в совершенно новые отношения, — его глаза юркнули сначала на Айдена, а затем на меня. — Понимаешь, CIS очень скрупулёзно проверяет браки с не гражданами США на наличие обмана. Если ты просто хочешь найти кого-то прямо сейчас и выйти замуж в течение нескольких следующих дней, то твоя грин-карта почти наверняка будет отклонена. Ты должна подтвердить некую историю, прежде чем сможешь убедить в этом правительство.

Я кивнула, игнорируя сидящего рядом со мной Айдена, который словно аршин проглотил. Боб одарил меня дедушкиной улыбкой и повернулся к Айдену, выглядя при этом немного холодным.

— Вы хотели услышать другие долгосрочные варианты, мистер Хейл, так вот они таковы. Она может попытаться получить одобрение Конгресса на своё пребывание, но такое

случалось лишь несколько раз за всю историю страны, это займёт чересчур много времени и, честно говоря, у неё больше шансов выиграть в лотерею "Пауэрбол"⁴³.

— Другой вариант — она действительно должна выиграть в "Пауэрбол", или если говорить менее драматично, она должна найти миллион долларов и инвестировать в американский бизнес. Таким образом, она фактически сможет совершить попытку покупки грин-карты, — голос Боба был лишён какого-либо тепла, которое присутствовало в нём, когда он обращался ко мне.

К моему удивлению, Айден расслабился и откинулся на спинку своего кресла. Должно быть, он услышал что-то, что ему понравилось, так как он не откусил голову мужчине за пренебрежение, которое было адресовано ему в такой манере.

— Хорошо, тогда решено. Я просто дам ей денег, — он прозвучал так, словно только что купил машину. Или проститутку.

Вдруг, всё приобрело смысл. Он сам признался, когда мы были в "Парадоксе". Он эгоистичный. Только я была слишком потеряна в своих собственных фантазиях, чтобы внять это. Ему хотелось трахнуть девушку с картин. Ну, у него это получилось. Но затем поутру она стала чересчур реальной. И теперь, чтобы облегчить какое бы то ни было чувство вины, которое он ощущал за использование бедной сироты, он просто кинет ей в лицо немного наличности.

Ладно, у меня не так много за душой, но у меня есть гордость. Я поднялась из кресла. Все посмотрели на меня с удивлением, но встали вслед за мной.

— Джентльмены, я бы хотела поговорить с мистером Хейл наедине. Есть ли здесь место, где я могу это сделать?

Глава 26

Призраки

— Конечно, Элиза, — первым пришёл в себя Боб и повёл нас из зала.

Я следовала за ним, не удосужившись посмотреть, шёл ли позади меня "Придурак Столетия". Если бы он не последовал за нами, я бы спустилась на лифте и уехала домой. Боб указал нам на маленькую комнату для переговоров, в которой не было окон, и оставил нас одних.

Я вошла в комнату, держась спиной к двери. Я услышала, как она закрылась, и медленно повернулась, боясь, что если сделаю это поспешно, то оторву ему голову и, может быть, даже его впечатляющий член. Он выглядел настороженным. Как и должен был выглядеть.

— Хорошо, Элиза. Давай обсудим это.

Я плотно стиснула зубы и свирепо на него посмотрела.

— Да, давай. Может быть, ты начнёшь на этот раз разговаривать. Миллион долларов — стандартный тариф за девственность в эти дни?

Сначала он нахмурился, а затем любое проявление эмоций покинуло его лицо, словно он превратился в камень.

— Считаешь, что я покупаю тебя?

— Сорок тысяч за картину с полуобнажённым образом. Одному Богу известно, сколько

за остальные картины. И девственная плева — ох, это же самое сокровище, — я вложила максимально возможное количество сарказма и льда в свой голос.

Под моим сердитым взглядом выражение его лица сменилось с каменного на яростное. Челюсть изогнулась, ноздри расширились, губы вытянулись в тонкую линию, а тёмные глаза сощурились.

— Я не плачу за секс. Я поступаю так, дабы помочь тебе, — прошипел он сквозь зубы.

— Помочь мне? *Мне?* На самом ли деле? Ты не получишь вовсе никакой выгоды от этого?

— Не в этом дело. Суть...

— Позволь мне избавить тебя от неприятностей и побережь твои силы, Айден. Суть в том, чтобы выдать бедной маленькой сиротинушке денег из переполненных сундуков миллиардера, который всего-навсего хотел её трахнуть. Ты не рассчитывал на диалог, на разделение нечто большего, чем просто постель, еда и деньги. Когда же она стала личностью, вместо картины, это разрушило твою фантазию. Только ты же настолько порядочен, чтобы взять девственность сироты, а затем вышвырнуть её на улицу, верно? — моё тело трясло от злости. У меня было всего несколько минут, а может даже и секунд, прежде чем дамбу прорвало: — Миллион долларов за роскошь полагать, что ты правильно поступил со мной, должно быть, вполне выгодная сделка для кого-то такого, как ты. Ты можешь оставить себе свои миллионы, Айден. Секс был за счёт заведения, — с этими словами я демонстративно пошла мимо него, направившись прямо к двери.

Его рука метнулась вперед, и он остановил мой выход.

Я сверкнула в него взглядом.

— Уйди с моего пути.

— Нет. Ты произнесла свою речь, и какое же это было произведение искусства. Теперь ты выслушаешь мою.

— Не заинтересована.

— Жестоко. Я плачу не за то, что трахую тебя. Послушай того, кто знает, что говорит, Элиза. Секс с тобой не стоит миллионов. На самом деле, это не...

Я не могла больше слушать.

— Ты прав. Не стоит. Может быть, ты сможешь найти кого-то подешевле и получше где-нибудь ещё. Это моя собственная вина, не твоя. Какой же глупой я была! Все наши отношения — если это вообще заслуживает такого названия — начались, как коммерческая сделка. Ты заплатил мне за позирование обнажённой. Теперь платишь за последствия. Какую же дорогую ошибку, должно быть, ты считаешь, совершил!

— Хватит! — заорал он, когда зыбкая власть, которой мы оба обладали над своими эмоциями всё это утро — в действительности, последние два дня — иссякла.

Окружавший нас воздух сгустился и затих, обременённый ожесточением, чувством обиды, демонами и злостью, которыми мы только что очернили его. Весь его остов сотрясало от ярости.

— Я. Не. Плачу. Тебе. За. Секс, — интонацией он подчеркнул каждое слово. — Тем не менее, ты права насчёт всего остального. Да, я хотел трахнуть тебя. И я наслаждался этим. Очень сильно. Я бы делал это снова и снова. Я бы трахнул тебя прямо здесь. Прямо сейчас. Но это не изменит того факта, что когда мы узнаем друг друга, станет мучительно очевидно, что я не подхожу тебе, как и ты не подходишь мне. Так что, да, я мог бы быть более прямолинеен сегодня утром, но вопреки моему пониманию, я всё ещё хочу быть уверенным,

что у тебя нет неприятностей. И откровенно говоря, я рад, что меня это волновало, потому как, несомненно, ты действительно нуждаешься в моих переполненных сундуках, которые ты так презираешь. Поэтому я и пытаюсь помочь тебе. Я не могу быть с тобой, но это не означает, что ты должна быть изгнана из страны в какой-то забытый богом городок, окружённый призраками, — он умолк, его дыхание было тяжёлым.

Я прислонилась к стене комнаты переговоров. Каждое слово, произнесенное им — всё горькая правда — было сильным ударом. Выходит таковым было его умозаключение. Он не может быть со мной. Несмотря на то, что наши дни были сочтены ещё до того, как мы их начали проживать, выслушивание его признания нанесло удар гораздо глубже, чем я могла представить — намного глубже, чем я считала, что меня возможно так ранить.

Наихудшими из всех сказанных им слов были его последние слова. *Окружённый призраками*. Мои призраки не вернуться, неважно насколько живыми я старалась их сохранить в своей памяти. Моё горло горело, когда слёзы опалили мои глаза. Я заметила, что его осанка каким-то образом изменилась, но не могла заставить себя посмотреть на него.

— Да, ты прав, — прошептала я. — Они — призраки.

Я не задала ему вопросы, которые прожигали мой разум. *"Почему он не хочет меня? Почему он думает, что мы не подходим друг другу?"* Ничего из этого уже не имело значения. Ему просто ничего из этого не надо. Однажды, может быть, я выясню это. Но не сегодня. Сегодня я должна была лишь выживать.

— Элиза, — его голос окрасился болью.

Спокойствие тоже его покинуло. Он попытался подвести свой указательный палец мне под подбородок, но я отвела лицо в сторону.

— Элиза, ты должна начать жить собственной жизнью. Это то, что я тебе предлагаю. Ты примешь это?

Я обдумала это в меру своих сил. У меня не было других вариантов. Это может исправить всё положение, может отбросить в сторону какие-либо неопределенности. Я смогу найти работу. Получить дом. Усиленно работать. Помогать Солисам. И, может быть, однажды, даже смогу попрощаться со своими призраками. Я сделала глубокий вдох и подняла на него взгляд. Он выглядел так, словно сгорал — его глаза были без малого цвета непроглядной тьмы. Я должна была снять петлю с его шеи.

— Я принимаю твое предложение, но только при одном условии.

— Какое условие?

— Ты не даришь деньги мне. Невзирая на твою мотивацию, для меня всегда это будет ощущаться как продажная цена. Поэтому я бы хотела достичь договоренности с тобой. Что я и пыталась сделать на своей презентации. Рассмотрись вопрос о покупке моей добавки?

Он отступил на шаг назад.

— Ты продашь добавку своего отца мне после всего этого? — прошептал он, придя в смятение.

— Да. Это справедливая сделка между двумя независимыми партнерами на равных основаниях, с тех пор как ты желаешь иметь именно такие отношения. Сначала ты переплатишь за добавку, но если ты апробируешь и проведёшь испытания, думаю, ты сможешь сделать хорошие деньги на ней. В свою очередь, я также предлагаю вложить деньги, которые ты мне выплатишь, в одну из твоих компаний. Как скажет тебе Боб, я должна создать минимум десять рабочих мест для американских граждан, не принимая во внимание саму себя. Тебе не придётся иметь со мной дела, не потеряешь контроль и не

потеряешь ни единого цента. А я получу свою грин-карту. Сплошной выигрыш с выгодой для обеих сторон.

Нечто вроде благоговения растеклось по его лицу.

— Будет ли это взаимовыгодно? Когда дело касается чего-то, что так много значит для тебя?

— Мне надо время, чтобы свыкнуться с тем, что я пошла на это по такой причине. Невзирая на то, что произошло между нами, я верю, что ты не злоупотребишь добавкой. Твои компании — солидные и этичные, и они будут долго существовать. Они будут хорошим домом для добавки.

Он наблюдал за мной. Эмоции в его глазах сменялись быстро, но я была слишком измотана, чтобы понять их. Я отвела взгляд в сторону, я была опустошена. Внезапно он шагнул назад и начал мерить комнату шагами. Его осанка была странной. Словно на нём были какие-то невидимые оковы, и он предпочёл бы идти в совсем ином направлении. В итоге, он перестал расхаживать и повернулся ко мне.

— Я покупаю твою добавку, — он прозвучал устало, или смиренно.

— Тогда мы договорились. Спасибо тебе, — ответила я и, на самом деле, подразумевала это.

Пусть даже с утра он был отвратительным, сейчас он оказывал мне очень сильное содействие. Ты не можешь заставить кого-то желать тебя. Но тебе могут причинить боль и сильно разозлить. И я испытывала оба состояния, но я разберусь с этим самостоятельно.

— Должны ли мы вернуться и уведомить Боба? — спросила я.

Он кивнул, но его взгляд был отсутствующим.

Мы вышли из маленькой комнаты и вернулись в большой конференц-зал. Я была уверена, что выглядела заплаканной, но ничего не могла с этим поделать. Когда юристы заметили нас, они заняли свои места за столом.

— Элиза, ты приняла решение? — Боб обратился ко мне, проигнорировав мужчину, который оплачивает его счет.

— Да, приняла. Я соглашусь на долгосрочный инвестиционный вариант. Мистер Хейл купит мою добавку, а я вложу эти деньги в одно из его предприятий.

— Это хороший вариант. Но я должен предупредить тебя, что даже с этим, есть большая вероятность, что виза не будет открыта вовремя. Мы сделаем абсолютно всё от нас зависящее в лучшем виде, но я хотел бы, чтобы ты всё же была готова к тому, что тебе может потребоваться уехать в Англию на некоторое время и затем вернуться.

— Как долго я должна буду пробыть в Англии?

— Несколько месяцев. *Если* будет получено подтверждение. Если нет, ты застрянешь там до тех пор, пока не появится другая возможность сама по себе, если такое случится. Поэтому для тебя будет всё же *благоразумней* попрощаться со всеми и жить так, словно это может не сработать. Всегда печально, когда иммигрант не подготовлен к худшему сценарию. Это преследует их всю жизнь, — голос Боба стал очень тихим, и он перегнулся через стол. — Как тебе такой расклад, Элиза?

Я улыбнулась в ответ доброму мужчине.

— Звучит настолько хорошо, насколько может.

Я смогла бы прожить несколько месяцев в Англии, если бы это означало, что вернусь назад. Правда была в том, что всё ещё было "если", но чему быть, того не миновать.

— И в заключении, дорогая, ты говорила, что иногда подрабатывала моделью в "Фейн

Арт". Кто-либо ещё знает об этой причастности?

Хавьер, но я никогда, ни при каких обстоятельствах не впутаяю его в это. Это был секрет, которым я не поделюсь даже со своим юристом.

— Мистер Хейл, Фейн и моя семья.

— Хорошо. Давайте это так и оставим, потому что если это всплывет на поверхность, то может поставить тебя под угрозу. Всё же, это нелегальная работа. Будет лучше, если ты всецело постараешься избегать любую сопричастность с "Фейн Арт".

— Обещаю. Есть ли что-нибудь ещё, что я могу сделать, чтобы поспособствовать процессу?

— Просто следуй правилам и старайся не попадать в неприятности. Не ходи работать в лабораторию, так как твоя студенческая виза истекла. И не попадай ни в какую ситуацию, которая может отбросить тень на твои моральные качества. Справедливо или нет, но CIS ожидает, что кандидаты на грин-карту будут кристально чисты.

— Я понимаю — я буду осторожна. Как бы то ни было, я хочу провести это время со своей семьей.

Боб улыбнулся.

— Очень хорошо. Итак, мистер Хейл, вы можете перевести денежные средства на доверительный счёт нашего клиента, и мы придержим их до тех пор, пока всё не будет готово к отказу от прав.

Айден просто кивнул. Казалось, будто его лицо было высечено из камня.

— От себя лично я хотел бы заметить, Элиза, — Боб повернулся ко мне, — я бы хотел представлять твои интересы на безвозмездной основе. Ты имеешь право на это, и если бы ты была моей дочерью — ничего личного, мистер Хейл — я не хотел бы, чтобы ты связывалась узами с кошельком любого из мужчин.

— Боб, это очень мило с твоей стороны. Правда. Но, я не могу —, — я начала было протестовать, но Боб спокойно махнул рукой.

— Это наименьшее, что мы можем сделать для кого-то такого яркого. Рассматривай это как услугу моей собственной стране, если это поможет тебе проще принять данное милосердие.

Я не смогла отказать ему. Именно по этой причине я и хотела остаться здесь — из-за таких людей, как он.

— Спасибо, Боб. Очень любезно.

— Хорошо. Теперь, если вопросов больше нет, мы должны расходиться.

Он приподнял себя из кресла и пожал нам руки. Затем с безапелляционной улыбкой покинул зал, забирая с собой единственный буфер, который ограждал меня от присутствия Айдена.

Теперь, когда мы остались одни, боль вернулась в десятикратном размере. Похоже, это моё первое прощание. Или моё последнее, все зависит от того, как это обернётся.

— Я подвезу тебя до дома, — предложил он.

Я справлялась с этим без стенаний до настоящего времени, но я у меня осталось так мало ресурсов на это.

— Нет, спасибо. Я вызову такси, — я улыбнулась и протянула свою руку.

Он взял мою руку и держал её в своих руках, вместо того, чтобы просто пожать.

— Ты же оставила несколько вещей в моём доме. Я попрошу Бенсона завезти их, — его голос был тихим.

Я постаралась вспомнить, что же я там оставила после себя — ощущалось, будто это случилось тысячелетие назад. Лишь свои туалетные принадлежности. И его подарки, но я не смогу вынести даже их одного вида, после всего этого.

— Нет надобности, мистер Хейл. У меня есть ещё одна зубная щётка.

Его глаза были безмолвными, но он кивнул. Возможно, он понял, что я не желала его подарков.

— Я позвоню тебе насчёт твоего контракта. Я настроен на четверг. Тебе подходит? — он всё ещё держал мою руку.

— В четверг будет прекрасно — спасибо вам. До свидания, мистер Хейл.

Я одёрнула руку и вышла из конференц-зала, мимо стойки секретаря, и направилась к лифтам. Когда за мной закрылись двери лифта, я сломалась.

Глава 27

Последнее причастие

Я полусидела, почти растянувшись, в единственном кресле в нашей гостиной комнате, в изумлении смотря на раскинувшийся передо мной беспорядок. Реаган вырубилась на диване в своей "СОХРАНЯЙ СПОКОЙСТВИЕ И ВЫХОДИ ЗА ГАРРИ" пижаме и с изумрудно-зелёной шляпкой-таблеткой на голове. Две бутылки вина, недоеденная пицца, скомканные салфетки "Клинекс" и грязная посуда были разбросаны по всему кофейному столику. Лана Дель Рей тихо напевала на заднем плане — "Вот Что Делает Нас Девушками". На полу лежала кустарно-сделанная из старых носков, руками Реаган, кукла вуду. Имя "*Айден Хейл*" и литания слов, которые варьировали от "*бог секса*" до "*придурак-извращенец*" были написаны чёрным маркером вдоль её тела. И вот, несмотря на то, что было ещё только 20:00 вечера, моя истинная опекунша вышла из строя на некоторое время, единолично опустошив две бутылки вина.

В тишине — без голоса Реаган, мурлыкающего "всё будет хорошо" или визжащего "этот злобный мудака" — все вопросы всплыли на поверхность. Крича, как будто были разъярены от того, что их игнорировали. Как я могла позволить этому случиться? Почему он изменился? *А изменился ли он?* Или это его истинная природа? Почему? Нуждается ли он в спасении гораздо больше, чем я? Какого чёрта я должна с этим делать? Какого чёрта я вообще должна делать относительно всего этого?

Я сжала зубы вместе и запихнула все до единого вопроса обратно. Я сконцентрировалась лишь на известном мне ответе. Я должна покончить с ним и поскорее. Если это причиняет такую боль всего на всего после двух ночей, я не могу вообразить, каково это было бы, если бы мы продолжили.

Я начала двигаться впервые за последние несколько часов. Мои колени заскрипели от неожиданного движения, но я поприветствовала это. Как минимум, эту боль я могла понять. Я доковыляла до Реаган и сняла её шляпку, откинула рыжие локоны с её лица.

— Грёбаный говнюк, — пробормотала она и снова вернулась к похрапыванию.

— Я сама виновата, — прошептала я, накидывая поверх неё любимое ею овечье одеяло.

Мои глаза метнулись к часам на стене, что они делали каждый час или около того. Не в ожидании звонка от Айдена, а возвращения Хавьера с работы. Он будет волноваться обо мне. И мои новости — мои хорошие новости — осчастливят его. В 20:05 я неторопливо вошла в кухню и набрала ему.

— Алло? — Хавьер ответил сразу же после первого гудка.

— Привет, Хавьер, это я, — мой голос был осипшим.

— Иза? Что случилось?

Я прочистила горло. Ему не надо ещё больше тревог после шестнадцати часового рабочего дня. Или вообще когда-либо.

— На самом деле, хоть раз произошло нечто правильное, — сказала я, уходя от ответа на его вопрос. — Ну, может быть. Я не хочу сглазить, — я постучала по деревянному кухонному столу, когда произнесла эти слова.

— О, да? Что? — он прозвучал так, словно улыбался в этот момент.

— Думаю, что возможно нашла способ остаться, — я тоже улыбнулась.

Наступил краткий миг молчания, и затем раздался громкий вздох удивления.

— Ни хрена себе! Как? — теперь он кричал.

Ручаюсь, он вышагивал взад и вперёд насколько это позволял ему шнур телефона, установленного в кухне.

— Я заключила сделку по продаже своей добавки, — ответила я.

На линии повисла тишина, за исключением его дыхания.

— Он собирается её купить у тебя? — Хавьер прозвучал благоговейно.

— Да.

Еще больше молчания. Затем тихий свист.

— Не могу сказать, что понимаю пижона. Но за это я буду ему по гроб жизни обязан, — сказал Хавьер.

У меня возникло неожиданное желание рвануть через весь город и обнять его. Неважно, каковы были его чувства к окружающему миру, они всегда были вторичны по отношению к счастью членов его семьи.

— Да, мы оба ему будем обязаны. Но не сглазь меня, Хавьер, пожалуйста. Юристы не могут гарантировать это и они сказали, что мне, возможно, всё ещё придётся вернуться в Англию.

Хавьер рассмеялся.

— Ладно, ладно. Разве ты не должна быть учёным-рационалистом и всё такое? — я могла расслышать, как он стучит по дереву, вероятно, по кухонным шкафам.

— Не в этом вопросе, — решительно заявила я, не найдя ничего смешного в этом, и поцарапала свои костяшки пальцев в кровь о кухонный стол.

Он снова рассмеялся, и я услышала, как он говорит с Марией. Он говорил на испанском, но после четырех лет, проведённых с ними, я понимала всё: "Мама. Это Иза. Она полагает что нашла способ остаться". Мария пронзительно завизжала, и через несколько секунд её заглушил хор девочек. Антонио добавил баритона в эту какофонию. Они все ворвались в разговор и стали говорить одновременно:

— Иза, *amorcita*, счастье, счастье — (пер. с испан. языка: *amorcita* — дорогая)

— Ох, как? Кто? -

— Когда? -

— Приезжай к нам, *linda* — (пер. с испан. языка: *linda* — милая)

— Мама готовит карнитас⁴⁴ —

— Карнитас? Забудь о карнитас. Я пеку *пирог "Трес Лечес"*⁴⁵. Хавьер, езжай за ней. Дора, включи какую-нибудь музыку.

— Мам, Анамелия проснулась.

— О, это хорошо, она любит музыку.

Наконец, глубокий голос Хавьера прогремел над всеми остальными голосами, обращаясь на английском:

— Вы прекратите? Это ещё не точно. Не сглазьте её.

В унисон, я услышала ещё больше постукиваний по дереву и ещё больше смеха. Девочки начали петь песню, в которой была лишь одна строка. *"Она остаётся, она остаётся, ла-ла-ла, она остаётся"*.

— *¡Basta!* — заорал Хавьер и, в конце концов, всё стихло. Я задыхалась от их радости. (пер. с испан. языка: Basta — хватит)

— Ну, так во всём остальном всё в порядке? — Хавьер пытался говорить, как ни в чём не бывало, но я понимала, о чём на самом деле он спрашивал: "как дела с Айденем?".

Я несколько раз сглотнула. Как много ответов на *этот* вопрос в дихтономическом ключе?

— О, ну ты знаешь, всё как обычно. ИСЕ выгоняет меня, богатый мужчина хочет купить моё изобретение, запас шоколада истощается, — я попыталась отшутиться, настолько убедительно, насколько могла.

— Иза, хватит пороть чушь. Что случилось? — настаивал он.

Но я не могла ему рассказать. Он явно изведёт себя, беспокоясь. Всё и так достаточно плохо. А также он может начать ненавидеть Айдена. И, так или иначе, это ещё хуже. Я снова тяжело сглотнула и дала ему другое объяснение, которое по-прежнему являлось правдой, и было безопасным для всех.

— Ты был прав с самого начала, Хавьер. Лучше не привязываться. Особенно, ввиду того, что я не знаю, останусь ли здесь или уеду.

Он не мог поспорить со мной. Но он оставался на линии, чувствуя, что я всерьёз нуждалась в этом.

— Я могу пойти с тобой завтра на работу? — спросила я.

Именно так я планировала провести свои последние дни, до того как Айден перевернул всё с ног на голову. Один день с Хавьером, один день с Реаган.

Он усмехнулся.

— Иза, дорогая, завтра я крашу дом. Я должен быть на месте в шесть утра. Тебе это не покажется весёлым. Отсыпайся. Я загляну после работы, хорошо?

— Я не против проснуться рано. В любом случае, я поднимусь. И я могу помочь с хламом во дворе.

Мы уже так делали раньше. Он иногда так усердно работал, что брал меня на работу с собой, иначе мы никогда не смогли бы увидеть друг друга.

Он вздохнул.

— Ладно, твоя взяла. Я заеду за тобой без пятнадцати шесть. Ты такая чудачка, Иза. Иди, поспи немного.

— Ура, — взвизгнула я и захлопала в ладоши.

Он рассмеялся своим глубоким гортанным смехом.

— *Noches*, — сказал он, но ждал, пока я первой положу трубку. Он никогда не делал

этого первым. (пер. с испан. языка: Noches — спокойной ночи)

— Доброй ночи, Хавьер.

Как только я окунулась в тишину, Айден овладел всеми моими чувствами. Я всё ещё могла ощутить его запах на своей коже и почувствовать его, когда двигалась. Жжение его щетины на моей шее, остроту его укусов на моей груди, боль от его толчков между моими ногами. И пустоту от его отсутствия между моими легкими.

Водород, инстинктивно подумала я, но затем остановилась. Удивительно, но я не хотела притуплять ничего из этого. Именно поэтому, сегодня вечером, я не стала помогать Реаган в осушении бутылок с вином. Я хотела всецело осознавать полный размах урона. У моего папы была теория. Когда у меня бывал небольшой жар, он не давал мне тотчас таблетки. Он говорил: *"позволь своей иммунной системе бороться с этим, это сделает тебя сильнее"*. Тоже происходило и сейчас. Если я смогу пережить сегодняшний вечер, значит, справлюсь с этим. Безвозвратно изменившись, но, по существу, поныне я.

Я оставила стакан воды и несколько таблеток "Адвил" для Реаган, и устало побрела свою комнату. Я сняла мамино платье, стараясь не думать о том, как Айден сбросил его с меня прошлой ночью. Казалось, будто всё это происходило сто лет назад. Когда я расстегнула свой бюстгальтер, выпала пуговица от его рубашки и угнетающе покатила по полу. Я догнала её уже под своим столом, подняла и положила на прикроватный столик. Но она взывала ко мне так словно "горошина-под-матрасом", поэтому я спрятала её в ящик с нижним бельём. Новые рыдания росли в моей груди, и я приняла решение: я должна смыть его с себя. Так будет более здраво, даже, несмотря на то, что мою кожу стягивало всего лишь от единственной мысли об этом, как будто она хотела немного дольше удержать его запах на себе.

Это был самый долгий душ, который я когда-либо принимала. Мочалка жалила, как и горячая вода. С каждым движением мочалки, губы Айдена, его язык, его пальцы бесследно исчезали. Когда я полностью ополоснулась, невзирая на использование черничного скраба Реаган, я не сияла. Весь свет покинул мою кожу. Я бездумно представила себе умирающего светлячка. Внезапно я испугалась. Что если я никогда не смогу начать всё с начала? Что если я никогда не отвечу взаимностью другому мужчине? Потерять это сейчас, после того, как познала каково это, будет жестоко.

Не важно, как по-научному я пыталась развеять эту теорию, страх был настолько сильным, что мои колени подогнулись, и я осела в ванную на некоторое время. Я не плакала. Это было одно из таких вызывающих онемение горе, от которого замерзают твои слёзные протоки. Я уже переживала подобное этому горе. Потребовались недели, прежде чем я смогла заплакать. Мой разум работал вхолостую, что было гораздо хуже, нежели он был бы пуст. Пустота это такое место, где разум часами может быть тише воды, ниже травы. Праздность же лезет ни в свое дело. Ищет повод, чем бы заняться, образы, чтобы вызывать их, чувства, чтобы их ворошить, вопросы, чтобы их задать. Сегодня вечером я не могла позволить себе праздность. Я постаралась сконцентрироваться только на хороших вещах, пока не пошла холодная вода. Я поднялась, выключила душ и вытерла себя насухо, игнорируя то, как полотенце причиняло жгучую боль при соприкосновении с любовными укусами Айдена.

Вернувшись в комнату, я натянула свою мягкую фланелевую пижаму, выключила свет и позволила ночи овладеть мной. У меня совсем не было сновидений. Вместо этого я видела образы, сталкиваемые обезумевшим разумом. Айден, мерцающий свет, жестокая

напряженность его плеч и то, как они расслаблялись, когда я прикасалась к ним, его память, его ночной кошмар, его отношение к дверям и стенам, встреча с юристами, вновь и вновь. Словно песня засела в голове или слово, которое вертится на кончике языка. Мой разум переживал всё заново или делал открытие? Я ни в чём не была уверена.

Глава 28

Долгая ночь

Мой день с Хавьером прошёл непринуждённо. И, в то же время, труднее, чем предполагалось. Было легко потому, как я проработала почти пятнадцать часов подряд и разработала формулу нетоксичной краски. Так что теперь я наконец-то была истощена, а истощение это то, в чём я нуждалась, чтобы уснуть сегодня вечером.

Но в то же время это было и труднее, так как несмотря ни на что, тихий голос, подобно испорченной виниловой пластинке, всё время нашёптывал одно-единственное имя в моей голове — *Айден Хейл, Айден Хейл, Айден Хейл*. Он позвонил Фейну и отменил заказ на картину — что окончательно поставило точку во всём — но он всё равно заплатил Фейну комиссионные в полном объёме, что делало ситуацию ещё хуже. Как я могу выкинуть мужчину из головы, который продолжает спасать меня всеми способами?

— Итак, подписание договора продажи состоится завтра? — констатировал Хавьер, когда припарковал машину перед зданием, в котором находились мои апартаменты, чтобы высадить меня.

— Полагаю, что так. Посмотрим, звонил ли он.

Мой живот начало скручивать в тугий узел. У меня возникла великолепная идея оставить свой телефон дома, дабы избежать разговора. И поэтому, конечно же, я нервничала в предвкушении того, какое же меня ждало дома сообщение, или хуже того, что сообщения вообще не было.

Хавьер стиснул моё плечо.

— Всё будет хорошо. Ты поступаешь правильно.

Я кивнула, завидуя его уверенности.

— Я буду держать тебя в курсе событий. Спасибо за сегодняшний день.

Я обняла его и вышла из машины. Калико нежился на своём местечке на тротуаре, в ожидании своего ежедневного почёсывания. Я помахала на прощание Хавьеру и сфотографировала его "Хонду Цивик", когда та, лязгая, проезжала мимо блестящего чёрного седана.

Дома, развалившись на диване, смотря комедийное телешоу "Болтун", меня ждала Реаган, на ней была надета "ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ, Я-БРИТАНКА" футболка. Она впитывала англицизм Алана Карра⁴⁶ вместо *выпивки*, хихикая и пытаясь подражать участникам шоу.

— Пьяная и разъярённая моська, — возвестила она, не отрываясь от телевизора, но когда увидела меня, она приглушила звук своих "фонетических уроков". — Привет, девчушка. Как прошёл день с Хавьером?

— Хорошо. Мы много работали. Надеюсь, что из-за качества моей покраски его не

уволят.

Я зевнула. Да, физический труд дал свои результаты.

— Ты рассказала Дентону о своей сделке на миллион долларов?

— Да, я звонила ему с телефона Хавьера. Он был вне себя от радости. Он настоял пойти со мной на сделку.

— Здорово! — Реаган захлопала в ладоши. — У тебя будет защитный буфер от дракона. Кстати, говоря о нём, я принимала звонки от этого засранца весь полдень. Огромное спасибо, что оставила свой сотовый дома.

Я возненавидела то обоюдное чувство облегчения и, наряду с этим ужаса, которое ощутила от её слов.

— Прости, Рег. Что он сказал? — спросила я.

Реаган фыркнула.

— Ну, первый раз звонок раздался около двух, и он попросил, чтобы ты перезвонила ему. Я ответила "ладно, как хотите" и повесила трубку, — она прозвучала так, словно испытывала отвращение от того, что Айдену хватило смелости позвонить нам домой. — Второй раз был в середине обеденного периода, и когда я сказала, что тебя нет на месте, он потребовал сообщить, когда ты вернёшься. Я сказала ему, что не имею никакого представления, когда твоё свидание подойдёт к концу, — её зелёные глаза блестели так, что могли соперничать с глазами Калико.

Я вросла в диван, моя рука накрыла рот.

— Ты сказала ему, что я на свидании? — в ужасе прошептала я сквозь пальцы.

— Ага. И не надо на меня так смотреть. И если хочешь знать, ты заслуживаешь настоящего свидания после того какие штучки-дрючки выкинул вчера Айден Хейл.

Она выглядела так, словно готовилась выйти на боксёрский ринг. Единственное чего ей не хватало, так это боксёрских перчаток.

— Реаган, зачем ты сделала это? — простонала я, но мой голос был заглушен зазвонившим домашним телефоном. Я захныкала и вскочила с дивана.

— Боюсь об заклад, это снова он, — Реаган сжала губы так, будто ела лимон. — Хочешь, чтобы я взяла трубку и сказала, что ты не вернёшься ночевать домой?

— Нет. Я возьму, — выкрикнула я, пока бежала на кухню.

Она бежала следом за мной, при этом очень сильно смахивая на телохранителя. Я открыла ящик с рецептами и перерыла его вверх дном в поисках скрепки для бумаг. Я нашла две скрепки. *Дзинь-дзинь-дзинь. Дзинь-дзинь-дзинь.* Глубокий вдох. *Кислород, 15.999.*

— Алло? — ответила я.

Благодаря скрепке и грандиозному внутреннему усилию, мой голос прозвучал обыденно, несмотря на то, что была я в ещё большем беспорядке, чем иммиграционная система. Реаган одарила меня поднятым вверх большим пальцем.

— Элиза, — голос Айдена был тихим, тем не менее, каждая клеточка моего тела мгновенно отреагировала.

Я готова была побежать к нему, и в то же время, сломя голову, убежать от него прочь. Я грузно опустилась на кухонный стул.

— Здравствуйте, мистер Хейл, — формальное обращение к нему прожигало мой язык, но произнести Айден было бы гораздо болезненней.

Реаган послала мне ещё один подбадривающий палец вверх.

Наступила длинная пауза. Моя скрепка теперь приобрела вид неизогнутой проволоки.

— Как прошёл твой день? — спросил он несколько минут спустя ровным глубоким голосом.

— Хорошо, спасибо. Реаган сказала, что вы звонили, — мой голос был таким же ровным.

Мне должны вручить Оскара за это. Похвальная жестикуляция в виде вскинутых вверх рук Реаган подтверждала, что моё выступление было очень убедительным.

Он снова замолчал, и прочистил горло.

— Да, я подготовил договор со стандартными условиями, но мы сможем внести изменения, если ты пожелаешь. Завтрашний день всё ещё тебе подходит? — впервые за весь разговор его голос дрогнул, но это произошло настолько резко, что я не смогла с точностью наверняка сказать, случилось ли это из-за плохого качества связи, помех или чего-то ещё.

— Да, подходит. К слову сказать, профессор Дентон вне себя от восторга, и он попросил, или точнее сказать умолял, позволить ему завтра тоже прийти. Он был в этом проекте с самого начала, и я бы хотела предоставить ему такую возможность. Вы же не против?

Некоторое время он хранил молчание.

— Да, всё хорошо, — его голос скрипел. Дракон жив и здоров, и теперь нацелился на несчастного Дентона.

Чем дольше я оставалась на линии, тем больше тряслись мои колени. Это всего лишь вопрос времени, прежде чем мой голос начнёт дрожать. Я должна была закончить разговор, пока ещё была жива.

— Так в какое время завтра, мистер Хейл?

Реаган подала мне ручку с листочком для записей, как будто существовала вероятность, что я смогу забыть.

— Как насчёт десяти в моём офисе? Я могу послать Бенсона за тобой? — его тон смягчился.

— В десять нормально, но подвозить меня не надо. Профессор Дентон будет чувствовать себя очень оскорблённым, если я поеду с кем-то другим, а не с ним. Но в любом случае, спасибо вам за предложение, — я придерживалась английской учтивости, которая должна была стать стилем моего поведения завтра.

— Не за что, Элиза, — это прозвучало так, словно он хотел что-то ещё сказать. Он оставался на линии.

— Спасибо вам за то, что организовали всё так быстро ради моей выгоды. Я уверена, что у вас есть куда интересней дела, на которые стоит тратить ваше время.

Реаган бросилась в танец черлидерши, используя носовые платки вместо помпонов.

— Это было... катартически. Увидимся завтра, Элиза, — он повесил трубку.

Катартически? Этот мужчина вообще когда-нибудь говорит на незамысловатом, понятном английском? Я устала на телефонную трубку, крайне удивлённая тем, что она пережила такое потрясение. Реаган взяла её из моей руки и повесила обратно на стену.

— Ты была великолепа, — сказала она. — Настоящий профессионал. Если Айден думал, что ты будешь чахнуть по нему весь день напролёт, то он весьма разочарован. Ну, а теперь, серьёзный вопрос: что ты собираешься надеть?

Она рванула к своему шкафу, что-то бормоча себе под нос, пока я звонила Дентону. Когда я закончила разговор, у меня не было времени осмыслить произошедшее, так как Реаган начала забрасывать меня всевозможными нарядами. Она считала, что я должна

выглядеть сексапильно, и предоставила мне четыре платья, которые больше подходили для посещения бара, нежели для зала заседаний совета директоров.

— Реаган, ни за что. Это слишком очевидно. Я не собираюсь идти туда, выглядя так, словно умоляю его заметить меня. Мне просто надо попытаться пережить завтрашний день максимально достойно, насколько это будет возможным, и разобраться со всем остальным самостоятельно.

Реаган надула губки.

— Ладно, я тебя поняла. Не то, чтобы я считаю, что ты должна соблазнять его. Просто полагаю, ты должна напомнить ему о том, что он теряет.

Напомнить Айдену? Айден не нуждается в напоминаниях. Он будет помнить каждую частичку меня — всевозможные недостатки, несовершенные стороны, которые не смогут гнаться за фантазией — вечно в его извечном разуме.

— Ты хочешь увидеть, что я собираюсь завтра надеть? — спросила я кротко.

Она улыбнулась и успокоилась.

— Да! Однако я считаю, что образ должен включать и шапочку. Или, как минимум, лёгкий шарфик.

Она последовала за мной в мою комнату, рассуждая о достоинствах шляпки-вуалетки. Я порылась в своём микроскопичном шкафу в поисках мешка для хранения одежды, который был запрятан глубоко внутри. Там находилось одно из моих самых драгоценных сокровищ. Мамино платье, которое она надевала на своё первое собеседование в музее Ашмола. Оно представляло собой одну из таких неустаревающих вещей, которые выглядели как нечто, что носила бы сама Джеки Онассис⁴⁷. Лиловое, рукав длиной в три четверти, строгого покроя. Мне никогда раньше не выпадало шанса надеть его. Когда я показала его Реаган, она присвистнула.

— Элиза Сесилия Сноу, это платье — поразительное! Да, забудь о чём-либо другом. *Это именно то*, что ты наденешь.

Она не прикоснулась к шелковистому материалу, но смотрела на него с благоговением.

— Но ты должна надеть мои счастливые Лубутены, — настаивала она, её глаза до сих пор неотрывно смотрели на платье.

— Счастливые? Насколько счастливые?

Я очень сильно нуждалась в удаче в эти дни.

— Ни один мужчина, вообще ни разу, не отверг меня, когда на мне они были надеты, — она пожала плечами.

— Реаган, это все, потому что ты — это ты. Это не имеет никакого отношения к твоим туфлям.

Она проигнорировала меня, выскочила из моей комнаты и вернулась назад, прежде чем я успела моргнуть, неся в руках телесного цвета "Счастливые Туфли" с их контрастной красной подошвой.

— Если я цокну каблуками три раза, вернут ли они меня домой?

— Только если твой дом тут, девчушка, — она обхватила меня рукой за плечи. — Ты серьёзно влюбилась в него, правда? Я никогда не видела, чтобы у кого-то подкашивались колени всего лишь от одного-единственного звука голоса, — с чувством высказалась она.

— Да, полагаю, что так. Но разве не так это происходит у каждой женщины после её первого раза?

Реаган уселась на мою кровать, качая головой.

— Не всегда, Иза. Я была влюблена по уши после своего первого раза, но мы встречались почти целый год. И я не дрожала от звука голоса Джейсона. Но у тебя это сильнее, чем было у меня, потому как Джейсон не продраконил меня утром. И он не выплачивал мне миллион долларов, чтобы вычеркнуть меня из своей жизни.

— Он, кроме того, спасает меня, Рег, — пробормотала я.

— Ага, из-за чувства вины.

Я теребила в руках одеяло, которое Мария связала на мой минувший день рождения.

— Так или иначе, это моя вина. Я знала, что это не закончится хорошо, и я до сих пор позволяю этому происходить.

Она схватила мою руку.

— Ты прислушаешься ко мне прямо сейчас, — сказала она, стискивая мои пальцы при каждом слове. — Это не твоя вина. Ты считала, тебе причинит боль то, что тебе придётся уехать. А не потому, что ты открылась мужчине, который поутру отнесся к тебе, как к проститутке.

Я вздохнула. Ощущение было незнакомым, пустым — словно ветер пронесется сквозь бесхозный склеп.

— Ты должна немного отдохнуть, — сказала Реаган. — Завтра великий день, — она чмокнула меня в щёку и вышла из комнаты.

После того, как она закрыла дверь, я ещё немного посидела на кровати. Странно, но даже, несмотря на то, что она перечислила все причины, по которым стоило злиться на Айдена, злость покинула меня, подобно дыму в вытяжном шкафу.

Я сделала глубокий вдох и начала приводить в порядок свою амуницию на завтра. Условия сделки? Проверила. Наличие скрепок для бумаг? Проверила. Фотография папы, так он сможет пойти со мной? Проверила. Шоколадки "Бачи" на потом? Проверила. Неистовое сердцебиение? Перепроверила.

Подготовка заняла всего лишь двадцать минут. А вот остаток ночи — совсем другое дело. Я включила свою стереосистему возраста динозавра — находка на распродаже домашних вещей, проводимой в гараже — свернулась клубком в кровати и выключила свет. Лана тихонько проникновенно напевала о мужчине на миллион долларов с опасными изъятиями.

"Я не могу быть с тобой... Ты должна начать жить собственной жизнью."

Его сиплый голос отражался эхом в моей голове. Я сделала музыку громче, чтобы заглушить его, боясь пережить ещё один ночной кошмар. Но моё сердце колотилось быстрее, чем его удары могли быть сосчитаны. Я декламировала периодическую таблицу вдобавок к звучащей музыке, в попытке успокоить своё сердце. Это не помогло, и я понимала почему. Потому что дело было вовсе не в нервах. Дело было в испытываемом ужасе. В ужасе от того, что он пробудил меня, и поэтому я теперь могу испытывать слишком сильные чувства. От того, что он спасает меня от призраков, лишь для того, чтобы преследовать меня. От того, что он даёт мне свободу, хотя я никогда ещё не чувствовала себя настолько сильно связанной.

От того, что всё это по-прежнему конец, а вовсе не начало.

Глава 29

Суть Сделки

Я проснулась от синхронно-прозвучавших стука в мою дверь и звонка будильника. Не успела я даже глазом моргнуть, как Реаган вломилась внутрь комнаты со щипцами для завивки волос в руках.

— Это твоя первая сделка на миллион долларов, и ты будешь выглядеть на миллион баксов, — захихикала она.

Я зевнула и села.

— Отлично, Рег. У нас есть ещё три часа. Так что делай своё грязное дело. Или искусное дело.

После того, как я приняла душ, она вплотную занялась моими волосами. Всё это время, она забрасывала меня ценными наставлениями с невероятной скоростью.

— Держись поближе к Дентону. Не садись рядом с Айденом, потому как ты сразу же почувствуешь аромат его одеколona, и тогда у тебя возникнет сложная проблема. Если ты станешь вся такая разгорячённая и взволнованная, произнеси про себя, к примеру, "Аве Мария" и задумайся о своих месячных. О вздутие живота, судорогах, работе. Также старайся не оставаться с ним наедине. Таким продвинутым парням достаточно всего несколько минут, чтобы уломать женщину. Поэтому, если он попытается выкинуть нечто типа такого как "Элиза, позволь мне показать тебе свой кабинет", ты отвечаешь "спасибо, но нет", ведь как только за вами закроется дверь кабинета, ты пропала. Ярость в таких ситуациях очень эффективна. В тебе ещё хоть чуток ярости осталось? — спросила она, размахивая щипцами для завивки надо мной, словно мечом.

Я покачала головой.

— Нет. Довольно сложно сердиться на мужчину, который спасает твою жизнь.

— Конечно, но не похоже, чтобы он занимался благотворительностью. Он получает поистине крутое изобретение, в обмен на то, что ты инвестируешь деньги в его же компании, так что он ничего не теряет. Именно поэтому, сегодня ты можешь войти туда с высоко поднятой головой, — продолжила она, указав на меня щипцами, как будто я подумывала о ползании по полу в ногах Айдена.

Я кивнула, и в большем притворстве она и не нуждалась. Она продолжила:

— Ладно, давай попрактикуемся. Я — Айден, безусловно, — она прочистила горло и понизила свой голос в попытке — но не сумела — сымитировать тембр голоса мистера "Грех". — Элиза, мы должны это отметить сегодня вечером. Я владею клубом для мультимиллионеров, и стол там парит над поверхностью воды, и десять тысяч свечей окружает его, а единороги служат официантами. Не хотела бы ты пойти?

Я рассмеялась.

— Нет, мистер Хейл. Но я надеюсь, вы и ваши единороги проведете изумительный, романтический вечер вместе.

— Отлично, — сказала Реаган своим обычным голосом, и затем снова переключилась на роль Айдена.

Её сценарии становились всё более и более смехотворными, но именно в этом я и нуждалась. К тому времени, как она закончила со мной, мои щёки болели от смеха.

— Готово. Ты выглядишь прямо как Элизабет Тейлор в молодости, — сказала она, её

глаза искрились.

Я посмотрела на себя в зеркало и, как всегда, увидела маму, начиная с тёмных волос и ресниц, заканчивая платьем. Но на этот раз, образ придал мне силы. Так прекрасно я ещё никогда не выглядела.

— Рег, ты волшебница. Не думаю, что даже Кейт Миддлтон получила такое же обхождение в день, когда выходила за Принца Уильяма.

* * * * *

Когда Дентон посигналил снаружи, я направилась к двери, Реаган шла следом.

— Цокни этими каблуками три раза, если захочешь вернуться домой, — подмигнула она.

Я обняла её на прощание, и прыгающей походкой, мимо розовых рододендронов, направилась через передний дворик к "Приусу" Дентона.

Когда Дентон увидел меня, он горделиво по-отцовски улыбнулся.

— Ты уже совсем взрослая, дитя, — рассмеялся он. — Ах, это так волнительно. Вот, что я тебе скажу, Иза, для профессора нет дня лучше, чем тот, когда он видит, как его студент добился успеха.

— Я не смогла бы добиться этого без вашего участия, — я вложила настолько много признательности в свой голос, насколько смогла.

Дентон начал медленно выезжать с парковки, подобно инструктору по вождению. Я предположила, что "коль уж учитель, то учитель всегда и во всём". Когда мы добрались до Пятой Авеню в центре Портленда, мои ладони начали потеть. Я отвлекала себя, пытаюсь помочь Дентону в поисках парковочного места. Но оно нам не потребовалось. Перед главным офисом холдинга "ХХ" стоял мужчина в сером костюме, ростом в два раза выше Дентона, держа в руках специальную табличку, на которой было указано "МИСС СНОУ I ПРОФ. ДЕНТОН". *Проклятье, нам предоставили личного камердинера.*

Дентон припарковал свой "Приус", выглядя при этом ошарашенным.

— Подумать только, такое особое обращение, — он довольно усмехнулся и вылез из машины.

Казалось, будто он подпрыгивал на пятках. Он завёл разговор с камердинером, пока тот, до того как отогнать на парковку "Приус", повёл нас к одному из лифтов, чтобы мы смогли подняться на сороковой этаж.

Мы взошли по двадцати мраморным ступеням к поворотным дверям, которые позволяли уйме людей входить и выходить из внушительного здания, которое занимал холдинг "ХХ". Здание было высотным, с изогнутой кривой, подобно современному изображению песочных часов. По две колонны, словно стоящие на посту часовые, расположилось с каждой стороны стеклянных дверей. Делегируемое послание было ясным и очевидным: власть, независимость, защита. Если это не было девизом Айдена, то тогда я не знала, что это такое.

Наш лифт набирал высоту со сверхзвуковой скоростью. Мои уши заложило. Я воспользовалась этими бесповоротными несколькими минутами, чтобы повторить про себя периодическую таблицу задом наперёд на итальянском языке.

Двери со звоном открылись в блестящее отделанное под мрамор фойе. Лоснящаяся кожаная мебель выстроилась в линию у всеохватывающей стеклянной стены. Несомненно, Айден имеет слабость к просторному окружению. Дентон оглянулся по сторонам, подобно

научному сотруднику НАСА. Я готова была поспорить, что он сожалел о том, что не захватил с собой камеру. Что же до меня, свою камеру я оставила намеренно — в сегодняшнем дне не было ничего такого, что я хотела бы запечатлеть на память.

Мы подошли, или точнее сказать шла я, а Дентон подпрыгивал, к приёмной, в которой находилась женщина, афро-американка, с зелёными глазами. Офигеть, если Айден видит её каждое утро, что вообще он делал со мной? С каждой минутой, проведённой в его королевстве, бездна, которая разделяла нас, становилась всё глубже, и его выбор становился более понятным.

Дентон щебетал с красавицей, стоявшей перед ним — Алисией, судя по всему. К моему смущению, он начал рассказывать ей о моём "колоссальном изобретении". Я заливалась румянцем, пока голос, который я узнала бы даже будучи мертвой, не окликнул меня:

— Элиза, — произнёс Айден.

Я развернулась, чтобы встретиться с ним лицом к лицу, и мгновенно весь окружающий меня мир исчез из вида.

Он выглядел запретным. Не Адам, а яблоко. На нём был надет тёмно-серый костюм и лиловый галстук. Наша одежда была подобрана под стать. Его глаза менялись и горели так же, как и два дня назад. Единственным отличием были тёмные круги под ними. Я испытала сильный порыв пробежаться кончиками пальцев по его коже, чтобы их стереть. Втянув в легкие воздух, и обнаружив, что они всё ещё функционируют, я выдавила улыбку.

— Доброе утро, мистер Хейл.

Он протянул руку, и я дотянулась до неё, прекрасно понимая, что произойдёт, как только мы прикоснёмся друг к другу. Да, вот оно. Жизненная сила, тепло, спотыкание моего пульса. Как и в прошлый раз, он не пожал мне руку, а просто держал её. Создавалось впечатление, будто он изо всех сил старался не опускать взгляд ниже моего подбородка. Простая истина нашла крошечный зазор в моей защите, чтобы просочиться сквозь неё: я скучала по нему.

— Надеюсь, вы легко сюда добрались? — поинтересовался он.

Ладно, отшутись, моргни, сделай... хоть что-нибудь.

— Да, было довольно сложно не заметить сто сорок метров низкоэмиссионного стекла.

Он сдавленно усмехнулся, но его смех утратил тот самый каскадный звук, который присутствовал в нём два дня назад.

— Ах, мистер Хейл, — Дентон оторвал себя от Алисии и, пружиня на пятках направился к нам. — Приятно снова вас видеть. Спасибо вам за оказываемое гостеприимство. Я уверен, что вы поймете, что я ни за что на свете не мог пропустить такое событие.

— Конечно. Никаких проблем, Артур.

Дентон качнулся и довольно рассмеялся.

— Ах, ничто так не заставляет профессора испытывать гордость, как осознание, что ученик превзошёл его. Я вовсе не удивлён, что всё так обернулось. Я знал с самого начала, что кто-нибудь увидит потенциал в её весьма маленькой добавке.

Я изучала лицо Айдена. Я ожидала, что оно ожесточится, так как кто-то тратил впустую его время, но вместо этого, его взгляд смягчился.

— Да, маленькое чудо, — ответил он, и на мгновение мне показалось, что они с Дентоном говорили совсем о разных вещах.

Айден указал нам на конференц-зал, с открывающимся видом на другую сторону

Маунт-Худ. Как и всегда, он отступил в сторону, позволяя нам идти впереди. Конференц-зал был уютным небольшим, со стенами, выполненными из матового стекла, с деревянной мебелью и мягкими креслами с замшевой отделкой. Это место меньше всего напоминало офис, и больше всего походило на дом Айдена. Я не могла решить, должно ли это было заставить меня чувствовать себя более спокойно, нежели наоборот.

— Не хотите ли чего-нибудь выпить? — поинтересовался у нас Айден.

— Я не отказался бы от чая. Любой, какой у вас есть под рукой, — ответил Дентон.

Он сел в одно из шикарных кресел. Отлично, мне пришлось подождать, дабы понять, где он расположится, с тем, чтобы я смогла сесть рядом с ним. Я заняла кресло по его правую руку.

— А ты, Элиза?

— Немного воды, мистер Хейл, спасибо.

Когда он подал мне стакан воды, его длинные пальцы привели меня в смятение. Я взяла стакан с водой, постаравшись не прикоснуться к ним. Я уже была на грани, а мы даже ещё и не начинали. *Idrogeno, 1.008. Elio, 4.003. Litio, 6.94. Berillio, 9.012...* (прим.: перевод с итал. яз.: Водород, 1.008. Гелий, 4.003. Литий, 6.94. Бериллий, 9.012...)

Айден сел во главе стола, супротив входной двери — ну, конечно же. Я снова задавала себе вопрос "почему". Или же я становилась чрезмерно наблюдательным, помешанным на науке эксцентриком?

— Элиза, вот проект договора о продаже. И вам один экземпляр, Артур. Почему бы вам не ознакомиться с ним для начала, а потом мы могли приступить к обсуждению?

Я внимательно прочитала договор, стараясь не потеряться в юридическом языке. Холдинг "ХХ" выплатит мне сумму нетто в размере один миллион долларов, а также погасит все возможные налоги с указанной суммы, действующие в настоящее время. Я, в свою очередь, передаю "ХХ" все права интеллектуальной собственности применительно к "Добавке", что включает в себя формулу, результаты испытаний и все мои методы, данные и планы.

Именно так, как мы и обсуждали. Справедливо и разумно. Но от одного из пунктов у меня перехватило дыхание.

Следствие иммиграции. Если заявление автора изобретения на иммиграцию в Соединенные Штаты будет отклонено по какой-либо причине, "ХХ" возвращает "Добавку" и все Права Интеллектуальной Собственности автору изобретения, и не имеет права разглашать данные Права третьей стороне или использовать их для целей конкурентирования с автором изобретения. Автор изобретения не несёт каких-либо обязательств в виде возмещения полной Стоимости Приобретения в размере \$1,000,000.00 покупателю "ХХ".

Офигеть! Мне потребовалось несколько минут, чтобы обрести свой голос.

— Мистер Хейл, кажется всё в порядке, но вы уверены насчёт данного пункта? Если вы вернёте мне обратно добавку, вы потеряете сумму в миллион долларов, я же, в свою очередь, не буду иметь никаких обязательств перед вами.

— Я абсолютно уверен. И я не могу присваивать себе чужие заслуги. Это была твоя идея. Ты предложила инвестировать средства в мои компании, поэтому я не теряю ни цента. Будет справедливо, если я выражу аналогичную рассудительность по отношению к тебе, — он посмотрел на меня с неким сильнейшим исступлением, вот только я так и не поняла, что это было.

— Спасибо, — ответила я, так как других слов мне было не подобрать.

Я не могла отрицать этого. Единственная причина моего прощания с добавкой была в том, что таким образом я смогу остаться и не испытывать чувства, что купила Американскую мечту сексом, а не тяжёлым трудом.

— Есть ли какие-нибудь условия, которые ты хотела бы внести в договор? — поинтересовался он.

— Да, но они несущественные.

Я вытащила свои записи из сумочки. На самом деле, они мне были не нужны, но я отчаянно нуждалась в скрепке, и это давало мне повод взять её.

— Давай выслушаем их, — сказал Айден, улыбаясь.

Я медленно пробежалась взглядом по своим записям, проверяя их по ходу дела. Упоминание и признание заслуг моего отца в прессе, не применять добавку в качестве допинг-стимулятора, не превращать её в биологическое оружие. На каждое условие Айден задумчиво кивнул. Как всегда, он не сделал ни единой записи.

— Мы станем хорошими партнёрами по бизнесу, — произнёс он, когда я озвучила последнее условие. — Есть ли что-нибудь ещё, что ты хотела бы обсудить?

Я пригубила немного воды и постаралась сохранить свой голос спокойным, так как последнее условие было самым важным для меня.

— Одно лишь единственное условие: если вы когда-либо решите продать добавку, вы уведомите меня первой, на случай, если я буду иметь возможность выкупить её у вас? Если я не смогу этого, вы будете иметь право продать её любому третьему лицу.

Я не была уверена, что когда-либо буду иметь такие деньги, но, как минимум, у меня будет право выбора, и я буду иметь возможность отследить путь добавки, куда бы он ни вёл.

— Я очень сильно сомневаюсь, что когда-либо расстанусь с ней, Элиза, но если я сделаю это, то согласен на твои условия.

Неизвестное мне сильнейшее исступление снова наполнило глаза Айдена. Я изучала его лицо в поисках подсказок, но он тотчас же взял себя под контроль.

— Тогда, вроде всё, мистер Хейл, — я широко улыбнулась. Это прошло гораздо легче, чем я ожидала. Я ни разу не сорвалась и он не спорил: — Спасибо вам за то, что настолько упростили задачу.

— Я не славюсь тем, что упрощаю задачи, Элиза.

Он ссылаясь на наше злополучное "утро-после вчерашнего"? Возможно. Но неожиданно, мне вовсе расхотелось быть одержимой негативом. Что он мне сказал, что я сказала ему. Это не поможет, и совсем не такими я хотела бы нас запомнить. Я хотела думать только о тех хороших моментах, что он привнёс в мою жизнь. Таким образом, с течением времени — с очень, очень длительным течением времени — может быть, я обрету способность отпустить его. А до этих пор, нет никаких причин ему испытывать чувство вины.

Я улыбнулась ему.

— Всё хорошо, что *идёт* из лучших побуждений, — я смягчила высказывание, надеясь, что он поймет, что я протянула оливковую ветвь.

Он улыбнулся, но ямочка на щеке так и не появилась.

— Только твои помыслы могут направлять тебя. А теперь я хотел бы кое-что обсудить с тобой.

— Что?

— Что я буду делать с добавкой, и куда ты вложишь средства. Я знаю, что ты хочешь

инвестировать в одну из моих компаний. Откровенно говоря, это самое бесхитрое деловое предложение, которое мне кто-либо когда-то делал. Тем не менее, я бы хотел предложить альтернативу.

Он нажал кнопку на трёхгранном устройстве, расположенном на столе, и на противоположную от Айдена стену опустился экран. Экран ожил, на нём высветилась огромная организационная карта. Мне потребовалось всего минута, чтобы понять, что это была совокупная структурная схема всех его компаний. Всех 120.

Айден встал. Он двигался с плавной точностью, невзирая на его неумолимую непреклонность. Движение было таким гипнотизирующим, что мне пришлось отвести взгляд в сторону.

На экране он обвёл несколько компаний.

— Вот эти компании будут соответствовать требованиям иммиграционных стандартов. Ты можешь вложить средства в них и работать в одной из этих компаний, если пожелаешь. Но принесёт ли тебе это удовлетворение? Или, может быть, ты предпочтешь работать в лаборатории, делать открытия и проводить испытания? — он склонился над столом, его глаза пылали, словно пытался извлечь мои мысли.

— Ну, если быть честной, наука всегда была единственным делом, которым я когда-либо хотела заниматься. Но я могу найти работу в лаборатории сразу же, как получу грин-карту, мистер Хейл. Нет надобности трудоустраивать меня.

— Я бы хотел предоставить тебе иную возможность. Не хотела бы ты рассмотреть вариант с инвестированием средств в совершенно новую компанию, в лабораторию, учредителем которой будешь *ты* сама, и иметь право делать всё, что тебе заблагорассудится? — его голос был тихим, но его глаза проникали в меня с точно такой же пламенной силой.

Я погрузилась обратно в кресло. Моя рука метнулась к груди, куда мощно и пылко ринулась новая жизненная энергия. Айден только что предложил мне мою мечту. Не просто Американскую мечту, а мою профессиональную мечту, как учёного. Я всегда хотела иметь свою собственную лабораторию, где смогла бы работать вне влияния огромных фармацевтических конгломератов.

— Но разве на создание и развитие лаборатории не потребуется больше миллиона долларов?

— Безусловно, — сказал Дентон, при этом прозвучав благоговейно, находясь под влиянием данного предложения, как и я.

— И вот для этого я здесь. Как вы знаете, я зарабатываю средства посредством владения активами других компаний. Но я планирую переход на разработку, создание и производство своими силами. Главным образом, продуктов, которые могут оказать поддержку войскам Соединенных Штатов. Твоя добавка — хороший пример, поскольку она легковесна и настолько маленькая, что позволяет её хорошо укомплектовывать. Она также имеет большой потенциал для применения в благотворительных целях, включая применение для поддержки изнурённого мирного населения, обеспечивать жизнедеятельность которого призваны войска, — он говорил быстро — в тоне его голоса улавливался оттенок злободневности. Это прозвучало так, словно он сам побывал на полях военных действий. В моей голове возникла концепция.

Он прервал мою гипотезу.

— Это будет моим первым вторжением в новую область промышленности. И я бы хотел

начать это с тобой, — его глаза оживились, ни на секунду не отпуская мой взгляд, как будто он подразумевал под этими словами нечто гораздо большее.

— Мы будем вести бизнес вместе? — прошептала я в изумлении.

— Да. Как ты только что доказала, наша предпринимательская этика полностью совпадает. Ты — сообразительная, трудолюбивая и умная. Но я могу быть пассивным компаньоном, если пожелаешь. Тебе будут делегированы единоличные управленческие полномочия.

Я знала, почему он дополнил своё предложение этим. Пока Дентон присутствовал здесь, он не мог сказать большего, но он только что предоставил мне свободу выбора, на случай если я не хотела иметь с ним никаких дел, после проведённых вместе ночей.

Дентон наблюдал за мной. Они оба ожидали моего ответа. Как я смогу забыть об Айдене после этого? После того, как он на блюдечке преподнёс мне мою мечту о лаборатории? Для меня никогда не будет существовать другого мужчины. В этом я была абсолютно уверена. Я буду желать его каждый день пока хожу по земле, поскольку для меня это будет больше, чем любовь. Это будут те самые нерушимые узы первопричины, те самые, которые питают вас жизнью так, что вы можете воплотить свою мечту в жизнь. И моей единственной семьёй будет эта лаборатория — это единственное, чем мы будем связаны. Он продолжит жить, с женой и детьми, а я нет. Одинокость представленного образа иглами вонзилась в красоту моей мечты.

Я глотнула немного воздуха и связала слова воедино:

— Я считаю, что Ваше предложение — это потрясающая перспектива, мистер Хейл. Если вы не возражаете, я бы хотела обдумать ваше предложение, дабы убедиться, что принимаю правильное решение? Правильное для нас обоих?

Его брови слегка приподнялись от моих последних слов, но он кивнул.

— Да, но, пожалуйста, не слишком долго. Ты должна уведомить Боба в ближайшее время, да и ни к чему тебе какие-либо задержки, — он выглядел напряжённым, даже озабоченным.

— Я понимаю. Я уведомлю вас обоих к концу этой недели.

— Хорошо. Итак, есть ли у вас какие-нибудь ещё вопросы, прежде чем мы перейдём к подписанию договора?

Я уже готова была кивнуть головой в согласии, когда вдруг вспомнила. К моему удивлению, я чуть об этом не забыла.

— Почему военная оборона вызывает у вас такую заинтересованность, мистер Хейл? — я постаралась произнести это непринуждённым тоном и не выказать то, как сильно я хотела выудить данную информацию для подтверждения своей теории.

Тектонические плиты в его глазах внезапно сдвинулись. Он сделал глоток воды, выглядя так, будто надеялся на то, что этот вопрос никогда не прозвучит. Я ждала.

— Вы не единственная, кому пришлось бороться за Американскую мечту, — ответил он через несколько минут.

Бинго!

— Вы были на воинской службе?

Он лаконично кивнул, удерживая на мне свой взгляд.

— Это так впечатляюще, мистер Хейл. Когда? — поинтересовался Дентон.

Мне казалось, что с каждым произнесённым Айденем словом, у Дентона развивалось сильнейшее им восхищение.

— Когда мне было восемнадцать, — тактично ответил Айден, но его голос начал ужесточаться.

— Как долго вы служили? Были в Армии? — Дентон наседал. Он был в восторге.

— Нет, морская пехота. Примерно около пяти лет.

Ответы Айдена становились всё короче и короче. И я знала, что у меня есть всего лишь несколько минут до того как он поставит точку в разговоре. И я принимаю решение сделать ход, с целью заполучить последний недостающий кусочек головоломки.

Глава 30

Открытие

— Вы принимали участие в боевых действиях? — спросила я.

На долю секунды его челюсть изогнулась, и он повернулся ко мне.

— Да. В данный момент, прошу меня извинить, я бы хотел внести в контракт твои условия.

Как только он покинул зал, мой мозг заработал на пределе, но Дентон прервал мои мысли.

— Какое вдохновляющее создание. Морская пехота, затем колледж, потом это. Этот мужчина, вообще, когда-нибудь спит?

— Я не знаю, — промямлила я, испытывая признательность к своим длинным волосам на тот случай, если моё лицо выдаст мои глубокие познания о спальне Айдена Хейла.

— Иза, я бы хотел, чтобы на мгновение ты забыла, что я профессор. Ты можешь это сделать?

Эта просьба застала меня врасплох.

— Конечно, чего бы вы хотели?

— Я бы хотел, чтобы ты поговорила со мной, как с другом, — он улыбнулся. — Что происходит между тобой и Хейлом?

Я покраснела. Как же это неловко. Дентон, видимо, подумал, что я умудрилась произвести впечатление на бизнесмена своей добавкой, а теперь подозревает, что я заполучила эту сделку благодаря чему-то ещё. Я не могла посмотреть ему прямо в глаза. Пальцем я начала вырисовывать закорючки на столе из вишнёвого дерева.

— Мне он нравится, — прошептала я преуменьшение столетия.

Рука Дентона легла ближе к моей руке, и он склонил голову, чтобы увидеть моё лицо.

— Я дам тебе несколько непрошенных советов, так как хотел бы, чтобы такой совет кто-нибудь при случае дал мне. Я полагаю, что он сделал тебе невероятное предложение. Если бы ты не была настолько увлечена им, я бы сказал тебе соглашаться не думая. Но если ты испытываешь по отношению к нему сильные чувства, и считаешь, что он не ответит тебе взаимностью, я заклинаю тебя очень досконально обдумать это. Я не хочу, чтобы ты ввязывалась в это из-за ощущения, что у тебя нет других вариантов. С визой на руках, дитя, они выстроятся в очередь, желая нанять тебя на работу, и однажды, ты будешь заведовать собственной лабораторией. Просто подумай об этом, — он похлопал меня по плечу.

Импульс признательности к этому мужчине сокрушил меня. Это был именно тот совет, в котором я нуждалась, такую лояльность выказать мог только кто-то в его положении. Еще до того, как осознала, что делаю, я обняла его.

— Спасибо, Артур.

Он довольно фыркнул.

— Расскажу тебе о научном наблюдении, Иза. Когда дело касается чувств, представители мужского рода становятся полными идиотами. Но есть и хорошая новость, в конце концов, он придёт в чувства, — он подмигнул мне.

Я изогнула скрепку, рассмеявшись. Даже его любовный совет носил научный характер.

Минуту спустя широкими шагами в зал вошел Айден. Должно быть, он был самым умелым составителем договоров в истории. Конечно же, его супер-память, вероятно, способствует этому. И причиняет боль.

Он повернулся ко мне.

— Готова?

Я кивнула, значимость момента воцарилась в зале. Он подал мне свою ручку, которую достал из внутреннего кармана пиджака. Ручка была тёплой от пульсации его сердца. Новая жизненная сила усиленно завибрировала у меня в груди, когда я осознала, что именно этой ручкой он подписывал мои новые книги. Я ошеломлённо подняла на него взор.

Айден улыбался.

— Подпиши передачу прав.

Я задалась вопросом: "а дрожала ли бы моя рука, держи я любую другую ручку". Но с этой ручкой, моя рука не дрогнула. Он решительно поставил подпись со своей стороны, это был без каких-либо излишеств автограф рядом с моей подписью. Дентон сделал фотографию, рассмеялся и похлопал в ладоши. Когда Айден протянул свою руку, я приняла её, понимая, что он будет удерживать мою ладонь. И осознавая, что это разорвёт меня на части сегодня вечером.

— Мои поздравления! — сказал он. — Время для торжественного обеда?

О, нет! Время наедине. Мне не нужны были мудрые наставления Реаган, чтобы понимать, что эта идея будет подобна попытке вдохнуть пары в вытяжном шкафу. Вызывает привычку и смертельно опасно.

— Я не могу, мистер Хейл. Но спасибо вам за всевозможное содействие. Я никогда этого не забуду, — я вложила максимум чувств, насколько была способна, в свой голос и сжала его руку.

Его пожатие единожды сжалось сильнее — почти болезненно — а затем он выпустил мою руку.

*****

Дентон подбросил меня до дома. Всю дорогу он анализировал плюсы и минусы делового предложения Айдена. Услышала я лишь половину из всего этого. На ступеньках навстречу мне выбежал Калико, и я неважнецки почесала его голову. Он бросился прочь от меня, выглядя при этом обиженным.

Когда я вошла внутрь апартаментов, я увидела плакат, висящей над дверью в гостиную комнату. "ПОЧУВСТВУЙ СЕБЯ НА МИЛЛИОН". Повсюду на нём были изображены знак доллара, американские флаги, сердечки и смайлики. Реаган! Я окликнула её, но листочек

для записей на телевизоре сообщил мне, что она была на стажировке.

Я напрямик направилась к нашему книжному шкафу за учебником по клинической психологии. Я перелистывала страницы до тех пор, пока не нашла интересующий меня раздел. В процессе прочтения, я кратко конспектировала ключевые слова на листочек бумаги.

Морпех

Пять лет — с 1998 по 2003

Боевые действия. Вполне вероятно: Афганистан и Ирак

Обособленность

Сверхбдительность

Контроль

Ночные кошмары

Гипертимный — "взрывной" характер

Ярость

Ожесточённость

Комплекс вины ("я не должен")

Мерцающий свет (Предупредить его о чём-либо присутствии?)

Состояние повышенной боевой готовности на определенные триггеры⁴⁸ — шум, дорожное движение, сигналы автомобилей, вспышки камер, новые места

Отрешённый взгляд (Ретроспективы? Воспоминания?)

Физическая дистанция; последним проходит через дверной проём; спина никогда не бывает экспонированной; никого не допускает себе за спину; не желает находиться в местах скопления людей (Почему?)

Предрасположенность: эйдетическая память

Все симптомы сходятся. Типичный случай. У Айдена Хейла посттравматическое стрессовое расстройство (далее по тексту: ПТСР). Судя по всему, в тяжелой форме. Какой бы ужас он не пережил во время боевых действий, это никогда его не отпускало.

Что же заставило его пойти по военному пути? Я не знала. Чем бы это ни было, он вернулся живым, но травмированным. Но та дисциплина, что он познал, в сочетании с его природным интеллектом, позволили ему подняться на самый верх.

И какой ценой? Одиночество. Самоизоляция. Может именно поэтому он не может позволить себе никаких отношений со мной.

Я услышала три отчётливых неторопливых стука в дверь. В них отсутствовала женственность Реаган или дружелюбие Хавьера. Я посмотрела в дверной глазок. Новая жизненная энергия обожгла мои вены. Я открыла дверь.

Айден рукой оперился о дверной косяк. Его взгляд был опущен вниз на мои ступни. Затем его глаза начали своё странствие вверх по мне, дюйм за дюймом, до тех пор, пока не встретились с моими глазами. Его глаза горели синим пламенем.

— У тебя есть все основания захлопнуть эту дверь перед моим носом. Но не побудешь ли ты чудом, каковым я тебя считаю, и не позволишь ли ты мне войти?

Глава 31

Правда

Я отступила к стене фойе и кивком пригласила Айдена войти. Он вошёл внутрь и остановился передо мной. Его лицо было мертвенно-бледным, исключением был свет, пылающий в его глазах.

— Спасибо, — сказал он.

— Было бы за что.

Я закрыла дверь и повела его в нашу гостиную комнату. Он последовал за мной, его тихие шаги были тягостными. Он нырнул под носящий название "миллион-долларов" плакат Реаган, прошёл мимо софы и затем остановился в самом центре комнаты, за пуфиком.

— Присесть не хочешь? — спросила я. — Или что-нибудь выпить?

Он покачал в отрицании головой и начал расхаживать по комнате. Налево, направо. Налево, направо. С каждым шагом, он то входил, то выходил из луча солнца, льющегося через окно. Не зная как поступить, я присела на подлокотник софы, прислушиваясь к шороху его костюма.

Он схватился за свой лоб так, словно хотел распороть его. Я попыталась придумать, что ему сказать, но интуитивно понимала, что не должна этого делать. Он был на самом краю пропасти, и либо он прыгнет туда по своей собственной воле, либо нет. Он перестал мерить шагами комнату и пригвоздил меня своим взглядом.

— В тот самый миг, когда ты уснула в моих руках в нашу первую ночь, я решил, что попытаюсь быть тебя достойным. И даже если не заслуживать тебя, то, как минимум, постараюсь быть достойным мысли о тебе, — слова потоком хлынули из его уст.

— Я касался твоих волос, твоего лица. Ты улыбалась, но затем в ужасе начала стонать "шесть-ноль-два, шесть-ноль-два". У меня не было никакого представления, что это могло бы значить, но я понимал, что ты была в беде, как и понимал, что не важно, что это было, я попытаюсь тебя спасти. Спасти от всего, особенно от самого себя, — он стиснул зубы, и, пробежавшись рукой по волосам, обхватил ею себя сзади за шею.

— Ты заслуживаешь лучшего, Элиза. Кого-то кто излечит тебя, а не потянет за собой вниз в пропасть. Кого-то нежного, а не яростного. Лучшее для тебя — это отпустить тебя.

— Но я эгоистичен. Я продолжал говорить себе "ещё один день, всего лишь один день. Я буду излишне аккуратен, всегда буду настороже, никогда не повернусь спиной". Проблемой стало то, что я не принял во внимание твоё влияние. Весь мой уклад, все мои правила, всё испаряется, когда ты рядом, — он прожестикуюлировал пальцами в воздухе. — Хватило просто подержать тебя в своих руках несколько минут, и я исчез... Вот так просто, элементарная ошибка, и это могло бы быть смертельно, — на последнем слове тон его голоса внезапно повысился, заставив меня подпрыгнуть.

— Смертельно? — ахнула я. — Почему? Какая ошибка?

Его руки сжались в кулаки.

— Я уснул, Элиза... Ты и понятия не имеешь, как близка была к тому, чтобы пострадать.

Он резко втянул воздух и отвёл взгляд в сторону. Его глаза сосредоточились на окне. Его стан содрогнулся, будто он увидел нечто ужасное в своих мыслях.

Но я расслабилась, когда, наконец, поняла.

— Ты подразумеваешь свой ночной кошмар? Айден, со мной всё было хорошо. Со мной ничего не случилось.

Тотчас его челюсть сжалась.

— Да. По невероятной, чистой случайности, — его голос был грубым, гневным. — Если бы ты прикоснулась к моей спине, вместо моего лица, или обняла бы меня руками, я бы напал на тебя, и неизвестно, чтобы сделал с тобой, пока не стало бы слишком поздно, — его глаза, не моргая, зацепились взглядом за исцарапанный деревянный пол.

Озноб просачивался сквозь мою кожу, пробирая до самых костей. Это был порыв страха, если быть честной. Да, ПТСР несёт с собой ночные кошмары и ретроспективы, но это звучало иначе.

— Почему ты напал бы на меня? — я постаралась придать силу своему голосу, но он всё равно прозвучал приглушенно.

На необозримое мгновение он поднял на меня взгляд. Извечно присутствующие тектонические плиты в его глазах замедлили свой ход, пока вовсе не замерли на месте.

— У меня рефлекс Моро⁴⁹, Элиза. Никто не может подкрадываться ко мне сзади или прикасаться к моей спине, неважно, сплю я или бодрствую... Если кто-то делает это, я разорву его в клочья или переломаю все кости, как я и поступил со своей собственной матерью, после моего возвращения из Ирака... И всё потому, что в одну из ночей она попыталась разбудить меня из-за ночного кошмара. Точно так же, как сделала это ты, — его голос упал до шёпота, и он снова перевёл глаза на окно, устремив свой взгляд вдаль за оконное стекло.

Его глаза блестели жидкой пеленой. Его правая рука сжалась до белого каления, а его мышечный стержень завибрировал под подогнанным специально под него пиджаком. Точно так же, как это происходило с ним во время его ночного кошмара.

От увиденного, моё опасение было задвинуто в самый дальний угол сознания, тем самым освободив место для чего-то иного: для него. Что там насчёт того, что исцеление страданий других освобождает нас от своей собственной боли? Это должно быть было на клеточном уровне, у нас в крови, потому как прямо сейчас, видя его мучения, единственное, что имело для меня значение так это свести их на нет.

Я поднялась, чтобы подойти к нему, но он отступил назад, и теперь едва ли не вжимался в стену. Он выпрямился, находясь в состоянии повышенной боевой готовности.

— Не надо! — сказал он.

Я села обратно на софу, дабы дать ему пространство, в котором он так нуждался.

— Но с твоей же мамой сейчас всё хорошо? — тихо поинтересовалась я, даже, несмотря на понимание, что она должна бы чувствовать себя хорошо, раз уехала в Таиланд. Но, может быть, если он начнёт думать о чём-то хорошем, это поможет ему.

Он нахмурился.

— Нет, и всё благодаря мне. Если бы мой папа не оказался там, чтобы спасти её, она была бы разорвана на части, — он тягостно закрыл глаза.

Дрожь пробирала его снова и снова под его пиджаком, словно корпус боевого коня сдерживали в непосредственной близости к удилам. Мой желудок сжимало синхронно с его содроганием. Я воспроизвела в памяти время, проведённое с ним, посмотрев на всё это через новую призму, которая теперь объясняла абсолютно всё. Всё, кроме того, как это началось. Что с ним произошло? Смогу ли я когда-либо спросить его об этом, не заставив его вновь

пережить это?

У меня возник стремительный порыв обнять его, но его защитное поле было практически осязаемо.

— Когда ты вернулся с войны? — спросила я, надеясь, что это не инициирует никакой из его ужасов.

— 31 мая 2003 года, в 8:24 вечера.

— Так давно, — прошептала я. Прошла целая эпоха: — И ты предполагаешь, раз уж такое случилось тогда, то это случится снова, но уже со мной?

— Я не *предполагаю*, я знаю, — его голос был непоколебимым. — Помнишь, что я сказал тебе о своей памяти, Элиза?

Я попыталась добраться до сути нашего диалога в поисках того, что могло бы мне это объяснить. Затем озноб снова пробрал меня до глубины души, и я задрожала.

— Если однажды ты что-то переживаешь, то всегда возрождаешь это в своей памяти с предельной ясностью? — прошептала я.

Он кивнул.

— Как только эта ретроспектива становится своего рода спусковым крючком, независимо бодрствую я или в состоянии сна, я буду действовать именно так, как поступал тогда, чувствовать именно то, что чувствовал в тот момент, и последствия будут точно такими же, — он говорил медленно, как будто читал приговор.

— Всегда?

— Всегда.

Это слово повисло между нами, оно не имело ничего общего с обещанием, которое имеет силу для других пар. Безрассудно, в своём сознании, я представила образ другой девушки, находящейся в совсем другой части земного шара в эту самую секунду, тёплую, а не холодную, с другим мужчиной, лучезарно улыбающимся, а не мертвенно-бледным, их тела сплелись на тесной софе, они нашёптывали друг другу "всегда".

— Я не могу контролировать это, Элиза, — образ пары тут же испарился. — *Особенно с тобой.*

Я взглянула на него. Внимательным взглядом он прослеживал линию моей челюсти, моего горла. Ещё одна волна озноба накрыла меня, на этот раз в волнении за себя.

— Почему со мной? Что заставляет меня быть в большей опасности?

Впервые, за всё время, он улыбнулся. Это была печальная улыбка, за которой мы иногда прячем слёзы.

— С тобой всё сложно.

— В чём сложность?

— То обстоятельство, что когда я вначале смотрю на тебя, я ощущаю умиротворение. Мне очень *сложно* сохранять свой контроль и бдительность, когда ты рядом. Я не испытывал такого чувства никогда ранее ни с одним человеком.

Я была всего лишь женщиной, поэтому, несмотря на озноб, я не смогла сдержаться и задала вопрос:

— Почему не испытывал?

Его улыбка стала искренней, с намёком на ямочку.

— Как же объяснить это?

Он окинул взглядом гостиную комнату. Его глаза натолкнулись на висящую на стене фотографию: Реаган с Хавьером окружили меня с двух сторон, когда я задувала одну

единственную свечу на пироге в честь моего первого юбилейного года в Штатах. Он перевёл взгляд обратно на меня.

— Понимаешь, когда мы встречаем людей, это всегда происходит в определённые ситуации. Где они были, что они говорили, делали, чувствовали. Мы все испытываем первые впечатления, но для меня эти впечатления являются неизменными. Какую бы реакцию они не вызвали у меня в тот момент, это будет именно та реакция, которую я вновь испытаю, когда увижу их в следующий раз. Мои отношения к этим людям могут меняться, но, то первоначальное восприятие всегда будет моей первой ответной реакцией.

— К примеру, твоя соседка и твой партнер по танго. Впервые я увидел их, когда находился на верхнем этаже ресторана "Андина". Они позволяли тебе напиваться и потенциально подвергали тебя опасности. И он танцевал с тобой, твои ноги заплетались, но ты выглядела такой... такой потерянной, печальной. Я наблюдал за твоим танцем. Ты двигалась словно вода. Такая красивая, но ты ни разу не улыбнулась. Затем ты накинулась на свои напитки, как морпех перед дислокацией, и никто из них тебя не остановил. Ну, такого умалишённого как я, сама мысль о тебе расстроенной, или в подавленном состоянии, или напившейся, или попавшей в автомобильную аварию с мужчиной, у которого, как выяснилось, нет даже страховки — заставила меня познать вкус крови. Поэтому каждый раз, когда я увижу мистера Солиса или мисс Старр, они будут бесить меня. Со временем они могут начать мне нравиться, я могу начать их уважать, быть им благодарным за проявленную ими к тебе любовь —, — он указал на фотографию, — но всё рано, при первом взгляде, та первоначально испытанная ярость будет проявляться, пока я не возьму её под контроль.

Я утратила способность говорить. Даже будучи здесь, обсуждая мою собственную безопасность, сама мысль о его глазах, прикованных ко мне, пока я танцевала, и его волнении обо мне, начала возрождать меня.

— Но с тобой, всё иначе, — его голос стал практически ласкать меня. — В тот самый первый раз, когда я увидел тебя, ты была на картинах, лишь маленькая, девственная часть тебя была обнажена, — он сложил свои ладони так, словно держал в руках мыльный пузырь. — Свет, падающий на твои плечи, то, как ты выглядела, словно дышала, нежный изгиб твоей шеи... всё это было умиротворяющим. Я почувствовал... необыкновенное спокойствие... А спокойствие это нечто, чего я жаждал мучительно долго. Это была мгновенная зависимость. Я просто стоял там, смотрел..., — тектонические плиты слегка сместились, и бирюзовые глубины его глаз озарились и успокоились. А затем они начали истлевать: — Но картины были также и чувственными, поэтому спокойствие трансформировалось в вожделение. В сводящую с ума страсть... Это был прекрасный шторм. Две вещи, которые сильнее всего лишают кого-либо контроля.

Вселяло страх, что эти слова согрели меня, в то время когда я должна была оставаться сосредоточенной на нависшей надо мной неминуемой угрозе получить раздробление костей, но всё же они согревали. Дюйм за дюймом страх покидал моё тело.

— И что теперь? — поинтересовалась я, и тут же пожалела об этом.

Улыбка исчезла.

— И теперь, каждый раз, когда я вижу тебя, я теряю бдительность. Я становлюсь менее настороженным, и поэтому, представляю ещё большую опасность, — его голос снова стал резким. А его глаза — я никогда не видела их такими тёмными.

Впервые за всё время разговора, он шагнул навстречу ко мне. Я встала с софы, чтобы подойти к нему, но он жестом руки остановил меня.

— Всё сводится к этому, Элиза. Я не могу допустить вероятность причинить тебе вред, но также я и не могу отказаться от своего собственного уклада, так как без этого, я стану монстром.

Он вздрогнул, но мне казалось, будто он только что вспорол мою грудную клетку. Тепло его слов испарилось, когда я поняла, что он не вернулся ко мне; он пришёл сказать "прощай". Пустота, которую я ощущала, когда думала об автомобильной аварии, теперь выступила на поверхность, словно ещё один несчастный случай замелькал на горизонте.

Он быстро сократил дистанцию между нами, его руки метнулись вперёд, будто он пытался предотвратить падение.

— Элиза, чёрт! Ты в порядке? Нет — конечно же, ты не в порядке! Как ты можешь быть в порядке, учитывая всё то, что я тебе рассказал? Присядь, пожалуйста, — его глаза были широко распахнуты. Его рука нависла над моим плечом, словно он не желал прикасаться ко мне.

— Со мной всё хорошо. Я просто задумалась, — сказала я, подмигнув ему.

Почему он так перепугался? Не то чтобы я рухнула на пол. Я, по-прежнему, сидела на софе, чтобы успокоить его.

— Может принести тебе воды? Или еды? Сделать паузу?

— Нет, я в порядке, Айден, — мой тон был резким, невзирая на мои намерения. Я смягчила его, когда увидела глубокую V-образную складку меж его бровей: — Мне просто необходимо понять тебя. Зачем было приходить сюда, если ты просто хотел сказать мне держаться от тебя подальше?

Его черты лица ожесточились, челюсть снова сжалась.

— Так ты сможешь двигаться дальше без каких-либо сожалений, — его голос был острым.

Он хмуро посмотрел на меня. А затем что-то справа от меня привлекло его внимание. Я проследила за его взглядом и застыла. *Ох, проклятье, моя книга по клинической психологии! Мой ПТСР список!*

Я наблюдала, словно в замедленной съёмке, как он подошёл к столу и своими длинными пальцами взял листок. По мере того как он читал список, в его глазах сменялись эмоции: сначала было смущение, затем появился ужас, который перерос в гнев, а гнев сменился облегчением, перед тем как тектонические плиты не заняли свою нейтральную, контролируемую позицию. В воцарившейся тишине я могла расслышать только своё, стучащее в ушах, сердце. Он поднял книгу и пробежался по тексту глазами несколько секунд. В конечном счёте, он поднял на меня взгляд.

— Как давно ты знаешь о моём дефекте? — его голос был ровным, но я не могла понять, закончился ли шторм или ещё только надвигался.

Дефект? Это не дефект, это заболевание.

— Я всего лишь сложила все частички воедино, прямо перед твоим приходом. После того, как я услышала, что ты воевал, — мой голос был робким.

Он кивнул, и замедленными, осторожными движениями, положил листок обратно, на ту же самую страницу, и поместил его в книгу точно так, как лист и лежал, когда он его там обнаружил. Затем он сел на самый край пуфика, стоявшего передо мной.

— И ты сидела здесь, с этими знаниями, всерьёз намереваясь быть со мной? — произнес он тихим монотонным голосом.

Я кивнула и сглотнула.

Его челюсть вновь сжалась.

— Элиза, то, что ты прочитала в этой книге и все эти симптомы — это всё правда. Но одно дело прочитать об этом, и совсем другое — с этим жить. И я не могу позволить, ни при каких обстоятельствах, чтобы твоя жизнь была этим испорчена. Ты должна усвоить это, поэтому вслушайся очень внимательно в каждое моё слово, — он замолчал, ожидая пока я переведу свой взгляд на его рот, где претворяются в жизнь его слова.

У меня было странное импульсивное желание прикрыть глаза и уши, так как я прекрасно понимала, что слова ничего не изменят. Я всё ещё буду желать его, и буду пытаться его спасти. Подобно тому, как он пытается спасти меня.

— Посмотри на меня, — попросил он.

— Смотрю.

— Нет, посмотри на меня, а не на то, что ты видишь в своей голове. Откинь в сторону все обязательства, которые ты испытываешь по отношению ко мне, откинь то, что мы пережили, и послушай как учёный. Впереди тебя ждёт твоя собственная, целая жизнь. Ты молода, умна, красивая, преданная — несмотря на всё это, тебе со многим уже пришлось столкнуться на своём жизненном пути. Я надеюсь, твоё желание иммигрировать осуществится, и ты сможешь, наконец, начать жить, не оглядываясь на своё прошлое. *Я же этого сделать не смогу.* Отнюдь не важно, тридцать пять мне или девяносто пять, *это* моя действительность: из меня готовили убийцу, неуловимого и опасного. И ты — должна — держаться — от — меня — подальше.

Каждое акцентированное им слово ощущалось внезапной острой болью в моей груди. Болью не за себя, а за него. Потому как под всей этой заботой обо мне, скрывалась большая правда: его неспособность видеть нечто хорошее в себе, его вера в то, что он неисправная машина. Странно, что после всего, что он мне рассказал, потребовался именно этот момент, чтобы понять всю чудовищность его борьбы. И не важно, чего мне это может стоить, теперь я хотела только одного — успокоить его. Я встала, моё решение было принято.

Он нахмурился, но тоже встал. Я смотрела ему в лицо, чувствуя себя так, будто прорывалась сквозь цепи. С тех пор, как я впервые увидела его, я пыталась бороться с ним, дабы самой не пострадать. Насколько же незначительным это стало теперь, когда я на самом деле увидела его боль!

Обеими руками я обхватила его ладонь. Она была холодной, как лёд.

— В тебе также есть и доброта, и ты должен увидеть это. Я восхищаюсь тобой.

— Это потому что ты не знаешь меня, — он прозвучал непреклонно.

— Я знаю больше, чем тебе кажется. Я знаю, что это, — ответила я, кладя руку на его грудь. Его сердце прорывалось через грудную клетку сильным рваным ритмом. Также как и моё: — Я знакома с тёмными кругами под твоими глазами, — я провела по ним пальцем. — Я знакома с беззвучным смехом, — я ласково погладила его губы. — Я знаю, что всего за неделю, ты спас все мои мечты.

— Сексом и деньгами, — дополнил он с неприязнью.

— Нет. Своей человечностью, — я взяла его правую руку и положила её поверх его неистово колотящегося сердца.

— Послушай, — сказала я ему.

Дерзкий мальчишка в его глазах исчез, а мужчина успокоился, пока прислушивался к собственному сердцебиению.

— А теперь послушай здесь.

Я взяла его другую руку и положила её поверх своей груди. Его прикосновение послало дрожь вдоль моего позвоночника, но я не сдвинулась с места.

Пульсации наших сердец любовно возросли под нашими ладонями, и затем мы задышали в гармонии друг с другом. В этот чувствительный момент, я привстала на носочки, в стремлении дотянуться до его губ, и поцеловала его.

Его плечи расслабились под моим прикосновением, и теперь я понимала почему. Его губы начали двигаться в унисон с моими. Легко и нерешительно, словно спрашивали о разрешении. Я ответила в меру своих сил. А затем его поцелуй изменился. Его руки коснулись моего лица. Я прильнула ближе к нему, зарыв пальцы в его волосах. Он откликнулся настолько неистово, что мы, заплетаясь друг в друга, пересекли комнату, пока я спиной не упёрлась в стену. Его бедра пригвоздили меня к стене. Земля ушла из-под моих ног, когда его поцелуй буквально сразил меня наповал.

Я прикусила его губу, будто вкуса его рта для меня было недостаточно. Он приподнял меня, и я обхватила его талию ногами. Его эрекция нашла своё место и прижалась ко мне.

— Ты не собираешься ничего упрощать, не так ли? — поинтересовался он, его дыхание было порывистым. Его глаза обжигали.

Я покачала головой.

— Перемирие, — сказал он и жадно впился в мои губы.

Глава 32

Парень, Мужчина, Бог

Я изогнула бедра, притягивая его ближе. Он простонал. Моё платье собралось на бёдрах, и тонкого слоя трусиков было не достаточно, чтобы сдержать его. Он начал тереться об меня и медленно покачивать бёдрами. Он поднёс свои губы к моему уху. Из них полились слова. Иные слова. Не жестокие, не грязные. Любовные. Между каждым нашёптанным словом, он пощипывал, целовал, покусывал и ласкал.

— Я скучал по тебе... Я скучал по твоему запаху... по твоим стонам. Ответь, малышка... Я так люблю, как ты произносишь моё имя. Никогда больше не называй меня "мистер Хейл". Я ненавижу это... Да, вот так... Это звучит так приятно, когда ты произносишь это... Я так люблю, как ты выглядишь, когда вот-вот кончишь. Открой глаза. Посмотри на меня... Чего ты хочешь? Скажи мне... Нет, не сейчас. Это для тебя. Только для тебя... Знаю, знаю... Шшш. Я сам.

Он ускорил свой темп, потирая мои трусики. Пульсация внутри меня увеличивалась с каждым его касанием до тех пор, пока напряжение в моём теле не стало невыносимым. Каждая мышца во мне изогнулась и резко сжалась. Неистовые конвульсии заставили дрожать мои внутренности, и я воспарила от наслаждения.

Когда я спустилась на землю, я смогла описать это лишь единственным словом — *необыкновенно*. Он выглядел ликующим, как и всегда, но его челюсть была сжата и его пальцы впивались в мои ягодицы. Вид у него был одновременно и хищным, и загнанным. Тогда-то я и поняла, что он не позволил себе кончить. Всё это было только для меня.

— Где твоя комната? — поинтересовался он, поцелуями прослеживая линию моей

челюсти.

У меня не было сил говорить, поэтому я указала на дверь позади него, прямо через гостиную комнату. Широкими шагами он направился туда, удерживая руками меня, обвившуюся вокруг него, вместо слов его язык теперь говорил поглаживающими штрихами. Моё тело, уже и так чересчур чувствительное, снова наполнилось энергией.

Войдя в мою комнату, он прислонил меня к закрытой двери и опустил на пол. Когда мои ноги коснулись пола, он отступил назад. Его взгляд был прикован исключительно ко мне. Он снял всю свою одежду, за исключением брюк. Я пристально смотрела на него, вновь "яблоко-и-Ева". Одним шагом он сократил дистанцию между нами и склонил свой рот к моему уху:

— С каждым часом ты становишься всё красивее. Даже моя память не может воздать тебе должное.

Его руки странствовали по моему телу и стелились вверх, вдоль моего позвоночника. Он нашёл молнию и медленно потянул её вниз. Ноготь его большого пальца скользил вдоль изгиба моего позвоночника, пока платье расстёгивалось. Он ласкал мою спину и спустил платье с плеч. Когда обнажилась моя кожа, он оставил на ней поцелуй. Его губы были горячими, его дыхание опаляло.

Одним движением мои бюстгалтер и трусики были сняты. Большим пальцем он провёл по моим губам и, так же, как это было, когда он сделал это впервые, у меня возникла потребность вкусить его. Я приоткрыла губы, и он ввёл свой палец в мой рот. Его вкус был ни с чем несравнимым, и, тем не менее, он ощущался абсолютно всем. Он проделал то же самое со своими указательным и средним пальцами, а затем и с пальцами другой руки. Это действие было настолько эротичным, что гул в моём теле становился осязаемым.

Будучи теперь влажными, его руки обхватили мою грудь. Поначалу он был нежным, затем стал грубоватым, и, наконец, я почувствовала восхитительный щипок, который для меня был уже прекрасно знакомым. Я прислонилась к двери, когда мой вес стал для меня чересчур тяжёлым. Его рот сомкнулся над моим соском. Медленные штрихи его языка сменились на укусы, а затем вновь переросли в изумительные узоры. Он двигался так, словно моё тело было не концом, а было лишь началом.

Понимая, что достигну своих собственных вершин очень скоро, я запустила пальцы в его волосы и сжала их в кулаки от страха, что запросто могу упасть. Мои бёдра изогнулись в момент, когда он скользнул своими пальцами внутрь меня. Его большой палец выписывал круги, жёстко надавливая и доводя до края мой клитор. Это было молниеносно. Усиление его слов, его пальцы и отголоски пережитого первого оргазма достигли вновь кульминации, и я задрожала. Он не остановился. Его рот присоединился к пальцам. Круг за кругом. Легкие удары, полизывания, дуновения, поглаживания. Внутри меня. Из меня. Снова и снова. Я потерялась в своём собственном теле. Казалось, будто моё сердце опустилось в местечко между ног, а лёгкие поднялись до моего рта. Я могла кричать, могла плакать. Я была единым органом. Два. Три. Всё моё. Я не понимала, где находилась. Моя последняя мысль была о том, что он всё ещё не позволил себе освобождение. И затем я пропала.

Когда я восстановилась, я была удивлена, обнаружив, что всё ещё нахожусь в вертикальном положении. Отчасти. Каким-то образом, обе мои ноги оказались на его плечах, и он одаривал поцелуями внутреннюю сторону моего бедра. Моя кожа трепетала под его поцелуями. Он улыбнулся, высвободив себя из моей хватки и поставив меня на пол. Он поднялся с плавной грацией, и казался вовсе не обеспокоенным тем фактом, что на всём

протяжении — как же долго мы занимались этим? — он поддерживал весь мой вес своими руками и плечами. Я с вождением осмотрела его мускулы, которые слегка подёргивались, несомненно, причина крылась в волнении в его штанах, которое увеличилось до необыкновенных пропорций.

Он посмотрел на меня и весь юмор в его глазах испарился. Одна из его рук обхватила моё лицо, а другая, медленно поднимаясь вверх, проложила путь до моей талии и заставила меня изогнуть спину, прижимая меня к его телу до тех пор, пока мой живот не встретился с его членом.

— Думаешь, выдержишь это? — его голос был хриплым.

Его желание было настолько примитивным, настолько роковым, что оно ощущалось подобно третьему естеству, витающему вокруг нас. Какая девушка может ответить "нет" на такую постановку вопроса? Я кивнула, я была слепа и глуха по отношению ко всему остальному, кроме него. Он поцеловал меня, медленно ведя нас к моей кровати.

Он снял свои брюки и боксеры, воплощаясь в жизнь. От увиденного мой инстинкт поглотил меня. Моё тело — насытившееся уже дважды — неожиданно вновь пробудилось, становясь ещё больше настроенным на его потребности, нежели на свои собственные. Оно знало своего властителя. Больше, чем его пальцы, больше, чем его рот, больше, чем его язык, господствующим королём был его член. Он повернул фотографию моих родителей в сторону от кровати. Я рассмеялась.

— Хорошая мысль.

Его довольный смех сопровождался восхитительным звуком.

— Мне бы не хотелось сегодня получить удар молнией. Я едва пережил последние сорок восемь часов.

Он расположил подушку у изголовья кровати и опёрся об неё. Затем его пристальный взгляд остановился на мне, и он поманил меня указательным пальцем. *Иди сюда.* Как только я приблизилась к нему, он раскатал презерватив по своей длине, и опустил меня на свои колени так, что я села верхом на него. настолько близко, что мои соски задевали его грудь. Его руки обхватили мои бёдра, и он очень медленно направил себя внутрь меня.

Он прикрыл глаза, и с каждым покорённым им дюймом его челюсть сжималась всё сильнее. Я простонала, когда он погрузил себя в меня гораздо глубже, чем когда-либо. Его дыхание было тяжёлым. В конечном итоге, его челюсть расслабилась, и он открыл глаза. Сапфировые глубины горели ярким пламенем. Он схватил меня за руки и обвил ими свою шею.

— Ты любишь обнимать меня, — его голос был хриплым.

— Да.

— Тогда обнимай.

Я почувствовала твердь его плеч под своими ладонями, и медленно потянулась к нему, чтобы поцеловать его шрам. Нежно подув на него, я оставила на шраме мимолётный поцелуй. Он вздохнул, поэтому я отстранилась от него, но его руки теснее сжались вокруг меня.

— Он не причиняет боли. Это всего-навсего подарок от винтовки.

Я задрожала, несмотря на его тепло, окружавшее меня, но он прижал меня сильнее. Я не знала было ли это для меня или для него, но я обняла его в ответ. Его рот впился в мои губы с ещё большей настойчивостью. Я чувствовала его в себе, твёрдого, массивного, весомого. Он простонал и медленно вышел, а затем вновь ворвался внутрь. Ещё один раз. Дважды. Я

воспламенилась. Я попыталась ускорить ритм, но он сдерживал мои бёдра. Вместо своего наказывающего ритма, он начал кружить и скользить во мне, словно в танце. Некоторые толчки были медленными и глубокими. Другие же были быстрыми и неглубокими. Я держалась за его шею, мои глаза всматривались в его глаза, когда моё тело покрылось мелкой дрожью.

Сразу же его ритм ускорился. Он покачивал своими бёдрами, а мои бёдра в ответ буквально обезумели. Они толкались навстречу его бёдрами и прорвались через сдерживающие их свободу руки. Наконец освободившись, я встречала каждый его толчок и установила свой собственный темп. Круговые движение, вибрирующие колебания, вперед, назад.

— Мне нравится наблюдать, как ты танцуешь, Элиза, — прошептал он, его пальцы вонзились в мои бёдра.

Он встречал меня, но позволил мне вести. Мои ноги начали дрожать, а моё зрение затуманилось. Его имя сорвалось с моих губ. Лишь его имя было мне дорого. *Айден, Айден. Айден.*

От звука своего имени, он захватил власть.

Каждый толчок был жёстче предыдущего. Я слышала свои собственные выкрики, умоляющие его, о чём, правда, я не знала. Но он знал, так как на каждое произнесенное "*пожалуйста*", на каждое "*Айден*", на каждое "*Боже*", на каждое "*нет*", на каждое "*да*", он отвечал различными ласками, различными воздействиями. Я ощутила его руки между моих ног. Его большой палец нежно кружил по мне. Затем он решительно придавил палец к моему клитору и толкнулся в меня ещё раз, настолько жёстко, что его собственные бёдра оторвались от кровати. Я кончила с криком, который, казалось, разорвал мои лёгкие в ключья. Неудержимые импульсы, запертые внутри моего тела, с шумом разбивались о его границы. Я сдалась, и последнее что запомнила, так это руки Айдена, прижимающие меня к груди, его мощнейшее освобождение и звук кровати, царапающей пол.

Глава 33

И Встретились Дракон с Кошкой

После моей двухчасовой комы от пережитого секса — во время которой Айден, видимо, перечитал все мои книги и переключился на книги Реаган — накинув на себя свой лиловый халат, я неторопливо пошла на кухню. Айден последовал за мной, на нём ничего не было надето, кроме брюк. Мои глаза отказывались покидать его даже на секунду, поэтому я пятилась задом наперёд, также как и тогда в "*Пауэлсе*", теперь я полностью осознавала его проблему с физическим пространством, и почему он настаивал на аренде таких вещей, как городские кварталы.

Он обхватил руками мою талию, наклонившись для поцелуя. Его губы были нежными, конечно же, теперь он беспокоился, что укусил их достаточно сильно. Окружающий меня мир снова начал скрываться из виду, но затем я вдруг вспомнила.

— Ты действительно никогда никого не целовал в губы? — поинтересовалась я, удерживая свои губы на его губах.

Он продолжил целовать меня.

— Да, — ответил он между поцелуями, — только тебя.

Если бы он не прижимал меня к своему телу, я была бы первой из людей, кто бросил вызов гравитации и воспарил в небеса.

— Почему?

— Я рассказывал тебе... Мне, итак, уже приходится помнить вид... звук... запах... прикосновение. Я хотел, чтобы вкус моего собственного рта оставался исключительно моим.

— Но теперь он и мой тоже?

— Да — и твой тоже.

— Почему?

— Твой любимый вопрос.

— Да.

Он беспрестанно целовал меня, прямо посреди кухни. Слышались только звуки нашего поцелуя, который был то неистовым, то нежным, а ещё и звук его вздоха с нотами корицы каждый раз, когда он вкушал меня. Я упорно держалась за оставленный без ответа вопрос той единственной клеточкой мозга, что у меня осталась. Всё остальное во мне было поглощено им.

— Я хотел всего лишь... фантазию с тобой, — наконец ответил он. — И как можешь видеть, я оказался не способен остановиться.

— Тогда не останавливайся, — прошептала я ему в губы, потому как его ответ был до того предельно тихим.

Он остановился.

— Ах, Элиза, — выдохнул он, расцепил мои руки за своей шеей и опустил их, расположив по моим бокам.

Свет в его глазах потускнел. Он отступил и сел на стул у кухонного стола. Напряжение вернулось в его плечи.

— Пообедать не хочешь? — поинтересовалась я в попытке удержать его от разработки некой благородной махинации по оставлению меня в покое. — Ты, должно быть, проголодался после твоего, умм, десятиборья.

Он улыбнулся, но улыбка была без ямочки.

— Да, спасибо. Мне надо перегруппироваться.

Его взгляд стал волевым. О, нет! Он же назвал это *"перемирьем"*. Мой желудок в очередной раз начало скручивать. Я направилась к холодильнику с целью найти самую убаюкивающую еду, какая там могла бы быть.

— Сэндвич с индейкой и суп? — выкрикнула я поверх плеча.

Триптофана в индейке явно недостаточно, чтобы действительно спровоцировать сонливость — вопреки общепринятому убеждению — но в сочетании с другим протеином, большим количеством еды и моим успокаивающим эффектом, это может сработать.

— Конечно, — рассеянно ответил он.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него. Он внимательно за мной наблюдал. В его глазах маячило обдумывание — подобно тому, как шахматист смотрит на доску, продумывая несколько ходов вперёд. Я вытащила из холодильника индейку, овощи и куриный бульон, и начала быстро шинковать овощи, встав около раковины, расположенной у окна.

Я выглянула в окно, удивившись, что мир всё ещё прежний. Калико нежился на своём местечке, каждые несколько минут слегка помахивая хвостом. Цветущая вишня задевала

оконное стекло. Бутоны розового рододендрона гудели пчёлами. Так много жизни во всём, чтобы этому сегодня пришёл конец. Я зацепилась взглядом за отражение Айдена в окне.

Он откинулся на спинку стула, его затылок и плечи опирались на стену. Его глаза были закрыты. Плохой знак.

— Так значит, ты не собираешься в путешествие со своими друзьями? — спросила я.

Он открыл глаза. Они блуждали по моим голым ступням, ногам, моим ягодицам — на них они ненадолго задержались — по моей спине, волосам, и, наконец, встретились с моим взглядом в окне. Он улыбнулся, когда обнаружил мою уловку. Он волнообразно поднялся со стула и медленно подошел ко мне.

— Нет, — ответил он. — Чтоб ты знала, я провёл последние две ночи на улице у твоих апартаментов, споря с самим собой. Я почти уступил и сломался вчера утром, но затем я увидел тебя с мистером Солисом.

Он подхватил томат и мой нож, и начал нарезать овощ ломтиками.

Я практически растаяла от его слов, но затем постигла его игру. Он хотел поговорить об этом, так он смог бы высказать мне все свои аргументы. Ужасная затея.

— Почему ты настойчиво продолжаешь Хавьера называть "мистер Солис"? — задала я вопрос, вынимая другой нож из ножевого блока.

— Потому что это его имя.

Он переключился на морковь. Крошил он её лучше, чем сам Эмерил⁵⁰. Видимо, однажды он увидел это по телевизору, лет так пятнадцать тому назад.

— Да, но это так формально. Он — семья. Понимаешь ли, как брат, — продолжила я, дабы это всё ещё волновало его.

Он улыбнулся и положил на столешницу нож.

— Я знаю. Но помнишь, что сказал Боб. Ты должна дистанцироваться от *Хавьера*, как минимум до тех пор, пока твоя грин-карта не будет готова.

— Боб сказал дистанцироваться от Фейна, а не Хавьера. Я не могу держаться поодаль от Солисов. У нас есть "ночи сальсы" и я присматриваю за детьми по ночам в те дни, когда Антонио проходит лечение. Я живу там практически столько же, сколько и здесь! — мой голос повысился в панике.

Челюсть Айдена изогнулась. Он взял мой нож, который был направлен на ничем неповинные грибы, и положил его на разделочную доску. Он ущипнул меня за подбородок.

— Я не хочу, чтобы что-то подвергло риску твой иммиграционный статус, Элиза. *Ничто*, — последнее слово прошипело сквозь его стиснутые зубы.

Я обхватила его лицо, играя со щетиной.

— И я не позволю этому. Я буду сторониться Фейна, но не Солисов. А что если моя виза не будет принята и на этот раз? — мой голос упал до шепота.

На мгновение он прикрыл глаза, выходя при этом так, будто собрался начать выстраивать баррикаду из аргументов против Хавьера, ICE или самого себя. Я перевела разговор на то, что всегда, как мне казалось, улучшало его настроение.

— И кстати, если я отдалюсь от Хавьера, что тогда произойдёт с написанием картины?

— Сейчас, когда я знаю, что это может навредить твоему будущему, написание может ждать хоть век, пока я обеспокоен.

Он поднял нож и управился со всеми остальными овощами.

Может быть, дело было в его быстрых движениях или в известии о том, что он отказывается от того, что свело нас вместе, но пустота вновь расширилась в моей груди.

— Но ты был так ревностно настроен на написание этой картины, — сказала я, мой голос был робким. — Ты сказал, что на картине я всегда буду принадлежать тебе.

Я вылила куриный бульон в кастрюлю, так как мои глаза горели от непролитых слёз.
Водород, 1.008 -

Он поднял моё лицо, заставляя меня посмотреть на него.

— И я, по-прежнему, придерживаюсь этого заявления. Эта картина — только там ты должна мне принадлежать.

Он пристально всматривался в меня, когда его слова окончательно истолковали его фантазию. Он желал не только вечности. Он хотел ещё и отдалённости.

Запаниковав, я начала искать пути удержать его рядом с собой немного дольше. Мне всегда придётся бежать вперегонки со временем в отношении его? Если не от ИСЕ, то от его прошлого?

— Солисы устраивают вечеринку в честь моего выпуска в следующее воскресенье. Не хотел бы ты быть моим спутником?

Он прислонился к столешнице и притянул меня в свои объятия, вздыхая. Прозвучало это не очень радужно.

— Мария приготовит карнитас. Никто не может устоять перед ним, — сказала я, кладя голову на его обнажённую грудь.

Его кожа была теплой, благоухающей сандалом и нами.

— Антонио расскажет тебе всё о том, насколько прекрасна Америка и, может быть, даже возведёт монумент в твою честь, узнав, что ты морпех, — лепетала я, поскольку он хранил молчание. — И мои маленькие сестрички прожужжат тебе все уши о *Перси Джексоне*⁵¹. Соглашайся, будет весело.

Я подняла на него взгляд. Так как я перечислила всё то, что составляет мою жизнь здесь, я хотела, чтобы он пошёл не только ради меня, но и ради себя. Для того чтобы он смог заняться чем-то веселым и нормальным ради разнообразия. Вышел из своего стеклянного дома и стал частью мира, за который он боролся.

Его взгляд был мягким, но всё остальное в его лице было ожесточённым, словно было выковано из стали. Он очень нежно отстранил меня.

— Нет, Элиза.

— Почему нет? Мы будем вести себя очень осторожно. Я всегда буду держать свою руку на твоей талии. Бенсон тоже пойдёт с нами. Я буду следить за тем, чтобы никто не подкрался к тебе, я обещаю.

— Нет.

— Но ты же ходил со мной пить кофе, и был на презентации, и на работе?

— Да, в некоторых ситуациях, я могу сохранять контроль — но не на вечеринке с детьми.

— А что насчёт моего выпуска? Там была целая толпа людей.

— Я стоял по другую сторону лужайки, прислонившись к дереву. Бенсон находился "в свите".

— Но —

— Никаких "но", никаких "если", никаких "и", Элиза. Именно поэтому я прекращаю это.

Воздух стал неподвижным. Как же быстро прошлое может ошеломить будущее! Всего одно мгновение, один взгляд, одно слово, и мы вновь стали не более чем те, кем мы были в нашем самом худшем положении. Я попыталась дышать, когда наши с ним прошлые жизни

столкнулись. Потому что даже если на этот раз это были его демоны, и, несмотря на то, что я расслабилась, я всё ещё была той девочкой в той самой больничной рубашке четыре года назад, подобно лунатику идущей в морг.

— Элиза, детка, посмотри на меня.

Он обвил руками мою талию и подвёл меня к кухонному столу, впоследствии усадив на свой стул. Он опустил передо мной на колени и обхватил руками мои запястья, сродни наручникам.

— Элиза, неужели ты не понимаешь? Если я продолжу это, я дам тебе грин-карту, но отниму у тебя жизнь, которую она тебе может дать. Всё то, над чем ты работала последние четыре года, всё то, что ты создала вот этими самыми маленькими ручками, — он поцеловал их и взглянул на меня, — ты потеряешь. Наши миры не могут сосуществовать. И помни, что я всегда чрезвычайно опасен, когда ты рядом, — его голос сделался твёрдым на последней фразе.

Возможно именно поэтому, мой разум заиклился именно на этом и игнорировал остальное. У меня перехватило дыхание, когда идея посетила меня.

— Но если я успокаиваю тебя, не должно ли это влияние притуплять и плохие воспоминания?

Он покачал головой.

— Нет. Ты успокаиваешь меня, да, но ты не можешь стереть воспоминания об изуродованных детях или об изломанном теле моей матери или м —, — он замолчал, будто произнесённая исключительно одна единственная буква была излишней. Тишина оглушала.

— Но даже травмирующие воспоминания могут переписать сами себя, не так ли? Нейронным проводящим путям всего лишь требуется новый стимульный материал, новые ассоциации —

Он прикрыл руками мне рот.

— На протяжении длительного периода времени, возможно, но не с моими воспоминаниями.

Моё сердце стало усиленно колотиться, когда я направила разговор с ним именно туда, куда и хотела.

— Так если мы проведём вместе много времени, может быть тогда я смогу помочь тебе?

Его лоб изрезало морщинами, а челюсть сжалась, когда он раскусил мой план. Его ноздри расширились.

— Нет! — произнёс он настолько резко, что я отпрянула назад к спинке стула.

Он выпустил мои запястья и поднялся с колен. Он закрыл глаза, сдавив пальцами перегородку носа. Казалось, будто он считал в уме. В итоге, он сделал глубокий вдох и посмотрел на меня. Сразу же его глаза осветились, и я поняла почему. Они осветились спокойствием.

— Мне очень жаль, — сказал он, его голос звучал мягче. — Я не хотел тебя напугать. Но нет, ты не можешь мне помочь. Даже если я позволил бы тебе провести время со мной, чего я не сделаю, ты ни за что не сможешь продержаться слишком долго, а даже если и сможешь, некоторые воспоминания я никогда не решусь стереть из своей памяти.

Воздух застрял в моих лёгких, когда, наконец, я осмыслила только что услышанное. Не потому, что он сказал, что я ни за что не продержусь — несомненно, это не имело никакого значения. А потому, что он взывает к этим ужасным трагическим событиям свою память. Он оберегает их.

— Почему нет? Если это поможет тебе?

Он покачал головой, стоя прямо, почти что вызывающе.

— Потому что я не хочу этого.

Его взгляд снова обратился к виду по ту сторону окна, точно также как он делал, когда рассказывал о своей матери.

Мои мысли охватил панический страх. Почему кто-то хочет держаться за такое мучение? Это ужасное наказание самого себя. Затем я вспомнила список симптомов, который я как раз просматривала. *Комплекс вины*. Но что он мог такого сделать, чтобы считать, что заслуживает этого? Как я вообще могу чем-либо интересоваться у него без вероятности катапультировать его в какой-нибудь ужас, который итак уже удерживает его, как заключенного? Совсем иная боль, в отличие от той, которую я ощущала ранее, терзала мои внутренности. Я испытывала боль за своих родителей, потому как оплакивала их. Но я испытывала боль за него, живущего, но всё же погребённого.

Я встала и неслышным шагом подошла к нему.

— Посмотри на меня, — попросила я.

Он встретился со мной взглядом. Лиловый с сапфировой синевой. Я не моргала, когда слой за слоем, темнота отступала, и моё спокойствие брало над ним вверх. Когда его глаза снова осветились яркой синевой, я повернула голову в сторону и заняла позу, точно такую же, какая была изображена на картине.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Что же мне с тобой делать?

Будь со мной, занимайся со мной любовью, пока мы оба не свалимся без сил, спрячь нас от всего мира, потому что с тобой всё это будет раем.

— Проведи некоторое время со мной, — я осмелилась произнести то, что, как я надеялась, напугает его меньше всего.

Он покачал головой, снова приготовившись к сражению.

— Совершенно исключено. Время приведёт к шансу, а шанс приведёт тебя к получению травмы или ещё хуже, смерти, — он буквально проорал последние слова.

— Я всё же хочу попытаться.

Видимо, я сошла с ума, но я лучше воспользуюсь шансом, нежели буду всего лишь портретом.

Он пробежался рукой по волосам, зубы были стиснуты, словно он пытался сдержать рёв.

— Всё потому — ты не понимаешь — на что это будет похоже, — говорил он медленно, как будто, не мог доверять самому себе, в том чтобы высвободить челюсть.

Я обхватила руками его лицо.

— Тогда покажи мне.

— Что?

— Покажи мне, каково это будет, и тогда мы оба будем точно осознавать, сможем ли мы справиться с этим.

Он отвёл мои руки с лица.

— Эксперимент с твоей жизнью? Ты совсем сдурела? С тобой что-то случилось за эти два последних дня, о чём я не знаю, или я вытрахал весь здравый смысл из твоей головы? — теперь он орал. Прямоком превращаясь в дракона. Его голос был настолько громким, что Калико запрыгнул на кухонное окно и прижался своими усами к стеклу, всматриваясь внутрь.

В то же самое время распахнулась дверь.

— Иза! — заорала Реаган.

Ох, проклятье! О, нет, она вернулась домой раньше! Она разозлится. Он разозлится. Может мне стоит спрятать его? Может мне стоит спрятать её? И где же мой успокаивающий эффект? Слишком поздно. Она завернула за угол.

Она оценила открывшуюся перед ней сцену, её зелёные глаза стали дикими. Они резко распахнулись при виде Айдена, и тут же сузились до тонких щёлочек. Создавалось впечатление, что её волосы достигли уровня сознания, рыжие локоны буквально поднялись дыбом от статики. Она бросила свой кошелек на пол. Её губы изогнулись в презрительной улыбке и низкий, шипящий звук вырвался из неё. Калико заскреб лапой в окно.

Я в ужасе обернулась, в надежде посмотреть на Айдена. Но его там не было. Зато был дракон. Высокий, крепкий, каждый обнажённый мускул зловеще изгибался, предвещая недоброе. Его зубы были стиснуты, глаза сверкали. Я открыла было рот, в попытке заговорить, но Реаган взорвалась:

— Какого *хрена* ты тут делаешь?

Подсознательно, я встала между ней и Айденем.

— Реаган, дорогая, послушай меня —

— Держись позади меня, Иза, — прорычала она и начала пробираться к нам.

Ох, полное дерьмо!

— Реаган, пожалуйста. Он здесь из-за меня. Просто —

— Какой, чёрт возьми, у тебя серьёзный дефект, Айден Хейл, а? — завизжала она. — Ты пришёл сюда позлорадствовать? Ты болен на свой член и нуждаешься в бесплатных услугах кастрации? Или ты жаждешь мучительной смерти?

— Реаган, прекращай! — выкрикнула я, но с таким же успехом я могла бы разговаривать с ICE.

Она сделала ещё один шаг к нему навстречу, сдувая волосы с лица. Я боялась посмотреть на Айдена, поэтому я подбежала к ней и взяла её за руку.

— Реаган, мы всё уладили. Давай просто —

Она оторвала взгляд от своей жертвы и сосредоточилась на мне. Она наклонилась так близко к моему лицу, что мы чуть ли не касались носами, обе косоглазили от такого близкого контакта. Затем она, наконец, увидела мой халат. Её глаза широко распахнулись, словно она вынюхала истинного предателя.

— Иза! — завопила она, смотря на меня так, будто я только что сбежала из психиатрической больницы. — Это же дракон! — она указала на Айдена, чтобы не было никаких сомнений, что она ведёт речь вовсе не о Калико. — Эта сволочь лишила тебя девственности, а потом он выставил тебя! — ещё до того, как я смогла выравнить дыхание, она снова переключилась на него.

— Это твоя такая "фишка", а? — она в воздухе пальцами нарисовала кавычки. — Я, Айден Хейл, я могу трахать кого захочу, — она попыталась сымитировать его голос. — Она видела достаточно боли, ты... ты... ты *бабник*.

О, Боже мой!

— Реаган, хватит! — заорала я, дёргая её за руку.

Я стрельнула глазами на дракона, устранившись, что он может поджарить её живьём или вылететь в окно. Но дракон исчез. Вернулся Айден, всё также высокий и сверхбдительный, но ярость притупилась в его глазах. В момент, когда наши взгляды

встретились, он улыбнулся. Кроткой, натянутой, успокаивающей улыбкой.

— Почему бы тебе не одеться, и мы могли бы поехать ко мне? — спросил он, его голос был уравновешенным.

— Поехать? Поехать! ПОЕХАТЬ? — Реаган визгливо выкрикивала, как будто отправиться куда-то с Айденом было равносильно преступлению, наказуемому суровым и болезненным царапаньем. Он ей не ответил.

Я улыбнулась ему.

— Дай мне лишь минутку.

Я развернулась, чтобы разобраться с дикой кошкой, шипящей рядом со мной, но затем снова посмотрела на него.

— Никуда не уходи!

Он кивнул. Затем — видимо, не в силах остановить себя — вскинул прекрасную бровь, глядя прямо на Реаган, уголок его губ приподнялся в издевательской "я победил" улыбке.

Она практически кинулась на него, но я схватила её за руку и потащила за собой напрямик в её спальню. Она представляла собой вопящую беспорядочность из конечностей и волос... Я захлопнула за нами дверь, на случай, если она окончательно выйдет из себя.

Что и случилось.

— Иза, ты совсем рехнулась?

Я была уверена, что её пронзительный крик доносился не только до Айдена, но и до хозяина Калико, мистера Уиллиса, живущего по соседству.

— Да, рехнулась. Я схожу по нему с ума. Он всё объяснил, Реаган, и даже ты не можешь винить его за то, что он сделал. Так что дай мне всего две минуты, прежде чем ты набросишься на него и растворишь его подобно фтористоводородной кислоте.

Она выглядела так, словно у неё были очень сильные сомнения насчёт существования такой вселенной, в которой бы она не винила Айдена. Однако она села на кровать и стала выжидать объяснений с широко распахнутыми злющими глазами.

И теперь настала моя очередь, я не желала никому раскрывать проблемы Айдена, включая Реаган. Ему нечего было стыдиться ПТСР, но у меня не было никаких сомнений в том, что он хотел бы сохранить это в тайне. Я села рядом с ней, пытаюсь придумать некий способ успокоить её.

— Он просто заботился обо мне. У него есть несколько очень негативных суждений в отношении себя, и он решил, что мне было бы лучше без него. Именно поэтому он и пришёл — чтобы убедить меня держаться от него подальше, — мой голос умолк, когда пронзительная покалывающая боль вернулась.

— Ну, на что-то он тебя явно склонил, — она лёгким взмахом подбородком указала на мой халат.

Я затянула потуже пояс, краснея.

— Я не смогла устоять.

— Ох, Иза. Ты думала о тампонах, как я тебе советовала?

— Умм, нет.

— Ах! Теперь объясни мне. Что ты подразумевала, говоря о том, что он пытался убедить тебя держаться от него подальше? Почему? — её брови дрогнули в беспокойстве.

Я сглотнула.

— Ну, потому как он ведет немного... обособленную жизнь, и он не хочет, чтобы и я вела замкнутый образ жизни.

— Обособленную жизнь? Ну, понятное дело, с его-то деньгами, большого ума не надо, но этого не достаточно, чтобы оправдать его поведение. Иза, не позволяй ему давать тебе пустые отговорки лишь для того, чтобы снова спать с тобой.

Я любила Реаган, но в какой-то момент между стуком Айдена в мою дверь и обедом, который мы так и не начали, целью моей жизни стало защищать его.

— Он не врёт мне, Рег, и я не настолько глупа. Пожалуйста, побудь мне сестрой в этом вопросе и дай ему шанс. Особенно в силу того, что у меня осталось всего лишь двадцать шесть дней, которые я могу провести со всеми вами.

Она была непоколебима.

— Иза, а что если тебе принесёт это боль? Вспомни, каково это было когда, — она резко замолкла, но я знала, о чём она собиралась сказать.

Помню ли я в каком была состоянии, когда она впервые встретила меня? О, да. Если рассматривать тот период моей жизни, моя память могла бы в такой же мере считаться эйдетической.

Я обняла её за плечи.

— Я помню, но теперь я гораздо сильнее. Благодаря тебе. Кроме того, вполне возможно, что твоё желание всё же исполнится, так как никто не хочет оттолкнуть меня больше, чем сам Айден, — мой голос упал до шепота.

Я попыталась дышать, когда будущее, которое он мог бы спасти, но в котором не было его, забрезжило бесцветным, ничем не примечательным полотном на горизонте.

Реаган одарила меня таким объятием, что оно вытеснило абсолютно весь кислород, который я умудрилась втянуть в себя.

— Конечно же, он не оттолкнёт тебя. А если он это сделает, то пожалеет, что на свет родился. Теперь прекращай все эти глупости, пока я не выгнала тебя отсюда.

И на этой неуместной британской идиоме, я поняла, что она снова приняла мою сторону. Я обняла её крепко, целуя её волосы и вглядываясь в нашу фотографию на стене. Мысль о возможности когда-либо потерять её соперничала с потерей Айдена, поэтому я откинула её прочь.

— Я начала готовить суп. Он будет готов примерно через пятнадцать минут. Мне лучше пойти и найти его до того, как он убедит самого себя, что ты права и сбежит.

Она улыбнулась и чмокнула меня в щёку.

— Ты использовала английское слово, когда говорила о нём.

Я рассмеялась.

— Неужели? Твоя мечта сбылась. Вот видишь? Он вовсе не мудака. Да, и уж точно лучше выглядит, чем твой мистер Ганди⁵².

Я указала ей на коллаж, служивший экранной заставкой, на котором красовался модель-мужчина британского происхождения

— Я бы не заходила так далеко. Ладно, ладно, — она подняла руки в знак капитуляции. — Хочешь позаимствовать моё счастливое бордовое платье?

Она поднялась с кровати, чтобы подойти к шкафу, но затем остановилась, ударяя себя рукой по лбу в жесте "ох!". Она обернулась ко мне и улыбнулась.

— Вообще-то нет, не моё платье. Ему надо увидеть тебя настоящей и тогда он никогда уже не будет прежним. Надевай платье своей мамы и заставь его влюбиться в себя до самой своей смерти.

Глава 34

"Светла, как ночь её страны"

Приехав к Айдену домой, я воспользовалась моментом, пока у него было селекторное совещание по телефону с Токио, чтобы повесить мамино чайное платье в его гардеробную. На случай, если мы куда-нибудь отправимся сегодня вечером. Платье было серого цвета с белыми розами, набитыми по всей широкой юбке. Я пригладила нежный, как лепестки, шёлк, придя в восторг от того как оно гармонирует с универсальными тёмно-синими, чёрными и тёмно-серыми костюмами.

Я отступила назад, чтобы запечатлеть эту сцену на мой новый "Никон", но когда поместила камеру в фокус, а линза дала изображение крупным планом, я заметила резную деревянную коробку на высоком шкафу в глубине гардеробной. Солнце сияло на крышке коробки, словно на алтаре. Было нечто благоговейное в её по-королевски возвышенном положении, что заставило меня приподняться на цыпочки, дабы изучить её.

— Мисс Сноу, — тихий голос помешал моему шпионажу.

Я подпрыгнула, оглядываясь назад на дверь гардеробной. Там, в своём белом фартуке и тёмно-синих бархатных туфельках без каблука, стояла миссис Дэвис.

— Прощу прощения, я напугала вас, мисс Сноу, — сказала она с улыбкой на губах.

Я сделала тихий вдох и произнесла безмолвную, не по-научному обоснованную благодарность своему везению, избавившему меня от замешательства, если бы меня поймали за подсматриванием за моим... кем бы он ни был. Мечтой, целью всей моей жизни, кровью в моих венах, кислородом в моих лёгких. Я одёрнула себя, прежде чем решила забросить науку и стать ужасным поэтом.

— Нет, всё в порядке, миссис Дэвис. Я просто задумалась.

— О, пожалуйста, зовите меня Кора, — улыбнулась она, пока переваливаясь с ноги на ногу, входила внутрь гардеробной. Она увидела моё платье, и её улыбка стала ещё шире: — Какое красивое платье! — затем её голос упал до заговорщического шепота. — Между нами говоря, мисс Сноу, так мило видеть здесь несколько женственных вещей в качестве разнообразия. Я никогда прежде не видела в этом доме ни одной девушки.

Я готова была броситься её обнимать.

— Спасибо, — ответила я вместо объятий. — И, пожалуйста, зовите меня Иза.

— Хорошо, Иза, я зашла спросить, не надо ли тебе что-нибудь постирать? Или может быть что-то нужно из магазина?

— Ох, нет, но спасибо! Я привезла свои вещи, — я подняла свой уже опустевший рюкзак в качестве доказательства.

Она улыбнулась.

— Очень хорошо. Надеюсь, на этот раз ты останешься, Иза, — она начала выходить из гардеробной, но затем остановилась и, оглянувшись, посмотрела на меня. — Мистер Хейл хороший мужчина. Сложный, да, но хороший, — она лаконично кивнула и вышла.

Я наблюдала за бантом на её фартуке, тут же подумав об экономке мистера Дарси, миссис Рейнолдс, которая рекомендовала Элизабет Беннет из Пемберли своего хозяина.

Она открыла дверь спальни и примёрзла к месту. Поскольку, стоявший там, с огромной

пурпурной коробкой, зажатой под подмышкой, другая рука которого нависла над дверной ручкой, был ни кто иной, как мой мистер Дарси.

— Кора?

Он нахмурился от удивления, его глаза осмотрели спальню. Когда он заметил меня в гардеробной, в тот же миг он умудрился и улыбнуться, и нахмуриться.

— Здравствуйте, мистер Хейл, сэр. Просто проходила мимо, в поисках грязного белья для стирки.

Он улыбнулся, полностью явив ямочку.

— Уверен, ты нашла достаточно, — он склонил голову в мою сторону.

Она рассмеялась, подождала, пока он прислонится к стене, и выскользнула за дверь.

— Спасибо, — сказал Айден ей вслед, неизвестно за что.

— Всегда пожалуйста, — ответила она, её шаги гулко звучали, удаляясь по коридору.

Айден вошёл в спальню, смотря на меня с приподнятой бровью. Он положил гигантскую коробку на кровать и медленной походкой подошёл ко мне.

— Очаровываешь мой персонал?

Он улыбнулся, притягивая меня ближе к себе. Большим пальцем он очертил мою нижнюю губу.

— За эти дни я должна очаровать любого, кого смогу.

Я собиралась поинтересоваться о пурпурной коробке, но он наклонился, его губы находились в миллиметрах от моего рта.

— Не уверен, что когда-либо целовал тебя в своей гардеробной, — прошептал он.

Я затерялась в его губах, жадно целуя его, как будто поцелуй может преобразиться в ещё больше ночей, проведённых здесь, в ещё больше моих платьев, гармонирующих с его костюмами. Когда моё дыхание стало настолько шумным, что даже Кора смогла бы услышать его на кухне, он довольно усмехнулся и высвободил мои губы.

— Кислород, Элиза. Пошли, у меня есть кое-что для тебя, — он обвил рукой мою талию и подвёл нас к кровати. — Открой, — прошептал он мне на ухо.

Я изучила пурпурную коробку — она была длиной почти с мой рост. Никаких бантиков, никаких ненужных украшений, никаких имен. Мне потребовалось порядка двух минут, чтобы вскрыть гладкую светло-лиловую бумагу и мягкую ткань. Наконец, сделав глубокий вдох, я отвела в сторону последний слой тонкой, лёгкой материи.

— Ох! — выдохнула я.

Прямо передо мной, подобно волшебству из сказок, лежало самое красивое платье, которое какая-либо женщина, где-либо, когда-нибудь видела. Это было длинное платье без бретелек, похожее на перевёрнутый бутон розы. Слои материи драпировались точно так же, как и лепестки. Их цвет был удивительным. Каждый верхний слой имел более светлый оттенок бирюзы, нежели нижележащие, оттенки которых постепенно сгущались, начиная с лазурного, небесно-голубого, морского, кобальтового, индиго и, последний слой был оттенка полуночной синева.

Мой взгляд порхнул к его глазам, как только я поняла глубокий смысл, скрываемый под экстраординарным цветом. Он улыбнулся и празднично развалился на кровати, подперев себя локтями.

— Я же говорил тебе, — сказал он. — Я хочу всегда присматривать за тобой.

Я начала опускать себя на него, но потом вдруг вспомнила, что не должна пугать его. Поэтому я замерла в воздухе, вероятно, выглядя при этом достаточно смехотворно. Он

поймал меня, прежде чем я шлёпнулась на кровать, подминая меня под себя.

— Прости, — пробормотала я.

— Да, это действительно непростительное преступление — желать обнять мужчину, который купил тебе платье, но ты не можешь этого сделать, так как боишься быть раздавленной насмерть, — его голос снова стал жёстким.

— Я не боюсь.

Он отвёл взгляд в сторону, что-то бормоча, что прозвучало подозрительно похоже на "а должна бы". Я могла почувствовать, как всё тепло улетучилось из комнаты, поэтому применила свой отвлекающий манёвр.

— Итак, расскажи мне об этом платье. Оно великолепное!

Я пробежалась пальцами по материалу. Он был мягким и текучим, подобно усыпанным росой лепесткам.

Это сработало. Ямочка собралась в складку на его покрытой лёгкой щетиной щеке.

— Я подумал, что пришло время тебе обзавестись своими собственными платьями. А не только платьями твоей мамы или твоей соседки. *Твоими*.

Он отвернул корсет и показал мне ярлык на внутренней стороне. На нём было вышито:

Элиза С. Сноу

"Светла, как ночь её страны"

Я прочитала вторую строку из стихотворения Байрона, жгучая лента опоясала моё горло. Прошло несколько минут, прежде чем я нашла слова. Даже, когда я подобрала слова, я просто растаяла, уткнувшись в его шею, целуя его благоухающую кожу.

— Спасибо. Мне кажется, я даже спать буду в нём.

— Повезло платью.

— Ты когда-нибудь расскажешь мне о значимости Байрона для тебя?

Его взгляд переместился, как будто он что-то читал.

— Это просто красивое стихотворение, Элиза,

Он пожал плечами, но у меня было ощущение, что он не обо всем мне рассказывал. На данный момент я решила пока отложить это в сторону.

— Ты заставил Бенсона научиться вышивать?

Он усмехнулся.

— Пока ещё нет. Это местный дизайнер "Марголис". Он специализируется на ретрос пятидесятых, как мне сказали.

Он поглаживал линию моей челюсти, пока я усиленно сдерживала себя от попытки снова наброситься на него. Я знала "Марголиса". Я провела приличное количество времени за последние четыре года, испуская слюну у витрин его магазинов, его коллекции были в стиле Одри Хепбёрн⁵³.

— Он в твоём полном распоряжении чего бы ты, когда бы ни захотела, — сказал Айден. И вот он, этот глубинный, нисходящий тон в его голосе.

— Так это значит, что ты ведёшь меня на свидание? — улыбнулась я, потому как этот тон заставлял меня извопить повопить.

— Так случилось, что да.

— Куда?

Мгновение он пристально всматривался в меня, словно не был уверен, что хотел мне

говорить, возможно, даже и вовсе брать меня. Но затем ответил:

— В место, которое, как я полагаю, ты уже довольно давно хотела увидеть.

— Ты же не заплатил за путешествие на станцию НАСА, верно?

Он рассмеялся.

— Нет, но это напомнило мне — не то, чтобы мне требовалось напоминание. Я положил немного денег на твой банковский счёт, и прежде чем ты спросишь, я запомнил номер твоего счёта, когда увидел чековую книжку у тебя на столе.

— Что? — я собиралась произнести это подобающе оскорблённым тоном, но вышло подобно возмущенному визгу.

Он всё ещё улыбался.

— Это не для тебя. Это для твоей семьи, как я понял, они нуждаются в нагревателе воды, и я уверен, ты всегда мечтала, что сможешь помогать им.

— Как ты узнал, что Солисам нужен нагреватель воды? — всё ещё повизгивая, говорила я. Проклятье, может он и будущее может видеть?

— Бенсон обладает особыми талантами.

Я наблюдала за ним, открывая и закрывая рот, как рыбка гуппи моего профессора по биологии.

— Сколько? — поинтересовалась я, в конечном счёте.

— Достаточно, чтобы помочь им, но недостаточно, чтобы нам спорить об этом.

— Может ли это считаться "взаимы"?

— Нет. Если только ты не хочешь, чтобы ICE заинтересовалось твоим финансовым положением.

Я сделала глубокий вдох, исчерпав все аргументы.

— Хорошо, спасибо. Но почему ты вдруг так озаботился Солисами?

Его глаза переключились на осмотрительный режим.

— Поскольку я подумал, что если у тебя будет некий способ помочь им финансово, ты не будешь чувствовать себя обязанной находиться в их окружении, и одновременно потенциально рисковать своим иммиграционным статусом.

— Ты имеешь в виду, что подкупаешь меня? — мой голос опять вернулся к визжанию.

— Формально, я откупаюсь *от них*.

Стремглав я отодвинулась от него, я была взбешена.

— Мой выбор быть рядом с ними исходит не из чувства долга, Айден! Я хочу быть рядом с ними, потому что люблю их. Так что, нет, откуп от них нагревателем воды не вытеснит их из моей жизни, равно как и взгляд на фотографию моих мамы и папы не вернёт их мне!

Последние слова резали мои губы, подобно стеклу, я тяжело задыхалась. Я закрыла глаза, пытаюсь взять себя в руки, но даже Менделеев не помогал мне в этот момент.

Я услышала глубокий вдох и почувствовала указательный палец у себя под подбородком. Он просто касался моего подбородка, вероятно, ожидая пока я открою глаза. Чёрт с ним и его прикосновением, поскольку в тот же момент, как только я почувствовала его, моя злость тут же испарилась. Я приоткрыла один глаз. Он выглядел как к чему-то приносящийся дракон, жаждущий вырваться наружу, дабы побушевать. Сверкающие глаза, тонкие губы, сжатая челюсть.

— Я никогда не притворялся, что понимаю любовь, Элиза. Так что, ладно, используй деньги так, как считаешь нужным. Но будь я проклят, если позволю произойти чему-либо,

что поставит под угрозу твой иммиграционный статус. А теперь, собирайся. Мы выезжаем на закате, — и вот с таким военным приказом, он вышел из комнаты.

Как только за ним закрылась дверь, я почувствовала себя ужасно. Он ведь всего лишь пытался помочь. Но как он мог подумать, что нагреватель воды возместит потерю единственного для меня дома, который был у меня за последние четыре года? Вот так он любит? Кислород застыл в моих лёгких в тот же миг, когда в моей голове возник этот вопрос. Так же неожиданно, как и гнев, резко нахлынул на меня, точно так же быстро, я поняла, что на самом деле это было. Боязнь. Боязнь того, что именно так и любит Айден — со сделками и ценниками. Мои внутренности снова начало скручивать, но до того, как я оставила содержимое моего желудка в унитазе, я крепко уцепилась за одну истину: глубинная боль в его глазах, когда он говорил о своей матери. Ни один мужчина, испытывающий такую боль, не испытывает недостатка в любви, неважно как сильно он отрицает это.

Удивительно, но я почувствовала себя гораздо лучше, несмотря на то, что его любовь была направлена не на меня. Но с тех пор как моей новой целью жизни стало его спасение, я полагала, что была обязана узнать, может ли он позволить любви присутствовать в его жизни.

Я спрыгнула с кровати и рванула прочь из спальни в поисках его. Он находился во внутреннем дворике, прислонившись к стене из кедра, и шипел о низкой прибыли до вычета налогов, процентов, износа и амортизации в свой сотовый телефон. Когда он заметил меня, он рявкнул на беднягу, который был с ним на линии:

— Я перезвоню! — он прервал звонок и выпрямился, не моргая, наблюдая за мной.

Я подбежала к нему и накрыла в поцелуе его рот, забралась вверх по его телу и крепко обхватила руками его лицо. На мгновение он лишился устойчивости, но затем перекинул мои ноги себе за спину, его рука сжала в кулак мои волосы. Его поцелуй был яростным. Он кусал мои губы, рыча. Я укусила в ответ. Затем, потихоньку наши языки слились в успокаивающих, нежных поглаживаниях.

Я отпрянула от него, испытывая головокружение гораздо сильнее, чем бывало у меня в лаборатории Дентона.

— Ты — прекрасный мужчина, — сказала я ему.

V-образная складка стала ещё глубже, как будто он считал, что не должен упоминаться в одном предложении с таким словом как "*прекрасный*".

— Ты вдохнула одно из чистящих средств Коры, Элиза? Я просил её использовать исключительно биоразлагаемые материалы.

— Нет, только лишь твой одеколон. Вот и всё, Айден.

Я выпрыгнула из его рук и побежала обратно в спальню, до того как успела сказать нечто ещё такое, что позволит ему выписать в мой адрес постоянное запретительное судебное постановление.

* * * * *

Два часа спустя мои волосы были вымыты и высушены, я выбрала трусики, которые купил мне Айден. Вообще-то называть их *трусиками* было настоящим оскорблением. Слово "*шедевр*" подходило им лучше. Мой живот начало стягивать, когда я надела бирюзовое произведение искусства из кружева и органзы и соответствующий бюстгальтер. Будет ли

всегда такое творить со мной всё нижнее белье, покупаемое им? Я очень на это надеялась.

Я избегала зеркала вплоть до последней минуты, после того как застегнула платье и взбила слои ткани. Затем, сделав глубокий вдох, я медленно повернулась и посмотрела на себя в зеркало. Женщина, изумленно смотрящая на меня, была не моей мамой. Она была сияющей, оживлённой, а её глаза приобрели почти лиловый оттенок. Она была той, которую я когда-то знала — но гораздо лучше. Я покрутилась на месте, затем и ещё раз, и ещё раз, рассмеявшись. Слои бирюзовой ткани охватывали меня подобно раскрывающемуся бутону розы в замедленном темпе. Пошатываясь, я вышла из ванной комнаты, аккуратно надела свои новые серебристые Лубутены на высоком каблуке, сожалея о том, что не имела ничего, чем могла бы отплатить Айдену. Что ты должна преподнести мужчине, у которого есть абсолютно всё? Хмм, я должна над этим подумать.

Я прошла мимо комнаты, которая была оборудована под студию, сделав себе мысленную пометку напомнить Хавьеру, что его принадлежности всё ещё находились там. Мы не хотели, чтобы Фейн решил, что Хавьер выкрал их. Мерцающий свет предшествовал мне в глубине коридора. Посмотрев на всё это другими глазами, я резко остановилась там, где была в этот самый момент — у фортепьяно в гостиной комнате. Если Айден нуждался в предупреждении даже на таком уровне, тогда я должна испытывать страх. Я действительно должна бояться, как он мне и говорил. И всё, что для этого нужно, так это натолкнуться на него где-нибудь, когда его глаза будут закрыты. Или запрыгнуть на него в следующий раз, когда у меня перехватит от него дыхание. Но во всём этом присутствовало то глубокое одиночество, упрятанное за его мерами безопасности, одиночество, которое заставляло мои ноги идти вперёд, и внезапно, я побежала. Но не к наружной входной двери, а к его библиотеке.

Я практически налетела на закрытую дверь, находясь в своём безумии, но его голос, звучавший там, спас меня. Это была странная смесь расстройства и сожаления.

— В чём твоя проблема, Кал?

Я прикрыла рот рукою, чтобы сдержать смех. Он звучал так же, как и Реаган.

— Я ещё даже не уверен, приеду ли, ясно?... Да, я знаю, что это традиция... Почему?... Собственно говоря, вот именно поэтому... Возможно, ты и победишь, так как я уверен, что облажаюсь... отсоси у верблюда... отвали.

Отсоси у верблюда? Бедный верблюд. Он швырнул телефон на стол, и я расслышала какие-то бормотания, вне всякого сомнения, это были ругательства ещё пуще прежних. Я сделала глубокий вдох, с нетерпением, абсолютно бесстрашно, постучала в дверь. Насколько же иначе я себя чувствовала, стоя перед этой дверью сейчас, в отличие от двух дней назад!

— Айден?

Послышалось некое перемешивание бумаг.

— Да, входи, Элиза.

Я открыла дверь, и вот он. Ещё более умопомрачительный, как никогда, в своём сшитом на заказ тёмно-синем костюме, белой сорочке и без галстука. Очерченные сильные мускулы его шеи формировали скульптурный V-образный рельеф, который исчезал под расстёгнутым воротником его сорочки. Он выглядел так, словно был причиной войн, а вовсе не участником в них.

Он складывал какие-то бумаги в аккуратные, педантичные уголки. Но как только он посмотрел на меня, он их бросил. Небрежно брошенные листы бумаги не попали на стол и теперь разлетелись повсюду, но он даже глазом не моргнул. Он пристально смотрел на меня

хороших секунд пятнадцать, изрекая нечто очень похожее на "охреть". Я сопротивлялась позыву раскланяться и начать раздавать автографы. Класно быть женщиной.

Он начал приближаться ко мне, в его глазах горело сексуальное возбуждение. Он остановился лишь тогда, когда подошёл близко, настолько близко, что между нами не было места для воздуха. Затем он медленно наклонил меня на свою руку, так что ему открылся свободный доступ к моему горлу, и прижался к нему губами.

— Ты так прекрасно выглядишь, — его голос был почти что страдальческим.

Я знала это чувство — ощущение того, что ты созерцаешь нечто такое чудесное, что это не могло быть предназначено для тебя.

— Как и ты, — прошептала я.

Я ощутила улыбку напротив своей кожи, когда его губы стали порхать по моим ключицам и обнажённым плечам. Неожиданно, корсет стал слишком тесным. Мне хотелось высвободиться, разорвав его.

— Хочешь, чтобы я побила того, кто расстраивает тебя по телефону? — я начала лепетать с тем, чтобы не сорвать с себя платье и пустить насмарку всю свою усердную работу.

Он усмехнулся, выдохнув прямо мне на кожу, и отступил.

— Нет, я не хочу, чтобы ты избивала его. По-существу, я не хочу, чтобы ты и на шаг приближалась к нему, так как у него реально развращённый ум.

— Ревность с твоей стороны, Айден?

Я улыбнулась, удивляясь тому, когда это вдруг ревность стала привлекательной для меня.

— Только в тех случаях, когда дело касается извращённых ублюдков, — его привязанность к неизвестному мне нечестивому ублюдку обволакивала эти резкие слова.

— Так кто этот извращённый ублюдок, чтобы я могла подготовить свой вонючий спрей с запахом скунса?

Он рассмеялся.

— Джеймс Каллахан. Он был одним из морпехов в моём отряде.

— Ох, это касается путешествия, которое ты планировал ранее?

— Да.

— Но теперь, ты не уверен, поедешь ли?

Он покачал головой.

— Нет. Я бы хотел быть поблизости, на случай, если Бобу что-нибудь понадобится.

Его взгляд стал тяжёлым, осторожным. Тепло, растёкшееся по мне от его поцелуев, начало истощаться во мне. Не из-за того, что хочет провести время со мной. А чтобы знать наверняка, что процесс получения грин-карты идёт своим ходом, и, стало быть, впоследствии он сможет меня отпустить.

— Это единственная причина? — мой голос был чересчур тихим из-за остроты ощущения.

Он улыбнулся и опустил руки с моей талии на мою попу. И сильно её сжал.

— Да, и твоя попка. Хотя, как мне кажется, в данный момент это платье довольно сильно затмевает её.

Ну, это кое-что.

— Спасибо. Морпех США купил его мне. Ты должен держаться от него подальше. Ревнивый мужчина. Отпрыск драконов, ещё тот. А ещё ужасно большой.

— Я буду настороже. Хотя надеюсь, что в тебе больше здравого смысла, чтобы не связываться с таким дикарём.

— Мне нравятся дикари, как недавно я выяснила. Всерьёз заблуждающиеся создания.

Я приподнялась на цыпочки и поцеловала его щрам. Он выглядел так, словно готов был подавать иски против всех дикарей повсеместно, поэтому я продолжила:

— Ты часто встречаешься с другими морпехами?

Я боялась ответа. Я не знала, как это повлияет на ПТСР: будет ли хуже или же лучше.

— Как минимум раз в год. В конце мая мы проводим несколько дней в моей хижине в Ривер Руж.

В конце мая — когда он вернулся домой с войны.

— Айден, ты должен поехать повидаться с ними. У меня всё хорошо пройдёт с Бобом, — сказала я, несмотря на то, что даже сама мысль не видеть его хотя бы день, не говоря уже о нескольких днях, неожиданно притупила значимость даже грин-карты для меня.

— Посмотрим, — он пожал плечами.

— Кто ещё кроме Каллахана приезжает повидаться?

— Хендрикс и Джазмен.

— А что насчёт Маршалла? Он тоже морпех?

— Однажды морпех, морпех навеки, — он ласково провёл пальцами по линии моей челюсти.

— Ох, так почему Маршалл не поедет? — я не знала почему, но мне поистине хотелось встретиться с его лучшим другом.

— Из-за меня, — абсолютно спокойно ответил он.

Он обхватил рукой мою талию и повёл меня к двери библиотеки, но я едва ли заметила это из-за непонятого натяжения в моей груди. Мне хотелось поинтересоваться у него, что он подразумевал под таким ответом, но это была та самая единственная черта, которую, я не была уверена, могла ли когда-либо пересечь. А что если Айден напал и на Маршалла? Я задрожала, мой разум отвергал эту мысль. Нет, более вероятно, что Айден оттолкнул от себя Маршалла ради его же безопасности, точно также, как он поступает и со мной. Как я вообще могу задать ему вопрос об этом, чтобы это не показалось ни грубым обвинением, ни тем более сильнейшим болезненным напоминанием? Я поцеловала его в шею, когда неохотно признала, что данная информация должна исходить от него самого.

— С чего это вдруг такие огромные выразительные глаза, Элиза?

Я пожала плечами.

— Просто думаю о тебе... и твоей военной службе.

— А что такое?

Хмм, какой я могу задать вопрос, чтобы не нанести вреда?

— Почему об этом не упоминается в твоей биографии?

Он одарил меня снисходительной улыбкой.

— Элиза, с моим драконьим характером, как ты это называешь, как много, ты думаешь, потребуется времени миру заподозрить о наличии моего дефекта, если люди будут обладать подобной информацией?

— Это не дефект, Айден. Это рана. И тут нечего стыдиться.

Он закатил глаза.

— Какое клише, Элиза.

— Это не умаляет правды.

— Теперь мы можем выехать?

Он прозвучал, как Анамелия, когда та находится в кабинете стоматолога. Я вновь оставила поцелуй на его шраме.

— Да, хотя мне очень хочется, чтобы ты рассказал мне, куда мы направляемся.

Он улыбнулся.

— Это сюрприз.

Внезапно я разволновалась. Возможно, эта ночь будет весёлой и для него тоже, вдали от старых воспоминаний, создавая новые взамен. С моей же стороны, я изо всех сил постараюсь сделать эти воспоминания яркими.

— Химики не любят сюрпризы, — я симулировала ворчание, несмотря на то, что подразумевала лишь себя.

— Тогда успех обеспечен.

Успех? Успех в чём?

Глава 35

На Вершине Мира

"Рендж Ровер" пролетел мимо всех выездов из города, направляясь на восток в сторону Маунт-Худ и аэропорта. Как только я увидела светоотражающий зелёный знак, извещающий "Международный Аэропорт Портленда", я содрогнулась.

— Айден, мы же не полетим куда-то за границу, правда? — мой голос начал дрожать, поскольку это было именно то, что он мог бы предпринять. *Водород, 1.008, Гелий* —

Он усмехнулся, протянул руку и сжал моё колено.

— Нет, маленькая беглянка, вовсе нет. Почему-то мне кажется, что ты не захотела бы покидать Штаты прямо сейчас.

Я тяжело опустилась в кожаное кресло, делая глубокий вдох. Он внимательно следил за дорогой, каждые несколько минут проверяя ситуацию на трассе в зеркало заднего вида и украдкой поглядывая на меня. Несколько раз, когда наши взгляды встречались, я замечала, что синие глубины в его глазах успокоились. И потом, изредка, не имея явных раздражителей, они снова набирали негативные обороты. Тектонические плиты, казалось, имели три установки: перемещаться, когда он вспоминал; замирать, когда он задумывался; и полностью закрываться. Закрытие было крайне редким явлением. Я стала свидетелем этого лишь однажды, ранее сегодня днём, когда он говорил мне о вероятности причинить мне вред и рассказывал о своей матери.

Я наблюдала, как последние лучи солнца изламывались на его коже, в моей голове бушевал шторм из миллиона вопросов. *Как у него всё это началось? Как мне убедить его остаться со мной?*

Возможно, почувствовав, как мой пристальный взгляд прожигает дыру в его очаровательной щеке, он начал всматриваться в меня.

— О чём ты так усиленно думаешь?

— Обо всех вопросах, которые у меня имеются насчёт тебя.

Я ожидала молниеносного закрытия с его стороны, но к моему удивлению, он кивнул.

— В этом то и смысл сегодняшнего вечера. Так что ты, наконец, можешь расспрашивать о том, что увидишь и услышишь.

В ответ, я едва не приняла решение ни о чём не спрашивать, но, как скажет вам любой учёный, оставлять вопрос незадаанным это куда больший грех в нашей судьбе, чем оставлять его без ответа.

— Хорошо? — подстрекал он меня.

— Я боюсь спросить нечто такое, что будет очень сложно заново тебе пережить, — *и мне будет слишком тяжело услышать об этом.*

Он кивнул.

— Тебе следует бояться. Но не переживай, я остановлю тебя. Я не хочу, чтобы это дерьмо засоряло твою голову. Или мою, если уж на то пошло.

Это безумие, но всё же мне стало легче от сказанного им.

— Ну, для начала, меня интересовало, почему ты пошёл на службу в морскую пехоту? Я хочу сказать, с твоей-то памятью... такое чувство, что это столь огромный риск лишиться жизни.

Он пожал плечами.

— Мы все неукротимы в восемнадцать. Я окончил вузовский курс по математике в пятом классе, Элиза. Какие учебные занятия могли бы привлечь меня, с долей вероятности, чтобы полностью завладеть мной? Военные власти, с другой стороны, стучали в нашу дверь ежедневно. Сначала это были сержанты, потом лейтенанты, затем сам генерал Сартейн.

— Кто?

Он пренебрежительно махнул рукой.

— Он — важная шишка в ЦРУ. Так или иначе, у меня начали появляться смутные фантазии о том, как я стану некого рода Джеймсом Бондом.

— Но ты так и не начал заниматься разведкой?

— Начал, — его слова стали монотонными, сдержанными.

— Но затем?

Он сделал глубокий вдох, его глаза непоколебимо следили за дорогой, хотя учитывая его память, кто знает, действительно ли он смотрел на дорогу.

— Но затем произошли события 11 сентября. Не было ни одного морпеха в войсках, кто не хотел бы отомстить за это, — его голос ожесточился.

Я помню, как следила за событиями, происходящими в небоскрёбах-близнецах Всемирного Торгового Центра, съёжившись на диване между мамой и папой, у нас в коттедже. "Такое зло не поддаётся научному объяснению", — тогда сказал папа.

Пальцы Айдена слегка коснулись моей щеки.

— У тебя всё хорошо? — нежно поинтересовался он.

Я посмотрела на него и кивнула. Он улыбнулся.

— Хорошо. Меня беспокоит, когда ты такая молчаливая.

— Ты бы поступил также ещё раз?

Он снова перевёл взгляд на дорогу. К этому моменту солнце уже село, и в машине было темно. Минуты вели свой отсчёт на приборной панели: 8:29, 8:31.

— Мы все мечтаем о вторых шансах, — в итоге ответил он. Его голос представлял собою смесь из гнева и сожаления.

Я приняла его ответ в качестве подтверждения, но не могла постичь глубины

произнесённых им слов. И чтобы он сделал, имея второй шанс, из-за которого ему пришлось бы пережить весь этот ад во второй раз с самого начала до конца?

Я задрожала и посмотрела в окно. В этот момент мы проезжали через каньон на реке Колумбия; изобилующий пещерами, он раскинулся между Орегоном и Вашингтоном. Остроконечные, скалистые пики берущих здесь начало Каскадных гор пронзали небеса. В округе больше не было никакого освещения. Только темнота, безмятежная красота.

Указательный палец Айдена лёг под мой подбородок, и я повернулась к нему лицом. Он улыбался.

— И это все твои вопросы? Какой же ты замечательный учёный.

— Я просто задумалась над тем, чтобы я сделала в первую очередь, лишь бы удержать тебя от поступления на службу в морскую пехоту, — прошептала я, боясь разозлить его своим желанием лишить его любой возможности, не говоря уже о втором шансе.

Но на его лице не отразилось никакого гнева. Его улыбка переросла в усмешку.

— Ну, для тебя, это не составило бы особого труда. Достаточно было бы обнажённой и прикованной к моей кровати. Восемнадцатилетний Айден помешался бы на тебе, — он подмигнул мне. — Полагаю, я не особо изменился.

Он покачал головой в притворном ужасе, но я парила в облаках. Значило ли это, что сейчас он тоже был помешан на мне? Кому вообще нужна поэзия в таких ситуациях.

— Я скорее больше размышляла в другом направлении — лечь перед самолетом, который увозил тебя, но быть прикованной к твоей кровати представляется чуть лучше.

— Ты говоришь, как моя мама. За исключением, части с кроватью, конечно же, — он призадумался, как будто решал, стоит ли что-то ещё сказать. — Она приезжала, — добавил он, его голос снова стал очень нежным.

— Твоя мама?

Он кивнул.

— Да. В день, когда я был передислоцирован в Афганистан, она приезжала на военную воздушную базу в Монтерее, в которой я только что окончил разведывательную школу. Как она попала внутрь, я до сих пор не знаю. Она была сама не своя. Умоляла меня не ехать — пыталась схватить меня за руку прямо там и увести оттуда..., — его рука метнулась к воротнику рубашки. — Конечно, я был в смятении, что мне пришлось иметь дело с доведённой до истерики матерью, в то время как все остальные морпехи уже находились на борту самолета. Остальное это уже история — ну, формально, со мной ничего не может стать историей, — добавил он, его голос был холодным. Мне очень хотелось видеть его глаза в этот момент.

Я наклонилась и положила голову ему на плечо. Может быть, он нуждался в успокоении в этот момент. Он прижался губами к моим волосам.

— А как сейчас обстоят твои дела с родителями?

Он выпрямился. Его мышечный пояс буквально закрипел у меня под ухом.

— Они в безопасности и обеспечены до конца жизни. И это самое главное.

Он не вполне точно ответил на мой вопрос, но ответ таился в его словах, он всего лишь был спрятан между строк. Озноб распространялся по моим венам, подобно радионуклидам. Я отпрянула и посмотрела на него.

— Как часто ты с ними видишься?

На его челюсти заходили желваки.

— Как ты уже можешь себе представить, я не могу позволить случиться ещё одной

катастрофе, которая может привести к убийству моей собственной матери.

Он по-прежнему не дал прямого ответа на мой вопрос, но ему и не надо было. Я знала ответ.

— Айден, нет! — я схватила его за руку, слова внезапно вырвались из меня, прежде чем я смогла их проконтролировать. — Дорогой, ты не можешь этого делать. Ты не можешь вычеркнуть их из своей жизни! — мой голос дрожал, и я почувствовала влагу на своих глазах.

Вот она я, даже четыре года спустя, иду, спотыкаясь через континенты, с кратерами в моей груди, в поисках чего угодно, что может заполнить эту пустоту. А он, до сих пор имеющий ту самую истинную любовь, отказывает себе в этом. Как он может выносить это?

Он молчал. Его осанка изменилась. Постепенно напряжение в его плечах просочилось во всё его тело. Он отвёл мои пальцы со своей руки, поэтому я стала кружить ими по его волосам у виска.

— Айден, несомненно, ты их любишь. Прислушайся к человеку, который знает, что говорит. Однажды их не станет, и ничто не сможет избавить тебя от этого горя. Ни твоя работа, ни мои картины, ни Маршалл -

— Прекрати, Элиза! — его голос рассёк воздух, словно пуля. Настолько остро, настолько громко, что я отодвинулась назад к двери "Ровера".

Его руки на руле превратились в когти, побелевшие от напряжения. Его грудная клетка вздымалась, а мускулы резонировали. "Ровер" набирал скорость, словно поглощал напряжение через ноги Айдена. Моё сердце начало колотиться в груди. Неожиданно я испугалась, врождённый инстинкт кричал мне, что я должна его успокоить. Это и был его гнев? Или нечто похуже?

— Айден, прости, — выдохнула я.

Его руки не расслабились — казалось, будто он вот-вот разорвёт руль на части. Его глаза неотрывно смотрели вперёд, намертво зацепившись за дорогу. Стрелка спидометра росла. Уже восемьдесят. Что-то острое ударило о лобовое стекло — возможно, галька. "Ровер" слегка повернул в сторону стального ограждения трассы I-84. Нет, только не автомобильная авария. Я обхватила себя руками, неистово нашёптывая:

— Водород, 1.008. Гелий, 4.003. Литий, 6.94. Бериллий —

Он втянул глубокий вдох и моргнул. Раз. Два. Его грудная клетка сокращалась, а мускулы перестали сотрясаться. Он просканировал трассу, и "Ровер" замедлил свой ход, уверенно держась центра нашей полосы. Я поняла, что состояние транса прервано, когда он повернул голову в мою сторону и посмотрел на меня. Из-за слабого света спидометра я не могла расшифровать его взгляд.

— Я очень, очень сожалею об этом, — пробормотал он, прозвучав пристыжено. — Я не хотел — ты в порядке?

Я не могла ни говорить, ни отвести от него взгляд. Но я почувствовала, как "Ровер" вновь резко сменил курс, сворачивая вправо, и Айден выжал тормоз. Периферийным зрением я заметила, как замигали аварийные сигналы. Он смотрел мне в лицо, пальцами нежно лаская мою щёку.

— Мне очень жаль, — повторил он, его голос звучал мягче, чем я когда-либо слышала. — Я не хочу пугать тебя.

Он и не хотел. Напугало то, что он увидел в своей голове. И разбитый "Жук" моих родителей.

— Иза, — впервые за всё время нашего общения он назвал меня уменьшительным именем. — Ты в безопасности. Это просто... ретроспектива. Мимолётная.

Мимолётная? Как же тогда выглядит продолжительная?

Он склонился ближе ко мне и нежно подул мне в лицо. Его приятный аромат вернул меня к жизни, и я сделала глубокий вдох.

— Поговори со мной, Элиза. Хочешь, вернёмся?

Это прорвалось сквозь меня. По мне так лучше пусть он разорвёт "Ровер" в клочья, чем возвращение назад.

— Конечно же, нет! Я хочу быть здесь. Заботиться о тебе.

Он прикрыл глаза и покачал головой.

— Это так неправильно.

— Нет, правильно. Я в порядке. Ты не сделал мне больно.

Я никогда ему не скажу, что его ретроспектива послужила спусковым курком моим собственным воспоминаниям. Если я ему об этом расскажу, я никогда его больше не увижу.

Он ничего не ответил. Я прикоснулась рукой к его лицу, молясь, чтобы он всерьёз не надумал вернуться в Портленд.

— Пожалуйста, скажи мне, что я сделала, что тебя так расстроило? Чтобы я никогда больше так не поступила.

Он посмотрел на меня и включил в салоне свет.

— Ты *ничего* плохого не сделала. Ты успокаивала меня. Причина всему этому только я сам. Доверься мне в этом.

Я изучала его глаза. Сейчас они были спокойными.

— Да, но, безусловно, я сказала нечто, что напомнило тебе о чём-то...

Он нежно накрыл ладонью мой рот и покачал головой.

— Элиза, напоминания не влияют на меня. Я реагирую на приводящие в действие раздражители. Это — всё — я.

Похоже, он решительно был настроен взять всю вину на себя, поэтому я запрятала это подальше в потаённые уголки моего сознания для последующего глубокого анализа. Было ли это связано с его родителями? Нет, вряд ли, мы ранее уже разговаривали о них. Я кивнула, и своей ладонью накрыла его руку, которая успокаивающе обрамляла мою щёку.

Он улыбнулся.

— Вот, это моя девочка.

Возможно, дело было в его улыбке, или в том факте, что он назвал меня *своей девочкой*, но я улыбнулась ему в ответ. Он оставил поцелуй на моём виске, а потом поцеловал в губы.

— Поехали. Это место уже давно ждёт тебя.

Он завёл двигатель и снова выехал на трассу I-84. Он нажал кнопку на руле и посмотрел на меня.

— В твою честь, — сказал он, когда зазвучала музыка. Я ожидала "К Элизе", но нет. — Ice Ice Baby⁵⁴.

На это мне пришлось рассмеяться.

— Мой национальный гимн.

Он продолжил перелистывать песни — все они имели отношение к нечто ужасному, выпавшему на долю ICE. "Лед становился тоньше", "Растопить лёд", "Шоколадный лёд сходит с ума". Я рассмеялась над его версией романтической музыкальной подборки. (прим. переводчика: игра слов: ICE — лёд, но также служит аббревиатурой иммиграционной и

таможенной полиции США)

— Детка, я могу заставить тебя чувствовать себя знойно, страстно, горячо, — напевал он тихим голосом.

Мой живот начал трепетать от сладостного волнения. Он снова улыбался. И пел. И мы приближались к тому месту, куда бы мы ни ехали. Если мне потребовалось надеть это красивое платье, то это должно быть было захватывающее дух место.

— Ранее ты повторяла вслух периодическую таблицу? — спросил Айден, его голос был весёлым.

Я зарделась, несмотря на устроенный им концерт, посвященный льду.

— Да, — пробормотала я.

— Ты используешь этот приём, чтобы успокоить себя?

— Слишком часто, — призналась я, с каждой секундой чувствуя себя всё более и более эксцентричной.

Он усмехнулся. Звук был настолько красивым, что я готова была повторять вслух периодическую таблицу миллион раз, чтобы снова его услышать.

— Это очаровательно, — сказал он, нежно проведя кончиками пальцев по линии моей челюсти. — И весьма ценно. С таким же успехом, это и меня успокоило. Сначала твой образ, потом твой голос, — он посмотрел на меня тёплым взглядом. — Что ты со мной делаешь?

— Учужу тебя химии?

Он покачал головой, будто спорил с внутренним голосом, звучавшим в его голове, но его улыбка с ямочкой на щеке ни к кому не прислушивалась.

— Почти приехали, — сказал он, сворачивая на необозначенный ни какими дорожными знаками съезд с трассы.

Нас окружал лишь густой лес, когда мы начали подъём по долине Каскадных гор. Понижающееся от восхождения давление давило на мои уши. Он повёл машину быстрее, но я не испытывала никакого страха. Только лишь приятное опьянение. Неожиданно, мы вырвались из лесного массива и оказались в открытом поле на самой высокой вершине горного хребта. "Ровер" резко затормозил.

В оглушающей тишине, я прижалась носом к окну, прищурившись, чтобы ничего не упустить из вида. Лунный свет заливал низкорослую траву, пологий склон вершины горы, очертания возвышающихся скалистых хребтов — окрашивая их чистым серебром. На некотором расстоянии отсюда виднелось слабое свечение, струящееся между узкоколоновидными стволами десяти или около того вечнозеленых хвойных растений.

Айден опустил окно. Сначала, я задрожала. Ветер здесь был вольным. Затем сладостный, цветочный аромат ошеломил меня. Я принялась к воздуху, пытаюсь сопоставить его со всеми известными мне ароматами, но не смогла. Аромат представлял собой композицию из нечто среднего между гарденией, розой, кориандром и коричневым сахаром.

Я повернулась, чтобы посмотреть на Айдена. Его лицо было обращено ко мне, его локоть подпирает руль, большой палец был прижат к виску. Сильное чувство отражалось в его глазах, нечто такое особенное, чему я не могла подобрать определение. Его улыбка была нежной. Она держалась на его губах, равно как и лунный свет удерживался на его ресницах: достаточно, чтобы озарить их, но не достаточно, чтобы тем самым затмить самого него. Кончик его среднего пальца рассеянно скользил по его нижней губе.

— Где мы? — прошептала я.

Глава 36

Звёздный Небосвод

— Я никогда никого сюда не приводил, — его голос был тихим, грубым, как будто раздражался от невысказанных слов.

Тотчас я поняла, где мы находимся. Мой пульс сначала загнулся, а потом начал усиленно колотиться, что ощущалось практически болезненно.

— Это твоё место уединения!

Он улыбнулся, затмевая луну, гору и даже изумительный аромат, витающий в воздухе. Выглядел он настолько прекрасно, что я прикрыла глаза. Всего на несколько секунд. Когда я их открыла, его лицо находилось в нескольких дюймах от моего лица.

— Думаю, ты хотела побывать здесь с того самого вечера в "Саду Роз".

Я кивнула, не то чтобы я совсем потеряла дар речи. На этот раз, слова нашлись, просто для меня это был такой трогательный момент, и все слова вертелись на кончике языка. Загнувшись. Причина крылась не в моём пульсе, и не в моём разуме, а где-то глубоко внутри. Поэтому я жадно поцеловала его, словно слова, которые я подбирала, были на его устах. Он отстегнул мой ремень безопасности и, вытащив меня из сидения, усадил к себе на колени. Его пальцы сжались в моих волосах, подталкивая меня ещё ближе к нему — так близко, что я почувствовала силу его сердцебиения прямо напротив моего корсета.

Он резко прервал поцелуй, удерживая моё лицо в своих горячих руках. Затем он улыбнулся полной, затронувшей ямочку и щрам, улыбкой, и потянулся в сторону заднего сидения, вытаскивая оттуда мягкой текстуры кремовое одеяло. Он накинул его мне на плечи.

— Пошли! — его голос был оживлённым.

Мы выбрались из машины, и я обернула вокруг себя одеяло. Зачем для этого мне понадобились платье и туфли на высоченном каблуке? Опять же, мы оба были одеты для сотворённых руками человека, торжественных приёмов. Почему бы нам не одеваться подобным образом ради чудес природы?

— Смотри, — сказал он, указывая на небо.

— Ох! — ахнула я, вглядываясь в тысячи звезд, мерцающих над нами.

Малая Медведица, Большая Медведица, Дракон, Кассиопея — настолько близкие, настолько яркие.

— "Светла, как ночь её страны", — медленно продекламировал он.

— Ох! — выдохнула я вновь, на этот раз от осознания.

Он с лёгкостью сгрёб меня в свои объятия — посмеиваясь над моим повизгиванием — и начал перемещаться к краю отвесной скалы. Я положила голову ему на грудь, слушая его сильное сердцебиение. Оно ритмично стучало в моих ушах, точно так же, как и моё. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Через четырнадцать ударов сердца, он остановился и поставил меня на ноги.

— А теперь смотри сюда, — сказал он, разворачивая меня в своих руках.

Я проследила за его взглядом... и вскрикнула. Моё собственное сердце упало мёртвым грузом в хищные глубины, простирающиеся под нами. Мы стояли на самом краю тончайшей

полоски земли, выступающей прямо в небо, ничего, кроме воздуха и звёзд, не окружало нас.

— Ты в порядке, — успокаивал он, его руки, подобно стали, стягивались вокруг меня. А затем он усмехнулся: — Водород, 1.008. Гелий, 4.003.

Неуверенный смешок сорвался с моих губ.

— Ты же не боишься высоты?

— С тобой, нет, — сказала я, поскольку прямо сейчас я ничего не боялась. Ничего, за исключением, потерять его.

Он улыбнулся.

— Тогда добро пожаловать в мой второй дом.

Он медленно прошёлся по узкой кромке земли, крепко меня обнимая. Он сел чуть поодаль от самого края, укутал меня, словно в кокон, в своих руках и ногах, и в мягком одеяле. Я ухватилась за его шею, снова пряча голову на его груди. Мы пребывали в таком положении неизмеримое мгновение. Прошли минуты, а может быть и даже несколько часов. Я пыталась сохранить в памяти абсолютно всё. На этот раз, мне не хотелось запечатлеть на фотоаппарат даже травинки. Это место казалось настолько интимным, что даже любые другие глаза, кроме наших — даже искусственный глаз камеры — осквернит его.

— О чём ты думаешь, когда приходишь сюда? — поинтересовалась я спустя некоторое время.

— Обо всём. Именно здесь родился "Хейл Холдинг". Здесь было принято большинство моих решений. А с тех пор, как я увидел твои картины, я думал только о тебе.

Я практически оторвалась от края и начала парить.

— Обо мне?

— Да, о тебе, — прошептал он мне на ухо. Я задрожала.

— Я тоже думала только о тебе, — моё лицо запылало, когда я призналась в этом вслух.

Он промолчал. Водворившаяся тишина заставила меня дрожать совсем иначе, поэтому я продолжила разговор:

— Ты часто сюда приезжаешь?

— Примерно два раза в неделю, — он оторвал свой взгляд от неба и посмотрел на меня. — Иногда, я сплю здесь.

— С-спишь здесь? — я окинула взором маленький луг, расположившийся позади нас.

Он кивнул.

— Земля, временами, ощущается более естественным ложем.

Я прижалась ближе к нему, пытаясь отогнать от себя прочь образ его, лежащего на холодной земле.

— Мне больше нравится, когда ты спишь рядом со мной.

Его мускулы изогнулись вокруг меня.

— Этого больше не повторится, Элиза, — произнёс он тихим голосом.

На мгновение моё сердцебиение замерло, а затем быстро заколотилось в переживаемом ужасе.

— Что? — мой голос дрожал.

Он обхватил руками мои щёки.

— Я не могу так рисковать. Что если следующий ночной кошмар не будет столь слабым?

Слабым? *Тот* кошмар был слабым?

— Меня не волнует это. Я хочу засыпать рядом с тобой... видеть твоё лицо, когда

просыпаюсь, — я умолкла потому, как мой голос достиг уровня истерии.

— Если проснёшься, — его голос был жёстким.

Мне надо сменить тему разговора. Прямо сейчас.

— Что там за свет за деревьями?

Его брови изогнулись в удивлении от неожиданной смены темы разговора. Потом он покачал головой и улыбнулся.

— Ну, теперь, я рад, что ты поинтересовалась, Элиза. Пошли, позволь мне *показать* тебе, — он выделил каждое слово, как будто они должны были иметь некий глубокий смысл.

Он поднялся, потянув меня вверх за собой. Я начала заплетаться на своих каблуках, но он взял меня на руки и широкими шагами пересёк луг, направившись в сторону изнеженного свечения, льющегося среди деревьев. Ещё несколько таких дней с ним, и, я бьюсь об заклад, хождение начнёт казаться чуждым для меня. Тем и лучше!

— Как часто ты занимаешься спортом? — спросила я, очарованная тем фактом, что я едва ощущала его поступь.

— Порядка двух часов в день. Я слабак по стандартам моих сержантов.

Я рассмеялась над ерундой, которую Айден нёс по поводу слабачка.

— Как ты можешь заниматься спортом, если не любишь, чтобы кто-то подкрадывался к тебе со спины?

— Я владею спортзалом.

Понятно? Всё просто.

— Кстати, а какое было у тебя звание?

— Лейтенант. А теперь, закрой глаза, — настоял он тоном, соответствующим его званию.

Я подчинилась, но широко распахнула все свои остальные чувства восприятия. Ошеломляющий аромат становился всё сильнее. Ветки хрустели под его безмятежными шагами. Он остановился, и я почувствовала его губы, нежно прикасающиеся к моим векам.

— Открывай, — сказал он.

Я открыла глаза. И не поверила своим глазам. Моё дыхание со свистом вырвалось из лёгких, гораздо контрастнее, чем ветер, гуляющий на вершине холма.

— Ох! — ахнула я уже в третий раз за этот вечер.

Мы находились на маленьком круглом поле, вечнозелёные хвойники окружали нас. В центре поля стоял тент-пергола. Белые шторы были задёрнуты, но нечто брезжило и мерцало внутри. И снова для меня настал трогательный момент, и все слова вертелись на кончике языка, поэтому я просто указала на тент, мой палец нетерпеливо разрезал воздух.

Айден рассмеялся, прижимая меня ближе к своему телу.

— Да, мэм, — сказал он, и начал демонстративно вышагивать своим непогрешимым шагом морского пехотинца. У тента, он поставил меня на землю и распахнул шторы: — После тебя, — прошептал он так, что означать это могло только *"ради тебя"*.

Я шагнула внутрь... и застыла на месте. Даже "ох", которое ликовало у меня в мыслях, замерло на моих губах. Передо мной открылся невообразимый вид, от которого перехватило дух, что я не смела ни моргнуть, ни сделать ни единого вдоха. Беспламенные свечи. Низкий марокканский столик, выполненный из дерева. Накрытые серебряные блюда. Шёлковые подушки цвета слоновой кости на креслах. Небольшого размера зона для танцев из полированного дерева. И повсюду, начиная со столика, заканчивая гроздьями хрустальных ваз, наводнившими пол, сотнями стояли розы, которые, как я считала, никогда в жизни не

увидю. *Aeternum romantica*.

— О, Боже мой!

Я прикрыла рот рукой, когда горячие слёзы в избытке хлынули из моих глаз и покатались вниз по моим щекам. В состоянии подобном сну, я подошла к розам, которые стояли в вазе ближе всего ко мне. Они были ещё красивее нежели, чем на фотографиях. Большие, чашевидной формы розетки были раскрыты, несметное количество аккуратно собранных в кисти лепестков уютно устроилось внутри соцветий. Все они были цвета нежного абрикоса, загнутые внутрь лепестки, усиливали создаваемый ими эффект, персиковые нотки темнели к сердцевине цветка, становясь медными, а края лепестков постепенно бледнели, приобретая классический жемчужный оттенок. А их аромат!

Я вытерла слёзы, поскольку они затуманивали взор, и повернулась к Айдену. Он наблюдал за мной с пылкой улыбкой на губах, его глаза были умиротворенно синими.

— Айден, это самое красивое, что я когда-либо видела. За исключением, тебя, — благоговейно выдохнула я, спотыкаясь, отступив назад к нему.

— Хмм, я вынужден с тобой не согласиться.

Он прижал меня к себе, настолько страстно, что я выгнула спину. В течение некоторого времени мы лишь целовались. Это был медленный сильнодействующий поцелуй, наполненный невысказанными эмоциями. Затем он отстранился, его глаза моргнули раз или два, подобно бабочке, открывающей и закрывающей свои крылья.

— Где же ты их отыскал? — удивилась я, беря его за руку, и на цыпочках, украдкой повела его вглубь тента, огибая вазы.

— Они прибыли из Найроби сегодня, ближе к вечеру.

Я остановилась, практически натолкнувшись на столик.

— Ч-что?

Он усмехнулся.

— Ну, ты была права. Они на самом деле больше нигде не растут. Я изучил всё о них, после нашего посещения "Сада Роз".

— Н-н-но как их сюда доставили?

Теперь он рассмеялся.

— На частном самолете. Затем привезли сюда на "Ровере" Бенсона, при поддержке Кору.

— Охренеть! — завопила я.

Он напрягся, выглядя при этом напуганным.

— Что не так?

— Айден, сколько же это стоило? — я всё ещё кричала.

— А, чёрт, — сказал он, но его плечи расслабились. — Ты же не собираешься сейчас делать это, правда же?

Я посмотрела на розы, подушки, шоколадки "Бачи" на столике. Он был прав.

— Нет, не сейчас. Я поору на тебя позже. И не смей употреблять "*чёрт*", находясь среди роз.

Он рассмеялся своим каскадным смехом. Я бросилась к нему в объятия.

— Спасибо тебе, — сказала я, ненавидя слова за их несовершенство. Ощущение, будто слова снова "вертятся на кончике языка", щекотало мои уста: — Я люблю, люблю, люблю каждую частичку всего этого, — пролепетала я, поднимая на него глаза.

Глубокая V-образная складка прорезалась меж его бровей. Его кадык перекатился, как

будто он сильно сглотнул. Тектонические плиты сместились, а затем вновь стали неподвижными. На мгновение я испугалась, что это конец. Что это его прощальный мне подарок.

Но он запустил руку во внутренний карман своего пиджака и вытащил оттуда крошечный серебристый пульт управления. Знакомая мне песня — одна из моих самых любимых — наполнила тент. "Amado Mio" (перев. с испан. языка — любимый мой) в исполнении группы "Пинк Мартини". Она текла из беспроводной аудиосистемы, стоявшей в углу, которую я, видимо, упустила из вида из-за переполнявшего меня удивления.

— Могу я пригласить тебя на танец? — спросил он, предлагая мне свою руку.

— Ты танцуешь танго? — провизжала я.

Проклятье, я таяла. Инертные газы имели больший удельный вес, чем я в тот момент.

Моя любимейшая ямочка собралась в складочку на его щеке.

— Начиная с самого обеда.

— Ты научился танго... за полдня?

И где же сейчас находилась моя челюсть? Похоже, от изумления, она у меня отвисла и находилась где-то тут, на уровне бутонов роз *Aeternum*.

Он усмехнулся от моего скептического выражения лица.

— На подготовку ушло девяносто две минуты, если быть точным.

Когда я несколько раз открыла и закрыла свой рот в безмолвии, так как способность производить звуки была мной утрачена, он улыбнулся, и постучал по своему виску.

— Есть свои плюсы от этого упрямца и YouTube.

Я моргнула и закрыла рот.

— Это просто... просто..., — гениально? Ошеломительно? Нет, лишь одно слово было у меня на уме: — Это просто Айден.

Его сдавленное подсмеивание переросло в истинный смех, когда он обвил рукой мою талию, притягивая меня в своё интимное объятие. Он начал двигаться. Сначала это была медленная *каденция*, потом *каминада*, его длинные ноги перекрещивали мои ноги. Айден вёл в своей доминирующей, покровительственной манере, но настоящие изменения происходили во мне. Впервые, в моей жизни танго творило со мной именно то, что оно и должно было делать с женщиной. Я не была больше дочерью. Не была сестрой. Не была другом. Я стала женщиной. Женщиной Айдена. Я приподняла ногу, сгибая в колене, и обхватила ею его ногу, вкладывая в движение всю свою новую смелость, страсть, женственность и всевластие. Я наблюдала за нашими сплетёнными тенями, танцующими на шторах, выглядя при этом очень похожими на моих маму с папой, когда они танцевали. Даже более, в этот момент я обнаружила новое счастье, которое принадлежало только мне одной. Ни призракам, ни воспоминаниям.

Я зарылась лицом в его груди, вдыхая Айденоский-и-*Aeternum* аромат.

— Ты собираешься выделить аромат? — спросил он, его бедро было прижато меж моих бёдер.

— Ты уже имеешь его во флаконе, — пробормотала я, испытывая смущение, будучи пойманной за вдыханием его аромата.

Он усмехнулся.

— Я подразумевал, розы, но приятно осознавать, что не пахну так, как это бывало после тренировки с моим командором.

Я покраснела достаточно, чтобы мои щёки окрасились цветом красной розы.

— Ох! Умм, да. Их аромат высококачественный — именно поэтому я их люблю. Только шесть сортов из пяти сотен имеют такую пороговую интенсивность. К тому же, в Кении ими торгуют на законной основе, и там они являются оплотом поддержки дикой природы.

Он замедлил свой темп до *каденции*.

— Компетентна даже в вопросе вида любимой розы, но не в типе мужчины, которому даришь себя.

Мои пальцы впились в его руку и шею.

— Не сейчас, Айден, — никогда, вообще-то.

Он поцеловал мои волосы. Я задрожала, поскольку он просто-напросто выжидал. Ожидая благоприятного момента, чтобы поставить точку во всём этом.

— Зачем ты все это делаешь? — поинтересовалась я в попытке отвлечь *нас обоих*. — Я обожаю всё это, но я была бы счастлива здесь даже просто с кружкой горячего шоколада и рядом с тобой.

Я начала выполнять шаг *очо*, но он остановился. Он вновь пристально смотрел на меня с той самой эмоцией на лице, определение которой я так и не смогла найти, V-образная складка меж его бровей прорезалась ещё глубже. Он опустил наши сплетённые руки.

— Сегодня ты попросила меня *показать* тебе каково это быть со мной, — начал он монотонным голосом.

Кровь отхлынула от моего лица, когда он подтвердил моё самое худшее опасение: этот прекрасный вечер был просто средством достижения цели.

— Пожалуйста, не надо! — слова со свистом вырвались из меня, подобно последнему вздоху.

Я пыталась, всерьёз, всецело пыталась бороться со слезами, до краёв наполняющих мои глаза. Как он может позволить себе все это разрушить? Всю эту жизнь, изобилующую внутри меня, поглотит тьма, если его не будет рядом. И то умиротворение, которое я дарила ему, оно тоже исчезнет.

— Элиза, оглянись, — сказал он. — Что ты видишь?

— Самую прекрасную ночь в своей жизни, — ответила я, не колеблясь.

Он кивнул, как будто именно такой ответ и ожидал.

— Я на это и надеялся. Но, детка, вот это — это лучшее, что когда-либо может случиться с нами.

Я нахмурилась, стараясь понять к чему он ведёт.

— Если это лучшее, к несчастью, ты потерпел неудачу в демонстрации того, почему я не должна быть с тобой.

Он покачал головой.

— Нет, не потерпел. Я могу делать всё это ради тебя. Привозить розы из любой точки мира, покупать тебе платья, которые никто кроме меня не увидит, брать в аренду книжные магазины для тебя. Но это всё, что я могу дать.

Я открыла было рот, чтобы выразить свой протест, но он нежно прикрыл его рукой. Его пальцы были холодными.

— Пожалуйста, послушай. В завершении каждого вечера, неважно каким бы красивым я его ни сделал, ты будешь спать в одиночестве, и это принесёт гораздо больше боли, потому как вечер был прекрасным. Во время дня, ты будешь разрываться на части, выбирая между семьёй и мной. Сначала это будут вечеринки в честь окончания учебы, и праздники, и дни рождения. Потом постепенно, тебе станет невыносимо в моём мире, в отдыхе здесь на

природе, на вершине этого утёса со мной. Я не смогу дать тебе твою собственную семью. Я не дам тебе детей, лишь потому, что этот папочка может уничтожить их по несчастному стечению обстоятельств. Последовательно, ты начнёшь терять всё. И это лучший сценарий, если до этого я не причиню тебе вреда. Я не могу отказаться от своего уклада жизни, Элиза, и я отказываюсь принимать твою жизнь в дар, лишь для того, чтобы я смог украсть её у тебя.

Его глаза были сфокусированы, полны решительности. Его рука твёрдо прижималась к моему рту, но на этот раз, ему не требовалось утихомиривать меня. Я сама по себе остолбенела. Мир, как ни странно, стал пустым. Ни "Пинк Мартини", ни ветра. Даже аромат *Aeternum* увял. Леденящий холод его руки теперь распространялся по всему моему телу, и я задрожала.

Это могло бы показаться странным, что ни одно из его предупреждений о физической опасности не отпугнуло меня, тем не менее, данная картина изоляции, в итоге, достигла своей цели. Но когда я задумалась об этом, на самом деле, это не было странным для такой девушки, как я. Никакая травма, никакая серьёзная угроза моей жизни, ничего из этого не могло мне дать того, чего бы я не смогла пережить, и даже страстно желать этого раньше. Но потеря единственного подобия семьи — потеря моего второго шанса — как я смогу снова пройти через это?

По своей собственной воле серебристые Лубутены сделали шаткий шаг назад. Прочь от него. Он закрыл глаза и убрал руку. Возможно, он увидел перемены во мне, или может быть, перемена произошла в нём самом. Чем бы это ни было, мне надо было подумать. Я развернулась и выбежала из тента.

Ветер хлестко сёк волосами по моему лицу, когда я попыталась успокоить своё дыхание. Я посмотрела на его место уединения. Могла ли я быть с ним на этих условиях? И что случится, если я соглашусь на это? Я потеряю Солисов, Реаган, новых друзей, которых я ещё пока даже и не встретила, и в итоге, даже его. Нет! Я должна уйти. Я должна уйти *прямо сейчас*.

Всеми своими силами я попыталась сделать шаг вперёд, в сторону вершины утеса. Мои мышцы сократились от этой мысли. Мир снова стал пустым, как будто все мои чувства отреагировали на нависшую угрозу потери Айдена и отказывались признавать что-либо ещё, кроме него. Всё что я могла видеть в темноте этой ночи, так это красивого, терзающего самого себя, мужчину, который организовал доставку роз через весь континент только ради меня, который вернул меня к жизни, в полном смысле этого слова. Мои каблуки утонули в траве. Я не могла уйти. Как минимум, я должна попытаться. Возможно, если он позволит себе немного нормальных, счастливых воспоминаний, они нейтрализуют плохие, и со временем, заменят их.

Я сделала прерывистый вдох и вошла в тент. Он не сдвинулся ни на дюйм — его лицо, по-прежнему, было серьёзным. Широкими шагами я прошла через танцпол, прямо к нему, на удивление мои колени не подвели меня.

— Должен ли я отвезти тебя домой? — спросил он, его голос почти осип.

Я взяла его за руку.

— Не сегодня. Я хочу выяснить всё сама.

Его губы сжались в тонкую линию, и он прикрыл глаза.

— Я узнаю по опыту, а не по рассказам, Айден.

Когда он открыл глаза, они начали озаряться бирюзой. Его губы приподнялись в улыбке поверженного.

— Учёный до мозга костей.

— Значительный генетический изъян, по утверждению моей мамы.

— Так к чему нас это ведёт?

Я сцепила свои пальцы с его пальцами.

— Помню, как ты называл это "перемирием".

Я встала на цыпочки и поцеловала его шрам.

Он вздохнул, либо от испытанного удовольствия, либо от разочарования, я не знала. И на данный момент, мне не хотелось это выяснять. Я проследила поцелуями линию его напряжённой челюсти вплоть до уголка его рта.

— Поцелуй меня, — попросила я.

Теперь он искренне улыбался.

— Одна кратковременная победа, и ты уже отдаёшь мне приказы?

— Да, — я сжала в кулак его волосы, притягивая его ближе к себе. — А теперь, никаких разговоров с твоей стороны, за исключением, если они не похотливые!

Этого хватило для Айдена. Его рот приоткрылся, в этот момент "Пинк Мартини" распевал припев. Затем его взгляд потемнел, и он рывком, небрежно притянул меня к себе. Со стоном, подобному провозглашению капитуляции, его рот накрыл мой. Его язык и губы начали беспощадное танго на своих собственных условиях. Его хватка на моём лице была настолько крепкой, что я ощутила его мощь глубоко в самой сути себя.

— Ты хочешь грязных разговоров, Элиза, но я не могу произносить даже "*чёрт*" среди всех этих роз, — произнёс он между поцелуями. — Так что на этот раз, ты сама усложнила задачу.

В моих ушах пульсировала кровь, краем уха я уловила, как "Пинк Мартини" нараспев шептал "*amado mio*". Может быть, дело было в песне, или в кончике языка Айдена, который очерчивал линию моих губ, но последние остатки моего разума, запинаясь, твердили мне об очевидном, сгорая в огне страсти. И вот так просто, я познала слова, которые подначивали меня с того самого момента, как только я увидела это место.

Я обхватила его лицо ладонями и поцеловала его, вкладывая в поцелуй всю силу этих слов, поскольку не осмеливалась произнести их вслух. Но с каждым штрихом моего языка, мой разум кричал: *я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.*

Глава 37

Произведение искусства

Прошла неделя. У меня возникло чувство, словно, прошёл всего один день... но и, в то же время, целая жизнь. Складывалось ощущение, словно прошёл всего лишь день, потому как независимо от того сколько часов я проводила с Айденом, они пролетали слишком быстро, подобно мимолетному видению. Казалось, была прожита целая жизнь, по причине того, что я никогда раньше не чувствовала себя настолько живой, чем проживая каждый миг сейчас.

— Ты не должна выглядеть настолько сногсшибательно. Это привлечёт внимание полиции, — сказал Айден, заключая меня в объятия, пока Бенсон вёз меня на вечеринку,

организованную в честь моего выпуска из колледжа.

Мы выяснили, что если Айден держит меня в объятиях в машине, его привычное напряжение из-за дорожного движения слегка ослабевает.

— Ты не возражаешь, что я надела мамино платье? — спросила я его, взбивая голубовато-серый подол платья.

— Элиза, носи всё что пожелаешь, лишь бы ты улыбалась так же, как и сейчас. И в любом случае, полагаю, что твоя мама должна присутствовать на этой вечеринке.

Как должен бы присутствовать и ты.

Я внимательно наблюдала за мелькающим за окном городским пейзажем, чтобы отвлечь себя от пустоты, которая зияла в моей груди каждый раз, когда работа или сон разлучали нас. *Водород, кислород, радий* — я лихорадочно перебирала элементы в голове, пока наблюдала, как окружающий мир пролетал мимо нас. В противоположном направлении от дома семьи Солосов.

— Умм, Айден, мне кажется, мы едем в неверном направлении. Семья Солисов живёт в северной части Портленда.

Он одарил меня улыбкой, явив ямочку.

— Ты не едешь домой к семье Солисов, Элиза.

— Что? Что ты имеешь в виду?

— Это сюрприз.

Бенсон тоже заулыбался, посмотрев на нас в зеркало заднего вида, но мой пульс начал бешено колотиться от ужаса. Последний раз, когда Айден планировал сюрприз, он попытался вытолкнуть меня из своей жизни. Ничего не изменилось в этой области — мы всё ещё находились на стадии "перемирия".

Он поцеловал мой висок.

— Сюрприз не такого рода.

Я с облегчением выдохнула и расслабилась в его руках.

— Солисы и Реаган в курсе?

— Да, они ждут тебя — твоя соседка отнюдь не любезна, должен заметить.

— Не переживай из-за Реаган. Она просто покровительственна. Она успокоится.

Я поцеловала его щрам, и стала наблюдать за каждым поворотом, который совершал Бенсон. Похоже, мы направлялись в сторону государственного университета Портленда.

В итоге, "Ровер" плавно остановился перед — я не могла в это поверить — Музеем Искусств Портленда! На краю тротуара стояла белая табличка:

*ВЕЧЕРИНКА В ЧЕСТЬ ВЫПУСКА ЭЛИЗЫ
ГАЛЕРЕЯ "АНГЛИЙСКИЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК"
ЗДАНИЕ БЕЛЛУСКИ*

Моя рука взметнулась к моему рту, словно пыталась предотвратить поспешное выскакивание челюсти из окна и её приземление рядом с *"Водяными лилиями"* Моне.

— Ты снял весь музей? — прошептала я сквозь пальцы, частично испытывая ужас, частично благоговение. Краем глаза я заметила, что Бенсон вышел из машины.

— Нет, не весь. Лишь одну галерею, что как мы знаем, является признаком успеха для меня.

Я встретила с его спокойным взглядом. Какой толк спорить с мечтами?

— Да, — сказала я. — И красиво. И ужасно доро-

Он прижал указательный палец к моим губам, качая головой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Пожалуйста, только не делай из этого вопрос денег. Я хочу, чтобы это было всем, чего ты желаешь.

Его голос был настолько нежным, что он медленно заскользил по моей коже, точно так же, как и его прикосновение. Но как эта вечеринка может быть всем, чего я желаю, когда всё чего я желаю, сидит со мной в машине и не собирается войти со мной в галерею?

— Не хочешь пойти? — слова вырвались из моих уст.

Он тотчас же выпрямился, и его рука соскользнула с моих губ, вся нежность улетучилась из его глаз.

— Не начинай это снова.

— Но что если мы просто сядем в углу, и всё время будем целоваться? Никто не посмеет приблизиться к нам.

Он покачал головой, не найдя ничего смешного в моей шутке.

— Нет.

Он удерживал мой взгляд своим волевым свирепым взглядом, с которым я уже была хорошо знакома. Я не могла спорить с ним. А если бы и начала, он бы стал убеждать, что лишает меня главных событий в жизни, и попытается снова от меня уйти.

Я кивнула, выдавливая улыбку на лице.

— Правильно, безопасность, прежде всего. Я понимаю, лейтенант.

Я попыталась отдать ему честь, как это делают морпехи, но моя рука просто хлопнула о бок.

Он внимательно изучал меня в течение длительного времени, и затем его взгляд смягчился.

— Хорошо. Итак, ты взяла все подарки для своей семьи?

— Да, всё упаковано в бумагу бирюзового цвета и готово к вручению.

Он улыбнулся.

— Бирюзовый цвет? Интересный выбор.

Не в состоянии противостоять его улыбке, я тоже широко заулыбалась.

— Мой самый любимый цвет. Ты хочешь увидеть свой подарок? — мой голос слегка надломился, когда я подумала о том, что собираюсь сделать.

— Подарок *мне*? — он нахмурился, как будто считал, что не заслуживает подарка.

— Да. И прежде чем ты начнешь спорить, ты преподносишь мне новые наряды от "Марголиса" каждый день. Теперь моя очередь.

Ямочка собралась в складки, немного скрываясь за его щетиной, отросшей за выходные.

— Да, мэм.

Я запустила руку в свою сумочку в поисках коробочки, обернутой в лиловую и бирюзовую бумагу. Когда я её нашла, я немного дольше подержала её напоследок в руке, мои пальцы крепко её сжимали.

— Вот, — сказала я, протягивая ему коробочку обеими руками.

На верхней крышке коробочки расположился засушенный бутон розы *Aeternum*, скреплённый лентой. Остальные розы находились в холодильнике в химической лаборатории, проходя процесс извлечения эссенции гераниола.

Он принял коробочку с мальчишеской улыбкой на устах.

— Я не уверен, что помню, когда последний раз получал подарок, — сказал он. — Хотя нет, помню. Восьмое января, в 1:34 дня. Бутылка виски "Балвени"⁵⁵ от Бенсона.

Я рассмеялась, звук смеха вибрировал от волнения.

— Запоздалый рождественский подарок?

— Да. Даже, несмотря на то, что я говорил ему двадцать четыре раза ничего мне не дарить.

Он спрятал *Aeternum* в грудном кармане своей рубашки, и начал распаковывать подарок. Но когда он вытащил из упаковки двойную рамку, коробочка выпала из его рук, и его рот приоткрылся от удивления.

Я проследила за его взглядом, хотя и знала, что он там видит. С одной стороны была фотография его дома, а с другой — мой билет в Америку в одну сторону, дата которого совпадала с датой покупки его дома. Я бы никогда не рассталась с этим билетом, но с тех пор, как я его встретила, создавалось впечатление, словно я приехала сюда только ради него одного.

Он посмотрел на меня, на его лице была написана очень сильная эмоция, та самая, которой я так и не смогла найти определение, которую я видела в наш вечер, проведённый в его месте уединения.

— Это настоящий билет? — спросил он, его голос был тихим.

Я кивнула, сглатывая, чтобы слезы не потекли из моих глаз.

Он вновь посмотрел на подарок, хотя я и понимала, что он уже запомнил его. Его кадык перекатился вверх и вниз в его прекрасном горле.

— Почему ты даришь его мне?

В некотором смысле, дарить Айдену что-то, что помещается в рамку, было глупо. Но это не фотография — это связь.

— Потому что всё это путешествие стоило совершить даже ради того, только чтобы встретить тебя. Даже если речь сейчас идёт лишь об этом.

Он наклонился и поцеловал меня в висок.

— Спасибо, — его голос прозвучал для меня в незнакомой мне ранее интонации, смиренно.

Я улыбнулась.

— Не за что. Теперь у тебя есть рамочка!

Он усмехнулся.

— Так и есть. Полагаю, что поставлю её на свой рабочий стол в библиотеке. Это до чёртиков потрясёт Кору с Бенсоном.

Я почти парила, подобно шарик, наполненному гелием. *Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя.* Я сфотографировала этот момент, отвлекая себя, чтобы эти слова не прорвались сквозь мои стиснутые зубы.

Он положил рамочку себе на колени и погладил мою щёку.

— Ты не получила ни одного подарка в свой адрес, Элиза.

Я пожалала плечами.

— У них нет того, чего я хочу.

V-образная складка прорезалась меж его бровей, и его челюсть изогнулась, вероятно, составляя план по уничтожению всех продавцов Портленда, кто подвёл меня таким образом.

— Чего ты хотела?

Я забралась к нему на колени, обвивая его руками.

— Поспи со мной сегодня, — сказала я, стараясь не позволить резкой боли от его отсутствия просочиться в мой голос.

Каждую ночь, начиная с ночи, проведённой на утёсе, Айден ждал пока я усну — обычно это был вопрос буквально нескольких секунд, после наших с ним сексуальных утех — и затем уходил спать в гостевую комнату, расположенную чуть дальше по коридору.

Он тотчас же расцепил мои руки у себя за шеей и опустил их.

— Нет, Элиза. Мы уже это обсуждали, — его голос был непреклонный.

— Пожалуйста?

Мой профессор по нейропсихологии ошибался, когда говорил нам, что мы испытываем отсутствие бдительности в глубоком сне. Я начинала скучать по Айдену, как только закрывала глаза, вплоть до самого момента, как их открывала. Я узнавала об его отсутствии по холодной кровати, которая не становилась теплее, независимо от того, как много одеял он накидывал на меня, по мурашкам, которые никуда не уходили, несмотря на прекраснейший шёлк "Марголиса", по снам, в которых он всегда был окутан бирюзовым полумраком.

На его челюсти заходили желваки.

— Это не — стоит — такого риска.

— Но я, вообще, ни разу не прикоснусь к тебе, я обещаю.

— Пожалуйста, прекрати!

Он закрыл глаза, потирая пальцем переносицу. Когда он вновь их открыл, он нежно обхватил руками моё лицо.

— Элиза, детка, неужели ты думаешь, что я не хочу спать рядом с тобой? Неужели ты думаешь, я не вижу, как ты обхватываешь мою подушку во сне? Я часами наблюдаю за тобой по ночам.

— Наблюдаешь?

Он улыбнулся.

— Конечно, наблюдаю, бесхитростная, красивая, безрассудная девушка.

Я улыбнулась в ответ, борясь с несколько нелепыми слезами. *Я люблю тебя.*

— Может, мне необходима твоя точная копия, наподобие близнеца плюшевого мишки-Айдена.

— Звучит ужасающе.

Он сделал вид, будто содрогается от описанного мной образа, но поцеловал меня, его губы были мягкими, а язык яростным. Я запустила руку в его волосы и сжала её в кулак, не заботясь о том, что мы были в общественном месте, с Бенсоном, стоящим снаружи, прямо у окна. Я, видимо, полностью лишилась всей своей британской скромности и готова была пойти на многое, но он разорвал поцелуй, слегка усмехаясь.

— Если продолжить в таком же духе, всё закончится тем, что нас арестуют, и это поставит под угрозу твою грин-карту.

— Ох, да, я и забыла, — сказала я, осознавая, что состроила надутые губки. — Не могу дождаться, когда обрету свободу от этих глупых ограничений общественной морали.

Он рассмеялся своим каскадным смехом.

— Вечером, — пообещал он, щипая меня за подбородок.

Вечер — так долго ещё ждать. Я вновь начала его целовать, но Бенсон выбрал именно этот момент, чтобы постучать по стеклу. Я выглянула в окно и увидела Хавьера, бегущего вниз по ступенькам музея.

Изменение в Айдене было молниеносным. Напряжение внезапно обволокло его плечи, и я смогла увидеть мерцающую ярость в его глазах, когда его память отыскала первую реакцию на Хавьера. Но он взял её под строгий контроль, тектонические плиты перемещались до тех пор, пока не нашли своё естественное, сдержанное положение.

— Хорошая работа, — сказала я ему, целуя в щёку.

Он кивнул, на его лице не осталось ни намёка на юмор. Мы вышли из машины, Айден держал спину, повернутой строго к "Роверу". Бенсон шагнул вперёд, занимая своё неизменное место по правую руку от Айдена.

Хавьер перешёл улицу и, двигаясь перебежками, подошёл к нам. На нём были надеты всё те же начищенные до блеска ботинки, тёмные джинсы и синяя рубашка, которую он надевал на рабочие сеансы по написанию картин.

— Эй, виновница торжества!

Он взлохматил мои волосы, заключая меня в крепкие объятия. Я неуклюже обняла его в ответ, так как Айден удерживал меня за руку, при этом вовсе ни нежно.

— Мистер Хейл, рад снова видеть вас, — вежливо произнёс Хавьер, протягивая ему руку.

— Мистер Солис, — ответил Айден своим самым спокойным тоном, освобождая мою руку, и пожимая руку Хавьеру.

— Было по-настоящему мило с вашей стороны помочь нам в организации этого вечера. Мы бы обошлись и просто вечером с карнитас, но Изе так больше понравиться, — улыбнулся Хавьер, кивком головы указывая на меня. В его улыбке читалась странная натянутость.

— Рад был помочь, — ответил Айден.

Хавьер кивнул, переводя взгляд на меня с всё той же улыбкой на лице. Он изогнул брови и мельком взглянул на обувь. Выглядел он чуть смущённым.

— Ну, что касается меня, то я надеюсь, что карнитас, приготовленный Марией, здесь, — сказала я, на случай если эта ответная реакция на богатство Айдена была такой же, каковой была и моя. — В противном случае, я даже и не войду внутрь.

Оба, Айден с Хавьером, заулыбались. Улыбка Айдена была обходительной, у Хавьера — неловкой. Первым пришёл в себя Хавьер.

— Ну, мистер Хейл, заходите, попробуйте на вкус карнитас сами. Иза, пошли. Все девочки пребывают в возбуждённом состоянии.

Я посмотрела на Айдена. Его лицо было жёстким, как закалённая сталь, его плечи излучали напряжение, равнозначное термоядерному.

— Умм, Хавьер, вообще-то, присутствовать буду только я. У Айдена работа... что-то касаясь его сделок с Токио... разница во времени и всё такое, — я попыталась сохранить свой голос настолько спокойным, насколько смогла, но внутри я чувствовала себя подобно ферментированной сере — зловонно и слегка токсично. Я ненавидела врать Хавьеру.

Его брови, нахмурившись, сошлись вместе — подобно одной большой пушистой малярной кисти. Он выпрямился. Мои ладони начали потеть, когда я распознала позу старшего брата. Точно такую же позу он принимает, когда слышит о том, что кто-то задирает Бель в школе.

Он неодобрительно посмотрел на Айдена.

— Но, это же вечеринка в её честь! Вы большой босс, неужели вы не можете изменить порядок вещей, чтобы присутствовать? Она, на самом деле, усиленно работала, чтобы достичь этого.

Челюсть Айдена сжалась, скрежет его зубов был практически различим. Его глаза потемнели от ярости и прищурились в уголках. Заметил ли Хавьер крепко стиснутые кулаки?

— Нет, я не могу изменить ранее данные мной обязательства, мистер Солис, — его голос леденил кровь. — Надеюсь, она будет в надёжных руках рядом с вами, — добавил он, в приказном порядке — а не в форме просьбы.

Хавьер сделал шаг, став ближе ко мне.

— Она была в надёжных руках рядом с нами все эти четыре года, мистер Хейл, — ответил Хавьер, что прозвучало как обещание, но одновременно и как отпор.

Я решила вмешаться.

— И теперь я собрала всех этих людей, готовых ужасно меня баловать, — я хлопнула в ладоши, мой голос был достаточно высоким, чтобы окна музея разлетелись вдребезги. — Я — счастливица. Поторопись, Хавьер, я бы не отказалась от карнитас.

Хавьер выглядел сбитым с толку.

— Ты только что использовала британский сленг?

— Умм, да, полагаю, что так!

Славно, похоже, это отвлекло всех! Айден улыбался, но ямочка на этот раз не появилась на щеке. Хавьер неистово моргал. Я скользнула ближе к Айдену и положила ладони на его напряжённую грудь, ощущая, как его сильные руки обхватили мою талию, словно тем самым они нашёптывали свои собственные слова.

— Спасибо за всё, — сказала я ему.

— Будь аккуратна. И не забудь свои подарки и камеру.

— Ох, проклятье! Спасибо за напоминание.

Бенсон открыл багажник и вытащил оттуда огромную картонную коробку, в которой находились все подарки, упакованные в бирюзовую бумагу. Я шагнула, чтобы взять её, но все трое мужчин одарили меня таким взглядом, который ясно говорил *"забудь об этом или ICE будет меньшей из твоих проблем"*. Айден послал Бенсону один кивок, который после этого жеста сразу же направился в сторону музея быстрее, чем мы с Хавьером успели моргнуть.

— Увидимся позже, мистер Хейл, — сказал Хавьер, и последовал за Бенсоном.

У меня возникло ощущение, что он предоставил нам возможность побыть наедине.

Я приподнялась на кончики пальцев ног, желая поцеловать Айдена, рассчитывая лишь на поцелуй в щёку, поскольку поблизости был Хавьер. Но он запустил руки в мои волосы и сжал их в кулаки, жёстко целуя меня. Не было никакого сумасбродного погружения языка или овладение моим ртом. Просто поцелуй губы в губы, подобно обмену воздухом или условным знаком. И именно поэтому этот поцелуй заставил меня испытывать нехватку воздуха в полной мере. Я не хотела оставлять его здесь одного, в то время как остальная часть моего мира находилась внутри этого здания. *Водород, 1.008* —

— Ты уже добралась до магния? — поинтересовался он.

Как он узнал?

— Нет, я только начала с элемента, названного в твою честь.

— Токсичный уран?

Я сделала вид, что собираюсь ударить его в грудь.

— Нет! Гелий. Нетоксичный, редко встречающийся на планете, и легко улетучивается, — я снова встала на цыпочки и поцеловала его шрам. — Не улетучивайся, Айден.

"Я люблю тебя" прошептала я ему лишь своими глазами и побежала за Хавьером с Бенсоном, пока эти слова по собственной воле не вырвались из меня.

Глава 38

Спартанка

Хавьер приостановился у двойных дверей, ведущих в галерею "Английского серебряного века". Звуки сальсы лились из-за закрытых дверей. Его взгляд был серьёзным, брови нахмурены.

— Эй, прежде чем войдём внутрь, мы можем заглянуть на минутку в секцию "Европейского Искусства"? — спросил Хавьер, мельком поглядывая на Бенсона.

— Конечно, — ответила я, но всё внутри меня закрутилось, словно в ритме сальсы.

Я понимала, что это имеет отношение к Айдену, и знала, что Хавьер преподносит правду так, что ты не сможешь её не услышать.

Я повернулась к Бенсону, едва ли не мечтая о том, чтобы ему потребовалась помощь в доставке коробок.

— Большое спасибо, Бенсон. Ты — волшебник.

Он покраснел до кончиков ушей.

— Это моя должность, мисс Сноу.

Я рассмеялась.

— Поцелуй его от меня.

— Этого нет в моей должностной инструкции, мисс Сноу, — его губы изогнулись в улыбке.

— И даже в щёчку?

Он лишился своего стоического выражения лица.

— Посмотрю, что можно сделать, мэм.

Я рассмеялась и последовала дальше по коридору за Хавьером, в сторону экспозиции по Европейскому искусству. В течение некоторого времени мы хранили молчание. Только лишь его начищенные туфли и мои новые кремового цвета Лубутены отражались звуком от мраморного пола. Умудрённые годами глаза муз следили за нами с картин, обрамлённых в рамы. Неожиданно я позавидовала их безопасности.

Хавьер остановился перед картиной 1805 года, написанной Франсуа Лебарбье. "*Спартанка вручает щит своему сыну*" гласила табличка у картины.

— Посмотри на её лицо, — нарушил тишину Хавьер, его пальцы заскользили в воздухе, как будто он рисовал её профиль.

Я следила за его движениями, сосредоточившись на женщине с каштановыми волосами и её взгляде, обращённом на сына. Моментально я подумала о матери Айдена, Стэлле.

— Она напугана, — сказал он. — Посмотри на тёмную тень на её щеке. Но она не показывает этого. Она улыбается ему.

Я тоже улыбнулась, рассматривая её искривлённые бледные губы.

— А теперь посмотри на спартанца, — голос Хавьера понизился, его пальцы прослеживали покатые плечи воина.

Спартанец был обращён спиной к зрителю, но он смотрел на "Стэллу". Каждый его мускулистый остов, начиная с похожих на скалу икр, и заканчивая его руками, в которых было зажато острое копьё, был готов к разрушению.

— Совершенно смертоносно, но всё-таки он смотрит на неё с потребностью, может быть потому, что у неё есть щит, который может его спасти.

Пристально, не моргая, я смотрела на лицо воина. На его лице было выгравировано ребяческое страстное желание, в ожидании, когда его мать поместит щит на его предплечье.

Хавьер посмотрел на меня.

— Как думаешь, он вернётся к ней домой?

От этого вопроса слёзы опалили мои глаза, но я не могла отвести взгляд от картины.

— Я не знаю, — прошептала я. — Зачем ты мне это показываешь?

Он положил руку мне на плечи и развернул меня к себе лицом.

— Потому что я волнуюсь за тебя... за тебя и Хейла. Понимаешь, он чем-то напоминает мне этого воина. Я злюсь на Хейла — что-то не так. К примеру, то, как он только что смотрел на меня, словно готов был оторвать мне голову. Но затем, ты приблизилась к нему, и он посмотрел на тебя с доведённой до отчаяния потребностью, точно также как и этот спартанец.

— Что в этом плохого?

— А то, что при всём этом, он даже не смог перенести селекторное совещание, чтобы освободить время для тебя. Он выбрасывает всю эту наличность на твоём пути, покупает все эти подарки, но даже не может удосужиться подняться на второй этаж, ради того чтобы познакомиться с твоей семьёй. Вот почему это плохо.

Во рту у меня пересохло, и я оглянулась, бросив взгляд на спартанца-воина, его спина была натянута, как струна, под тяжестью доспехов. Но слова Хавьера сгустили окружающий нас воздух. Они оседали в моих дыхательных путях, будучи не в состоянии ни проникнуть внутрь, ни вырваться наружу.

— Дорогая, что между вами двумя происходит, хмм? На прошлой неделе ты сказала, что не будешь с ним снова видеться, но создавалось такое впечатление, что в этой истории было кое-что ещё. Затем, на этой неделе, он позвонил мне, уведомив меня, что берёт на себя организацию всей этой чёртовой вечеринки.

Я заставила свои лёгкие втянуть в себя воздух. Это я ещё могла объяснить.

— Ну, я была расстроена из-за того, что между нами возникло недопонимание. Он хотел дистанцироваться от меня, потому как считал, что я заслуживаю лучшего. Я думала, что не нравлюсь ему, и после этого всё полетело к чертям. Но затем он приехал и всё объяснил. И теперь, мы здесь, — сказала я, краснея с головы до пят, точно так же, как я могла себе представить, я покраснела бы, если бы призналась в этом своему папе.

— Тот момент, что он считает, что ты заслуживаешь лучшего, довольно сильно меня беспокоит.

Я покачала головой. Как я могла объяснить это, не предавая Айдена?

— Большинство хороших мужчин предвзяты по отношению к самим себе. Звучит знакомо?

Он улыбнулся.

— Мужчины знают себя лучше, чем кто-либо ещё, Иза. Так или иначе, что теперь — он открылся перед тобой и хочет быть с тобой?

Ну и вопрос. Это то, чем я озадачиваю себя каждую ночь во время этих нескольких

последних блаженных секунд, пребывая в сознании, после того как побывала в полной власти Айдена. Действительно ли Айден хочет быть со мной? Не для того, чтобы спасти меня; не для того, чтобы заниматься со мною любовью; а по-настоящему хочет, чтобы я была рядом с ним?

— Ну, нет... не совсем. Мы просто проводим некоторое время вместе.

— Некоторое *время* вместе?

Каким-то образом я смогла прорваться сквозь внешнее спокойствие Хавьера.

— Дорогая, у тебя вообще этого времени может не быть! Тебе целая команда юристов говорит об этом. А ты хочешь провести его с кем-то, кто даже не может уделить два часа времени, чтобы придти на твою вечеринку. Даже если бы у тебя было полно времени, ничего нормального бы в этом не было.

— Всё совсем не так, — прошептала я, но мой желудок скрутило настолько резко, что я испугалась, что меня стошнит. — На самом деле он хороший мужчина.

— Если всё совсем не так, тогда почему ты выглядишь так, словно вдохнула чересчур огромную дозу паров краски?

Я посмотрела вверх, на глубокие складки, прорезающие его лоб, невзирая на то, что ему было всего лишь двадцать три года, сожалея о том, что не смогу их сгладить.

— Что поистине беспокоит тебя, Хавьер? Как ты считаешь, что происходит?

Он сделал глубокий вдох.

— Честно, я и понятия не имею. Но я считаю, что он опасен, и переживаю, что он попытается отнять тебя у нас.

Я не стала касаться затронутой им темы насчёт *опасности* Айдена.

— Отнять меня у вас? Хавьер, посмотри на всё, что он сделал лишь для того, чтобы мы смогли побыть все вместе и провести хорошо время!

— Да, но его здесь нет! Как скоро настанет тот момент, когда тебе придётся выбрать между ним и нами? Даже если ты сможешь остаться?

— Он *хочет*, чтобы все вы присутствовали в моей жизни. Он *хочет*, чтобы я была счастлива. Почему ты в это не веришь? — поинтересовалась я, настолько стоически, насколько это было возможным для меня.

Проблема была в том, что он не мог быть частью моей жизни, как мне этого хотелось. А хотелось мне этого мучительно сильно.

Хавьер посмотрел на картину, указывая пальцем на спартанку.

— Потому что я не знаю, что происходит в твоём представлении. Он с тобой из-за того что, чтобы ты ему ни давала, это сродни этому щиту с картины? Или он любит тебя?

Мои колени едва не подогнулись подо мной от этих вопросов. Я никогда не думала о чувствах Айдена в таком ключе. Что ему на самом деле трудно решиться заполучить меня, он просто находится в плену своих собственных воспоминаний и пристрастился — как он сказал — к спокойствию, которое я ему дарила. Да, он хочет спасти меня. Он хочет, чтобы у меня была своя собственная жизнь потому, как он хороший мужчина. Но когда дело касается его влечения ко мне, всё это является лишь пагубной привычкой, а не любовью?

Хавьер похлопал меня по плечу.

— Ты любишь его, — сказал он. И это не было вопросом.

Я подняла на него взор. *Как он догадался?*

Он улыбнулся, словно прочитал вопрос в моих глазах.

— Ты думала, я не замечу? Я вижу ясные глаза, скромную, опьянённую улыбку, которой

у тебя никогда раньше не было. Ты даже краснееешь иначе. И сейчас ты выглядишь так, словно готова упасть в обморок, — он говорил нежно, изучая моё лицо. — Просто будь аккуратна, ладно? Я не хочу, чтобы ты была как та женщина на картине. Напуганная до смерти, но ещё больше напугана показать это. Я всегда рядом. Все мы.

Я обвила его руками, сильно его обнимая. Обнимая его, вместе со всеми опасениями, которые он вообразил, и всеми теми страхами, которые он отгонял прочь.

— Как мне отблагодарить тебя, Хавьер? Я никогда не заслуживала тебя или твоей семьи, но я люблю тебя всем своим сердцем.

Он взъерошил мои волосы.

— Ну, если ты действительно хочешь отблагодарить меня, тогда просто будь счастлива. И не позволяй Хейлу вбивать клин между нами. Да, ты нуждаешься в нас, но и мы нуждаемся в тебе. Ты единственная, кто верит в моё искусство, в мою *гениальность*, как ты называешь это. Все остальные, кого я знаю, видят в этом лишь средство для обеспечения пропитания. Все эти годы, все твои придирки поддерживали меня и подталкивали идти дальше. И, неожиданно для самого себя, ты заставила меня поверить. Или как минимум, грезить. И ты не можешь этого отнять.

— Я не отниму, — пообещала я, мой взгляд скользнул назад к спартанке на картине. — Как думаешь, он вернётся домой? — прошептала я спустя некоторое время.

Хавьер улыбнулся, тоже посмотрев на картину.

— Мнение художника или мнение Хавьера?

— Обоих.

— Ну, тебе повезло, оба мнения схожи, — он замолчал, ожидая момента, когда я посмотрю на него. — Да, я полагаю, он вернётся домой.

Я улыбнулась, сглатывая глупые слёзы.

— Ты уверен?

— Несомненно. Посмотри на солнечный свет, льющийся сквозь окно. Его лицо залито им. И ещё, он выглядит, как неисправимый задира.

Я и рассмеялась, и всхлипнула носом одновременно.

— Это точно.

— Давай, пошли на твою вечеринку. Ты сойдешь с ума, когда увидишь это.

* * * * *

Подойдя к двойным дверям галереи, Хавьер схватился за дверную ручку, улыбаясь.

— Я должен отдать ему должное. Он отлично готовит сюрпризы. Приятного вечера, Иза!

Он распахнул белые двери.

Я подготовила себя, так как уже знала, что если был вовлечён Айдэн, едва ли я смогу дышать и, вероятно, даже потеряю равновесие. Но моя подготовка оказалась тщетной. Как только я вошла в сокровенную, оформленную белым мрамором, галерею, я всё же открыла от изумления рот и пошатнулась от восторга, словно от опьянения. Вдали от окрашенной в клетку зоны для танцев, шведского стола с мексиканской едой, и счастливых лиц в центре зала, были стены, украшенные иллюминацией. На каждой стене, яркими, цветными фотографиями была выложена хронология моих последних четырёх лет жизни. Некоторые были огромные, некоторые были размера двойной рамки, которую я только что подарила

Айдену. Фотографии были сделаны в течение всех этих лет не только на мой фотоаппарат, но и на фотоаппарат Реаган, и Солисов, и даже Дентона. Я жадно рассматривала каждую фотографию в рамках, ища среди них фотографию Айдена. Сначала я запаниковала, что он не допустил размещения своей фотографии, но потом я нашла его. На четвёртой стене, в маленькой рамочке, прямо в конце повествования моего жизненного периода здесь, расположилась фотография, на которой его таинственные глаза наблюдали за мной с улыбкой на устах. Под его пристальным взглядом, каждая моя частичка последовательно вставала по стойке смирно: моя кожа, моя кровь, мои кости и то самое маленькое местечко в самом центре моей груди, между лёгкими, которое откликалось исключительно на него.

Глава 39

Огонь и Лёд

Три часа спустя, босиком и объевшись картинас, я наблюдала за тем, как Солисы припрятывали свои подарки. Разве не приятней дарить подарки, нежели их получать? Антонио сложил вдвое и запрятал в нагрудный карман своей клетчатой рубашки подарочный купон на нагреватель воды. Девочки растянулись на танцполе, оформленном в виде шахматной доски, со своими iPads. Хавьер изучал новые принадлежности для рисования, его брови меняли свой вид с изогнутых дуг на пушистые малярные кисти каждые несколько минут. Даже Дентон читал вслух книгу Флеминга своей жене, Кэтрин, которая выглядела при этом безусловно заскучавшей.

— Ну, у тебя получилось это! — сказала Реаган, присаживаясь рядом со мной, с накинутым на плечи совершенно новым шарфиком, переливающегося синего цвета, помахивая перед своим лицом, словно веером, билетом с открытой датой в оба направления в Лондон. — Ты заставила меня испытывать симпатию к Прекрасному Дракону.

Я рассмеялась и обняла её за плечи.

— Твой подарок и для меня тоже, ты же знаешь. Ну, мало ли что.

— Есть какие-нибудь новости?

— Боб звонил вчера. Они усиленно работают, но до сих пор не уверены, что..., — я не смогла закончить мысль, но мне и не надо было этого делать.

Она притянула меня в ответ в свои объятия, которые были куда крепче, чем у Хавьера.

— Не думай об этом сегодня. Но если это произойдёт, я буду там и мы обе сможем завести двух корги и начать преследовать Принца Гарри.

Я улыбнулась, даже, несмотря на понимание, что тогда даже сам Принц Гарри не сможет привести меня в чувства. Мой взгляд медленно переместился — что он и делал каждые несколько секунд за последние три часа — на фотографию Айдена. Его глаза я ощущала на себе пока ела, улыбалась, танцевала — полагая, что они помогут мне меньше по нему скучать. Но они произвели обратный эффект. Весь вечер, я ощущала пустоту, подобно английскому коттеджу с кирпичными стенами и розами, покрывающими кровельную дранку, но внутри опустевшему.

Я настолько потерялась в его пристальном взгляде, что едва не упустила перемигивание между Солисами и Реаган. Она вскочила на ноги так быстро, что её лёгкий шарфик

соскользнул на пол.

— Настало время твоего подарка, — пропела она, протягивая гласные буквы, словно в диссонантной арии, и хлопая в ладоши.

— Подарок мне? Реаган, нет! Вы не должны были ничего мне покупать! — я едва не перешла на крик.

Во сколько дополнительных смен выльется этот подарок для Марии и Хавьера?

— Ох, притормози-ка, Иза! Мы сэкономили уйму денег, благодаря Айдену. А теперь, пощи!

Она схватила меня за оба запястья и подняла меня на ноги. Чёрт возьми, эти гантели, с которыми она упражняется в спортзале Рида, действительно, дают эффект.

— Куда мы идем? — поинтересовалась я, пытаюсь сохранить равновесие, когда она начала тянуть меня за собой через весь танцпол.

— Увидишь! Айден не единственный, кто может преподносить сюрпризы.

— Реаган, подожди! Мне надо обуться.

Мои пятки заскользили по натёртому воском полу, когда всё семейство Солисов, начало собираться вокруг нас, при этом кто-то подскакивал, кто-то шёл медленным шагом, кто-то кружил, даже Дентон, подпрыгивая, шёл позади них.

Мария накинула мне на плечи свой шарф кремового цвета, Бель впихнула мне в руки мою сумочку, Дора и Даниэла попытались надеть мне туфли на разные ноги, Анамелия просто взбивала моё платье и подкидывала подол выше своей головы. Все это время, Мария отдавала наставления на испанском, начиная с того, что надо больше пить воды, и заканчивая тем, что мне надо будет приложить лёд к своим натёртым ступням. Затем она расцеловала меня в обе щеки и обхватила своими утомлёнными работой, загорелыми руками моё лицо.

— *Сеньор* Хейл хороший мужчина, — сказала она, уверенно кивнув головой.

— Да, он такой.

Я улыбнулась, услышав, как она признаётся в этом вслух. Она похлопала меня по щекам и повернулась к Хавьеру.

— А ты будь аккуратен, — она полностью перешла на английский. Все хихиканья тут же прекратились: — Никакой выпивки, никаких неприятностей, никакой полиции, — она тыкала указательным пальцем ему в грудь, пока произносила каждое требование, хотя Хавьер был последним человеком на земле, кто когда-либо мог бы привлечь к себе внимание полиции.

Всё же, он не был глуп, чтобы спорить с Марией, поэтому он крепко её обнял.

— Обещаю.

Она в воздухе нарисовала крест у его лба, прошептав *благословение*, и после этого, они выпроводили нас из галереи в прохладный майский вечер. По-видимому, куда бы мы ни направлялись, присутствовать при этом будем только мы с Реаган и Хавьером. Они оба ухватили меня за руки, настолько крепко, что все это действие выглядело подобно задержанию гражданского лица. Несмотря на мои протесты, они не отпускали мои руки, пока мы не добрались до "МИНИ" Реаган. Как только мы оказались у машины, они запихнули меня на заднее сидение, и в считанные минуты, мы уже летели вниз по Пятой Авеню.

— Реаган, ты можешь мне, наконец, сказать, куда мы направляемся, что нам даже потребовалась машина? Я хочу позвонить Айдену. Он всерьёз будет обеспокоен, если

приедет за мной и выяснит, что я пропала.

— Ты можешь позвонить ему, Иза. Просто скажи ему, что это сюрприз, он должен понять.

Она подмигнула мне в зеркало заднего вида и включила песню Ланы "Начинаю гонку". Хавьер улыбался, сделав жест, словно закрывал свой рот на замок.

Я вздохнула и вытащила из сумочки свой iPhone — да, теперь у меня был iPhone, благодаря обходительности Айдена. Его таинственное лицо высветилось на экране. Я сделала эту фотографию, когда он отдыхал на софе, откинув назад голову, его глаза были закрыты. Он выглядел так, будто спал рядом со мной.

Я пролистала сообщения, которые он мне посылал во время вечеринки: *"будь осторожна"*; *"не стой под фотографиями в тяжёлых рамах"*, — и моё самое любимое — *"вот план этажа с указанием аварийных выходов"*.

Я прочитала все его военные приказы, иногда смеясь, иногда задыхаясь. Его страх в вопросе моей безопасности был осязаем — настолько сильным и неумолимым, как будто от этого зависела его собственная жизнь. Тем не менее, ни в одном сообщении не говорилось *"хотел бы я быть там с тобой"*, или *"как жаль, что тебя нет рядом"*. Вопросы Хавьера, которые он озвучил мне в галереи, эхом отражались в моих мыслях, так что я нажала на кнопку вызова. Он ответил на первый же звонок.

— Элиза, с тобой всё в порядке? — его красивый голос тревожно зазвучал в моём ухе.

В тот самый миг, как только я его услышала, солнечный луч прорвался сквозь закрытые ставни опустевшего коттеджа.

— Да, конечно. Почему бы мне не быть в порядке?

— Потому что ты звонишь на час раньше. Ты в чём-то нуждаешься?

Да, в тебе.

— Нет, я просто хотела тебе сказать, что Солисы вместе с Реаган организовали свой собственный сюрприз и решили выкрасть меня, и куда-то увезти. Они, похоже, до абсурда счастливы насчёт этого, — я посмотрела на их безумные улыбки, отражающиеся в зеркале.

Возникла пауза.

— Куда?

Слово было настолько шипящим от гнева, не было никакого сомнения, что в эту самую минуту он стиснул зубы.

Я болезненно осознавала, что глаза Хавьера анализировали не только меня, но также и Айдена, посредством моих реакций, поэтому я улыбнулась.

— Я не знаю, но уверена, что это совершенно безопасно. Я позвоню тебе, как только мы прибудем на место, чтобы ты знал, где я буду находиться.

— Прости меня, но я не доверяю твоему суждению, когда дело касается твоей собственной безопасности, Элиза. Или твоим друзьям, если уж на то пошло.

— Передай мою благодарность за возможность совершить путешествие в Англию, — пропела Реаган, подпрыгивая в такт Лане.

— Да, и от меня скажи "спасибо", — кивнул в зеркало Хавьер.

— Ты это слышал? — поинтересовалась я у Айдена. — Реаган вновь вернулась к рассмотрению вопроса о дипломатических отношениях.

Наступила ещё одна пауза.

— Не за что. А сейчас я бы хотел поговорить с мистером Солисом.

Я практически поперхнулась своей собственной слюной.

— Зачем? — прошептала я.

Брови Хавьера нахмурились вновь до состояния малярных кистей.

— Потому как мне надо лично от него услышать, что ты будешь в безопасности, — последовало ещё больше шипения.

— Умм... ты кажешься расслабленным, — произнесла я, надеясь, что он поймет мой намёк, что не должен шипеть, рычать или бурчать на Хавьера.

Повисло долгое молчание.

— Так лучше? — его голос стал монотонным, без какой-либо интонации. Наверное, это было самое лучшее, что он мог предложить прямо сейчас.

— Да, так хорошо.

Несмотря на переживаемый мной ужас, я улыбнулась, так как на удивление, но эта проверка его голоса ощущалась крайне интимно. Я постучала Хавьеру по плечу и передала ему телефон.

— Айден хочет поговорить с тобой.

Хмурый вид Хавьера усугубился, но он взял телефон.

— Мистер Хейл?

Я отстегнула ремень безопасности и наклонилась к переднему сидению, прижимаясь ухом к обратной стороне телефона и ударяясь о голову Хавьера.

— Вы везете её куда-то в Портленде? — начал Айден своим монотонным голосом.

— Да. Мы почти на месте.

— Многолюдно.

— Да.

— Напиши мне адрес.

— Мистер Хейл, с ней всё будет в поря-

— Напиши мне адрес! — его голос начал ожесточаться.

На лбу Хавьера проявились морщинки, и он несколько раз моргнул.

— Ладно, напишу. Что-нибудь ещё, мистер Хейл?

— Да, вот в чём дело, Хавьер, — Айден призадумался, словно делал особое ударение на то, что он только что назвал Хавьера по имени. — Элиза будет находиться под строгой, тщательной проверкой со стороны американского правительства через несколько недель, проверяться будет всё, начиная с её источников доходов, заканчивая её личностными качествами. Любой инцидент с участием представителей закона — вообще любой — и они могут в мгновение ока закрыть её запрос.

Хавьер кивнул.

— Я в курсе этого.

— Я не хочу, чтобы у них был хоть какой-то малейший повод закрыть глаза на её запрос. Это понятно? — слова прозвучали так, словно это был приказ.

— Я тоже не хочу, чтобы они закрыли глаза.

— Хорошо, тогда я полагаю, что наши интересы совпадают, — голос Айдена смягчился.

Хавьер снова кивнул.

— Да, полагаю, что так, — он замолчал и затем добавил, — я не позволю ничему с ней произойти. Я обещаю.

— Спасибо. Наслаждайтесь вечером, — вежливо ответил Айден.

Я вырвала телефон из руки Хавьера, прежде чем кто-то из них смог промолвить ещё хоть одно слово.

— Айден?

— Элиза, мне надо, чтобы ты была осторожна. Что бы ни было, твоя — безопасность — стоит — на — первом — месте. Поняла? — его голос был хриплым от беспокойства.

Я могла почти ощутить его пульсирующее напряжение через трубку телефона.

— Да, я буду осторожна — не волнуйся. Увидимся, когда я вернусь домой.

Домой? Проклятье, неужели я только что назвала его дом своим?

— Я буду ждать, — нотка печали окрасила его голос.

— Я скучаю по тебе.

Вздых.

— Я тоже скучаю по тебе.

— Правда?

— Если это тебе позволит поверить мне, то у меня есть фотография спящей тебя, которую я использую в качестве заставки на экране. А теперь иди и веселись со своими друзьями, — его голос смягчился.

Я не прервала звонок. Я не могла двинуть и пальцем, после того, что он мне только что сказал.

— Отдыхай, Элиза, — потребовал он.

Я люблю тебя.

— Ладно, — проворчала я и завершила разговор, как раз в тот момент, когда Реаган выжала тормоз и припарковалась поперёк двух парковочных мест.

Я выглянула из окна. Мы находились на многоуровневой бетонной парковке, освещённой флуоресцентными лампами. Чёрт возьми, как я могла упустить из вида всю сюда дорогу?

— Где мы? — спросила я, пытаясь взглядом отыскать дорожные знаки.

Реаган с Хавьером повернулись ко мне с идентичными ухмылками, растянувшимися на их лицах, Реаган держала в руке блестящий с наклейками "Хелло Китти" конверт — вероятно, это было дело рук Анамелии.

— Та-та-та-там! — пропела она в созвучии с пятой симфонией Бетховена, и передала мне конверт.

Я рассмеялась и раскрыла его, вытаскивая оттуда корешок от билета.

— Просто охренеть! — пронзительно завизжала я, когда прочитала информацию на нём. — Мы идём на концерт Ланы Дель Рей?

Реаган начала подпрыгивать на своём сидении и хлопать в ладоши.

— Да, да, да. Прямо в эту самую минуту.

Я снова завизжала и вжала себя между ними двумя, пытаясь одновременно обнять их обоих. В ту же самую секунду мы с Реаган разразились "Вот что делает нас девушками".

Хавьер закрыл уши руками и громко произнёс, перекрикивая наши ликующие напевы:

— Ладно, ладно, давайте пойдём. Мы итак уже на пять минут опаздываем, а Колизей забит под завязку. Десятью тысячами, таких же сумасшедших, как вы обе, — он сделал вид, будто содрогнулся.

— Да, да, да, — вновь пропела Реаган.

Мы вывалились из машины, рванув через квартал в сторону Колизея. Несколько таких же опоздавших фанатов обогнали нас прямо перед главными дверьми, напевая при этом "Мужчина на миллион".

— Хавьер, — пыхтя, окликнула я его, поскольку бежала в своих новых Лубутенах на

высоком каблуке так, что это могло стоить мне свёрнутой шеи, как минимум в двух позвонках. — Рег... подождите! Надо написать сообщение... Айдену.

— Мы напишем ему, как только окажемся внутри, Иза, — сказал Хавьер. — Давай. сначала просто найдём наши места.

— Вот что делает нас девушками! — продолжала выкрикивать Реаган.

Ополоумевшая! Мы, наконец, прорвались через двери, напугав вышибалу песней Ланы в исполнении Реаган, и ввалились на арену Колизея. В ту секунду, как я увидела открывшееся мне представление, колени чуть не подогнулись подо мной. Световые вспышки и отражатели вращались от края до края нескончаемого, погружённого в темноту стадиона, посылая лучи света, которые преломлялись над шумной массой тел. Плечом к плечу, спиной к животу, толпа воспевала "Лана! Лана!".

— Наши места в первых рядах, первый уровень, — прокричал позади нас Хавьер.

Мы толкались, пихались и локтями прокладывали себе путь, пока не добрались до наших мест.

Я перекинула ремень фотоаппарата себе на шею, повесила свою сумочку крест-накрест к своему телу и вытащила из неё телефон для того, чтобы написать сообщение Айдену. Я набирала его три раза, поскольку море тел уже начало восходить в виде медленного волнового движения.

Прошу, пожалуйста, не разгроми ничего.

Мы на концерте Ланы Дель Рей.

Колизей. Первый уровень. 4 ряд. Центр.

Буду осторожна. Скучаю по тебе. Скоро увидимся.

Я дважды прочитала сообщение. Я не могла и представить себе какой испытает ужас Айден, когда узнает где мы. Его худший ночной кошмар ожил — я в огромной толпе, там, где, в случае если что-то произойдёт, он не сможет до меня добраться. Я лишь могла надеяться, что Бенсон сможет его успокоить. Я нажала "Отправить", наблюдая за тем, как сообщение, приняв форму пузырьков, плавало по экрану. "Доставлено" проинформировал меня iPhone. Практически мгновенно на экране появились три точки. Затем они исчезли и снова появились — итак, четыре раза. Наконец, появился ответ Айдена:

Я отправляю Бенсона, чтобы он был с тобой.

Он будет там через 15 минут.

Никаких возражений, если тебе важно моё душевное здоровье.

Ох, проклятье! Бедный Бенсон. Я ответила на сообщение:

Не беспокой Бенсона.

Кроме того, проданы все билеты.

Со мной всё будет в порядке. Повсюду служба безопасности.

Три точки мигнули на экране. Затем две. А затем и вовсе исчезли.

Я ждала. И ждала. Единственное оледенелое тело в десятитысячной толпе, которое неожиданно было выведено из оцепенения криком. Я испуганно подняла глаза, и увидела её!

В живую Лана выглядела меньше ростом — в простых джинсах с голливудским ретро-шармом. Она сдержанно помахала рукой и плавно шагнула на центр сцены. Колизей погрузился в абсолютную, чёрную как смоль, темноту. Жуткая тишина поглотила толпу, в воздухе повисло статическое напряжение от предвкушения. Затем её знойный голос возвысился в воздухе, вполголоса напевая "Вот что делает нас девушками". Тысячи экранов телефонов, светящихся палочек и зажигалок вспыхнули вокруг меня.

Пол под ногами сам по себе начал вибрировать от движения. Затем внезапно вибрации переросли в стихийное массовое движение, когда Лана завела "Мужчина на миллион". Реаган кричала, вместе со всей десятитысячной толпой — исключением был Хавьер, который, как и всегда на публике, пытался вести себя крайне сдержанно. Слова песни были такими пылкими, такими напоминающими о моём собственном мужчине на-миллион-долларов, что неожиданно мне захотелось танцевать до изнеможения. Я схватила Реаган с Хавьером за руки, и вместе мы начали раскачиваться в унисон, их яркие улыбки мерцали от вспышек камер. На мгновение, я пожалела, что не могу сделать фотографию вот такими нас вместе в этот самый момент — беззаботными, смеющимися, молодыми. Скандируя, когда Лана закончила песню и начала выводить трелью "Летнюю грусть".

Стадион взорвался. Больше не было никаких раскачиваний, только танцы. Неистовый, разжигающий ритм был слишком быстрым для песни, словно ритм выдерживался чувствами, а не музыкой. Бенгальские огни сверкали и загорались вокруг нас — их золотое и серебристое пламя поддерживалось тысячами рук. Мы расцепили руки, и я начала кружить и танцевать шимми, уцепившись за платье мамы, ощущая себя так, словно она тоже с нами танцевала. Реаган кружилась рядом со мной. Мы прыгали и скакали — быстрее, быстрее — топая по полу с необыкновенной, эйфорической непринуждённостью. Дым водоворотом кружил вокруг нас, переливаясь от вспышек света. Становилось жарко. Ещё жарче. Жгуче. Раздался пронзительный крик. Затем ещё один. Вдруг, стремглав меня пихнули в толчею. Что-то разорвалось у меня над головой. Чреда быстрых, жёстких хлопков взорвалась у моих ног и бедёр. Я скорчилась и дёрнулась в сторону, но две сильные руки скользнули подо мной и подняли меня в задымлённый воздух.

— Мисс Сноу! Элиза! — прокричал мне на ухо голос.

Я узнала этот голос. Это был Бенсон. Он был здесь и крепко прижимал меня к своей груди.

— Ты цела, ты в порядке! — снова заорал он, в ту минуту, когда начал пробираться сквозь толпу, распахивая и отталкивая тела с нашего пути.

— Бенсон, что случилось? — закричала я, когда вспышки света озарили его лицо. — Где Реаган? Хавьер?

Я извивалась в его руках, ища глазами рыжие и чёрные локоны волос в темноте. Хватка Бенсона усилилась, и в считанные секунды мы вырвались сквозь главные двери на холодный, освежающий воздух. Прежде чем я успела моргнуть, двери снова распахнулись, и из них выбежала Реаган.

— Иза! — ревела она, её волосы развевались на ветру.

— Реаган! — я потянулась обеими руками в её сторону, практически переваливаясь через плечо Бенсона. — Ты в порядке? Где Хавьер? Что случилось?

Бенсон остановился на углу главных ворот, прислоняя меня к бетонной стене Колизея и накидывая мне на плечи свой пиджак. Каким-то образом мой фотоаппарат оказался в его руке. Реаган подбежала к нам буквально через несколько секунд, ловя ртом воздух. Я крепко

её обняла, поглаживая её лицо и руки, желая убедиться, что она в целости и сохранности.

— Иза! Охренеть, ты в порядке? — кричала она, делая то же самое со мной.

— Я в порядке! Не обращай на меня внимания, что —

Но затем я увидела это. Сначала, я увидела это в её глазах, затем и в глазах Бенсона, который возвышался над нами. Я опустила свои глаза вслед за их пристальными взглядами, в которые вселился ужас, к своим обнажённым ногам, покрытым розовыми рубцами. Туда, где должно было быть мамино платье. Теперь оно было изорвано в клочья, едва прикрывая верхнюю часть бёдер, узкие ленты шёлка почернели и скрутились из-за огня. Они распадались на мелкие частицы прямо у меня на глазах, развеваясь по ветру.

— Нет! — слово сорвалось, подобно рыданию с моих губ. Я начала гнаться за пеплом, хватая воздух руками: — Нет! — я снова ахнула, в то время как шёлковая пыль улетала в ночь и исчезала. А я всё равно за ней бежала: — Пожалуйста, — задыхалась я. — Пожалуйста!

— Элиза! — красивый голос прогремел позади меня, и быстрее, чем какое-либо движение могло бы настичь звук голоса, руки Айдена обернулись вокруг меня.

Он поднял меня и, убаюкивая, прижал к своей груди.

— Детка, что случилось? Ты ранена? Кто-то к тебе прикасался?

Он был в неистовстве, его руки скользили по моему лбу, щекам, остановившись на моём горле, проверяя мой пульс.

Я отыскала его глаза. Они были широко распахнуты от ужаса. Однако их взгляд остановил мои слёзы. Воздух вновь стал поступать мне в лёгкие, и я обвила руками его шею, вдыхая его аромат. Глубоко вдыхая, мечтая о том, чтобы ни единой частички шёлковой пыли не осталось внутри меня. Чтобы ощущать лишь его аромат.

— Детка, поговори со мной! — произнёс он, его голос надломился.

— Я в порядке. Не беспокойся. Я просто... немного словила огня, *как мне кажется*. Не особо уверена — а что ты здесь делаешь? — мои слова тоже засвистели по ветру.

Он развернулся вместе со мной, всё ещё удерживая меня в своих объятиях, но я увидела, как в нашу сторону бежал Бенсон, позади него бежала Реаган. Где же был Хавьер?

— Что, *чёрт возьми*, произошло? — Айден разразился на Бенсона. Его голос прозвучал настолько громко, что я закрыла уши руками.

— Какой-то грёбаный идиот, стоящий позади неё, бросил бенгальский огонь, сэр, и её платье воспламенилось. Прямо в тот самый момент, когда я там появился. Я потушил огонь, прихлопнув его ладонью, до того, как он обжог её кожу, но мне кажется, я ударил чересчур сильно. Мне жаль, сэр, — Бенсон покачал головой, его глаза были широко раскрыты.

Хватка Айдена вокруг меня превратилась в прочный титан. Он прикрыл мои ноги пиджаком Бенсона, внимательно осматривая каждый дюйм моей исполосованной кожи. Его челюсть напряглась настолько сильно, что на его шее проступила толстая вена.

— Айден, шшш, — прошептала я ему на ухо. — Я в порядке. Шшш. Водород, 1.008 —

— Ровер, Бенсон, — его голос был низким, гортанным, слова были искажены.

Пальцы Айдена впились в мою плоть. Бенсон рванул в сторону парковки, его массивное тело было чересчур проворным для таких размеров.

— Реаган, где Хавьер? — спросила я, потирая тыльную сторону шеи Айдена.

Она пожала плечами.

— Он, вроде, как исчез, когда появились сотрудники службы безопасности, чтобы разобраться с возгоранием.

Грудная клетка Айдена расширилась. Его мускулы начали вибрировать.

— Слава Богу! — сказала я им обоим, потянувшись за своей сумочкой, чтобы позвонить Хавьеру. Но моей сумочки не оказалось на моём бедре, куда я заранее её повесила.

— Рег, ты не видела мою сумочку? — спросила я, пытаясь сохранить голос спокойным только ради Айдена.

— Нет, — она нахмурилась, оглядываясь на ворота Колизея.

Я попыталась вспомнить, что у меня было в сумочке. Телефон, бальзам для губ "ЧапСтик", дебетовая карта. Я смогу её заблокировать, в случае если она украдена. Прямо сейчас, ради Айдена, я просто должна дышать.

— Как ты здесь оказался? — прошептала я, поглаживая его шею. Он не ответил, так что я стала наседать на него, чтобы он разговорился: — Айден, дорогой, поговори со мной. Что ты здесь делаешь?

— Как я мог сидеть дома, когда ты была в той толпе? — сказал он тем самым гортанным голосом, и неистовая дрожь прокатилась по нему.

— Шшш, я в порядке. Как Бенсон попал внутрь без билета?

— Я знаком со спецгруппой службы безопасности.

— Ну, конечно же, ты знаком. Мой заступник, — прошептала я ему на ухо, надеясь смягчить настроение, но по какой-то причине, он вновь напрягся.

Не в силах постичь его ужаса, я продолжила поглаживать его шею. Послышался звук визжащих по дорожному покрытию покрышек со стороны парковки, и через ворота пролетел "Ровер". В тот же миг, двери Колизея распахнулись в третий раз, и оттуда выбежал Хавьер, неся мою сумочку, и безумно осматривая входную территорию.

— Хавьер! — окликнула я его, махая рукой. — Мы тут, мы в порядке!

Нет. С нами не было всё в порядке. Вовсе не хорошо всё было у нас. Поскольку плечи Айдена, под моим ухом, только что закрипели от напряжения, и низкое, глубокое рычание завихрилось в его груди. Его глаза стали пустыми — точно такими же, какими могут быть у человека, который может закрыться в себе для того, чтобы поставить кого-то к стенке для расстрела.

— Айден, посмотри на меня, — прошептала я, но он не сделал этого.

Он пристально смотрел на Хавьера, который трусцой бежал к нам.

В считанные секунды "Ровер", закрипев тормозами, остановился с левой стороны Айдена. Не произнеся ни слова, он открыл заднюю дверь и опустил меня на сидение. Его движения были резкими, на подобие механическим. Он укутал меня, словно в кокон, в пиджак Бенсона, его глаза вовсе не моргали.

— Посади мисс Стар в машину, — выпалил он приказ Бенсону, и захлопнул дверь с моей стороны так сильно, что "Ровер" задрожал.

Он развернулся, чтобы встретиться лицом к лицу с Хавьером. Краем глаза я заметила, как Бенсон сопровождал Реаган, с целью посадить её в машину рядом со мной, но я не могла отвести взгляд со спины Айдена. Она пульсировала, вибрация мускулов теперь отчётливо просматривалась под его синей рубашкой. Внезапно я испугалась за Хавьера.

— Айден! — окликнула я его через приоткрытое всего лишь на дюйм окно, но он не отреагировал.

Хавьер резко остановился поодаль в нескольких футах. Я не знала, что он разглядел на лице Айдена, но должно быть, это было нечто особенное, поскольку его глаза широко распахнулись, и он отступил на два шага назад.

— Где ты был? — голос Айдена рассёк воздух, и был он холоднее, чем я когда-либо

слышала.

Хавьер сглотнул.

— Что вы имеете в виду, мистер Хейл?

— Я имею в виду, где ты был, когда твоя приёмная сестра едва не сгорела заживо? —

Айден стиснул зубы на последних двух словах.

Хавьер посмотрел на меня через окно. Его глаза стали темнее, а брови дрогнули.

— Мне жаль, — изрёк он.

— Всё в порядке, Хавьер. Это не твоя вина. Айден, пожалуйста! Это был случайный инцидент! — взывала я, понимая, что если я могу их слышать, то и они смогут услышать меня.

Хавьер посмотрел на Айдена.

— Мне — мне пришлось отойти, — неуверенно вымолвил он.

— Тебе *пришлось* отойти? Тебе пришлось отойти в тот момент, когда платье её мамы вспыхнуло пламенем, и теперь она потеряла ещё одну вещь в своей жизни. Почему? — Айден взорвался, его голос был настолько оглушительным, что я отскочила назад на сидение, столкнувшись с Реаган, которая наблюдала за происходящим через моё плечо.

— Я видел, как вошли охранники. Я не подумал —

— Ты обещал заботиться о ней! — бушевал Айден. — Ты вообще хоть *задумался* взять её с собой, прежде чем самому ускользнуть? Или ты сдерживаешь свои обещания только, когда тебе это удобно?

— Айден, прекрати! — кричала я, барабаня по двери.

Он сделал два шага навстречу Хавьеру, его голос упал до злобного, глубокого тембра:

— Позвольте мне пообещать *вам*, мистер Солис. Если что-нибудь с ней случится снова, когда она будет с вами — будь-то она сломает чёртов ноготь, или само ICE придёт за ней — вы будете вытанцовывать танго вдоль мексиканской границы на одной ноге. А я свои обещания сдерживаю.

Реаган ахнула. Это был последний звук, который я услышала до того, как мир погрузился с тишину. Мои волосы встали дыбом, и я ощутила металлический привкус от резкого укуса на своём собственном языке. Я толкнула дверь — не для того, чтобы привлечь внимание Айдена, а для того, чтобы рывком распахнуть её.

Плечи Хавьера слегка ссутулились, но он кивнул.

— Вы правы, мистер Хейл, — его голос был очень тихим. — Сегодня я облажался. Но у меня есть и к вам вопрос. Если вы настолько сильно хотите обеспечить ей безопасность, где же были вы? Не ваш прихвостень или ваши деньги — а вы! — он указал на Айдена, затем посмотрел на меня. — Увидимся завтра, Иза, — сказал он и зашагал в сторону парковки, всё также держа мою сумочку в своих руках.

— Иза, — прошептала Реаган, сотрясая моё плечо. — Ты должна сдерживать Айдена, или всё это закончится тем, что ты потеряешь их обоих. Поговори с ним. Я собираюсь отвезти Хавьера домой.

Я не могла вымолвить ни слова из-за резкого приступа гнева, ощущавшегося даже у меня во рту. Она вышла из машины и побежала вслед за Хавьером. Бенсон склонился ближе к Айдену и что-то сказал ему. Со стороны Айдена не последовало вообще ни одного движения, но он должно быть как-то отреагировал, поскольку Бенсон кивнул и отступил вдаль на некоторое расстояние.

Некоторое время Айден не двигался. Затем, медленно его спина расслабилась. В конце

концов, он повернулся ко мне лицом, его глаза сверкали. Но впервые за всё время, я возненавидела своё влияние на него. Я не хотела испытывать оцепенение в какой-либо мере по отношению к тому, что только что произошло. Широко шагая, он направился в сторону "Ровера". С каждым сделанным им шагом, моя ярость становилась статичной. Моё горло начало гореть, как будто готовилось к крику.

Он открыл дверь с моей стороны.

— Иди ко мне, Элиза, — он протянул руку, чтобы подхватить меня.

— Не прикасайся ко мне! — слова с лёгкостью прорвались сквозь мои стиснутые зубы.

— Что за —

Он остановился, его глаза широко раскрылись, как будто, он впервые увидел меня.

— Ты настолько слеп, что даже с твоими уникальными мозгами, ты не понимаешь, что только что унижил Хавьера самым наихудшим образом?

V-образная складка пролегла меж его бровей.

— Ты должно быть шутишь! Он подверг тебя опасности!

— Он ничего такого не делал.

Он сжал челюсть.

— Элиза, он оставил тебя одну. Ты могла получить ожоги.

— Но этого не произошло! Айден, даже если бы я и получила ожоги, я не нахожусь под его ответственностью. Он приглядывает за мной, только потому, что заботится обо мне, а не потому, что это его работа. А теперь ты заставил его почувствовать себя виноватым в случившемся, в то время как он является огромной причиной, почему я вообще здесь нахожусь.

— Пусть лучше он чувствует себя виноватым, чем бы ты была подожжена заживо!

— Достаточно! — заорала я. — Хватит этого вздора со спасением Элизы. Начиная с нашей первой ночи, ты пытался изо всех сил оттолкнуть меня. Ну, так вот, твоя угроза Хавьера была настолько омерзительна, что, возможно, ты только что преуспел в этом.

Он застыл. Его рот слегка приоткрылся. Его глаза успокаивались, пока не стали походить на твёрдое стекло. В течение нескольких минут он просто смотрел на меня в изумлении. Затем он моргнул.

— Элиза, ты расстроена, и у тебя был долгий день. Давай просто поедem домой, и обсудим всё это позже.

— Я поеду домой с Реаган. А теперь отпусти меня!

Видимо, я нечто задела в нём, так как в его глазах что-то изменилось, и свет в них померк.

— Твой дом рядом со мной, — ответил он, болезненная острота ощущалась в его голосе.

— Нет, вовсе нет! Я вообще не понимаю, что у меня с тобой, но это не дом. Это... это, — я осмотрела территорию рядом с машиной, как будто слово могло само по себе материализоваться там. — Это неистовство или нечто такое. Словно ты пытаешься спасти меня, чтобы компенсировать то, что лишь одному Богу известно. Зачем? Я что просто ещё одна "миссия по спасению"? Или ты действительно обо мне заботишься?

Он выпрямился в полный рост и отвёл от меня взгляд, его глаза всматривались вдаль, за пределы Колизея. Он ничего не ответил.

Я сделала глубокий вдох и закрыла глаза. *Водород, 1.008. Гелий, 4.003...* Когда я вновь открыла глаза, он смотрел на меня.

— Ты, на самом деле, хочешь расстаться подобным образом? — спросил он, его голос

был очень тихим.

Его вопрос погасил мою ярость. Хочу ли я этого? Хочу ли я, чтобы наше последнее воспоминание было таковым? Действительно ли я хочу, чтобы у нас было последнее воспоминание? Я не знала. Но я знала наверняка, что не могу больше ни о чём сегодня вечером думать. Я просто хотела оказаться в кровати, со всеми проблемами, которые даже я не смогла бы решить, но которые, как минимум, смогла бы истолковать.

Он сделал шаг навстречу, когда я не ответила.

— Пожалуйста, позволь мне отвезти тебя домой. *К нам* домой. Он уже начал казаться таким, когда ты там. Ты можешь переночевать там, и если ты всё ещё будешь также настроена утром, я позволю тебе уйти.

Он не сводил взгляд с моего лица, словно ожидал моего ответа. Без каких-либо эмоций я кивнула. Он тихо закрыл мою дверь и, не произнеся ни единого слова, обогнул машину и сел на сидение рядом со мной. Должно быть, Бенсон заметил это, потому как он прошествовал к машине и скользнул на водительское место.

— Домой, сэр? — спросил он.

Я не посмотрела на Айдена, но предположила, что он кивнул, поскольку Бенсон плавно, не ускоряясь, повёл машину. Чувствуя себя истощённой — я была куда сильнее истощена, чем могла припомнить, когда вообще была такой за последнее время — я пристально всматривалась в ночь. Фрагменты образов начали проигрываться в моей голове. Платье моей матери в огне. Испытывающие муку глаза Хавьера. Потрясённый шепот Реаган. Жестокая угроза Айдена. И, в конечном счёте, уязвлённое выражение его лица. Снова и снова, и снова. Я не могла вынести их, поэтому закрыла глаза и откинула голову на подголовник.

Когда мы приехали к нему домой, я выбралась из машины, ощущая присутствие Айдена позади меня. Близко, слишком близко. Он скользнул рукой по электронному экрану, и двери открылись. Я промаршировала через них, пересекла гостиную комнату, заметив стопы наших книг из "Пауэлса" — отголоски счастливого времени — которые всё ещё лежали на обеденном столе. Его шаги эхом вторили моей поступи. На пороге спальни я притормозила. Его шаги также остановились. Тепло от его тела отражалось на тыльной стороне моей шеи, и моя решительность дрогнула. Поэтому я захлопнула перед ним дверь. Звук удаляющихся по коридору шагов не слышалось. Сняв пиджак Бенсона, я разделась и повесила на шезлонг то, что осталось от мамино платье, скинула туфли. Следы от ударов уже начали спадать. Я натянула на себя футболку с принтом периодической таблицы и забралась в кровать.

На его прикроватном столике стояла рамка, которую я ему подарила. Планировал ли он спать сегодня здесь? Я прогнала прочь все до единой слезинки, выключила боковую лампу и повернулась на бок. Впервые со времени, как мы увидели друг друга, я была признательна одиночеству.

Глава 40

Единственная надежда

Я резко проснулась, испытывая чувство тревоги. Утренний яркий свет струился меж прядей моих волос, запутываясь в моих ресницах. Я моргнула раз, потом ещё раз. Я

обнимала подушку Айдена, стиснув её руками и ногами. Моментаально я вспомнила события прошлой ночи, и моё тело согнулось пополам. Мои пальцы прижали подушку к груди, но все мои чувства пытались заблокировать слова Айдена, которые эхом отражались в моих ушах. *Мексиканская граница... отпущу тебя... Водород, 1,008. Гелий, 4.003. Литий, 6.94.* Его слова затихли, сменившись на первые чирикания неперелётных лазурных птичек. А затем я увидела его.

— Ох! — выдохнула я, подушка шлёпнулась на кровать.

Айден сидел в кресле, в углу комнаты, одна нога расположилась поверх другой, щиколоткой на колене, всё в тех же тёмных джинсах и синей рубашке, что и вчера вечером. В его правой руке, между большим и указательным пальцами была зажата перьевая ручка, та самая, которая сыграла немаловажную роль в нашу первую ночь. Он нежно перекачивал ручку между пальцами, перо Амхерста трепеталось от его прикосновения. Несколько книг, купленных в "Пауэлсе", лежало у его ног, поверх стопы лежал сборник стихов Байрона. Он не смотрел на них. Его глаза были на мне — полные энергии, но бушующие, как будто образы кружили в их глубинах уже много часов подряд. Я попыталась завести разговор, начав даже с простого "привет", но не смогла вымолвить ни звука, из-за сердца, грохочущего о мои рёбра.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — его голос был нежным, тихим.

— Почему не хочешь? — прошептала я.

Он положил перьевую ручку на *сборник стихов Байрона* и встал. Намерение вспыхнуло в его глазах. Он проложил пять шагов между нами, пока я пыталась утихомирить свой пульс, гулко бьющийся в моих ушах. Я ожидала, что он сядет в изножье кровати, но он преклонил колени на полу, рядом со мной.

— Потому что вчера ты была права, — сказал он. — Со времени нашей первой совместной ночи, я был настолько поглощён идеей оттолкнуть тебя, что не осознавал, насколько мне этого *не хочется*, пока ты не пригрозила мне оставить меня. Я наблюдал за тобой спящей всю ночь, боясь, что это был мой последний шанс. Это маленькая морщинка, появившаяся поздним вечером, так и не исчезла во время твоего сна. Слава Богу, ты проявила милосердие и обняла мою подушку или я сошёл бы с ума. Я страшился этого утра даже больше, чем ночи эмбарго. Остайся со мной... пожалуйста!

Каждое слово, каждая сделанная им пауза, каждое новое, робкое отклонение в его тоне было настолько близко к тому, о чём я мечтала, что на мгновение я даже задалась вопросом: "а действительно ли я проснулась". Но затем я увидела его потускневшие глаза и тёмные круги под ними, и поняла, что останусь. Неважно, какую сильную боль он мне причинил, я не хочу больше видеть на его лице такой страдальческий вид. Его редкое "пожалуйста" вторило в воздухе.

— Но все те причины, почему ты хотел, чтобы я ушла, всё ещё живы. Что заставило тебя изменить мнение?

Он покачал головой.

— Я не изменил своего мнения. Я капитулирую.

Прозвучало это как сожаление.

Тектонические плиты стали смещаться, и он побледнел.

— Видеть тебя прошлым вечером — белую, словно призрак, в разорванном в клочья платье, бегущую по ветру —, — он содрогнулся. — Я не молился уже двенадцать лет и восемнадцать дней до того момента, как увидел тебя; всё о чём я продолжал думать:

"Пожалуйста, Боже, пожалуйста, пусть с ней будет все в порядке!" — он вновь содрогнулся.

Я тоже содрогнулась, но совсем по иной причине. Что же случилось двенадцать лет и восемнадцать дней тому назад? Я хотела поинтересоваться, но, интуитивно, понимала, что это нечто такое, что должно исходить лично от него самого. Внезапно он заключил мою ладонь в обе свои руки.

— Я лучше пройду дислокацию заново, чем буду неспособен тебя защитить. Если бы ты меня не успокоила вчера, я и представить не могу, что натворил бы... или кому причинил бы боль.

Я задрожала, проигрывая в памяти то, насколько сильное неистовство исходило из него, когда он развернулся лицом к Хавьеру.

— Элиза? — его правая рука метнулась к моей щеке, затем опустилась на ложбинку моей шеи. — Я снова испугал тебя.

Я кивнула.

— Да, немного.

Он тотчас от меня отодвинулся, положив руку на кровать.

— Я не хочу тебя пугать.

— Я больше опасаюсь того, что ты можешь сделать другим, — я снова задрожала.

Его челюсть изогнулась.

— Я уничтожу всё и каждого, кто может причинить тебе боль, Элиза. Включая самого себя. В этом вопросе я не торгуюсь.

— Я понимаю это лучше, чем тебе кажется. Я сделаю то же самое ради тебя. Но вот то, как мало тебе надо, чтобы так резко переключиться на режим уничтожения, как раз меня и пугает. Сломанный ноготь, серьёзно, Айден? Сожжённое платье? А что если я упаду и потяну связки моей лодыжки? Или меня собьёт машина?

Он ничего не ответил, но если принимать во внимание его негибимые плечи, я поняла, что даже эти сценарии служили спусковым механизмом для его насторожённости.

Я снова взяла его руку.

— Жизнь случается, Айден. Однажды, будь то естественным образом, будь то несчастный случай, что-то со мной да случится. Мы не можем позволить, чтобы ты учинял кровавый кутёж только лишь потому, что я простыла. А что если нам обоим так посчастливиться, и в один прекрасный день, когда мне будет девяносто, и я умру во сне, вполне вероятно, мечтая в этот момент о тебе. Что ты сделаешь тогда, если всё ещё будешь жив?

Он побледнел.

— Не смей говорить об этом.

— Но это данность. *Это случится.* Тыставишь свои зубные протезы и начнёшь избивать людей тростью?

Его губы изогнулись в сдержанной улыбке.

— Это не смешно, Айден. Мы должны подготовить тебя к... к потерям. К жизни.

Полуулыбка исчезла. Его глаза потеряли фокус, как будто это был рубеж, за пределами которого он ничего не мог разглядеть. Я потянула его за руку, чтобы поднять его с пола. Я не могла смотреть на него, стоящего на коленях, в то время когда он выглядел настолько уязвимым. С таким же успехом я могла бы попытаться поднять Колизей, но он понял моё намерение и сел на край кровати. Он схватил мою руку, словно это был спасательный круг.

Я сделала глубокий вдох, очень осторожно подбирая свои следующие слова.

— Айден, я не хочу уходить. Я боюсь потерять тебя, равно как и боюсь того, что мне придётся сесть на борт самолета, летящего в Лондон. Но одно дело нам поступить так по отношению друг к другу, и совершенно иное для Хавьера или Реаган или какого-нибудь другого горемыки вынести всю тяжесть этого. Я считаю, что тебе надо встретиться с доктором по вопросу твоей ярости... твоего *ПТСР*. Ты уничтожаешь своё собственное здоровье, твое спокойствие —

— Хорошо.

— Я имею в виду, интенсивность сердечного приступа — подожди, что ты только что сказал?

— Я сказал хорошо, я кое с кем встречаюсь.

Мне требовалось некоторое время, чтобы подобрать правильные слова, так что вместо этого я смотрела на него и моргала до тех пор, пока он чуть ли не рассмеялся.

— Вот так просто?

— Возможно, это вот так просто для тебя, но мне потребовалось больше десяти лет, чтобы снова это попробовать.

— *Снова* это попробовать? Хочешь сказать, что ты уже ранее кого-то посещал с данной проблемой?

Напряжение вернулось в его плечи. Он отвёл взгляд в сторону от меня, его глаза зацепились за стоящую на прикроватном столике, подаренную мной рамку.

— Кратковременно — когда впервые вернулся домой.

— Насколько кратко?

— Достаточно, чтобы понять, что не хочу этого делать.

Его плечи распрямились, демонстрируя непокорность, как будто они были согласны с этим решением, поддерживали ту его часть, которая отказывалась от помощи в любой форме.

— Ты наказываешь себя, не так ли? Именно поэтому ты отказался проходить лечение?

Он ничего не ответил, но хватка на моей руке усилилась. Я приняла это в качестве подтверждения своей догадки.

— Айден, почему? Что, по-твоему, ты сделал такое, чтобы заслужить это? — мой голос повысился и надломился.

Его глаза начали медленно принимать отрешённый взгляд, подобно прелюдии к запиранию в самом себе, чему способствовали его ретроспективы. Мне не хотелось, чтобы он вновь предстал перед каким бы то ни было ужасом, поэтому я продолжила говорить:

— Послушай, если тебе слишком сложно мне об этом рассказать, я подожду, пока ты не будешь готов. Да я и вообще согласна никогда этого не услышать, если это то, в чём ты нуждаешься. Но ты не можешь просто взять и закупорить это в себе. Что насчёт того, чтобы поговорить с другими морпехами? С Маршаллом —

Внезапно его указательный палец порхнул к моим губам.

— Элиза, причина, по которой я считаю, что заслужил это, не является темой данного обсуждения.

— Твоё здоровье, вот что является темой этого обсуждения.

— Отлично, моё здоровье, — заорал он.

Лазурные птички на улице умолкли, перестав чирикать. Он тяжело задышал и пальцами зажал переносицу, закрыв при этом глаза. Когда он вновь посмотрел на меня, его глаза блестели, сродни жидкости.

— Теперь моё здоровье это ты, — прошептал он. — Так что ради тебя, я попробую.

Опустилась тишина. Ни звуков чириканья. Ни звуков дыхания. Не было слышно даже моего собственного пульса, стучащего в ушах.

— Я твоё здоровье? — я попыталась произнести слова, но голос мой пропал.

Он, должно быть, прочитал по губам, поскольку улыбнулся. Печальной улыбкой, не обнажив ямочку.

— Ты всерьёз этому удивлена? С той самой минуты как я увидел тебя, ты успокаиваешь меня лучше любого лекарства. И поверь мне, было время, когда я перепробовал все возможные препараты.

Лекарство... Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох, и попыталась отыскать свой голос.

— Айден, я должна кое-что у тебя спросить.

Он застыл.

— Что?

— Ну — ты используешь такие слова, как лекарство и пристрастие, когда говоришь обо мне —, — я умолкла потому, как моё горло стянуло настолько сильно, что из меня вырывался лишь резкий, свистящий звук.

— И ты волнуешься, что это всё, кем ты для меня являешься, — его голос был очень нежным.

Я кивнула, скручивая простынь в своих руках.

Ещё до того, как я успела хоть глазом моргнуть, он вырвал меня из-под простыней и усадил к себе на колени.

— Элиза, детка, нет! Если бы я желал исключительно твоего успокаивающего эффекта, почему бы мне просто не остановиться на твоих картинах? Только этого уже вполне достаточно, чтобы твой эффект работал. Я бы не нуждался в тебе.

— Ну, я подумала, может быть, живой объект оказывает лучший эффект?

— Он лучший, но не потому, что у меня возникла сильнейшая одержимость. А потому, что ты гораздо больше, чем всё это. Ты... ты заставляешь меня хотеть...

— Хотеть чего? — прошептала я, впиваясь взглядом в его глаза, чтобы ничего не упустить.

Его глаза были спокойными — бирюза была ещё более ослепительна, чем когда-либо. Его губы приподнялись в первой за сегодня, широкой улыбке.

— Я хочу водить тебя на концерты. Засыпать с тобой, зарывшись носом в твои волосы, — он запустил пальцы в мои спутанные во время сна волосы. — Целовать тебя в светлое время суток в самом сердце "Сада Роз", не беспокоясь о том, кто находится поблизости.

Всё то, что он не может иметь.

Кончиками пальцев он приподнял моё лицо, так чтобы я могла посмотреть на него.

— Я хочу быть твоим новым домом.

На долгое время я потеряла дар речи. И это было прекрасно. Так как единственное, что я могла произнести в ответ на это: *"я люблю тебя"*.

Вместо слов, я страстно его поцеловала. Он простонал и ответил на поцелуй настолько неистово, что мы повалились на кровать, наши тела соскользнули по простыням на самый край кровати. Его рука обхватила мою челюсть — точно так же, как это было в нашу первую ночь.

— Я больше не хочу фантазию, — сказал он. — Я хочу настоящую девушку.

После этого его рот завладел моими губами, наши языки сплелись, не оставляя никакого места для иных слов. Места не было даже для воздуха. Он схватил ворот моей футболки и разорвал её. Прежде чем вздох удивления слетел с моих губ, он на клочки разорвал мои трусики. Опаляя мою кожу, его губы начали прокладывать дорожку вниз по моему горлу, вдоль моих ключиц, по моему плечу, охватывая мой сосок. Он слегка подул и нежно втянул его в рот. Сосок стоял по стойке "смирно", от испытываемых ощущений всё мое тело возносилось над кроватью.

— Ммм... как всё-таки прекрасно, — простонал он, его дыхание заставило меня зашипеть.

Он резко заключил сосок между языком, зубами и губами в тиски посасывающего, покусывающего, целующего узора. Когда мой живот стянуло хорошо знакомой, острой болью, я ахнула, осознав, что он делает. Он восстанавливал события нашего первого раза с идеальной, непогрешимой точностью.

И как в тот самый первый раз, моё тело, вплоть до самой последней клеточки, признало поражение, полностью отдаваясь в его власть. Но в отличие от того раза, теперь я вторила его движениям. В таком единении душ мы никогда раньше не существовали.

Я обвила ногами его талию, прижимая его к себе и сливаясь с ним в единое целое. Его рот и язык переключились на другой сосок, а затем начали странствие по моему телу, всё ниже и ниже — кружа по моему пупку, пощипывая мою талию, поглощая мои бедра. С каждым поцелуем, его пальцы нежно, едва касаясь, скользили вверх по моим икрам, внутрь моего бедра, вокруг почти исчезнувших рубцов от удара, пока не встретились с его губами в местечке между моими ногами, где неумолимо колотился мой пульс. Его рот сомкнулся вокруг меня в тот же самый миг, когда его пальцы скользнули внутрь.

Я простонала искажённую версию имени *Айдена*, запустила руки в его волосы и подтолкнула себя ещё ближе к его рту.

— Откройся, — приказал он, а затем жёстко всосал мой клитор. Он развёл мои ноги так широко, настолько это было возможно: — Я хочу вкусить тебя... всю тебя... Я хотел сделать это с того самого первого раза, как попробовал твою конфетку... И вот тогда я понял, что это была ты...

Его язык упивался мной, кружа, толкаясь, погружаясь внутрь меня и слегка ударяя, с преднамеренной неторопливостью. Точно так же, как и тогда. Но всё же по-новому.

Всё внутри меня пылало и в то же самое время трепетало. Я ухватилась за его волосы, словно могла утонуть, отпусти он меня. Но он не отпускал. Ещё одно посасывание, ещё один ласкающий штрих. На бесконечный момент я испытала отрешение — затем я воспарила и исчезла. Это было перевоплощённым возвращением в ту первую, бессонную ночь.

* * * * *

Робкий порыв воздуха овеял моё лицо, затем отдалённо послышался довольный смешок, лёгкий вздох. Я открыла глаза, и прямо передо мной было лицо Айдена.

— Привет, — прошептал он, улыбаясь.

Он снял с себя одежду, его кожа, льнувшая к моей, была опаляющей.

— Привет, — выдохнула я, в предвкушении его поцелуя и солоноватого вкуса моих соков, оставшихся на его губах.

Я целовала его до тех пор, пока единственное что смогла чувствовать, так это его яркий коричневый вкус.

— Как бы я хотел тебе объяснить, что это за чувство для меня, — выдохнул он, осыпая поцелуями мой нос, веки, щёки. — Всегда как в первый раз, — он проложил дорожку из поцелуев по линии подбородка, — и всегда лучше.

— Для меня всё точно также, — прошептала я, обвивая его ногами.

Смотря мне в глаза, он скользнул в меня. Моё тело знало и жаждало его, и вобрало в себя каждый его дюйм. Наши бёдра кружили и плавно покачивались в унисон. Он приподнимал мои бёдра до тех пор, пока кончики моих пальцев едва стали касаться матраса и начал жёсткими толчками врываться в меня. Мои выкрики сливались воедино с его затруднённым дыханием. *Айден. Детка. Айден. Элиза.*

Его ритм усиливался — жёстко, быстро и ослепляюще. С каждым толчком, моя плоть всё сильнее смыкалась вокруг него, сжимаясь и засасывая его в себя. Восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один.

Я бурно взорвалась, выкрикивая его имя. Так же, как и тогда. Так же, как и всегда. Он последовал за мной несколько секунд спустя, со стоном выдохнув мое имя:

— Элиза!

* * * * *

Где-то вдалеке послышался жужжащий звук, подобно назойливому комару в летний ленивый денёк. Я уткнулась носом в грудь Айдена, в попытке его проигнорировать. Но жужжание продолжалось снова. И снова.

— Умм, Айден? Тебе надо ответить?

— Нет... отпуск.

— Отпуск? — взвизгнула я, подскакивая в кровати, тотчас насторожившись. Он говорил, что никогда не берёт отпуска!

Он приоткрыл один глаз.

— Ммм.

— Серьёзно?

— Ммм.

— Так чем займёмся?

— Сюрприз, — пробормотал он, перетекая в тихое похрапывание.

Глава 41

Перемирие

Я могла бы пролежать так весь день, наблюдая за спящим Айденом. Его губы были слегка приоткрыты, длинные ресницы нежно касались его скул, скульптурная челюсть производила неизгладимое впечатление. Но желание прикоснуться к нему было настолько навязчивым, что я медленно, дюйм за дюймом, соскользнула с кровати и на цыпочках прошла по спальне, прибираясь. Когда я подняла книги из "Пауэлса" с пола — Байрон,

Неруда, Дикинсон, Бронте — я задохнулась от изумления, осознав, что общего было у всех этих книг. За исключением Байрона, все эти книги не были нами подписаны, поскольку в нашу вторую ночь нам так и не выпало шанса сделать это вместе.

Я перелистала страницы, и вот оно: его подпись на восьмой, двадцать четвёртой и одиннадцатой страницах. Он подписал их все. Я погладила пальцем его автограф, улыбаясь тому факту, что всего одна ночь может многое изменить. Чего мы достигли за считанные часы? За считанные дни?

Книги едва каскадом не выпали из моих рук, когда я опустилась в его кресло. В редких случаях, когда я позволяла себе эти мысли, мои колени неизменно подгибались подо мной, и вопросы стремглав проносились в моей голове, вместо пятого периода периодической системы⁵⁶.

А что если мне всё же потребуется уехать? Или наравне ужасно, что если я смогу остаться, но не смогу быть с ним? Он сказал, что попробует, но что это значит для кого-то такого, как Айден? Как у него получится подавить свою память? И что случится, когда специалист начнёт копать глубже и Айден будет вынужден начать рассказывать? Как скоро он закроется в себе и прекратит всё это? Образ его изогнутой в неприязни челюсти в момент, когда он выговаривает *"ты не моё здоровье — ты моя боль"*, проявился в моих мыслях.

Я вскочила на ноги. Нет! Я не должна мыслить подобным образом. Он сможет сделать это. *Я знаю*, он сможет.

Я положила книги на столик и поспешила в его гардеробную. Рядом с его костюмами — как и каждое утро — висело новое платье от "Марголиса". Оно представляло собой скромного покроя, серого цвета, футляр с крошечными жемчужными пуговичками, нашитыми вдоль позвоночника. Я исследовала мягкий хлопок, зная, что где-то там найду следующую строчку из стиха Байрона "Она идёт во всей красе". На этот раз она оказалась на внутренней стороне подола, вышитой фиолетовыми шёлковыми нитями:

*"И лёгкий смех, как всплеск морской,
Всё в ней о мире говорит."*

До того, как я осознала, что делаю, я поднесла подол к губам и поцеловала нашивку. И поскольку этого сумасшествия мне было не достаточно, я также и сфотографировала её. Затем я скрылась в ванной комнате, чтобы привести себя в порядок, прежде чем платье поцелует мою кожу в ответ.

Пятнадцать минут спустя, кончики моих пальцев по-прежнему зудели от желания прикоснуться к Айдену, и поэтому я сбежала во внутренний двор, с целью созвониться с Хавьером и Реаган.

Задний двор представлял собой девственный пейзаж, простирающийся в поляну с полевыми цветами, кустами ежевики, чертополохом и жёлто-ствольными соснами *Ponderosas*. Умиротворённо и дико. Как будто, это было гарантией всего упущенного спокойствия того мужчины, который им владел.

Я начала лавировать сквозь траву, выросшую по колено. Будет проще выдержать разговор с Хавьером, если я буду двигаться. Но в ту же секунду, как только я включила телефон Айдена, я споткнулась об огромный папоротник.

Заставкой на экране телефона была моя фотография, запечатлевшая меня спящей,

прижавшись губами к его подушке. Чёрт возьми, вот так я выгляжу, когда сплю? Я взяла себя в руки и ввела номер Хавьера, притворившись, что не видела струйку слюны на моём подбородке.

Чем дальше Хавьер не отвечал на звонок, тем быстрее я странствовала по поляне и тем меньше слышала чириканье лазурных птичек. Как я объясню ему всё произошедшее? Что если теперь он ненавидит Айдена?

— Мистер Хейл? — наконец Хавьер поднял трубку, тон его голоса был очень официальным.

На этот раз я чуть не натолкнулась на сосну.

— Хавьер, это Иза.

— Иза? — его голос потеплел. — Ты в порядке? Почему звонишь с телефона Хейла?

— Потому что мой остался у тебя после вчерашнего вечера.

— Ох, точно. Забыл. Он лежит в "Хонде", заперт в багажнике.

— Меня это не беспокоит. Я просто хотела узнать как ты. И извиниться за прошлый вечер, — мой голос упал до шепота, и я села на траву.

— Почему ты извиняешься? Это не было *твоей* виной.

Я разрывалась надвое, я не знала, кого надо защищать.

— Это не было чьей-то виной, Хавьер. Ни твоей, ни Реаган, ни даже Айдена, хотя он и наговорил много ужасных вещей. Он напуган тем, что что-нибудь произойдёт со мной, и он просто приходит в бешенство, когда чувствует себя беспомощным.

Хавьер долго хранил молчание. Всё это время, я скручивала лист папоротника, пытаюсь вдохнуть немного воздуха.

— Да, — в итоге произнёс Хавьер. — Он что-то с чем-то.

— Я знаю, но у него добрые намерения. Он никогда не причинит боль тому, кого я люблю.

Я отбросила в сторону громкие слова Айдена, о том, что он разрушит всё, что причинит мне боль. Он никогда не сломает меня подобным образом.

— Меня не волнуют его угрозы, Иза. Что же он собирается сделать такое, опасность чего уже не висит надо мною? Я больше беспокоюсь за тебя, когда ты с ним.

— Обо мне не беспокойся. Я о себе позабочусь.

Послышался вздох, длиной в шестой период периодической системы. Я представила, как он сощурил глаза; он всегда так делает, когда видит в своём воображении уже законченную картину, а не эскиз.

— Ты же не ненавидишь его, верно? — прошептала я, скручивая лист папоротника в узелки.

— О, чёрт! Я не ненавижу его. Вообще-то, после вчерашнего вечера, я как бы узнал его немного лучше. У него есть проблемы — это правда — но, ни один пижон не сходил бы так с ума из-за платья. Если только, ему действительно не наплевать на девушку.

Я улыбнулась, так как звучит это поистине правдиво, когда исходит от Хавьера. Проблема была в том, что Хавьер не знает о ПТСР и о презирающих самих себя мужчинах которые разрушат себя раньше, чем позволят любви войти в их жизни.

— Ладно, прекращай повторять периодическую таблицу, или чем ты там ещё занимаешься. Мы справимся с этим. Ты всё ещё готова побыть нянькой этой ночью?

— Конечно, — ответила я, даже, несмотря на то, что это означало провести ночь вдали от Айдена.

— Спасибо, дорогая! Я должен бежать. Эта новая вилла сама себя не покрасит. Мария с девочками будут ждать тебя. Теперь у тебя есть кто-то, кто любит Хейла, поговори с ней.

Я рассмеялась, представив, как он закатил глаза.

— Увидимся позже, Хавьер. Люблю тебя.

— Тоже люблю тебя.

Я закончила разговор, отключившись, не желая задерживать его ещё больше, чем и так уже задержала. Но когда я начала звонить Реаган, текстовое сообщение молниеносно высветилось на экране, практически мгновенно за ним последовало ещё три сообщения:

Джазмен: Хейл Шторм, какого хрена? Ты приедешь, даже если мне придётся тащить тебя сюда за сам член.

Каллахан: Шторм, Джаз кончает в свои штаны. Рассказал ему о твоей женщине. Чтоб. Меня.

Хендрикс: У нее, что три груди?

Каллахан: Конечно!

Сначала я и не поняла до какой степени сильно рассмеялась, пока лазурные птички испуганно не порхнули в воздух из куста ежевики. *Хейл Шторм?* Как же это ему подходило. Ни за что не позволю ему пропустить эту встречу. Даже ради моей грин-карты.

* * * * *

Три часа спустя, после булочки с корнуэльским сливочным варенцем и ещё трёх оргазмов, Бенсон быстро сопроводил нас вниз с холма. Айден обнял меня за плечи и притянул ближе к себе.

— Итак, поскольку мы в машине, ты скажешь мне, куда мы едем? — спросила я, испытывая облегчение, что мне не пришлось собирать чемодан.

— Увидишь, — он улыбнулся, вырисовывая пальцами круги на моём колене.

— Как долго будет длиться твой отпуск?

Рука, которой он меня обнимал, напряглась.

— Как минимум до тринадцатого июня.

По мне пробежал озноб, не имеющий никакого отношения к его прикосновениям. Он поцеловал мой висок, но не произнёс то, что обычно было принято произносить в подобных случаях: "всё будет хорошо", "не волнуйся", "мы уладим это". Он понимал, что не может давать такого обещания.

— Спасибо, что идёшь на это ради меня, — сказала я, целуя его в шею.

— Это и для меня тоже... для нас.

Я едва не выпрыгнула из люка автомобиля, услышав это. "*Я люблю тебя*" подумала я о нём и сделала фотографию. Его телефон, спрятанный в кармане его джинсов, завибрировал уже в энный раз. Я сбилась со счёта после того, как насчитала пятьдесят восемь звонков. Он посмотрел на него, улыбнулся и набрал сообщение. Это послужило мне напоминанием.

— Айден, я должна тебе признаться в кое-чём плохом.

— Да? Ты что произнесла "чёрт" в окружении каких-то сорняков?

— Нет. Я прочитала твою переписку с морпехами, — я покраснела до цвета красного кадмия.

Он приподнял бровь. Но не произнёс ни слова.

— Умм, сообщения начали высвечиваться на экране, в то самое время, когда я воспользовалась твоим телефоном, чтобы позвонить Хавьеру. Я не сдержалась. Прости, — пробормотала я, опустив взгляд на камеру, которая лежала у меня на коленях, и натирая безупречной чистоты линзу своим большим пальцем.

Слегка касаясь кончиками пальцев моего подбородка, он приподнял мою голову. Я ожидала увидеть стиснутую челюсть или глубокую V-образную складку меж его бровей, но вместо этого я увидела ямочку на щеке.

— Смотри, — сказал он, показывая мне ярко светящийся экран iPhone. Там был текст: — Читай, — он кивнул в качестве одобрения.

Я бегло прочитала текст в иконке, расположенной ниже увиденных сегодня мной сообщений:

Айден Хейл: Она прекрасна. Так что отвалите.

— Несомненно, я нахожу твоё неисправимое стремление пошпионить очаровательным, Элиза. Поверь мне, никто так не шокирован этим, как я сам. Но я полагаю, это означает, что я тебе нравлюсь.

Я люблю тебя.

— Да.

Глава 42

Истоки

Вид за окном "Ровера" был очень знаком мне, что не должно было меня настолько сильно шокировать. Но я была потрясена.

Мы находились перед огромной шпалерой "Сада Роз".

В светлое время суток.

С людьми, прогуливающимися по дорожкам сада.

Озноб просачивался через поры моей кожи. Я оторвала свой взгляд от хихикающей маленькой девочки и посмотрела на Айдена. Его плечи окаменели, глаза стали цвета кобальтовой сини.

— Я же говорил тебе, что попытаюсь, — прошептал он. Его пальцы впились в мою талию.

— Айден, дорогой, ты не должен делать этого ради меня. Мы можем просто —

Он пресёк меня, положив палец мне на губы.

— Да, должен. Я кое-что запланировал для тебя. Кроме того, сегодня понедельник. Здесь не будетлюдно, — он опустил вниз взгляд, как будто был смущён. — Я с чего-то должен начать, Элиза. Я бы хотел, чтобы это началось здесь.

Слёзы хлынули из моих глаз без какого-либо предупреждения. Я поцеловала каждую частичку его, до какой смогла дотянуться, даже, несмотря на то, что Бенсон стоял прямо за нашей дверью. Айден усмехнулся зыбким звуком и обхватил мои бёдра руками.

— Вечером, — пообещал он. Затем сделал глубокий вдох, распрямляя плечи: — Держись рядом со мной, — прошептал он.

— Всегда.

Как только мы вышли из "Ровера", я обвила рукой талию Айдена. Насколько же иначе ощущались его мускулы в отличие от того, как это было в наше первое посещение этого сада! Они были туго натянутыми, при этом каждую секунду они резко сокращались. Я чуть было не решила, что мы должны вернуться домой, но нечто неизведанное в его глазах остановило меня. Они внимали сад со смесью голода и вызова. Точно также мы смотрели на воду до того, как прыгнуть с утёса. В тот же миг я поняла, что он должен попытаться сделать это. Не для меня, а ради самого себя.

Что-то промелькнуло между ним и Бенсоном, и Бенсон занял своё место по правую руку Айдена, но на этот раз он держался ровно на три шага позади. Хорошо. Достаточно лишь его массивного остова, чтобы предупредить приближение любого прохожего.

— Пошли, — произнёс Айден, обхватывая рукой мои плечи.

Его голос был решительным, равно как и нетерпеливым. Он не повёл меня к ступенькам у шпалеры, а направил нас в сторону куполообразного здания садового магазина с его матовыми витражными окнами. Мы быстро нырнули внутрь магазина, в то время как Бенсон остался стоять снаружи, у двери.

За прилавком, выполненным из берёзовой древесины, находилась пухлая дама с белоснежными волосами, на ней была надета футболка с принтом из цветов роз. Она представилась как Патти.

— Здравствуйте, Патти. Я Айден Хейл. Я звонил ранее —

— Ах, мистер Хейл! — воскликнула она, хлопнув в ладоши. — Минутку, сэр, одну минутку.

Она побежала в заднюю часть магазина так быстро, как могла.

Я взглянула на Айдена, но он с улыбкой на губах, пожал плечами. Патти вернулась, неся с собой полновозрастную Английскую розу в пластиковом зелёном ведре. Мои руки взметнули ко рту, когда я осознала, что мы собираемся сделать.

— Вот она, мистер Хейл. Нежно-розовая Инглиш Гардн роза. Самая красивая, какую я только сумела отыскать.

Роза была идентична тем, на любовь к которым моя мама потратила нескончаемое количество часов. Я ощущала пристальный взгляд Айдена на мне, но не могла отвести взгляд от розы.

— Спасибо, Патти, — сказал он. — Не дадите нам несколько минут наедине, пожалуйста?

— Конечно, сэр, — я расслышала её ответ, пока пристально смотрела на лепестки розы, которые выглядели точно так же, как и кожа Клэр.

Подушечками пальцев Айден нежно коснулся линии моего подбородка.

— Я посчитал, что настало время и розе твоей мамы появиться здесь, — сказал он.

Я кивнула, поскольку слёзы, которые начались ещё в машине, снова в избытке потекли из моих глаз. Он приподнял мою голову.

— Эй! Чересчур?

— Нет. Она прекрасна, — прошептала я единственно возможным для меня тоном в эту минут, совсем не удивившись, что не смогла охарактеризовать розу иначе.

Я больше не видела в розе цветок. Я видела ожившую красоту своей мамы.

Айден обхватил меня рукой за талию, и я поцеловала его, не заботясь, что мы могли вызывать приступ тошноты у бедного Бенсона.

— Спасибо тебе. Никто никогда не делал для меня ничего более красивого.

Он выглядел так, будто желал заняться нечто большим, чем просто целоваться, но прямо в этот момент, из-за задней двери выглянул маленький мальчик лет семи.

— Джек! — Патти пожурила его, находясь в подсобке, и он, засуетившись, убежал прочь.

— Всё хорошо, Джек, мы готовы, — сказал Айден, но сделал несколько шагов назад, отступая ближе к стене.

Патти вразвалочку вышла из подсобки, неся большой пакет с грунтом, позади неё шёл Джек с лопатой.

— Как ты назовешь её, милая? — поинтересовалась Патти.

— Я могу её назвать? — визгливо произнесла я в изумлении.

— О, да, у нас есть реестр всех произрастающих здесь роз. Вам лучше выбрать красивое имя. Она будет расти здесь ещё очень долгое время.

Для этой розы было лишь одно-единственное, достаточно красивое имя.

— "Леди Клэр".

Айден притянул меня к себе и поцеловал мои волосы. Он понял, что я только что дала своей маме титул, которого она не смогла иметь при жизни. Патти небрежно внесла запись в реестр, пока Джек рассматривал Айдена и распрямлял плечи, подражая ему.

— Вам потребуется помощь в посадке, мистер Хейл? — спросила Патти.

— Нет, спасибо. Мы знаем, где находится место.

Он взял мешок с грунтом и перекинул его через плечо. Джек подал ему лопату, стоя по стойке смирно, равно также как и Айден. Патти вручила нам несколько плотных, зелёных перчаток, без остановки треща нам наставления о том, как включить оросительную установку.

— Бенсон? Розу, пожалуйста, — попросил с ухмылкой Айден.

Бенсон послал ему в ответ такую же ухмылку, но ведро поднял. Мы вышли из магазина, Патти помахала нам на прощание и пригласила нас посетить "Фестиваль Роз".

— Мне кажется, Джек хочет быть похожим на тебя, когда вырастет, — сказала я Айдену.

Он довольно усмехнулся и направился по дорожке в сторону "Шекспировского Сада". Я не выпускала из объятия его извечно-напряжённую талию. Бенсон следовал за нами, излучая предостерегающие к сближению флюиды, несмотря на то, что в руках он нёс розу.

"Шекспировский Сад" был пуст, за исключением пожилой пары с тросточками, сидящей на кованной железной скамье. Мы подождали снаружи живой изгороди из роз, пока они не ушли. А затем Бенсон разместился под арочным входом, в то время как мы скользнули внутрь сада.

Глаза Айдена осветились тотчас, как только он вспомнил то же самое, что и я. Нашу первую совместную ночь.

— Считаю, что это будет прекрасным для неё местом, — сказал он.

— Да. Я бы тоже его выбрала.

— Рядом со столистой или с "*Ла Франс*"?

Я поняла, что он подразумевал. Рядом с Леди Сесилией или рядом со мной?

— Рядом с "*Ла Франс*", — подчеркнула я.

Он ярко улыбнулся.

— Я согласен, но хочу знать почему.

Я пожала плечами.

— Это логично, полагаю. Живое — живым, мёртвое — мёртвым, — мой голос умолк.

Смогла бы я когда-нибудь сделать этот выбор, если бы никогда его не встретила?

В течение нескольких секунд он хранил молчание. Затем взял лопату и стал копать яму.

Когда я предложила ему свою помощь, он воспротивился, заявив, что я испорчу ещё одно платье. Я проигнорировала его и встала на колени рядом с ним. На протяжении неизмеримого мгновения, мы копали и гребли. Я сосредоточилась исключительно на наших руках, затянутых в перчатки, на том, как они обрабатывали землю, на запахах грунта, роз и Айдена, и на жизненно-важном звучании нашего дыхания. Его пальцы работали очень быстро, усердно, словно в данный момент он обрёл катарсис. Его плечи стали чуть более расслабленными. Должно быть, он почувствовал мой пристальный взгляд, поскольку поднял голову и улыбнулся.

— Наслаждаешься представлением, Элиза?

— Каждой молекулой.

Мы не останавливались до тех пор, пока яма не оказалась достаточно глубокой. Затем аккуратно, зажав кончик языка между зубами, Айден опустил "Леди Клэр" в землю. Мы присыпали её корни — горсть грунта от меня, горсть грунта от него. Так что, в конечном счете, она расцветёт точно так же, как мама при жизни.

— Леди Клэр, Гений Питер и Мона Иза, — прошептал Айден.

Я впитала образ, который он обрисовал, образ семьи, отсутствующей и существующей во всех отношениях.

— Теперь мы должны посадить что-нибудь для тебя, — произнесла я.

— Как насчёт кактуса?

Я рассмеялась и замахнулась на него щепоткой земли.

— У тебя мало чего общего с кактусом, если только за исключением славного шипа.

(прим. переводчика.: игра слов: prick — шип, мужской половой орган).

Его гулкий смех распугал бабочек-адмирал по всему саду. Он поднял немного грунта и осторожно бросил его в меня. Наш дружный смех был заливистым, громким, и на мгновение мы стали Элизой с Айденом без прошлого. Грунт разлетелся повсюду — волосы, одежда, лица — до тех пор, пока Айден не повалил меня на траву, основательно целуя меня в губы.

— Айден! Бенсон снаружи, — прошептала я ему в губы. — И люди!

Он отстранился, ямочка на щеке была ярко выражена и была гораздо глубже, чем когда-либо.

— Знаю.

Ах! Точно так же, как он сказал мне этим утром. Я притянула его назад к своим губам, не желая ничего, кроме как воплотить его простое желание в жизнь.

— Похоже, садоводство оказывает очень благотворное воздействие на тебя, — размышлял он, его сияющие глаза были испытывающими.

— Как и на тебя.

Он сел, перемещая меня к себе на колени. Его волосы были в беспорядке, частички дубильной коры запутались в прядях, белая рубашка была испачкана грунтом и травой. Он никогда ещё не выглядел настолько прекрасным.

— Знаешь, Элиза, у меня порядка десяти акров холмогорья за домом. Я никогда ничего

с этой землёй не делал. Похоже, ты любишь садоводство. Может быть, самое время для тебя занять свой собственный кусочек земли, чтобы этим заняться?

Мои руки уже в который раз за день взметнулись ко рту, но когда я ощутила привкус земли, я их опустила.

— Моя собственная земля?

Он кивнул.

— Если ты хочешь. Всё что ты пожелаешь. Это твоё.

Я не могла говорить, но слёзы, стоявшие в моих глазах, сказали всё за меня. Даже когда я, наконец, изрекла слова, они были молвой:

— Ты лучшее, что когда-либо за долго время со мной случилось.

Его улыбка исчезла, и строгая V-образная складка пролегла меж его бровей. Тектонические плиты переместились настолько резко, что я едва не расслышала, как они сменяли друг друга и потом замкнулись.

— Пошли, Элиза, — его голос был низким, когда он встал и поднял меня на ноги.

Проклятье! Что же я такого сказала? Если он не может принять даже этого. Как он вообще примет тот факт, что я люблю его?

Он включил поливальную установку близ "Леди Клэр" и, сохраняя молчание, обнял меня за талию. Он вновь стал литым из титана. Мы начали бродить по Шекспировской арене, в точности прослеживая наши первые шаги. Флорибунда, "*Ла Франс*". С каждым сделанным шагом, свет в его глазах меркнул.

— Айден, милый, что случилось? Мы должны вернуться домой? — я обхватила ладонями его лицо.

На секунду мне показалось, что он не ответит. Но он задержался у столистной розы, первый бутон у которой уже поник, а второй ещё пока не раскрылся. Нечто надломилось в выражении его лица. Его лоб нахмурился, а челюсть сжалась. Он закрыл глаза, его рука крепко ухватилась за мою талию. Каждый мышечный корд в его теле расширился и начал вибрировать. Моё сердце заколотилось в груди. Что такое? Что происходит?

Он открыл глаза. Больше они не были ни цвета бирюзы, ни даже цвета сапфира. Они были цвета непроглядной синевы.

— Элиза, — его голос был резким. — Думаю, настало время тебе узнать правду.

Глава 43

Верен долгу всегда

— Правду о чём? — прошептала я.

— Обо мне... Ты же хотела узнать, что я сделал, чтобы заслужить это.

Я сжала его руку.

— Мне не надо знать, если это причиняет тебе боль.

— Надо. Видишь ли, начиная с нашего второго совместного вечера, я тебе лгал.

Моя рука, сжимавшая его руку, ослабла и соскользнула вниз.

— Лгал мне? О чём?

— О том, что случилось двенадцать лет и восемнадцать дней тому назад.

Я загнула свой потрясённый вздох, поскольку так или иначе не хотела давить на него.
— Ты уверен?

Он кивнул и протянул руку ко мне, ладонью вверх, словно не был уверен, возьму ли я её. Я схватилась за неё изо всех сил. Он вложил мою руку в локтевой сгиб своей руки и направился в сторону скамейки, на которой ранее восседала пожилая пара. Его глаза были сосредоточены на линии моего подбородка и горле. А затем он начал свой рассказ тихим, сбивчивым голосом:

— Мы базировались в лагере Вольтурно, расположенным за пределами города Эль-Фаллуджа, в течение двух недель. Три сотни морпехов, одуревших от тестостерона и адреналина, вооружённых до зубов. Наша миссия была обеспечить присутствие Штатов и проводить облавы на повстанцев и ополченцев. Метаморфические каникулы после наших молниеносных операций в Багдаде. Ни минометного огня, ни грязевых ливней, как минимум, два часа сна каждую ночь. Казалось, что мы побеждали.

— Помню, как первого мая лежал на своей койке, проснувшись в три ночи — писал письмо, размышлял. "Быть этого не может. Где все эти террористы-смертники, связанные с "Аль-Каидой"?" Затем в нашу палатку нырнул Маршалл, принеся с собой порыв ветра с песком.

— "Бросай свою херню, Шторм. Мы отправляемся в Эль-Фаллудж. У Паломиноса кулихорадка, а Мортон на своём этапе или что-то типа того. Мы берём на себя патрулирование. Проведём некую разведку городских трубопроводов, которые ведут на рынок Хаджи".

— Итак, мы собрались — весь мой отряд — с полной выкладкой, в бронежилетах, по восемь магазинов боекомплекта у каждого, по ножу, по два болонский сэндвича, по пакету чипсов "Раффлз". У Маршалла был своеобразный ритуал перед каждой миссией — он пел "Я встретил девушку". Будь то день или ночь. И плевать ему было на то, что кто-то в этот момент мог спать. Так что мы распевали во всё горло, пока я бегло просматривал карту трубопровода, и потом мы выдвинулись. Пешком, конечно, как же ещё можно было осмотреть трубы?

— Господи, там так воняло! Кромешная тьма. Через некоторые колена труб нам приходилось ползти, я возглавлял группу, поскольку запомнил путь.

— "Шторм, твои мозги — самое охренительное, что могло случиться с этим взводом", — рассмеялся Маршалл.

Айден сглотнул, и долгое время хранил молчание. Впрочем, как и я, потому что теперь я поняла, почему он так трансформировался, когда я произносила те очень схожие к этим слова.

— Короче. Мы вышли на поверхность у средней школы, расположенной близ центрального городского рынка, камуфляж насквозь был пропитан потом. Всё вокруг казалось нормальным. Было ещё слишком рано. Несколько детей, находящихся на школьном дворе, играли в футбол каской морпеха. А затем "бум"! — последнее слово он прошептал. — Взорвался двор. Улица. Рынок. Бум, бум, бум!

— Маленькое тельце приземлилось между мной и Калом. Не крупнее, чем то зелёное ведро. Грудная клетка вскрыта, куски лёгкого застряли между рёбрами, подобно губке..., — он запнулся и тяжело сглотнул, как будто к его горлу подступила желчь.

— Мы выкопались из-под обломков — откашливаясь, плюясь, блюя. Хендрикс продолжать орать нам, чтобы мы возвращались в Вольтурно. "Через пятнадцать минут, все

хаджи будут у нас на хвосте, Шторм. Они сдерут с нас кожу живьём и продадут наши яйца на фалафель⁵⁷."... Но разве можно было вот так взять и просто выбраться из чего-то подобного? Как можно уйти и, по меньшей мере, не проверить не уцелел ли хоть один ребёнок? Это дело чести, даже в том, как ведёшь войну.

— Так что мы ввалились во двор, в поисках выживших. Ничего, кроме тел, разбросанных на руинах. Мы попытались сложить вместе некоторые части тел — понимаешь, чтобы матери могли их похоронить.

— Проще всего подбирать части тел было для меня. Кожа на этой руке выглядит так же, как кожа на вот этой ноге. Эта рука в такой же полосатой рубашке, как и эта рука..., — его горло билось в конвульсиях.

— Вот тогда-то они нас и нашли... Партизанская банда повстанцев, втрое больше нашей группы. Они стали стрелять по нам без предупреждения, двое морпехов пали, прямо на те тела, которые они пытались уберечь. Мы отступили внутрь школы — мы с Маршаллом оказались в классе на втором этаже. Кал и Хендрикс — на третьем.

— Мы вели огонь по двору, прикрывая Джаза и других. А затем —

Он резко умолк, его пристальный взгляд ни разу не покинул линию моего подбородка. Его глаза были безмолвными, темнее непроглядной тьмы, но крупинки бирюзы мерцали то тут, то там, словно свет боролся с тьмой. Он плотно прижался спиной к скамейке, плечи были ещё более жёсткими, чем мне когда-либо довелось видеть. Он, по-прежнему, хранил молчание. Я не знала, сколько прошло времени.

— А затем что? — прошептала я, наконец, сжимая локтевой сгиб его руки.

Он пожал плечами.

— Я не помню.

— Что?

— Несколько минут — десять, может быть, пятнадцать — которые я не помню. Последнее, что я помню, так это пронзительный удар по задней части моего черепа, а затем ничего. Ничего, пока я не открыл свои глаза — или точнее сказать, один глаз, поскольку второй заплыл и был закрыт — и увидел, что мы находились в полнейшей жопе...

— Семь повстанцев. Трое сдерживали меня. Четверо играли в русскую рулетку с пальцами ног Маршалла. Они обвязали меня стальными тросами, обмотав два раза вокруг плеч, три раза вокруг локтей, заведённых мне за спину. В общем, суть ты понимаешь. Затем они дали себе волю на Маршалле...

Воцарилась долгая необозримая тишина. Когда он вновь заговорил, его голос был скрипучим:

— Они творили с ним такое, я в жизни не видел, чтобы подобное творили с животными, не говоря уже о людях. Если я боролся с ними, они отрезали какую-нибудь часть тела. Если я вёл себя подобающе..., — он вздрогнул.

— Я начал торговаться с ними на арабском языке. Чего они хотели? Давайте обсудим. Им нужен был живой морпех, чтобы продать его "Аль-Каиде". "Большие деньги за морпеха". Я ответил: "Отлично, отпустите его, я пойду с вами. Я могу говорить на арабском, фарси, был подготовлен в качестве агентуры. Я тот человек, который вам нужен". Они начали перешёптываться друг с другом и, наконец, согласились. Развязали Маршалла, пнули его, сказав: "Проваливай, красавчик".

— Он не уходил. Я умолял его уйти. "Чёрт тебя подери, иди. У тебя есть девушка. Две сестры, мать. Иди..."

— Он начал ползти к двери из класса, дюйм за дюймом, позади него оставались полосы крови. Потом он повернулся, чтобы посмотреть на меня. Я не смог больше разглядеть его носа. Не было видно и губ. Но я знал, что он улыбался..., — губы Айдена приподнялись в слабой улыбке, и он закрыл глаза.

Несмотря на то, что я дрожала, я тоже улыбнулась. Они оба выбрались, так или иначе. Если это не заставит учёного поверить в божий промысел, ничего уже не сможет.

Он открыл глаза и сжал мою руку.

— Они застрелили его.

— Нет! — мой потрясённый вздох сотряс воздух, в то время как моя рука метнулась ко рту.

Он кивнул.

— Семь раз... по одной пули от каждого. Он скончался от первой пули. Он скончался, как только...

В мучительно-долгой, оглушительной тишине, я воспроизвела все те случаи, когда упоминала имя Маршалла, и посмотрела на его реакцию совсем другими глазами. Его ретроспектива. Его отрешённый взгляд. Он всегда прерывал меня или менял тему разговора. Но при этом он никогда не лгал. Маршалл до сих пор для него жив. Он до сих пор его лучший друг.

— Кто спас тебя? — изрекла я, совсем потеряв голос.

— Кал и Хендрикс, — он пожал плечами, как будто это не должно было быть столь важным. — Мы уничтожили их всех...

Он умолчал обо всём, что они, должно быть, сделали с ними, обо всём том ужасе, что пережил он сам, и впервые за всё это время отвёл взгляд от моей линии подбородка и посмотрел прямо мне в глаза.

— Вот с таким человеком ты связалась, Элиза. С тем, кто убил своего собственного брата.

"Из-за меня" однажды он мне сказал, когда я спросила, почему Маршалл не собирается поехать в хижину.

Внезапно я взбесилась. Подобно фурии, я была вне себя от ярости. Из-за всего. Из-за каждого, кто сотворил с ним это.

— Айден, ты не убивал никого, кто этого не *заслужил*. Ты не убивал Маршалла. Ты —

Он прикоснулся указательным пальцем к моим губам.

— Я принял решение, что мы останемся в этом школьном дворе. Я неправильно вёл торг. Я не прорвался через эти тросы достаточно быстро. Я — Поверь мне, Элиза. Всё это целиком и полностью на моей совести.

— Нет, вовсе нет! Это не твоя вина. Милый, даже твой рефлекс Моро — который, очевидно, является результатом этой агонии — проявился не из страха за себя. Он появился из-за страха за друзей. И ты живёшь с этим каждый день.

— Это ничего не меняет.

— Это меняет абсолютно всё! *Всё!* В этом *не* было твоей вины. Ты давал взамен свою собственную жизнь. Что ещё мог ты отдать?

— Прекрати, пожалуйста.

— *Нет, не перестану!* Я никогда не перестану говорить тебе этого. Неважно, где я. В этом *не* было твоей вины.

— Элиза, — его голос был низким, почти что подавленным.

Услышав этот новый тембр, я осознала, насколько же сильным борцом он был. Во всём, кроме этого. И именно из-за этого, впервые, мне захотелось, чтобы он рассердился. Заорал на меня, разнёс весь этот сад вплоть до самых корней, сделал всё что угодно, но не капитулировал.

— Маршалл не захотел бы этого. Ты должен жить, Айден — жить за двоих, а не нежить вовсе. Помнишь, что ты мне сказал о моих родителях?

Он не ответил.

— Ты сказал, что я должна начать жить собственной жизнью. Дорогой, ты должен сделать то же самое.

— Элиза, детка, пожалуйста... не всё сразу, — он опустил взгляд на свои чёрные кроссовки.

От его безвольного голоса я растеряла всю свою ярость. Мой желудок начало скручивать, но я приветствовала боль — что ещё я могу дать ему, чтобы он это принял? Я отбросила в сторону свои страхи и злость, таким образом, я смогу использовать их позже для борьбы с этим вместе с ним. Затем я сделала глубокий вдох и очень медленно, обвила рукой его шею.

Он поднял взгляд. Его глаза светлели. Медленно, но верно. Я хотела признаться ему в любви. Я хотела закричать об этом. Единственное, что останавливало меня, так это то, что его память свяжет моё "я люблю тебя" с этим мучительно-болезненным моментом в его жизни.

— Я никогда ещё не была так восхищена тобой, — сказала я ему. — Ничто из того, что ты мне рассказал, не изменит моих чувств. На самом деле, это сделало их ещё сильнее.

Он улыбнулся, но, не явив ямочку на щеке.

— Ну, тебе еще очень многое предстоит увидеть. Ты выбираешь жить с этим долгое время.

Долгое время? Навеки.

Я поцеловала его. Прямо здесь, в этом саду, у которого теперь были обе наши истории, ни на йоту не беспокоясь о том, кто нас увидит. Поначалу его поцелуй был чутким. Затем он изменился. Его язык и губы действовали вопреки их свойственному доминированию. Это было просто степенное единение душ. В течение долгого времени до тех пор, пока тень от изгороди из роз не накрыла нас. Когда он отстранился, он тяжело дышал, также как и я.

— Ты первая — *единственная* — кому я рассказал эту историю.

— Я сохраню её в тайне, — произнесла я, целуя его щрам. — Как звали Маршалла?

— Джекоб. Джекоб Самуэл Маршалл.

— Может нам стоит в память о нём посадить розу?

Он улыбнулся. Привычный тембр его голоса вернулся к нему.

— Я не знаю. Не замечал у него любовь к цветам.

— Как насчёт дерева? В нашем новом приусадебном саду?

На щеке сформировалась ямочка.

— Если хочешь.

— Какое дерево мы должны выбрать?

Он пожал плечами.

— Ты учёный. Никогда не интересовался у него о том, какие деревья ему нравились.

Я отложила этот вопрос на вечер, для более глубокого анализа. Это настоящий прорыв, на который он вообще мог согласиться. Он сделал глубокий вдох, и только тогда я осознала

насколько редким было его дыхание в течение всего времени, пока он рассказывал историю.

— Пошли, — сказал он, поднимаясь со скамьи и вновь вкладывая мою руку в свою ладонь.

Я последовала за ним, не озадачиваясь тем куда мы направлялись. Это не имело никакого значения. Мы покинули "Шекспировский сад", предварительно сделав снимок бутонов розы "Леди Клэр". Бенсон шёл позади нас на значительном расстоянии. Айден прослеживал наши первые шаги по арочному туннелю из плетистых роз. Каждый раз, когда мы встречали прохожих, мы останавливались и ждали пока они пройдут мимо. Его мускулы так и не переставали вибрировать. Всю дорогу до фонтана, расположенного в самом центре сада. Он улыбнулся и запустил руку в карман.

— Мы не можем уйти, не загадав твоё желание, — он высыпал мне в ладонь несколько четвертаков.

Я поцеловала его руку и повернулась спиной к фонтану. На этот раз у меня было так много желаний. О нём: чтобы полюбил меня. Для него: чтобы удержал меня. О грин-карте: получить её. Я вновь проигнорировала их все, подула на монетки и перекинула их через плечо. *Бултых. Бултых. Бултых.* Затем повернулась, зная, что он выжидательно смотрит на меня, точно также, как это было в нашу первую ночь.

— Что ты загадала?

— Если расскажу, то не сбудется.

— Или может быть сбудется.

— Я пожелала, чтобы тебе стало лучше, чтобы ты смог позволить любви войти в твою жизнь и смог даровать себе прощение.

Теперь его глаза были цвета ясного неба. Не отводя от меня взгляда, он потянулся к заднему карману джинсов за своим iPhone, вытащив его, он набрал несколько цифр по памяти.

— Соедините с доктором Корбин, пожалуйста... Айден Хейл... Да, доктор, это Айден Хейл, вы — ох, вы помните... спасибо...

Я слушала, как он назначал встречу на следующий вторник, моё горло стянуло, словно было зажато в тисках. Он пристально рассматривал свои чёрные кроссовки, пиная невидимый камешек. По возможности быстро он закончил разговор, насколько ему это позволяла вежливость.

— Это будет интересно, — сказал он с весьма не-похожей-на-Айдена натянутой улыбкой.

Он ещё немного попинал невидимый камешек. Я никогда раньше не видела его таким стеснённым.

— Спасибо, — сказала я, погладив кончиками пальцев его шрам и приподнявшись на цыпочки, чтобы поцеловать его.

Он нахмурился, и на мгновение я испугалась, что могла спровоцировать ещё одну ретроспективу. Но на этот раз причиной этого была не я. Его телефон вновь завибрировал. Проклятье! Я едва не вырвала его из рук Айдена и не выбросила в фонтан, но он ответил на звонок, прежде чем я смогла воплотить желаемое в жизнь.

— Боб?... Да, да, она рядом.

Я тут же пришла в себя. Он вложил телефон в мою дрожащую руку.

— Алло? — прошептала я, мой голос вновь пропал.

— Элиза, это Боб. Дорогая, у нас, возможно, назревает проблема.

Глава 44

Истинность

Окутанный розами ярус качнулся и наклонился, словно я падала. Сильная рука схватила меня за талию, удерживая меня в вертикальном положении.

— Какая проблема? — я с трудом дышала.

— Переведи его на громкую связь, — выпалил Айден ещё до того, как у Боба возникла возможность ответить.

Я попыталась нажать на кнопку громкой связи, но мои руки тряслись настолько сильно, что Айдену пришлось взять телефон из моих рук и сделать это самому.

— Боб, ты на громкой связи. В чём дело? — он настойчиво потребовал разъяснить своим жёстким деловым тоном.

— Ну, мы только что узнали, что Департамент Юстиции начал всестороннее расследование по делу "Фейн Арт" в вопросе обмана потребителя и незаконного уклонения от уплаты налогов. Они изучают абсолютно всё, начиная с его реестра клиентов, заканчивая его личными финансовыми средствами.

— Чем это обернётся для меня? — сбивчиво заговорила я.

— Это значит, что они, вероятней всего, обнаружат твою неофициальную подработку.

— Но как они узнают моё имя? Обо мне нет упоминаний ни в каких архивных делах личного состава.

— По-видимому, были видео материалы с камеры службы безопасности, где ты была запечатлена, а также эскизы и несколько фотографий, дорогая. Департамент Юстиции проводил свою обычную операцию и сверил полученные данные с Национальной базой Службы Безопасности. Сведения о тебе там имеются, поскольку ты иностранный подданный. Так что теперь, Департамент хочет тебя допросить, чтобы выяснить, что ты знаешь о бизнесе Фейна и что ты для него делала. Наш контакт подтвердил, что ты в списке фигурантов дела.

Ярус, оплетённый розами, вновь наклонился.

— В списке фигурантов есть ещё какие-либо имена? — *Только не Хавьер. Пожалуйста, только не Хавьер.*

— Так, давай посмотрим, — послышался некоторый шелест переключаемых листов бумаги. — Фейн, члены его семьи, Касия Мосс, бухгалтер, финансовый консультант, арендодатель, поставщик расходных материалов. Зачем тебе это?

Я с облегчением вздохнула. Ничего из этого не сможет вывести Департамент на Хавьера. Безмолвно я поблагодарила всевышние силы за то, что Хавьер всегда следовал правилам и пользовался исключительно потайной задней дверью.

— Просто... так, — ответила я немного погодя. — Что будет теперь?

Проследовала непродолжительная пауза.

— Ну, если вскрыется тот факт, что ты работала незаконно, это может означать что угодно, вплоть до... — итак, давайте сначала встретимся завтра утром в моём офисе и обсудим все варианты.

Я понимала смысл его незаконченной фразы. *Вплоть до отказа мне в грин-карте.* Мои колени подкосились. Всё та же сильная рука прервала моё падение до того, как я ударилась бы лицом о кромку фонтана.

— Никаких завтра, Боб. Сейчас! — Айден прошипел сквозь стиснутые зубы.

— Я не могу, мистер Хейл. Я должен быть в суде —

Слова Боба становились несвязными, беспорядочными, пока его голос и вовсе не затих до полной тишины. Окружающий меня сад скрылся из вида. Не было ни бурлящего фонтана. Ни воздуха, пропитанного ароматом роз. Всё что осталось, так это тёмная пустота. И я.

Кислород, 15.999 —

Порыв коричневого дыхания на моём лице оживил мои лёгкие. Раз вдох, второй вдох. Медленно благоухание роз просочилось в воздух. Затем тёмные глаза Айдена и тепло, исходившее от его тела, окружили меня. И, наконец, послышался его голос, который вновь приобрёл неистовый, господствующий тембр:

— И Боб?

— Да, мистер Хейл?

— Я скажу это только один раз. Англия. Не. Вариант. Я не хочу слышать об этом ни завтра, ни послезавтра или вообще когда-либо. Это понятно?

За его словами последовала минута молчания.

— Я понимаю, мистер Хейл, — наконец, прохрипел Боб. — И, Элиза, постарайся сегодня поспать. Мы сделаем абсолютно всё от нас зависящее в данном вопросе.

Потребовался ещё один порыв воздуха, наполненного запахом корицы, чтобы я смогла найти свой голос.

— Спасибо, Боб, — задыхаясь, произнесла я.

Айден закончил разговор и стянул свои руки вокруг меня.

— Эй! Шшш, шшш, — прошептал он, присев на кромку фонтана и удерживая меня на своих коленях.

Озноб, который я умудрялась сдерживать, вырвался и прошёл сквозь меня, и я начала дрожать.

— Я с тобой. Я не позволю им причинить тебе боль. Просто дыши, детка. Я тут, — он поцеловал мою щёку, висок, мои волосы.

Но его слова меня не утешали. Они лишь напоминали мне о том, что поставлено на карту. Насколько много я могу потерять.

— Шшш, детка, шшш. Водород, 1.008. Гелий, 4.003, — он медленно вслух излагал периодическую таблицу, в ритме с круговыми движениями пальцев, которыми он вырисовывал символы на моей спине.

Он прошёлся по таблице пять раз, прежде чем дрожь начала спадать. Тем не менее, его пальцы так и не прекратили ласкать мои плечи. Я сосредоточилась на их движениях, стараясь понять какие буквы, слова он выводит. *Л-ю-б-о-в-ь.*

— Скажи что-нибудь, — вполголоса произнёс он, приподнимая кончиками пальцев моё лицо, чтобы я посмотрела на него.

В ту секунду, как только я встретилась с ним взглядом, вопрос, который я никогда не осмеливалась ему задать, вырвался из меня:

— Что если мне придётся уехать?

Его плечи передёрнуло.

— Мы будем этому противостоять *всеми имеющимися* у нас силами, — неистово

ответил он.

Но в этом я расслышала то, что он не мог мне пообещать, что этого не произойдёт.

— Позволь мне выяснить, что я могу найти на этого урода, хорошо? Я хочу иметь хоть что-то, что даст нам преимущество, — он презрительно усмехнулся, когда говорил о Фейне, и его ступня начала притопывать. Словно его раздирало желание начать действовать.

Я кивнула, предоставив нам некоторое облегчение.

Он вскочил на ноги, каким-то образом ухитрившись прижать меня к своему боку без единого толчка, и начал выдавать приказы Бенсону. Я даже и не заметила, как он навис над нами, даже, несмотря на то, что его тень затемняла почти половину фонтана. Его лоб изрезали морщины, точно так же, как это бывало у Хавьера.

— Найди *всё*, что сможешь на этого ублюдка. Дедушки и бабушки, двоюродные родственники, всех партнёров по сексу, доктора, школы, банки. Потом предоставь мне список каждого следователя, включенного в расследование — полную сводку по каждому, по их коллегам и их семьям. Полная зачистка здания. Слежка за Фейном круглые сутки, семь дней в неделю. Загрузка по линии связи 20.3 100.

— Да, сэр, — Бенсон практически отдал ему честь.

— Я свяжусь с Сартейном и конгрессменом Киршнер, и затем направлюсь в Юридическую библиотеку Боли⁵⁸. Я сам лично хочу прочитать эти грёбаные законы.

До того, как Бенсон смог вновь кивком головы подтвердить свою готовность и понимание, Айден схватил меня за руку и зашагал прочь из "Сада Роз". Выражение его лица настолько внушало ужас, что посетители и их собаки сторонились нас, держась подальше по своему собственному желанию.

— Айден? — скрипучим голосом произнесла я, пока спотыкалась и быстрым шагом пыталась поспевать за ним. — Могу я позвонить Хавьеру с твоего телефона? Я должна предупредить его.

Он передал мне свой iPhone, даже не сбившись с шага.

— Скажи ему, чтобы обходил стороной весь тот район.

Я набрала Хавьеру, молясь всевозможным высшим силам, о которых я смогла подумать, чтобы он ответил на звонок. Силы откликнулись на мою мольбу. Или может быть, я уже исчерпала всё имеющееся в мире несчастье. Я затрещала и выдала исключительно всё, пока бежала следом за Айденом.

— Так что ты должен держаться подальше от галереи, Хавьер. Просто вообще не расхаживай поблизости с галерей! Пожалуйста!

— Не буду, — пробормотал Хавьер, его голос звучал слишком отдалённо, слишком изнеможённо.

Неожиданно мне захотелось рвануть к нему, а не в библиотеку. Поддержать его так же, как все эти годы он поддерживал меня.

— Не переживай, у них нет ни твоего имени, ни каких-либо видео материалов, на которых можно увидеть тебя. Это просто мера предосторожности.

— Знаю. Мне только жаль, что этот придурок вместо того, чтобы сказать мне правду, оставил мне голосовое сообщение, рвякая о каникулах. Не говоря уже обо всей той наличности, которую мы из-за этого потеряем.

— Не думай об этом. Мы что-нибудь придумаем, — сказала я, когда мы добрались до шпалеры, и Бенсон побежал через парковку, дабы подогнать нам машину.

— Да, да. Послушай, не говори Марии, она с ума сойдёт. И будь осмотрительна с Бобом.

— Обо мне не волнуйся. Айден с головой погрузился в это дело.

Я взглянула на Айдена. Чёрные тучи опустились на его глаза, плечи были настолько напряжены, что готовы были рушить бетон. Искра надежды затеплилась в пустоте. Я не могла представить никого — ни ИСЕ, ни даже огонь — кто был бы так отважен, чтобы связываться с ним.

— Я рад, что он есть у тебя, — сказал Хавьер тихим голосом. И я осознала, что только что нечто в его отношении к Айдену изменилось.

— Спасибо, — ответила я, слова были такими пылкими, что Айден опустил на меня взгляд, его глаза замерли в сосредоточении.

— Делайте всё, что позволит тебе остаться, дорогая. Чего бы это ни стоило.

— Мы будем стараться. Люблю тебя, Хавьер.

— Тоже тебя люблю.

Я завершила разговор и передала телефон Айдену. Он смотрел на меня, в его глазах появилось какое-то новое, странное выражение — как будто он что-то себе представлял.

— Он сказал, что рад тому, что ты у меня есть. И что мы должны сделать всё от нас зависящее.

V-образная складка углубилась, но он кивнул и потащил меня за руку, когда резко перед нами остановился "Ровер". Мы забрались внутрь машины и отъехали от обочины в тот же миг, как только щёлкнули замки ремней безопасности. Патти и Джек помахали нам на прощание через открытую дверь садового магазина.

— Мне надо присмотреть за девочками сегодня, — прошептала я, теперь опасаясь часов разлуки каждым электроном своего тела.

Если до этого Айден был напряжён, теперь же это было пустяком по сравнению с тем, как он выглядел сейчас. Его руки замкнулись вокруг меня, подобно железным прутьям.

— Элиза! — начал он протестовать сквозь стиснутые зубы. — Ты едва сознание не потеряла!

— Знаю, но у Антонио физиотерапия, а Хавьер должен работать. Со мной всё будет в порядке в доме семьи Солисов, не переживай, — я прильнула к нему, схватив его руку.

Импульсы его напряжения прокатывались по нему, подобно толчкам после землетрясения. Или, может быть, это было предвестниками землетрясения. Но он сделал глубокий вдох и обхватил руками моё лицо.

— Я не позволю тебе быть одной сегодня ночью. Ты можешь понынчиться дома, — его плечи резко подёрнулись от такой простой мысли.

— Дома? — я моргнула, мой рот приоткрылся. — Н-но... ты — что насчёт твоих... отдаленности и рефлекса Моро? — по какой-то причине последние два слова я прошептала.

— Я запрю себя в библиотеке. Ты можешь использовать остальную часть дома. Кора тебе поможет. Я не хочу, чтобы ты была одна..., — он призадумался. — И к тому же я не хочу находиться вдали от тебя. Ни на минуту.

На один ослепляющий момент, страх исчез, и я стала всего лишь влюблённой девочкой. Впервые. За последнее время.

* * * * *

Семь часов спустя, во время которых Айден досконально изучил три трактата и всецело ознакомился с тремя сотнями страниц иммиграционного закона США, Бенсон припарковал

"Рендж Ровер" перед домом семьи Солисов, мы с Айденем находились позади него в "Астон Мартин". План был таков: мы с девочками поедem в "Ровере" с Бенсоном, а Айден последует за нами, чтобы по ошибке, случайно, девочки не коснулись его спины.

Мария была во дворе, поливала жёлтые нарциссы, в то время как девочки учили Анамелию ездить на её розовом велосипеде, с серебристой мишурой на руле.

— ¡Ah! *Amorcita* (пер. с испан. — Ах! Дорогая), — выкрикнула Мария, когда увидела меня, вылезаящую из машины.

Переваливаясь с ноги на ноги, она направилась в нашу сторону, вытирая руки об фартук, на котором было изображено солнце. Девочки окружили меня, Анамелия, подъезжая к нам на велосипеде, врезалась в колесо "Ровера".

— ¿*Linda, estás bien? Pareces cansada. ¿Tienes frio?* (пер. с испан. — Милая, ты в порядке? Ты выглядишь такой уставшей. Ты не замерзла?)

Мария потрогала мой лоб и отвела вниз моё веко, желая выяснить, почему же я выгляжу такой уставшей. Потребовалось минимум две минуты на то, чтобы убедить её, что со мной всё в порядке. И только то, что из "Астон Мартин" грациозно вылез Айден, остановило её. Во дворе воцарилось долгое молчание. Даже девочки перестали хихикать.

Широкими шагами он прошествовал к нам, выглядя самоуверенно для всего окружающего его мира. Но я уловила натяжение его плеч и незаметный взгляд, которым он обменялся с Бенсоном, который в свою очередь вкрадчиво встал между ним и девочками. Лицо Марии озарилось красивой материнской улыбкой.

— Ах, *сеньор Хейл! Finalmente* (пер. с испан. — Наконец-то). Рада видеть вас.

Она положила свои поцелованные солнцем руки на его лицо, встала на мыски и расцеловала его в обе щеки. Айден в изумлении смотрел на меня поверх её плеча, его широко раскрытые глаза замерли. Бенсон сдавленно усмехнулся и постарался преподнести это так, словно он закашлялся.

— Я тоже рад встречи с вами, мэм, — ответил Айден, когда Мария высвободила его лицо и начала тараторить на английском, прежде чем Айден смог выговорить хоть ещё одно слово.

— Спасибо вам за нагреватель воды. В эту субботу придут его устанавливать, так что теперь мы сможем принимать тёплый душ каждый день, — она заломила руки. — И благодаря вам, в эту пятницу девочки поедут в лагерь. Но ¡Рады, *сеньор Хейл*, нет — девочки больше со мной не разговаривают, только что и делают, так это смотрят мультики "Пиксар". *Bien, bien* (пер. с испан. — Ну да, ладно), пойдёмте внутрь, я приготовила суп посоле⁵⁹.

Она приподняла руку, словно собиралась похлопать его по плечу. Я встала между ними.

— Мария, ты опоздаешь на физиотерапию Антонио, а у Айдена с Бенсоном есть некая работа, которую надо ещё успеть сделать. Я подумала было забрать девочек к нему домой, и мы могли бы там поиграть. Хорошо?

Она нахмурилась так, будто не понимала моего вопроса.

— Конечно, *amorcita* (пер. с испан. — дорогая), — затем она посмотрела на Айдена, вздернув подбородок, выражая солидарность. — Я доверяю вам всех своих детей, сеньор Хейл, в том числе и Изу.

— Я сделаю всё, что в моих силах со всеми ими, мэм, — Айден прочистил горло, когда, наконец, ему представился шанс заговорить.

Она кивнула с улыбкой на губах и начала загружать игрушки девочек с "дьявольскими" iPадами в багажник "Ровера". Не имея её в качестве защитного буфера, и учитывая то, как

девочки смотрели на Айдена, я не была столь уверена в том, кто больше был напуган: они или он. В итоге, я решила, что Айден. Но он натянул на себя выражение лица морпеха и улыбнулся. Глаза Беллы широко распахнулись, но она так и не заговорила. Дора с Даниэлой поприветствовали его, улыбаясь так, что это заставило меня испытать чувство гордости. Анамелия, которая родилась всего лишь две недели спустя, как я познакомилась с Солисами, тут же взяла его в оборот:

— Большая машина, — категорично заявила она ему.

Он несколько раз моргнул.

— Да, — ответил он, разглядывая Анамелию так, будто она могла его съесть.

— У меня есть машина для моей Барби. Но она розовая, — она взглянула на Айдена, ожидая от него комментария по полученной информации.

Он почесал голову.

— Розовый это хорошо, — сказал он некоторое время спустя.

Три других девочки захихикали и забрались на заднее сидение "Ровера". Я пожалела, что не захватила с собой камеру.

— Почему у тебя две машины? — Анамелия продолжила свой допрос.

— Ах... потому, что вы очень особенные.

Она расплылась в улыбке.

— У тебя много волос для мальчика, — огласила она.

Она сравнивала его с Хавьером и Антонио, у которых волосы были пострижены короче, чем у Айдена. Я взяла её на руки, ущипнула за щёчку и пощекотала её. Она игриво завизжала и потянулась к Айдену, взгляд, которого уже был диким, указывающий то ли на панику, то ли на что-то ещё такое, что я не смогла разгадать.

Я усадила её на дополнительную специальную детскую подушку, пристегнула ремнями безопасности до того, как он рванет прочь отсюда, в сторону Вест Хиллс.

— Айден повезёт нас, — скомандовала Анамелия, повелительно указывая на Айдена.

Мария повернулась и посмотрела на него с улыбкой.

— Анамелия, Айден поведёт красивую машину для того, чтобы она не разбилась, — сказала я и закрыла дверь, прежде чем девчушка скажет, что поедет с ним, чтобы помочь ему всё уладить в случае поломки. Её лицо сникло, и она прижалась пухлой ручкой к стеклу, словно махала ему.

* * * * *

Как только мы вошли в двери нашего дома, Айден напрямик направился в сторону библиотеки.

— Айден, а ты куда? — Анамелия окликнула его вслед.

— Мне надо сделать звонок, Анамелия. Всё хорошо, Элиза побудет с тобой.

Её верхняя губа выступила вперёд, но она быстро оправилась.

— погоди! У меня есть телефон, — произнесла она, вытаскивая розовый телефон Барби из своего "Хелло Китти" рюкзака.

Она щелчком открыла крышку и протянула ему телефон.

Прошёл нескончаемый миг в фойе, пока девочки с Айденом смотрели на протянутую руку Анамелии. Затем его осанка распрямилась, он сдержанно вздохнул, и шагнул назад к Анамелии, осторожно беря у неё телефон.

— Ммм, спасибо, — произнёс он.

Она широко заулыбалась и захлопала в ладоши.

— Ты должен приложить его к своему уху.

Он приложил его к своему уху ("Привет, Бенсон"), запустил руку в задний карман и передал ей свой iPhone. Она захихикала и закружилась в своих туфельках "Мэри Джейн"⁶⁰. И после этого маленького обмена, мы всей толпой поспешили в гостиную комнату, Айден замыкал колонну, в то время как я сжимала его руку, чтобы не совершить нечто глупое, типа как упасть на одно колено и сделать ему предложение руки и сердца.

Как только мы перешагнули через порог, девочки сосредоточили всё своё внимание на моей чаше с шоколадками "Бачи" и на фортепьяно Айдена. Что касается Айдена, так он промаршировал на кухню, где Кора — благослови её, начиная с кончиков её каштановых волос, заканчивая её белым фартуком — выкладывала имбирное печенье. Он напрямик направился к нему и съел сразу четыре штуки. Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Он оказался "эмоциональным едоком".

К счастью, девочки решили выбежать в патио раньше, чем лейтенант Хейл поглотил бы всю целиком жареную курицу, приготовленную Корой. Они начали играть на диком лугу, перекидывая надувной мяч по кругу, тем самым сведя с ума лазурных птичек. Каждые несколько минут Анамелия прибегала к Айдену, который приставил уличный шезлонг заподлицо вплотную к стеклянной стене и соорудил баррикаду из книг по иммиграционной политике вокруг себя, и показывала ему то червя, то божью коровку, требуя чтобы он давал им имена. ("Ну, Бенсон? "Нет, это девочка" "Элиза?" "Нет!" "Анамелия?" "Урааа!")

Со временем мы оказались за обеденным столом, Айден сидел во главе, повернув спину к стене.

Возможно напряжённость дня обрушилась на меня, или дело было в том, как выглядел стол с четырьмя детьми, восседавшими за ним, с Айденом с одной стороны, и со мной с другой, но эмоция, которую я ранее никогда не испытывала, вспыхнула в моих лёгких и завладела всем моим телом. Самое приближённое к этому чувству, что я ощущала, так это счастье. Я всячески старалась подобрать слово, чтобы описать это чувство... *Истинность* — вот что это было! Смысл жизни пусть даже впереди ждал конец. Жизнь, о которой я всячески избегала даже помыслить, вплоть до этого момента. Моя собственная семья.

Я никогда не думала, что буду желать иметь детей спустя последние четыре года. Я никогда не хотела покинуть их, если бы со мной что-то случилось. Но теперь, видя Айдена таким уставшим, чем мне доводилось когда-либо его видеть, окружённого четырьмя маленькими ангелочками, поедающими картофельное пюре, и, чувствуя этот лютый покровительственный инстинкт внутри себя, я осознала *правоту*. Я хотела этого. Не фантазию. А действительность. С ним. Мощь осознания заставила мою кровь застучать в ушах. Как и всё то пробуждение, которое я испытала с Айденом, это было неожиданным, мгновенным и — у меня было ощущение — необратимым.

Я наблюдала, как Анамелия поедала горошек Айдена. Он передал им его с радостью, пытаясь сторговаться этим на возвращение печенья. Я улыбнулась. Они были так похожи, несмотря на разницу в возврате в тридцать один год. Может быть, его память вынудила его вернуться в своё собственное детство. В этот момент, у меня не было никаких сомнений, что он станет невероятным отцом. Потом я вспомнила, как он предупреждал меня, что не хочет иметь детей, поскольку папочка может изувечить их. Я задрожала, но не от страха. Я задрожала от потери. Потому что с ним, я смогла бы иметь так много детей, что можно было

бы сформировать футбольную "Манчестер Юнайтед" — умм, "соккерскую" — команду.

Он поднял на меня взгляд.

— У тебя ещё есть горошек? У нас тут небольшой кризис с горошком, — сказал он, не подозревая о радикально меняющей жизнь прозрении, которое только что меня озарило.

Я передала свой горошек Анамелии. Айден пристально наблюдал за мной с той же сильной эмоцией на лице, как это уже бывало ранее. Частично паникующая, частично-что-то-нечто-такое-ещё. Я хотела поинтересоваться о том, что это было, но Бель смотрела на нас так, как Дентон наблюдал за кипящими реактивами: внимательно и чуть ли не моргая.

После ужина мы почитали девочкам "*Перси Джексона*". Анамелия настаивала, что Айден должен быть тем единственным, кто будет читать, поскольку она привыкла к мужскому голосу. Как только они устроились по обе стороны от нас с Айденом на кожаном диване, я, наконец, почувствовала, что мы с Айденом правильно поступили, учитывая все "за" и "против". Я поцеловала его, игнорируя их хихиканья и хлопки в ладоши.

— Спасибо, что делаешь это, — прошептала я.

Я не знала скольких лет стоил ему этот вечер. Он выглядел изнурённым. Тот ещё отпуск я ему предоставила.

Он улыбнулся и посмотрел на Анамелию, которая уютно устроилась на его коленях и уснула крепким сном, истекая слюной на его дизайнерские джинсы и сжимая в руке его iPhone. Даниэла постепенно затихла на моих коленях. Я решила устроить Марии с Антонис свободный вечер.

— Гости с ночёвкой? — беззвучно двигая губами, поинтересовалась я у Айдена.

Он пожал плечами.

— У нас есть комната.

Я позвонила Марии, которая пообещала нам испечь пирог "Трес лечес", и мы отвели девочек в одну из комнат для гостей, с бледно-голубой двуспальной кроватью размера "Кинг-сайз". Я посидела с ними, пока они одна за другой окончательно не уснули. Затем выключила свет и оставила дверь слегка приоткрытой.

С каждым сделанным прочь от девочек шагом, ужас этого дня — и его же красота — сокрушили меня. Я подумывала позвонить Реаган, но это только заставит её беспокоиться. Нет надобности расстраивать её, пока мы не разузнаем больше. Я устало поплелась в спальню, испытывая потребность лишь в одной паре рук.

Когда я вошла в спальню, Айден отключился, развалившись по диагонали на кровати и тихо похрапывая, он был полностью одет, руки раскинуты по сторонам, рот приоткрыт. Складывалось такое впечатление, будто он еле-еле дошёл до кровати. Как никогда, мне хотелось прикоснуться к нему, поцеловать его шрам, прошептать *слова благодарности*. Или просто раздеть его и уложить спать. Но я никогда не смогу взять и вот так просто разбудить его. Так что я сделала единственное, что могла. Наблюдала за его сном.

Его лицо расслабилось, очерченные брови были лишены глубокой V-образной складки, которая благодаря мне появлялась много раз в течение этого дня. Но даже во сне, напряжённость никогда не покидала его тело. Он спал, как воин. Всегда на страже, никогда не отдыхает. *Мой* страж. Буду ли я когда-нибудь способна прожить такой день без него? Смогу ли вообще дышать без него? Я покопалась в своих воспоминаниях в поисках момента, когда я чувствовала себя настолько защищённой, несмотря на всю опасность. Возник едва уловимый шёпот о монстрах и Питере Пене из детства. Если не считать реальных монстров — смерти, отдалённости, пустоты настолько тёмной, что ночи от этого становятся

похожими на целые эпохи — был только Айден. Сильный, молчаливый, замкнутый..., тем не менее, чувствовала ли я себя когда-либо менее одинокой? Или более любимой?

Я нежно накинула на него одеяло. Его плечи напряглись.

— Я люблю тебя, — впервые я прошептала эти слова.

— Юблютебятоже, — пробормотал он.

Я не сводила глаз с его губ. Они двигались? Тишина вновь стала непостижимой, как будто эти слова сказаны не были. Единственным доказательством их существования было моё сердце, терзающееся в груди. Впервые после того, как часы были сняты с запястья Питера, я их остановила. 10:03 вечера. Я сняла их, как это сделал Айден целую жизнь тому назад, и положила их на прикроватную тумбочку, рядом с подаренной ему рамкой. Затем я тихонько свернулась клубком рядом с ним, оставив включённой одну из боковых ламп. Постель нагрелась от тепла его тела. Я вытянула указательный палец, прикоснулась к тыльной стороне его ладони и тут же одёрнула его назад. Незамедлительно его глаза открылись.

Я резко втянула в себя воздух.

— Эй, — пробормотал он и скользнул рукой под меня, перетягивая меня на себя.

Он целовал меня неспешно, как будто каждый поцелуй должен был длиться тысячелетия. Его пальцы сжались в кулак в моих волосах, а его губы порхая, поднимались по линии моего подбородка к моему уху.

— Я люблю тебя, — нашептал он.

Я застыла в его руках, дуновение теплилось в моём ухе.

— Айден? Ты проснулся?

Он отвёл мою голову назад, ласково скользя пальцами по моим губам. В его глазах появилась та самая сильная эмоция, которую я впервые увидела в его месте уединения. Та самая, у которой не было названия.

— Да.

Я надеялась на что-нибудь ещё нашептанное или тихо произнесённое, но его тембр возвышался над нашим тяжёлым дыханием, бесспорно и самоуверенно.

— На самом деле, я не собирался ложиться спать, я хотел тебе признаться в этом. Я хотел, чтобы ты знала об этом, когда завтра будешь входить в офис Боба. Неважно, что они скажут, или, что это будет значить для нас, я люблю тебя.

Я погладила его щёку и нежно коснулась его шрама.

— Я люблю те —

— Шшш, не отвечай взаимностью.

— Почему нет? — попыталась я выяснить, но его губы завладели моими, не оставляя места ни для слов, ни для воздуха.

Он перекатил меня на спину, накрывая своим телом. Он прикасался ко мне без какой-либо многосложности, без какого-либо расчёта. Избавил меня от одежды, и сам разделся. Возможно, потому что мы оба думали лишь об одном, наши тела были тоже влюблены друг в друга. Его дыхание, скользящее по моим губам, было и моим дыханием. Его рука, ласкающая мою грудь, была и моей рукой. Я касалась там же, где касался он, и наши пальцы сцепились в замок. Мы ласкали друг друга, моя кожа слилась воедино с его кожей. Наши руки сплелись, когда он толкнулся внутрь меня. Его движения были степенными, подобно литании. Словно наши тела сохраняли иную жизнь в секрете. Когда кровь сгустилась, наши движения стали быстрее, интенсивней. Его пальцы намертво замкнулись между моими пальцами, и его

железная хватка заставила мои руки онеметь. Я могла бы остановить его, но я не хотела этого, поскольку его потребность была моей потребностью. Моё тело создавалось заново и пылало, и мы кончили неистово, безмолвно, заглушив друг друга в поцелуе. Его зубы впились в мою нижнюю губу. Я получила незабываемое удовольствие от острой боли его укуса, поскольку это говорило мне о том, что он был настоящим. Это говорило мне о том, что только что произошедшее со мной не было.

В тот же миг, как мой рот обрёл свободу, я произнесла громко и чётко:

— Я люблю тебя.

Глава 45

Выбор

"Он любит меня" повторяла я снова и снова, как заклинание в своей голове, пока Бенсон вёз нас в офис Боба. *Он любит меня. Я люблю его. А любовь всегда побеждает. Верно?*

Но по той причине — насколько мне было известно — что наука не проводила испытания по выяснению силы любви в противовес силе ИСЕ, я сжала руку Айдена, дрожа в его объятиях.

Его объятие стянулось вокруг меня, и он склонил мою голову в изгиб своей шеи.

— Эй, шшш, — прошептал он в мои волосы. — Мы всё ещё сражаемся, любимая.

Любовь всегда побеждает.

Он пропустил через свои пальцы мои спутанные волосы — я не могла даже припомнить расчесывала ли я их.

— Хочешь, чтобы я изложил периодическую таблицу на русском?

Я покачала головой, уткнувшись в его шею. Я проводила этот трюк всё утро, в обратном порядке, в обычном порядке, на латыни, итальянском и испанском языках. Это не работало.

— Просто расскажи мне что-нибудь другое... всё что угодно. Мне просто хочется слушать твой голос.

Его руки опять обвили меня, он тяжело сглотнул, и этот звук вторил в его горле. Его тело превратилось в гранит, но для меня эти жёсткие грани оказались успокаивающими. Его губы, слегка касаясь моих волос, опустились к уху.

— Хочешь услышать небольшую историю? — прошептал он.

Я кивнула.

— У тебя есть день рождения, о котором ты не знаешь, — его шепот был практически улыбкой. Я попыталась поднять голову, чтобы посмотреть на него, но он удержал её в изгибе своей шеи: — Тринадцатое апреля, в ночь после битвы в Багдаде. Десять минут после полуночи. В песчаном окопе. Я был весь покрыт грязью, и пытался немного поспать, но образы в моей голове... ну, ты понимаешь. Там же, рядом со мной, был и Маршалл, он сидел с зажатым во рту фонариком, строча письмо Жасмин, на его лице сияла дебильная улыбка. Я был взбешён. Какого хрена он делает? Из-за него, с этим долбаным фонариком, нас перебьют. Но затем я осознал, что это была ревность. Маршалл собирался пройти через Ирак, благодаря этому. У него было нечто, ради чего стоит жить, и ради чего стоит умереть.

У него была Жасмин. У меня же не было. Никогда и не хотелось. Но я сделал это той ночью. Я хотел, чтобы кто-то там, дома, ждал мои письма. Вот тогда и зародилась фантазия о тебе. В моей голове ты была прекрасна, но в реальной жизни ты гораздо лучше. И ты составляла мне компанию все те ночи. Ну, так, что же ICE может с этим поделаться?

Отнять тебя у меня.

Я подняла на него взгляд, слёзы, стекая, капали с моих щёк и исчезали в его темно-сером пиджаке.

— Ни черта, ни шиша, — прогнусавила я.

— Ни черта, ни шиша, — он улыбнулся и вновь притянул меня к своей шее.

Я сосредоточила всё своё восприятие на его запахе до тех пор, пока Бенсон не остановил машину у обочины тротуара и не вышел из машины, вероятно, желая предоставить нам немного времени наедине. Или дать возможность совершить побег.

Айден обхватил руками, подобно наручникам, мои запястья.

— Что ты будешь помнить, когда войдёшь туда?

— То, что ты любишь меня.

— Правильно.

— А так же и то, что я тебя тоже люблю.

Его хватка на моих запястьях ослабла.

— Не надо, Элиза.

— Почему нет?

— Ты знаешь почему.

— Ты считаешь, что не заслуживаешь слышать это, не так ли?

Он нежно положил руку поверх моего рта.

— Не сейчас, — сказал он, и прежде чем я смогла начать протестовать, он открыл дверь; держа за талию, он приподнял меня, и мы вместе выбрались из машины в очередное морозящее утро.

Широкие шаги Айдена набирали скорость, как только мы шагнули через автоматические стеклянные двери в здание юридической компании "Норман Ривз", и направились в сторону приватного лифта, расположенного в углу фойе. Мы не опаздывали, но движение даровало нам обоим чувство удовлетворения — тело совершало нечто, даже если сердце не могло этого делать.

Я наблюдала за отражением Айдена в отполированной двери лифта. На нём был надет тёмно-серый, в тонкую полоску костюм и синеваго-серый галстук, который хорошо гармонировал с его глазами. Его снайперское сосредоточение соответствовало его решительности, которую он источал в прошлый раз, когда мы посещали этот офис.

Чем всё закончится на этот раз?

Как только мы шагнули в приемную на двадцать шестом этаже, всё та же, похожая на Адриану Лиму, секретарша вскочила на ноги. На секунду, я подумала, что мои покрасневшие, воспаленные глаза напугали её, но её румянец и до безумия глупый разговор, который она попыталась завязать с Айденом, подсказали мне, что она попросту и не заметила моего присутствия. Она впустую расточала хлопанье своих ресниц.

— Мы знаем, куда направляемся, мисс Паттерсон, — Айден поднял руку, останавливая её попытки сопроводить нас, и демонстративно зашагал в сторону конференц-зала, расположенного за стенами из непрозрачного стекла.

Боб расхаживал у окна, вертя в руках свою ручку. Сразу же как мы вошли в зал, его

взгляд незамедлительно порхнул на наши соединённые руки, и он улыбнулся.

— Варианты! — выпалил Айден, без какой-либо преамбулы.

Я опустилась в ближайшее кресло, которое смогла найти. Он занял место справа от меня, всё так же сжимая мою руку.

— Прежде чем мы перейдём к этому вопросу, у нас есть новости, — Боб резко сел в кресло, по другую сторону отделанного под мрамор стола, расположившись прямо перед нами. — Буквально десять минут назад нам позвонил наш контакт из Департамента Юстиции. Дела стали несколько сложнее. Они хотят опросить Элизу под присягой. Вероятно, до окончания её срока пребывания.

— Зачем? — прорычал Айден, а я ахнула в то же самое время.

— Ну, они очень заинтересовались в твоих сведениях о роде деятельности Фейна. Поскольку они видели твоё многократное появление на видеозаписях, они обоснованно предположили, что ты была свидетелем его дел.

— Да, но она ничего не знает о финансовых делах этого уroda, — прошипел Айден. — Ей выплачивались копейки, причем не самим уродом лично. Она не могла даже находиться в этом грёбанном фойе. У этого скользкого типа уже есть криминальное прошлое, связанное с мошенничеством. Занимался жульничеством в колледже, обманывал свою бывшую жену с алиментами. А теперь он состряпал эту схему, пользуясь людьми, у которых нет прав вовсе.

Боб напустил на себя выражение лица того, кто на похоронах несёт гроб.

— Наверное, все приведённые аргументы могут оказаться правдой, но учитывая тот факт, что Элиза также была замечена и на его эскизах, полагаю, что она *знает* кое-что о Фейне и его живописи.

— О каких эскизах идёт речь? — прошептала я. — Я никогда не позировала Фейну для портрета.

Боб быстро пролистал большую стопу бумаг, находящуюся перед ним, и передал мне толстый конверт. Айден подался вперёд, дабы посмотреть, его горячее дыхание опаляло мою щёку. Трясущимися руками я вскрыла конверт, и мы оба ахнули. Эскизы были сделаны при подготовке к написанию картин Айдена. Я положила их на стол, лицевой стороной вниз, не в силах смотреть на то, как Хавьер изобразил мои глаза. Он придал им счастье, которое я могла обрести лишь на картинах.

Боб полностью развернул свой корпус, чтобы быть обращённым прямо ко мне.

— Я считаю, что настало время тебе рассказать мне правду, дорогая. Чтобы я смог тебе помочь. И помни — всё сказанное тобой будет адвокатской тайной, исключение составляет мистер Хейл. Всё что ты скажешь, останется при мне.

Я посмотрела на Айдена. Он кивнул без тени сомнения и наполнил мне стакан водой из изогнутого кувшина, стоявшего на столе.

— Я расскажу всё что знаю, но я не дам вам ни одного имени, — сказала я.

Боб кивнул, и я начала свой рассказ, каждый раз делая глоток воды, когда избегала упоминания имени Хавьера. В итоге, лицо Боба побледнело. У Айдена, в свою очередь, оно стало подобно закалённой стали.

— Моя дорогая, — выдохнул Боб и привёл в порядок стопу бумаг. — У тебя нет иного выбора, как рассказать всю правду Департаменту Юстиции. Если ты не будешь сотрудничать, отказ в выдаче грин-карты будет наименьшей из твоих проблем. Они могут вменить тебе вину в пособничестве и соучастии, или лжесвидетельство, или же препятствие свершению правосудия. За всё это грозит тюремный срок. А ты же не совершила ничего

плохого. Зачем скрывать?

Пол под моими ногами закачался.

— Потому что они захотят выяснить имя моего друга! — угнетённо произнесла я.

Боб угрюмо кивнул.

— Да, захотят.

— И что тогда случится с ним? С моей семьёй?

Тягостная тишина опустилась на конференц-зал.

— Наиболее вероятно, он будет депортирован, и не будет иметь возможности вернуться, как минимум, в течение десяти лет. Они также могут вменить ему и мошенничество, и суд присяжных будет решать, кто из них двоих врёт: обманщик-художник или нелегальный иммигрант.

— Но он невиновен! Он не принимал участие в жульничестве Фейна! Он лишь рисовал, чтобы иметь возможность прокормить семью!

Рука Айден стянулась вокруг моих плеч, и он свирепо посмотрел на Боба.

— Что насчёт виз для защиты свидетелей и информаторов типа S-5, S-6^{b1}? — вновь прошипел он. — Они могут подать заявку на визу подобного рода для него? Возможно, он сам лично может выступить в качестве свидетеля и освободить её от этой ноши?

Боб покачал в отрицании головой.

— Правительство резервирует эти визы для свидетелей и информаторов по делам террористов и организованной преступности. Это не сработает для обособленного прецедента по мошенничеству.

— А что насчёт других свидетелей? Может ли кто-то ещё выступить вперёд и исключить необходимость в её показаниях? Неопровержимое доказательство, если угодно — чтобы расследование прекратилось до того, как они доберутся до неё.

— Кто ещё может знать об этом? — поинтересовался Боб, скосив глаза.

— Никто, — ответила я. — Фейн никому в этом деле не доверял.

— Мы кого-нибудь найдём, — рука Айдена вновь обвила мои плечи. — Я сделаю это сам, но я лишь затрону её будущее.

Боб покачал головой, всё больше вглядываясь в жилу на чёрном мраморе. Чем дольше он молчал, тем сильнее стягивало мои дыхательные пути.

— Это хорошая мысль, — в итоге произнёс он. — Но мы не можем полагаться на это. Ни тогда, когда осталось всего несколько дней. Кроме того, ей придётся пояснить о своей работе моделью. В противном случае, она всё равно окажется в проигрыше.

Глубокая V-образная складка пролегла меж бровей Айдена. Он упёрся подбородком в кулак, начав внимательно всматриваться в туже самую жилу на мраморе.

Боб повернулся ко мне.

— Элиза, я знаю, что это невыносимое положение. Но моя исключительная забота — это наилучшее обеспечение твоих интересов. Мой совет в том, что ты должна поговорить с Департаментом Юстиции и рассказать им правду. По существу, это поможет тебе с грин-картой. К середине июня ты будешь иметь на руках то, чего всегда хотела.

Моя голова быстро поднялась. Невзирая на блестящие глаза Боба, все страдания уступили место гневу. *Чего я всегда хотела?* Стул вновь начал сотрясаться. Мои зубы намертво сомкнулись вместе, прежде чем я смогла закричать. Неистовство загнало ярость в самое сердце и побудило меня вскочить на ноги.

— Пожалуйста, послушай! — произнёс Боб, приподнимая свои обрюзгшие руки. — Это

не то, что я имел в виду, дорогая.

— Элиза? Пожалуйста? — очень тихо выговорил Айден, поднимаясь со своего места рядом со мной.

Я встретила с ним взглядом. Как я могу слушать это с разрывающимся в груди сердцем? Как я могу сидеть, когда всё внутри меня дрожит, ровно также, как и тогда в морге четыре года назад? Он положил руку мне на плечо, нежно принуждая меня сесть. Я упала в кресло. Его рука вновь обернулась вокруг меня, подобно защитному оплоту.

Пока мы смотрели друг на друга, что-то изменилось в лице Боба. Оно стало истощённым, как будто всё то, что он увидел иссушило его. Адвокат исчез. Передо мной сидел почтенного возраста мужчина.

— Я понимаю, что прошу тебя сделать, — выдохнул он. — Но я хочу поговорить с тобой, как семидесяти восьмилетний мужчина с... внучкой.

Я посмотрела в его серые состарившиеся глаза. Как и в первую нашу встречу, я подумала о дедушке Сноу.

— Я не хочу лгать и говорить тебе, что ты не будешь сожалеть об этом до конца жизни. *Ты будешь*. В иные дни, это будет причинять такую огромную боль, что возможно ты даже будешь приходить на мою могилу и пинать её. Я не буду винить тебя за это. Но затем, однажды, держа своего мужа за руку, ты подаришь жизнь маленькому мальчику или маленькой девочке. Ты будешь держать их в своих руках, и ты считаешь, что всё стоило того, чтобы они смогли быть в этом мире. Ты вырастишь их со всей своей любовью, которую ты недополучила, и они проявят настойчивость в свершении хороших дел, изменят законы, спасут друзей. И то, что сейчас кажется таким чудовищным, будет причинять боль в меньшей степени, поскольку это привнесёт что-то красивое.

— И может быть, однажды, ты сможешь уладить ситуацию со своим другом. Тайком привезти его назад, всё исправить для его семьи. Ты переживёшь и это, точно так же, как ты пережила ситуацию со своими родителями. Не полностью, но всё же, в конце концов, всё обернётся к лучшему.

Комната погрузилась в тишину. Я закрыла глаза, пытаюсь представить себе то, что обрисовал Боб. Светлая больничная палата, Айден в голубой медицинской униформе, мальчик с глазами цвета сапфиров или девочка с глазами Клэр в моих руках. *"Я люблю тебя"*, произносит Айден. Медсестра поворачивается, чтобы надеть чепчик на голову нашего малыша. *"Bendita"* (перев. с испан. — Благослови) шепчет она и превращается в Марию. Открывается дверь, и девочки вваливаются внутрь палаты, чтобы познакомиться с малышом. Моим малышом. Антонио на коляске также вкатывается в палату, целая стопка связанных Марией детских свитерков лежит на его коленях. Последним входит Хавьер. С сияющей улыбкой, такой же, какую он излучал в тот самый первый раз, когда я вновь обрела силы станцевать танго. *"Дорогая, тебе удалось"*, говорит он.

Я лицом уткнулась в ладони. Начались рыдания, и я никак не могла их остановить. Пол накренился, как это было в ту январскую ночь, четыре года назад, и я начала дрожать. Какую любовь я потеряю на этот раз? Мою семью или свою жизнь?

Я услышала суровое ругательство, сорвавшееся с губ Айдена, и его руки стянулись вокруг меня, пряча моё лицо в изгибе его шеи.

— Дай нам немного времени, Боб. Мы уведомим тебя завтра, — сказал он.

Я услышала шаги Боба, рука пожала моё плечо, и дверь в конференц-зал открылась, а затем закрылась. Стало тихо, Айден не двигался и не говорил. Он просто держал меня и

позволил моим слёзам пропитать его пиджак. Единственным, что всё ещё было верным в моём мире — это был он.

Глава 46

Залл

В "Ровере" я свернулась клубком на коленях Айдена, его руки, подобно тискам, сжались вокруг меня. Я не могла вспомнить ни то, как мы вышли из офиса Боба, ни как мы оказались на заднем сидении машины. Я лишь воспринимала сандалово-коричный запах Айдена. Когда фрагмент одной мысли оформился в моей голове, это заставило плакать меня ещё сильнее. Мысль, которую я предпочла бы не иметь. *Какая любовь победит?*

— Как долго длится тюремное заключение за препятствие свершению правосудия? — просопела я ему в шею.

Его мускулы завибрировали. Он не ответил. Может быть, он не знал ответа. Или может быть не хотел мне этого говорить.

— М-м-может быть лучше поступить таким о-о-образом, — мой голос дрожал. — Хавьер будет в безопасности. Я всё ещё буду з-з-здесь некоторый период времени. И, может быть, ты сможешь приходить и навещать м-м-меня?

Мои слёзы впитывались в его кожу, несмотря на то, что слова казались сюрреалистическими. Сюжет для творческой фантазии, а не для жизни.

Неожиданно "Ровер" остановился. Мы были дома.

Бенсон вышел из машины и открыл нам дверь. Три глубоких морщины прорезали его лоб — точно так же, как это бывало у Хавьера. Спотыкаясь, я начала вылезать из машины, Айденом поддерживал меня за талию. Бенсон взял меня за руку, помогая выйти.

— Спасибо, Бенсон, — прохрипела я.

— Всё будет хорошо, мисс С — Элиза, — он обменялся взглядом с Айденем. — Я запаркую машину и проверю, как обстоят дела со слежкой за Фейном, сэр. Затем отправлю Кардоза на поиск свидетелей.

Айден единожды кивнул и прижал меня к своему боку, и мы зашагали вниз по выложенной щебнем тропинке, устремившись в сторону двойных дверей дома. Я вошла в фойе в транс. Он провёл нас мимо гостиной, направившись в свою библиотеку, ни на секунду не выпуская мою руку. Как только мы шагнули внутрь, он закрыл за нами дверь.

— Элиза, — произнёс он ещё до того, как освещение перестало мерцать. Его голос был тихим.

Я повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо, желая броситься ему в руки. Но его глаза остановили меня. Они больше не были цвета непроглядной тьмы. Они были цвета чистого кобальта.

— Дорогая, ты должна его сдать.

Я видела движение его губ. И я слышала его голос, но слова были мне незнакомы.

— Что?

Он сделал шаг навстречу мне.

— Ты должна отступить от него, — произносил он очень медленно.

На этот раз у меня не возникло никакого заблуждения насчёт его слов. Воздух стал ледяным. Острым, как январская ночь.

— Нет! — слово хлёстко сорвалось с моего языка, пронизывающе и опустошающе. — Нет! Я не могу этого сделать! *Я не хочу!*

Сокрушительный звук моего голоса поразил меня, но не его. Он сделал ещё один шаг в мою сторону, разведя руки, словно собирался поймать меня. Я отступила назад.

— Элиза —

— Почему бы тебе просто не дать мне СВУ и попросить меня положить его им под подушки, Айден? Это должно избавить тебя от какой бы там ни было, подготовленной тобой речи, пока я сидела на твоих коленях, считая, что ты поддерживаешь меня!

На этот раз он вздрогнул. Когда он вновь заговорил, его голос был очень нежным — в противовес моему голосу.

— Я *поддерживаю* тебя. Я буду поддерживать, даже если ты не захочешь этого с моей стороны. Но такое... такое самоуничтожение не правильно. Подумай о своём будущем, своих мечтах, своей жизни, своём здоровье. Если всё это канет в небытие, в той же степени твои родители вновь погибнут. Но на сей раз, за рулём того грузовика будешь сидеть ты, любимая.

Его слова задушили меня. Поскольку они несли в себе правду. И они ничего не меняли.

— Эти самые причины работали и для тебя, Айден?

Он нахмурился в замешательстве.

— Когда ты торговался своей жизнью ради Маршалла, они работали?

Его челюсть сжалась. Тектонические плиты тотчас переместились, как только его глаза потемнели до синевато-серого цвета.

— Нет, не работали, — его голос был сдержанным. Практически холодным.

— Тогда почему они должны работать для меня?

— Потому что Маршалл не нарушал закон. У него были все права вернуться сюда назад.

Задыхаясь, я отступила назад ещё на один шаг.

— И жизнь Хавьера почему-то имеет меньшее значение из-за этого?

— Не его жизнь. Только его право находиться здесь за твой счёт, в то время когда ты играла по правилам, пока он выбирал лёгкие пути.

— Лёгкие пути? Да, он работает больше, чем —, — произнесла я сквозь стиснутые зубы.

— Прекрати! — его голос выпалил подобно выстрелу пистолета в воздух. — Я не собираюсь участвовать в политических дебатах с тобой. Речь только о твоём будущем, о твоей жизни. И я отказываюсь наблюдать за тем, как ты отправляешься в тюрьму из-за ошибок некого мексик —

— *Мексиканцы?* И это всё, кем они для тебя являются?

— То, кем они являются для меня, к делу не относится. Единственное, что имеет значение, так это то, кто они для тебя. Я понимаю, что ты их любишь, но прямо сейчас, они представляют для тебя угрозу.

— Они *моя семья!* Они, те самые люди, которые спасли жизнь девушки, которую по твоим утверждениям ты любишь!

Я шагнула вперёд, чтобы выйти из библиотеки, но изменения, произошедшие в его глазах, застопорили мои ноги. Вспышка ярости зажигалась в его тёмных зрачках — снова и снова, подобно электрическому току над сердцем, неспособному возродить его. Но плиты не переместились. Они стояли всё так же, как будто мои слова раскололи их.

— *Утверждаю, что люблю?* — его голос был низким, гортанным. Его голова немного повернулась в сторону: — Хочешь знать всю правду, Элиза? Если бы ты была у меня в тот день, когда умер Маршалл, если бы я знал, что ты ждёшь моего возвращения домой, возможно, я не стал бы торговаться своей жизнью взамен его. Возможно, я прорвался бы через те стальные тросы гораздо быстрее. Лишь ради того, чтобы снова увидеть твоё лицо. Даже если бы я уже и без того помнил каждую твою пору на твоей коже и каждую прядь твоих волос. Лишь полюбив, люблю я вечно! — он перестал говорить, но его голос отражался в тишине библиотеки.

Лишь полюбив, люблю я вечно.

Я сделала шаг навстречу к нему и протянула руку, испытывая потребность ласково прикоснуться к его щраму, но он отвернул голову.

— Хочешь и ты знать правду? — поинтересовалась я. Мой голос не вторил эхом; это был шепот, текущий по воздуху, как будто хотел проникнуть внутрь него: — Я люблю тебя ровно также. Ты вернул меня к жизни. Но даже если бы не было того несчастного случая в ту январскую ночь, и мы бы встретились при других обстоятельствах, я всё равно переехала бы сюда ради тебя одного. Мы не так уж сильно отличаемся друг от друга, любимый.

Что-то промелькнуло в его глазах — как если бы электрический разряд, наконец-то, подействовал на сердцебиение.

— Тогда ты можешь на меня рассчитывать, — сказал он. Его голос уже не был холодным. В нём слышались нежные нотки, без пяти минут готовым признать поражение: — Сдай его и ты можешь владеть мной.

Я воспроизвела его слова в своей голове — один раз, дважды — но они не несли никакого смысла.

— Что?

— Сдай его и я твой. Навсегда. Насколько бы ты ни захотела меня. Но не таким образом. Не с посещением тюрьмы и не с телефонными звонками, в то время как я беспомощно буду восседать тут, наблюдая за тем, как ты теряешь всё ради того, кто в любом случае может закончить тем, что будет депортирован. Если я вернул тебя к жизни, я хочу, чтобы ты проживала её, — он сделал дрожащий вздох и сглотнул. — Пожалуйста, Элиза, — его слова были не громче хриплого шепота. Словно это было единственным, что осталось у него, чем можно было торговаться.

Слёзы застили мои глаза от увиденной в его глазах опаляющей агонии, поскольку я знала, что не смогу избавить его от неё. Так как я сама и являлась причиной этого. Я опустила взгляд на его полуботинки.

— Я не могу, — прошептала я. — Я люблю тебя. Люблю тебя больше своей жизни. Но и Солисов я тоже люблю. Я не могу придать их лишь потому, что могу врезаться в "Жука" своих родителей. Или лишь потому, что не могу оставить тебя. Я не могу выбирать между вами.

Начались рыдания и стремительно-текущие слёзы сильным потоком хлынули к моему подбородку. Я единственная, кто должна была лежать под гранитом и розами. Я проклятье для всех, кто когда-либо меня любил.

— Ох, но ты *выбираешь*, Элиза. Ты решила пожертвовать собой, решила отобрать себя у меня.

— Нет! Никогда! Я-я-я останусь здесь нелегально. Я откажусь от науки. Моего о-о-отца. Всего этого —, — я замолчала, чтобы сделать вдох сквозь рыдания, когда холодный озноб

резко заледенил мою шею. Подобно дыханию из могилы. Я понимала, что это было игрой моего воображения. Но от этого менее правдоподобным это не становилось.

— Я буду просто р-р-работать с Марией в отеле. Я хорошая уборщица. Это стоит того, если я по-прежнему смогу иметь вас всех... Если ты в-всё е-е-щё будешь иметь меня, тогда..., — я больше не могла говорить из-за рыданий.

На фоне туманных слёз, картина, обрисованная Бобом, преобразилась. Я все также в больнице, но теперь шваброй намываю пол. Сквозь приоткрытую дверь, я вижу Айдена со светловолосой, голубоглазой, стопроцентной американской девушкой, у которой не было моего проблемного багажа. Которая делает его счастливым. Которая подарила ему мальчика с глазами цвета сапфиров.

— О, чёрт! — его взбудораженный голос с трудом просочился сквозь гул рыданий, стоявший в моих ушах.

Сквозь завесу слёз, я видела, как его полуботинки развернулись. Он уходил прочь. Подальше от меня.

— Пожалуйста, не уходи! — потрясенно выговорила я, и схватила его за руку со спины.

На долю секунды время застыло, и я осознала, что только что послужила залпом, сыгравшим роль спускового механизма. Но было слишком поздно. Он двигался молниеносно быстро.

Он резко развернулся, и его локоть, словно пушечное ядро, врезался мне в грудь. Я пролетела через всю библиотеку, что-то тупое рвануло мой левый бок, комната затуманилась, послышался раскалывающийся, разрывающийся звук; и я ударилась об книжные полки, расположенные у противоположной стены. Острая боль охватила мою спину, и мучительная агония начала исходить из моей левой руки. Рядом со мной обвалились книги, глухой стук их падения был заглушен пронзительным криком. Моим собственным криком. Сквозь страницы и ослепляющую боль, я видела, как кисть руки Айдена крепко зажала мою руку. Вследствие его дробящей кости хватки, я повисла над полом.

Его глаза были сосредоточены на чём-то позади меня, они были дикими и отрешёнными. Он резко дёргал рукой из стороны в сторону, подобно тому, как лошадь противиться путам. Его дыхание было быстрым и поверхностным. Его лицо искривилось в страдании, а его шея и плечи напряглись в борьбе с невидимыми удилами. Мрачный рёв прорвался сквозь его стиснутые зубы.

— Айден! — кричала я, но мой голос надломился из-за его мощи. — Айден! Пожалуйста! Вернись ко мне... ты здесь, ты дома, — молила я, но он был вне досягаемости.

Боль в моей руке становилась обескураживающей, и я начала отбиваться, чтобы вырваться из его хватки.

В библиотеку ворвался Бенсон, Кора следовала за ним по пятам.

— Бенсон! — вскрикнула я. — Пожалуйста, помоги ему! Я не могу... я не могу достучаться до него!

— Элиза, не двигайся! Оставайся очень-очень спокойной! Закрой глаза! — немедленно приказал Бенсон. — Давай, малыш. Закрой свои глаза ради меня.

Я не могла закрыть их. Мучение Айдена было настолько примитивным, что принесло мне куда больше боли и пронзило меня глубже, чем его хватка.

— Элиза — Иза, закрой свои глаза, — Бенсон повторил уже гораздо громче, пока сам подкрадывался к Айдену со спины.

В этот момент, я поняла, что Бенсон будет делать. Он мог освободить меня лишь единственным способом — только если обхватит руками Айдена и одёрнет его назад. Это спровоцирует другую ретроспективу, и Бенсон не хотел, чтобы я это увидела.

— Иза, пожалуйста! — вынуждала меня Кора, подойдя ближе ко мне.

Я посмотрела на Айдена.

— Я люблю тебя, — произнесла я и закрыла глаза.

— Кора, на счёт три, — прокричал Бенсон. — Раз. Два. Три.

Я поняла, что Бенсон обвил руками Айдена, поскольку гортанный стон вырвался из чьей-то груди. Раскаты рёва взорвались, и что-то шумно, с оглушительным звуком, рухнуло на пол. Хватка Айдена ослабла и я упала. Я резко открыла глаза.

Айден с Бенсоном сцепились в жёсткой схватке, действие происходило так быстро, что я не успевала следить за ними. Звуки, вырывающиеся из них, были примитивными. Два льва в рукопашном бою. Причина, лежащая в основе такого обескураживающего размера Бенсона, была очевидна. В бою Айден был страшён. Он двигался со смертоносной грацией, словно его разум декламировал удары, прежде чем они производились. Его глаза были отсутствующими. Истинный Ахиллес с памятью, вместо пяты.

— Выбирайтесь отсюда, — изрёк Бенсон.

Только сейчас я заметила, что нахожусь в объятиях Кору. Неожиданно до меня дошло, что делает Бенсон. Он пытается выиграть для меня время, чтобы я смогла убраться прочь из библиотеки.

— Нет! — заметалась я. — Нет, не причиняй ему боль! Не причиняй ему боль! Пожалуйста, Бенсон! Помоги ему. Помоги ему. Это всё моя вина, — хрипло кричала я сама себе, но Кора тащила меня, ступая прямо по книгам, скандируя слова которые я не могла расслышать, пока мы не оказались за пределами библиотеки.

Дверь громко захлопнулась за нашими спинами, и щёлкнул замок, запирая её изнутри. Звуки крушений и криков становились громче. Я вырвалась из хватки Кору и с силой дёрнула ручку двери, но дверь не поддавалась. Я выкрикивала имя Айдена и билась о дверь снова и снова, ударяя по ней изо всех сил.

— Айден! Айден! Я люблю тебя. Пожалуйста, позвольте мне войти! Позвольте мне войти! Позвольте мне войти!

Дверь так и оставалась неумолимо запёртой. Я не могла остановиться, поскольку если бы я остановилась, я бы предала его. *Айден. Айден. Айден.* Я не знала, как долго билась об дверь, но, в конечном счете, моё тело сломилось, и я рухнула на пол. Кора присела рядом и начала поднимать меня.

— Тише, милая. С ним всё будет в порядке. Позволь мне отвести тебя в свою комнату, — её слова начали обретать смысл.

Она упёрлась плечом мне под руку и подняла меня. Мы шли медленно, тело Кору было якорем, который удерживал меня от плавания по течению. Сквозь пелену слёз я увидела террариум с цветами, полученными в честь выпуска, когда мы проходили мимо гостиной комнаты.

Моё самое дорогое

Вы когда-нибудь задавались вопросом, как много ударов совершает сердце за час? Прежде чем вы умножите количество ударов за минуту на шестьдесят, позвольте мне вас остановить. Эта формула неверна. Главный знаменатель в задаче: а какой именно час. Есть часы, когда ваше сердцебиение это целая жизнь. Часы, когда вы настолько живы, что не уверены, проживаете ли вы эту жизнь или уже в следующей жизни. У меня были такие часы, когда я находилась в руках Айдена.

А есть часы, когда кажется, что ваше сердце вовсе не бьётся. Часы, когда единственная известная вам причина, почему вы всё ещё живы — так это душевная боль, которая отвергает ваше право на жизнь после смерти. Вот это и был один из таких часов.

Такие часы не подсчитывают тебе, как долго они длятся. Поэтому сидя на диване в комнате Кору, я не могла с точностью наверняка сказать прошли минуты или дни. Её нежные руки меняли пакет со льдом за пакетом на моей руке. Её голос начал приобретать очертания слов, потом слова стали предложениями, а предложения превратились в надежду.

— С ним всё будет в порядке, дорогая. Это не твоя вина.

Я слушала её голос, крутя подол моего нового тёмно-красного платья — Айден разорвал его левую сторону в клочья — и читая следующие строки из стиха Байрона:

"Она в душе хранит покой.

И если счастье подарит,

То самой щедрою рукой."

Наконец, дверь открылась. Появился Бенсон. Я подскочила на диване.

— Как он? — прохрипела я.

Бенсон сел рядом со мной. На нём не было синяков и его стоическое лицо, которое обычно приводило меня в смущение, теперь дарило мне успокоение.

— Стабилен. Мне пришлось вызвать психиатра, и он дал ему седативное средство. Некоторое время он будет в отключке. Ты как?

— Хорошо. Он пострадал?

— Нет. Я, в основном, заблокировал его, но когда я сначала бросился на него, чтобы отбить тебя, то привёл в действие его ретроспективу о плене. В своём сознании, он боролся с повстанцами. Но он не пострадал.

— Ох, Слава Богу. Слава Богу, — комната качнулась, так что я продолжила говорить. — А что насчёт тебя, Бенсон? Ты в порядке?

Он улыбнулся.

— Требуется нечто посерьёзней этого, чтобы вывести меня из игры. Не волнуйся обо мне.

— Бенсон, спасибо тебе огромное. Если бы ты не вошел..., — я не смогла закончить свою фразу.

Как бы всё это закончилось? И всё из-за моей глупой ошибки.

— Я рад, что вошёл, — он сделал глубокий вдох. — Элиза, доктор всё ещё здесь. Он хочет поговорить с тобой, если ты найдёшь в себе силы на это. Ты через многое сегодня прошла, — голос Бенсона был нежным. Но вместо того, чтобы успокаивать меня, он побуждал меня действовать.

Я могу помочь Айдену. Я могу сделать нечто иное, чем просто беспомощно сидеть на диване.

— Конечно! Да. Пойдём. Спасибо тебе, Кора, — я начала выбегать из комнаты Кору раньше, чем закончила свою фразу, Бенсон последовал за мной.

Кора накинула мне на плечи длинный кардиган.

Когда мы прошли мимо плотно закрытых дверей библиотеки, мои колени задрожали.

— Где Айден, Бенсон?

— В вашей спальне.

Не знаю, что меня на это толкнуло, но до того, как я осознала, я остановила его. Его лицо выражало некоего рода упорядоченное замешательство, если такое вообще существовало.

— Спасибо, — признательность расплавил мой перемёрзший голос до состояния тягучего шепота.

— За что?

— За то, что назвал спальню *нашей*.

Взгляд Бенсона смягчился так, что теперь изобличал уязвимость, которая, должно быть, позволила ему создать связь со своим истязуемым боссом куда сильнее, чем смогло их общее военное прошлое.

— С твоего позволения хочу высказать своё личное наблюдение, Элиза. Я никогда не видел его счастливее, чем в те дни, когда он с тобой. Я считаю, что он очень сильно любит тебя, — Бенсон выглядел стеснённым.

Но в моей опустошенной груди я услышала свой первый удар сердца, после того, как покинула библиотеку.

Я неловко кивнула, не в силах найти слова для ответа.

Доктор Корбин сидел в кресле в гостиной комнате, неистово делая записи в жёлтом блокноте. Когда он увидел меня, он встал, с улыбкой на устах. У него была белая, стриженная бородка, но при этом вовсе не было волос на голове, карие глаза и высокое худощавое телосложение.

— Вы, должно быть, мисс Сноу. Я Виктор Корбин. Очень приятно с вами познакомиться, — он протянул мне руку.

— Я тоже рада познакомиться с вами, Доктор. Сожалею, что мы не встретились с вами при других обстоятельствах. И, пожалуйста, зовите меня Элизой. Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить?

Кора появилась до того, как Корбин смог ответить, принося нам напитки и — благослови её — "Бачи". Я опустилась на диван, набросившись на воду со льдом с жадной, которая исходила не из моего тела.

— Элиза, если позволишь, я бы хотел сначала осмотреть тебя, с целью убедиться, что ты не травмирована. А потом мы могли бы обсудить произошедшее.

Мне хотелось сразу же перейти к выяснению способа помочь Айдену, но Корбин и слушать этого не захотел, так что мне пришлось позволить ему себя осмотреть. Ничего сломано не было, но к завтрашнему дню у меня появится несколько серьёзных синяков.

Наконец Корбин взял в руки свою авторучку и блокнот.

— Мы сможем сделать перерыв в любое время, если это станет слишком невыносимо. Но если ты в состоянии, я бы хотел услышать твою версию событий. Со слов Бенсона, я сделал вывод, что у тебя был напряжённый день?

Я кивнула, делая глубокий вдох, и рассказала ему всё, за исключением имени Хавьера. Корбин довольно продолжительное время что-то быстро и небрежно писал в своём блокноте. Я ела "Бачи", поскольку не имела возможности читать его записи.

— Элиза, должно быть, это было ужасно. Но ты справилась с этим самоотверженно и с любовью, и это всё, что ты могла бы сделать в этой ситуации. Это было чрезвычайное происшествие, и ты не должна себя винить. Таково предписание доктора.

Слова Корбина прозвучали, как хорошая оценка, но я не могла согласиться с ними. Он всё повторял, что это не моя вина, но он не видел ужаса в глазах Айдена, когда его память рывком отбросила его обратно в агонию. И спусковым механизмом всего этого послужила исключительно я.

— Доктор, я не желаю тратить ни единой минуты на себя. Пожалуйста, скажите, чем я могу помочь.

— Очень хорошо, — он призадумался и, глубоко вздохнув, продолжил: — Это одна из причин, почему я хотел встретиться с тобой. Боюсь, мне потребуется твоё участие, если мы хотим ему помочь.

— Всё что угодно. Я сделаю всё что угодно ради него. Что вам нужно?

— Я уклоняюсь от компетенции психотерапевтической неприкосновенности ради его безопасности, — выдохнул он. — Мне нужна твоя помощь, чтобы уговорить его согласиться на лечение ПТСР — и не просто согласиться на это, но и продолжать курс. Последний раз, когда он виделся со мной, произошёл после того, как он напал на свою мать. Но после нескольких сеансов: боль, его яркие воспоминания... всего этого стало чересчур много для него. Я не могу представить, что с ним сделает этот второй эпизод. Но мы не можем позволить ему вновь бросить лечение.

Мои руки тряслись настолько неистово, что вода из моего стакана расплескалась.

— И вы считаете, что я смогу убедить его?

— Да, — его убеждённость наполнила комнату.

— Почему?

— Потому что он влюблен. Вчера он мне прислал электронное письмо с кратким изложением последних нескольких лет, чтобы я смог подготовиться к нашей встрече. Он сказал, что делает это ради тебя. Твоё имя встречалось едва ли не в каждом абзаце. На этот раз у него есть причина для борьбы.

Как я могла отказать? Я отдам свою жизнь, если это излечит его.

— Я сделаю всё, что смогу, Доктор — до самой последней секунды моего нахождения здесь.

Я заметила, как его плечи немного сникли, и поняла, что он заботился об Айдене.

— Вы не могли бы высказать мне своё мнение о прогнозах, касаемо Айдена? Он, похоже, считает это пожизненным заключением.

— До тех пор пока Айден не захочет излечиться, надежды нет никакой. Но если он позволит себе это, есть возможность даже для кого-то с его степенью тяжести и его памятью.

— Какая?

— Физиологическая экспозиционная терапия. Это значит, что он будет подвергаться сходным травмирующим ситуациям снова и снова, пока не станет менее восприимчив. Этот метод высокоэффективен с ПТСР. Он может оказать влияние на его общие симптомы, но также и на его рефлекс Моро. Но мы должны продолжать вводить его в оцепенение столько

раз, сколько потребуется — тысячи раз — пока он не привыкнет к этому.

Внезапно я расстроилась, что тут не было его матери. Если кто и знал какво это, так это она.

— Я могу что-нибудь ещё сделать, чтобы помочь?

— Ну, он будет переживать очень глубокое чувство вины, когда проснется и осознает произошедшее. Давайте подождём появления зацепок со стороны Айдена в отношении того, как нам с этим быть.

— Каким он будет, когда проснётся?

— Препарат, который я ему дал — "Версед" — подавляет воспоминания. Он не будет ничего помнить, что произошло после приёма препарата, но он будет помнить всё то, что случилось до его приёма. Сложно предугадать каким он будет, когда проснётся. Время от времени, одни люди неистовы. Другие же склонны к преувеличению своих истинных способностей, к примеру, они теряют всякий контроль. Зачастую, они бывают в смятении и напуганы. Мы увидим, что выпадет на долю Айдена.

Мы всё досконально обсудили и разработали план.

— Итак, если у тебя больше нет никаких других вопросов, Элиза, могу ли я посоветовать тебе немного поспать? Я могу выписать тебе что-нибудь, если пожелаешь.

— Нет, я в порядке, спасибо. Я могу сейчас увидеть Айдена? Могу прикоснуться к нему?

— Да. Ничто его не разбудит до тех пор, пока действие "Верседа" не ослабеет.

Я бросилась бегом в спальню — ноги быстры, разум вял. Дверь была приотворена. В углу комнаты, в кресле сидел Бенсон, но мой взгляд был прикован к постели. Я прислонилась к стене, от увиденного мои ноги потеряли все силы и стали неспособны поддерживать меня в прямом положении.

Айден лежал на спине, его руки покоились на животе. Губы были приоткрыты. Его грудь вздымалась в едва уловимом ритме — это был единственный признак жизни. Всё остальное в нём было инертным. Та резонирующая жизненная сила, которой он обладал, отсутствовала.

Слёзы хлынули из глаз, и я преклонила колени у нашей кровати. Я положила руку поверх его головы. Он не двигался. Но биение его сердца с гулким стуком билось в бесперебойном, жизненном ритме. Это приносило немного воздуха в его лёгкие. Я кончиками пальцев обследовала его кожные покровы. Поцеловала его лоб, нос, щёки, подбородок, горло, оставив напоследок его губы. Когда я подарила поцелуй его губам, его слабое дыхание ласково овеяло мои губы.

Его кожа была влажной и слегка прохладной. Я не могла допустить этого. Я сняла с него одежду, смутно осознавая ненавязчивую помощь Бенсона. Мы не разговаривали. Я смочила махровую салфетку в теплой воде и обмыла тело Айдена. Я вытерла его, и мы переодели его в любимые им тёмно-синие пижамные штаны и футболку. Я не хотела, чтобы он проснулся голым и неприкрытым, или в той же самой одежде, в которой он был, когда напал на меня. И то и другое заставит его возненавидеть себя ещё больше. Когда мы закончили, Бенсон положил руку мне на плечо.

— Я оставляю вас, Элиза, — сказал он, и незаметно скрылся в патио.

Я оставила стеклянную дверь открытой, чтобы поступал свежий воздух, и села в изножье кровати. Каким будет Айден когда проснётся? Будет ли он всё ещё хотеть бороться за нас? Или он изгонит меня, как и свою мать? Мой живот пульсировал намного острее, чем

моя рука. Испытывая безумное побуждение двигаться, но не в состоянии быть вдали от него, я устало потащила в гардеробную, где его запах ощущался гораздо сильнее.

Как и всегда, мои глаза отыскивали красивую деревянную коробку, стоявшую на высоком шкафу. Свет вновь осветил её, единственным отличием от прошлых раз, когда я смотрела на неё, было то, что она находилась чуть ближе к краю, будто кто-то совсем недавно заглядывал в неё. Я приподнялась на цыпочки, потянулась вверх и стала подталкивать её к краю, пока она не оказалась в моей власти. Затаив дыхание я пробежалась пальцами по вырезанному орнаменту и открыла отполированный медный замочек.

Ох!

Глубоко внутри складок тёмно-синего бархата были сложены: армейский жетон Айдена, его "Пурпурное сердце"⁶² и стопа пожелтевших запечатанных конвертов. Ни марок, ни дат, ни печатей, на них даже не было чернильных меток. Бумага была грубой, зернистой. Странно, но клапан верхнего письма был распечатан.

Я приподняла клапан и извлекла клочок бумаги, сложенный пополам. Струйка песка соскользнула с места сгиба вниз на мою ладонь — песок был иным, нежели тот, что я когда-либо видела. Красноватый, более тёмный, крупнодисперстный. Круговым движением пальца я сформировала в ладони вихрь из песка, подобно тому, что навивался в моей груди, и затем высыпала его обратно в пустой конверт. Затем я развернула письмо. И осела на пол гардероба.

Апрель 13, 2003

Моё самое дорогое,

я думал, что буду чувствовать себя по-идиотски, когда начну писать воображаемой женщине. Я оказался прав. Но и ошибался. Кому ещё может писать мужчина в такую ночь? Конечно же, не своей матери — она лишь ещё сильнее будет плакать. Ни другу — он итак уже всё знает. Он пишет своей женщине, поскольку она дарует прощение.

Всё кончено, любимая. Багдад сравнивали с землёй. Ни мостов. Ни библиотеки. Ни зоопарка. Я не знаю, как много мужчин, женщин и детей погибло, и сколько из них от моей руки.

Маршалл просит Бога и Жасмин о всепрощении. Но я не особо хорошо лажу с Богом, так что я сотворил тебя. Ты идёшь во всей красе, светла как ночь... (даже Байрон не передаст всю твою красоту по достоинству).

В следующем письме я расскажу тебе, чем бы я предпочел с тобой заняться, нежели писать письмо. Но — настоящая ты или нет — у меня хорошее воспитание. Я придержу это до нашего второго свидания. А сегодня я прошу лишь об одном одолжении, любимая. Если ты можешь, то просто приляг рядом со мной и дыши — я хочу синхронизировать свои лёгкие с твоими. Пока не почувствую запах твоей кожи вместо пороха, не услышу твои вздохи вместо звука сирен, пока не буду держать в своих руках твоё тело, а не винтовку.

Ладно, может быть мы и займемся этим на нашем первом свидании (что является настоящим подвигом, учитывая моё существующее положение в песчаном окопе, с надетой бронезащитой паха). Как бы там ни было, ты моя и ничья больше. Твоё тело пробуждается и трепещет в моих руках. Твоё дыхание меняется — становится быстрым, порывистым, как сильная песчаная буря. А затем оно прерывается! И превращается в одно-единственное слово. Моё имя. Вот так ты кончаешь. Вот так ты живешь. С моим именем на своих устах, не видя никого, кроме меня, и только ради меня одного.

Когда ты засыпаешь на моей груди, твоё дыхание замедляется. Становится глубже. Я слушаю его и медленно засыпаю. Наконец-то, покой.

*Твой,
Айден*

Я поняла, что испытала дежавю, но раньше я никогда не понимала, что же это такое. А теперь, когда я прочитала его самодостаточную рукопись — и увидела нас в каждом до единого слове — у меня появилось странное чувство, словно я оглядываюсь на саму себя со стороны.

Я поднесла письмо к губам и поцеловала его. Оно не восполняло отсутствие Айдена, так что я вытащила из коробки армейский жетон и повесила его себе на шею. Потом я накинула на себя одну из его футболок и натянула свои спортивные брюки — игнорируя первые проявления сиреневых пятен на моей коже. Спотыкаясь, я подошла к нашей кровати и легла рядом с Айденом, положив голову ему на грудь. Ужас последних двух дней сломил меня, и я провалилась в сон.

Глава 48 **Союзники**

Изменение разбудило меня. Дыхание Айдена, ласкающее мою щеку, стало быстрее. Время настало. Через несколько минут его ресницы беспокойно затрепетали. Корбин с Бенсоном находились в комнате, но ожидали за пределами линии взгляда Айдена. Я пересела в кресло, которое, судя по всему, Бенсон поставил у изножья кровати. Глаза цвета сапфира открылись.

Он очень медленно приходил в себя. Айден то открывал, то закрывал глаза, его веки были тяжёлыми. V-образная складка меж его бровей стала ещё глубже. Он попробовал приподнять голову, но уронил ее на подушку. Он огляделся по сторонам, словно не понимал, как мог здесь оказаться. Его дыхание участилось, а глаза широко распахнулись. Он простонал. А потом увидел меня. Страх тотчас улетучился, и его взгляд посвежел. Глаза мгновенно стали цвета яркой бирюзы. Он выглядел так, словно ему снился приятный сон.

— Любовь моя, — его первые слова были нежными и тихими.

Я сорвалась с места, пододвигаясь ближе. Он снова попытался приподнять голову, желая иметь возможность прикоснуться ко мне, но она не повиновалась ему. Он запаниковал и опробовал своё тело в поисках контроля над ним, но оно не отвечало ему, поэтому он начал искать мои глаза. Незамедлительно умиротворение наполнило его черты лица.

— Я знаю тебя, — он улыбнулся. — Ты моя жизнь.

— Как и ты моя.

— Почему ты плачешь, любимая?

— Потому что люблю тебя.

— Ты моя жизнь.

Я вспомнила слова Корбина о том, как некоторые люди пробуждаются после действия

"Верседа". Несдерживаемая сущность Айдена.

— Никаких слёз, любимая. Я живу ради твоей улыбки, — его слова спутались.

Он потянулся ко мне; слишком слабый, чтобы противостоять пассивной массе своего тела. Прежде чем страх вновь его атакует, я вложила свою руку в его ладонь. Он вздохнул так, как делал, когда мы занимались любовью.

— Я люблю тебя, — произнёс он невнятно. — Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

Несколько раз он то замирал, то вновь наполнялся жизнью, переходя от замешательства и паники к состоянию умиротворённости, когда видел меня. Чем сильнее он пробуждался, тем безумней становилась его ухмылка. Я медленно склонилась к нему и поцеловала его губы. Он блаженно за мной наблюдал.

Но постепенно его глаза начали меняться, а взгляд приобретал отрешенность. И затем я увидела их: тектонические плиты начали перемещаться. Что-то пыталось прорваться сквозь них.

— Айден, останься со мной. Пожалуйста.

Как только я произнесла "*пожалуйста*", страдания исказили его лицо. Его тело скривилось в положении, напоминающем эмбриона, словно он испытывал острую физическую боль. Он закрыл глаза и начал содрогаться. Гортанный стон усиливался в его груди, пока не сменился на сокрушённые слова:

— Нет! Нет! Элиза! Нет! — снова и снова, и снова...

Бенсон с Корбин вступили с ним в борьбу, но он не позволял им прикоснуться к себе. Он не буйствовал. Он сокрушался. Он схватился за лоб обеими руками, его пальцы сжимали череп так, словно хотели вырвать его.

— Он сейчас вспоминает последние события, которые произошли до приема седативного средства. Проклятье, слишком быстро, — объяснял Корбин, но я едва слышала его, поскольку впервые на любимом лице Айдена я увидела слезы. Они текли из его подавленных страданием глаз.

Я вскочила на ноги и шагнула ближе, но Бенсон и Корбин столпились вокруг меня. Я оттолкнула их прочь и взяла Айдена за руку. Он говорил, что я успокаиваю его. Прямо сейчас, он в этом нуждался.

— Айден? Любимый? Я в порядке. Посмотри на меня, милый, — непрерывно, раз за разом я повторяла слова, пытаясь не произносить "*пожалуйста*".

Рыдания унялись от звука моего голоса, став лишь просто дрожью. Когда он открыл глаза, они были опустошены. Он попытался вырваться из моей хватки, но я спрятала его голову в изгибе своей шеи, и накрыла его своим телом. Мой запах, мой голос — вся я полностью. Дрожь стала трепетом и потом вовсе стихла.

— Немыслимо! — где-то позади меня тихо прозвучал голос Корбина.

Я проигнорировала науку, и теснее прижалась к Айдену. Краем глаза я заметила, как Корбин с Бенсоном незаметно покинули спальню.

Я нашёптывала Айдену слова, которые имели значение исключительно для нас двоих. Он тоже начал говорить. Сначала это было лишь два слова, которые он повторял снова и снова. "*Прости меня*". "*Прости меня*". А потом слова стали ядовитыми, словно он свеживал себя, изливая всё это на меня.

— Элиза, уходи. Уезжай. Будь счастлива. Даже если нелегально, ты ни в чём не будешь

испытывать недостатка. Просто уходи. Уходи.

— Я никуда не уйду. Я люблю тебя.

— Ты должна. Оставь меня, поскольку сам оставить тебя я не смогу. Я не смогу, Элиза.

Я не смогу сделать этого. Покончи с этим. Покончи со мной —

Я накрыла его рот своей рукой.

— Никогда не говори этого. Ты лучший — ты причина того, что я вновь обрела себя.

Но чем больше я говорила, тем больше я его теряла. Он резко оттолкнул мою руку.

— Элиза, что если бы Бенсона там не оказалось? Ты пострадала. Ты увидишь синяки и возненавидишь меня. Я возненавижу себя ещё больше, чем уже ненавижу.

— Это была случайность, любимый.

— Это была "без пяти минут" твоя смерть.

Я больше не могла это выслушивать. Я встала и взяла его телефон с прикроватной тумбочки, перелистывая контакты в поисках нужного мне имени.

— Айден Хейл, прямо сейчас ты слушаешь меня. Если ты продолжишь настаивать на этом самопожертвовании, я позвоню твоей матери. Затем позвоню Джазу и всем остальным — я знаю, что они все уже собрались в хижине.

Он посмотрел на мой палец, который был наведён на имя "Стэлла" и закрыл глаза.

— Как я могу удерживать тебя после всего этого? Почему ты остаешься?

Мне хотелось сказать "потому что у меня есть надежда" и "потому что я люблю тебя", но он не примет такой ответ. Было лишь одно, что он мог принять конкретно в данный момент.

— Потому что ты в долгу передо мной.

Его глаза распахнулись — крупинки бирюзы в непроглядной тьме. Мои внутренности выкручивало от подпитки его чувства вины, но это был единственный способ.

— Я сделаю всё что угодно ради тебя.

— Я хочу лишь одного, — ну, формально правдой это не было. — Выполнение единственного обещания, которое ты уже дал ранее. Ты начнёшь встречаться с доктором Корбин каждый день. Меня не волнует тот факт, что тебе придется перестать работать, и мы должны будем жить в хижине, или если нам потребуется переехать на Ближний Восток для того, чтобы ты вновь столкнулся с этим. Ты каждый день будешь появляться в его кабинете и проводить там столько часов, сколько потребуется, и ты будешь делать то, что он говорит. Чтобы подобное никогда снова не повторилось.

Он кивнул ещё до того, как я закончила.

— Я всё сделаю. А сейчас, пожалуйста, уходи. Ты будешь в безопасности. Я найду свидетеля. Я построю тебе твою собственную лабораторию. Просто уходи, — его голос принял естественный жёсткий такт.

— Нет!

Каким-то образом — бросив вызов препарату или биологии — он сел прямо. Его движения были похожи на резкие толчки, но они были быстрыми. Правая нога спустилась с кровати, затем левая, затем распрямилась спина. К моменту, как Бенсон с Корбином ворвались в комнату, Айден уже стоял по стойке смирно, словно никогда и не падал.

Я же, наоборот, застыла у кровати.

— Элиза, — он сглотнул, словно моё имя было сродни осколку стекла. — Пожалуйста, иди домой!

— Это мой дом.

— Мне надо, чтобы ты ушла.

— Я никуда не уйду. Тебе придётся тащить меня отсюда за волосы.

Он вздрогнул, сморщившись, и закрыл глаза, как будто этот образ ослепил его. Когда он вновь их открыл, он не смотрел на меня. Он смотрел на свой iPhone, который я всё ещё держала в своих руках. Я прижала его к своей груди — ни за что ему не вырвать его из моей мёртвой хватки.

Он плотно сжал губы.

— Бенсон, — его голос пересёк комнату. — Твой телефон.

— Айден —, вмешался Корбин, но Айден поднял вверх руку, прерывая его, не отрывая взгляд от Бенсона.

— Пожалуйста, позвони Хавьеру Солису. Расскажи ему всё, что я с ней сделал, пусть он приедет и заберёт её. Сейчас же.

— Нет! — взмолила я.

Хавьер сойдет с ума. Он бросится на Айдену. И Айден позволит ему победить в схватке.

Взгляд Бенсона метнулся сначала на меня, а затем вернулся к Айдену. Он распрямил свои громадные плечи.

— Я не могу сделать этого, сэр, — произнёс он очень тихо.

На долю секунды, глаза Айдена широко распахнулись, словно он никогда раньше не слышал таких слов от Бенсона — или вообще от кого-либо. Затем его лоб нахмурился, а челюсть изогнулась.

— Прошу прощения? — процедил он сквозь стиснутые зубы, его голос был таким холодным, что мои зубы застучали.

Никто не дышал. За исключением Корбина.

— Айден, Элиза права! — его голос был очень спокойным. — Она тоже заинтересована в этом, — он сделал шаг вперёд, ближе к Айдену. — То, что ты прогонишь её, не разлучит вас, и ты знаешь об этом, — он мягко уговаривал. — Помнишь, о чём ты упоминал мне в своём письме?

Взгляд Айдена оторвался от Бенсона и сосредоточился на Корбине. Едва лишь прошёл миг, как пациент с доктором встретились взглядами, но в этот самый миг я поняла, что одержала победу. Он не выгонит меня — как минимум, не сегодня. Я бы с радостью многое отдала, лишь бы узнать, о чём говорилось в письме.

— Как бы там ни было, ты не должен принимать никаких важных решений в течение семидесяти двух часов из-за действия "Верседа", — небрежно добавил Корбин. — Затем мы проведём повторную оценку твоего состояния. А сейчас я бы хотел обследовать тебя, всё же судя по тому, как ты возбужден, твой разум бросает вызов "Верседу".

Взгляд Айдена скользнул по всем нам. Он осознал, что это был государственный переворот — как это ни назови — и он понял, что ничего с этим поделать не сможет. Не раньше, чем через семьдесят два часа. Я задрожала. И как же он поступит потом? Урезонит ли его Корбин? Или он снова вернется к этому Айдену, но в семьдесят два раза могущественнее?

— Бенсон, — его голос резко и неожиданно прорезал воздух. — Мы должны найти свидетелей.

Плечи Бенсона расслабились.

— Да, сэр. Я привлеку Роквелла в поисковую группу.

Всего лишь один кивок головы Айдена, и Бенсон широкими шагами направился в

сторону двери. Он посмотрел на меня, прежде чем завернул за угол. "Спасибо" безмолвно выговорила я. Он подмигнул и, вышагивая, направился дальше по коридору, Корбин последовал за ним.

Непостижимая тишина обрушилась на спальную комнату. Айден не сводил с меня глаз, как будто сохранял этот образ в завершении всего. Было нечто такое безапелляционное в этом взгляде, что я побежала к нему, буквально наскакивая на его грудь.

Он отступил назад и его правая рука — та самая, которая атаковала меня — быстро переместилась за его спину. Я в ужасе застыла. Неужели он никогда не будет прикасаться ко мне снова? Лучше не начинать с этого вопроса прямо сейчас.

— Пожалуйста, не звони Хавьеру, — сказала я. — Или Реаган. Это касается только нас с тобой. Никого другого.

Он кивнул.

— Позвони Бобу. Скажи ему, что сначала мы будем искать других свидетелей.

Несмотря на весь свой ужас, слова, вырвавшиеся из моего рта, были произнесены пылко и с придыханием:

— Спасибо!

Его глаза смягчились, блуждая по линии моего подбородка и горлу, это уже давно стало обычной моделью поведения, когда он больше всего нуждался в умиротворении. Но затем он заметил свой армейский жетон и нахмурился.

— Я немного по-шпионила, — пробормотала я, опустив свой взор на свои голые ноги. — И, умм, ещё я прочитала твоё письмо. Прости. Похоже, у меня серьёзная проблема.

Я невольно, украдкой взглянула на его лицо. Его губы, щёки, его красивые брови исказились, как будто хотели приподняться в улыбке, но так и не смогли. Вместо этого его глаза потемнели — стали бездонными — словно они извлекали все до единой частички из этого момента

— Ты не можешь шпионить за тем, что итак уже принадлежит тебе, — прошептал он.

Я улыбнулась, проглатывая невыплаканные слезы.

— Наконец-то, теперь я знаю всю правду о Байроне. Я не думала, что смогу полюбить тебя ещё больше, но я полюбила, — я приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать его, но он отстранился.

— Отсутствие любви никогда не было нашей проблемой, Элиза.

Он лаконично кивнул и удалился из комнаты. Я ошеломлённо смотрела на место, где он только что стоял. Слезы, которые я сдерживала всё это время, хлынули из моих глаз так сильно, что я не смогла издать ни звука.

Вы слышали, что любовь сильна, любовь добра. Но любовь не участвует в войнах, не пишет законы, не меняет их. В отношении этих мирских нужд, любовь бессильна.

Глава 49

Американская красавица

Ещё до того как открыть глаза, я поняла где нахожусь. Кровать, стеклянная дверь открыта, прохладный бриз приносит запах свежескопанной земли. И меня окружает

корично-сандалово-и-Айденовский аромат. Я сравниваю его с пробуждением во всех смыслах этого слова. Пусть даже если оно и ужасающее.

Сегодня был первый день свободы от "Верседа".

Я неподвижно лежала на своей стороне кровати, готовя себя к чему угодно — начиная с "Элиза, Кора упаковала твои вещи" и заканчивая "Элиза, полиция снаружи, чтобы доставить тебя в тюрьму".

Айден нежно подул вдоль линии моей шеи, и мои мускулы незначительно расслабились. Это уже стало привычным явлением за последние три дня. А потом я вновь напряглась. А ведь это было совершенно ненормально для него. Уместными были только эти ласковые порывы дыхания, которые оставляли меня опустошённой.

— Ты проснулся, — произнесла я чуть позже.

— Как и ты.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него. Он лежал поверх одеяла, обернувшись вокруг меня, но при этом меня не касаясь, уже одетый в поношенные джинсы и чёрную футболку. Побагровевшие круги под его бездонными глазами стали ещё насыщенной. Щетина гуще, длиннее, а ямочка исчезла.

— Утром поцелуй, вечером блаженство, часто говорила моя мама, — прошептала я и поцеловала его.

Мои губы едва коснулись его рта, прежде чем он отпрянул. Но этого прикосновения длиной в наносекунду было достаточно, чтобы мы оба вздрогнули.

— Вскоре привезут дерево Маршалла и твои розы. Я запущу оросительную установку, — сказал он, соскочил с кровати и исчез в патио до того, как я успела моргнуть.

Я обескуражено поднялась, игнорируя острую боль в руке и спине. Кого вообще волнуют синяки, когда все твои внутренности так горят?

Я выпорхнула из кровати и помчалась в гардеробную, с целью найти там что-нибудь для маскировки синюшных, фиолетовых-и-синих очагов на моей коже. Ночью было гораздо проще — я запросто могла надеть футболку с длинным рукавом и фланелевые пижамные штаны. Но возможно ли это при семидесяти пяти градусах по Фаренгейту? (прим. ~ 24 °C) "Ах, да, легинсы и рубашка Айдена, которую я надевала для позирования. Так я смогу чувствовать, словно он всё ещё ко мне прикасается". Я натянула на себя одежду и выбежала в патио, из-за боязни как бы он не исчез.

Он сидел за столом из кованого железа, прижав пальцы к вискам, плечи были ссутулены, опустошенные глаза наведены, не мигая, на горизонт. Словно кто-то поглощал его душу. Этот вид заставил меня дрожать.

Услышав меня, он встал и постарался придать своему лицу видимость человеческих черт.

— Кора принесла тебе ещё сливочного варенца, — он подтолкнул красиво сервированный поднос с завтраком в мою сторону. — Съешь что-нибудь. Я начну капать яму для дерева, — он небрежно перепрыгнул через ступеньки патио и направился через лужайку, не одарив меня больше ни единым взглядом.

— Ты сам *поел-то*? — окрикнула я его. Он не ответил.

Солнце постепенно спряталось за облаками, и дрожь просочилась сквозь мою кожу.

— Айден! — его имя резко сорвалось с моих губ.

Он повернулся, и я заметила, что даже в это мимолетное мгновение, он отводит от меня свой взгляд, черты его лица вновь стали сдержанными.

— Да?

Я попыталась вспомнить, как улыбаться.

— Я люблю тебя.

Его опустошённые глаза стали — невероятно — ещё более безмолвными.

— Я тоже люблю тебя, — произнёс он без какой-либо интонации и снова зашагал в сторону самой дальней опушки двора.

Я вновь задрожала. Исаак Ньютон ошибался. Не все тела в покое, остаются в покое. Есть тела — изорванные, разрушенные изнутри — которые вздрагивают в тишине, вполне вероятно, и даже после смерти.

Я проковыляла к столу, где ждал меня поднос с завтраком. Всё было точно так же, как в наше первое утро. Варенец, булочки, апельсиновый мармелад, яйца, бекон, "Бачи"... Я взяла булочку, раскрошила её большую часть и бросила лазурным птичкам, не в силах отвести глаза от Айдена.

Он вырезал сорняки вдоль периметра почти что безжалостно. Быстро, как ураган. Его плечи пульсировали от движения и напряжения. Он взял лопату и начал капать. Я вслушивалась в чирикание, суету и порхания птичек, которые он оставлял на своём пути. Звуки жизни, которая продолжается, несмотря на отсутствие виз, несмотря на войны или несчастные случаи.

Я подскочила, когда завибрировал его iPhone, лежавший рядом с моим подносом. Я взглянула на экран, боясь увидеть слова, наподобие "Тюрьма", "ICE", или "Исаак Ньютон". Но нет. Это было лишь напоминание для Айдена о встрече с Корбином сегодня после обеда. Они закрывались в одной из гостевых комнат каждый день, и проводили там часы. Жалюзи тоже были закрыты.

Телефон снова завибрировал — Хендрикс.

— Айден, — выкрикнула я. — Тебе звонит Хендрикс.

Он кивнул и начал капать ещё быстрее.

Телефон перестал гудеть, но прежде чем я усилием воли заставила себя проглотить ещё один кусочек булочки, он вновь завибрировал. Этот звонок заморозил воздух в лёд. "СемьяСолисов".

Я смотрела на номер телефона на экране, не в состоянии двинуть и пальцем. Как вообще возможно мне ответить на этот звонок? Что я могу сказать, чтобы это не было ложью или ужасной новостью? Они тотчас по моему голосу поймут, что что-то было не так. Я не могу рассказать им. Это будет огромным предательством Айдена. И ещё один повод для беспокойства Солисам.

Мой желудок скрутило так резко, что я едва не оставила свой завтрак под ежевичными кустами. Я почувствовала пристальный взгляд Айдена на своём лице, поэтому изобразила улыбку и помахала ему рукой. Он повернулся к яме, прорывая себе путь в Австралию.

iPhone вновь загудел. На этот раз это было текстовое сообщение:

Хендрикс: Шторм! Ответь!

Я вскочила на ноги — неожиданно не в силах больше что-либо из этого выносить. Наше молчание, их настойчивость, отдалённость Айдена. Я зашагала через двор, аккуратно, стараясь не затоптать дикие цветы.

— Весь мир жаждет тебя, — сказала я, когда подошла к нему. — Не то, чтобы я винила

их.

Его щёки были покрыты лёгким румянцем — единственный признак жизни на без того пустом лице. Он бросил лопату, взял телефон, не произнеся ни слова, и прочитал сообщение. Бездонные глаза стали ещё темнее. Но вместо того, чтобы ответить, он швырнул телефон в траву и начал вырывать несколько оставшихся кустов чертополоха.

Я нежно положила ладонь на его руку.

— Айден, любимый, они волнуются о тебе. Может быть, стоит написать пару строк и сообщить, что ты... занят?

Он вырвал поросль щавеля с корнями.

— Почему бы тебе не поехать и провести с ними несколько дней? Корбин сказал, что это может помочь. Со мной всё будет хорошо здесь, — я старалась придать своему голосу спокойствие даже, несмотря на то, что сама мысль о том, чтобы не видеть его сейчас — даже час — разрывала меня на части сильнее, чем любая из атак, какую он смог бы направить на мужчину или сорняк.

Он сделал глубокий вдох и, наконец, посмотрел на меня.

— Сначала я хочу пройтись по списку потенциальных свидетелей.

— Есть зацепки? — мой голос дрожал.

Его мускулы изогнулись — так же как они делали, когда его руки обнимали меня.

— Мы найдем одного.

Это прожгло моё спокойствие. Я бросилась ему на грудь, страстно желая его... всего полностью. Может быть, он не смог устоять от того, чтобы утешить меня, или может быть он тоже страстно желал этого; что бы это ни было, но впервые за три дня, он не оттолкнул меня. Он убаюкивал меня в своих руках.

Моё тело неистово откликнулось. Кровь прихлынула к моей коже, сердце заколотилось о рёбра, и трепет перерос в пульсацию. Я заперла все свои мускулы в обычном положении — боясь, что моё безрассудство прогонит его прочь — и положила свою голову ему на грудь. Здесь ощущалось больше Айдена, нежели сандала. Я закрыла глаза и глубоко вдохнула. Он содрогнулся, и его дыхание стало ускоряться. Как и моё.

Откуда-то снаружи нашего пузыря, я расслышала ещё один проклятый гул. Я усилила свою хватку на Айдене, но было слишком поздно. Чары были разрушены.

Он опустил руки — моя кожа стала сильно пульсировать из-за его отсутствия — и поднял телефон из травы. Я готова была вырвать телефон из его рук и выкинуть в ежевичные кусты, но выражение лица Айдена пустило под откос все мои планы. Меж его бровей вновь появилась глубокая V-образная складка. Айден не хмурился, когда видел номера входящих звонков — он всегда помнил их. Я свирепо посмотрела на экран. Звонок был из района с кодом 253.

— Кто это? — прошипела я.

— Не знаю.

Он ответил на звонок своим обычно принятым "Айден Хейл" и стремительно помчался через двор в сторону дома. Без единого слова. Без единого прикосновения.

Дрожь вернулась, и слёзы, которые я и не подозревала, что сдерживаю, потекли из моих глаз. Каждая клеточка лишилась сущности. С каждым часом, когда его руки не на мне, я становилась всё больше похожей на призрака. В конце концов, не это ли делает призраков, призраками? Неспособность прикоснуться к ним?

К тому времени, как питомник "Города Роз" доставил нам сеянец Дугласовой пихты Маршалла и четырнадцать кустов роз, слёзы высохли, пусть даже дрожь и не утихла. Айден не выходил из кабинета Бенсона — больше он не пользовался библиотекой, она была наглухо закрыта — так что я выследила его там. Садоводство ранее очень положительно на нас сказало. Может быть, и сейчас это поможет?

Я резко остановилась у закрытой двери, готовая снести её с петель, но голос Айдена остановил мой кулак прямо в воздухе. Его голос больше не был спокойным и бесстрастным. Его тембр был возбуждённым, выпаливающим команды в привычной действенной твердости. Неужели я находила этот каданс пугающим? Теперь же он звучал подобно музыке.

— Да, мы знаем об этом... Мне жаль. Меня ожидает вызов по другой линии. До свидания... Гленда, отправь копии юристам и Конгрессмену Киршнеру. А теперь переведи меня на Сартейна. Да, Генерал, Айден Хейл... этого будет достаточно?... Ну, сегодня я звоню, чтобы попросить об услуге... Это всё, о чем я прошу. До свидания... Бенсон, закончи с остальным, как и обсуждали... Никаких лазеек.

Раздался сильный удар по столу. А потом повисла тишина.

Чёрт возьми! Я заколотила в дверь обоими кулаками.

— Айден! Это —

Дверь рывком открылась.

— Элиза? Ты в порядке?

Я открыла было рот, но его внешний вид подавил все мои слова. Это была безмолвная пустота, если не считать слабое мерцание света в его глазах. Словно кто-то зажёл свечу.

— Всё хорошо? — я с трудом дышала. — Я слышала, ты говорил со Сартейном.

Он отступил в сторону, позволяя мне войти внутрь. Мне не хватило присутствия духа, чтобы разглядеть офис Бенсона. Я лишь заметила несметное количество мониторов, компьютеров и мебель. Их размытые очертания исчезли, когда Айден закрыл дверь и взял меня за руку.

— Элиза, детка, присядь, — его голос был встревожен, но всё также оставался красивым.

Он подвёл меня к вращающемуся креслу, но у меня перехватило дыхание. Он снова назвал меня "*деткой*". И он прикоснулся ко мне. Хороший ли это был знак? Или плохой?

Он сел в такое же вращающееся кресло, стоящее передо мной.

— Дыши, Элиза. Новости хорошие, я надеюсь, — он подул мне на лицо. — Похоже, у нас появился свидетель. Некто, кто знает о мошенничестве Фейна и охотно готов дать показания.

Его слова текли неторопливо, но каждая клеточка моего тела начала трепетать, наполняясь жизнью. Я боялась вновь почувствовать себя живой. Это прикончит меня на этот раз, если я вновь всё потеряю.

— Правда?

— Да.

— Кто?

— Клиент, которого Фейн недавно обманул.

— Что насчёт Хавьера? Свидетель же не знает о нём, не так ли?

Айден покачал головой.

— Он не будет впутывать Хавьера. Если что, он ему поможет.

— Ты уверен?

— Уверён.

— Удовлетворит ли это Департамент Юстиции? Остановит ли это их, прежде чем они доберутся до меня?

Рука Айдена сжала мою ладонь — его кожа окутывала пламенем.

— Я послал информацию Бобу. Через два-три дня мы будем владеть большей информацией, любимая.

Все его высказывания были приглушены всего лишь этим единственно-важным словом.

— Ты снова называешь меня любимой.

— Ты всегда будешь моей любимой, — его голос был настолько глубинным, что мою грудь начало сотрясать. Этот свидетель не изменит ничего между нами, так ведь?

— А что насчёт последних нескольких дней? — выдохнула я.

Он быстро переместил свою правую руку за спину, и его челюсть изогнулась.

— Любовь не изменит последние несколько дней.

Я проиграла слова в своей голове. Они прозвучали в обратном направлении.

— Ты не выставишь меня? — изрекла я на недвусмысленном английском.

Свет потускнел в его глазах.

— Только пока сама не захочешь уйти.

— Этого *никогда* не случится.

Мерцание света в его глазах полностью угасло. Внезапно, чуть ли не со слышимым щелчком. Пустота, оставшаяся в его облике, была ошеломляющей. Черты его лица окутало завесой одиночества — чрезвычайно опустелой и бессодержательной. Изменение было таким радикальным, что я ахнула и обхватила его лицо ладонями, словно мои пальцы могли породить в нём жизнь.

— Я *никогда* не оставлю тебя. Я люблю тебя. *Навечно*, — произнесла я с усилием.

Он кивнул, пока постепенно брал под контроль своё выражение лица и попытался смягчить голос.

— Я не ослышался, что приезжал грузовик, и кто-то давал указания о том, куда должны быть отнесены розы?

Я не выпускала из своих ладоней его лицо.

— Поцелуй меня.

Но я не ждала его реакции. Я ринулась на него — запустив пальцы в его волосы, подобно крюкам, руками стискивая его лицо, ногами захватывая его бёдра. Настолько мощным было моё нападение, что кресло наклонилось, и он ахнул, позволяя моему языку ворваться внутрь. Ах, его вкус!

Лишь несколько штрихов языка, и я поняла, что нежная хватка на моих плечах на самом деле была отталкиванием. Я вжалась в него ещё сильнее, но он отклонился, приподнимая моё лицо.

— Нет, любимая, — его голос был тихим.

— Пожалуйста? — прошептала я, пытаюсь удержать своё тело собранным воедино. Не знаю, были ли это трепет или же сдержанные рыдания.

Его челюсть изогнулась во внутренней борьбе. Когда он заговорил, его голос вновь был спокойным.

— Я тоже скучаю. Больше, чем ты представляешь. Но отныне это не правильно.

— Между нами всегда всё было правильно, Айден.

Он подул на мои губы один раз и — раньше, чем я успела моргнуть, сделать вдох или совершить очередное нападение на его рот — протянул мне свою руку.

— Нам надо посадить дерево, — произнёс он.

* * * * *

Айден осмотрел багрового цвета кусты роз, составленные вдоль вспаханного периметра в форме прекрасного полукруга. Они уже были в цвету. Пихта Маршалла стояла, как часовой, прямо напротив нас, первое дерево перед раскинувшимся за ним лесом.

— Дугласова пихта? — заинтересованно спросил Айден, пока мы бесцельно бродили по лужайке.

— Да. Я сочла, что это дерево было верным выбором для него. Высокое, сильное и вечнозеленое.

Я взъерошила иголки, когда мы добрались до молодого деревца. Оно было всего лишь высотой с мой рост, но, с течением времени, оно может вырасти вплоть до трехсот футов.

Айден протянул свою уверенную руку, охватил стройный ствол и нежно потряс.

— Спасибо, — сказал он, его голос был наполнен сильной, сдерживаемой эмоцией. — Оно подходит ему.

Я склонила голову ему на плечо.

— Он задержится здесь надолго, — как и "Леди Клэр", я не могла назвать пихту Маршалла "оно".

Он кивнул, и его глаза странствовали по кустам роз.

— Почему четырнадцать? — поинтересовался он.

— По одной на каждого члена нашей семьи.

Он сглотнул, и бороздка, где должна была бы его ямочка, углубилась.

— Не английские розы?

— Нет. "Американская красавица".

Он обернулся ко мне лицом, его тело было близко ко мне. Так близко. Мерцающий свет, который я видела ранее, вновь возгорелся в его глазах. Я положила голову ему на грудь.

— Мне показалось, что было бы разумно начать наш сад таким образом. Потом, позже, мы можем добавить...

В честь маленького Питера. Или маленькой Клэр.

Если он и услышал в этом невысказанное будущее, он не откликнулся. Но он нежно обвил меня руками. Я стояла неподвижно, чтобы не испортить момент.

— Красивые, — полушепотом произнёс он.

— Как ты.

И я всё испортила.

Он опустил руки, мускулы натянулись, и взял "Маршалла".

— Давай, надевай перчатки. Ты нанесла солнцезащитный крем?

— Да, — проворчала я. Кого вообще волнует загар, когда большая часть меня уже и так пылает?

Он зашагал к яме, которую он заблаговременно вырыл, и покорно опустил в неё "Маршалла".

— Подожди! Подожди! — прокричала я, стараясь догнать его. — Всего секундочку, дай мне свой телефон!

V-образная складка пролегла между его бровями, но он запустил руку в карман и подал мне свой iPhone.

Я тыкала по экрану пальцем и перелистывала список, пока не нашла то, что хотела.

— Думаю, нам надо немного музыки для сопровождения этого действия.

Он нахмурился, но затем его лоб разгладился, когда на него снизошло понимание. Его поза стала напряжённой, как будто готовилась к удару. Впервые за последние три дня тектонические плиты переместились. Он послал мне быстрый, отрывистый кивок. Я сжала его руку и стала выжидать, пока его глаза блуждали по моему лицу. В миг, когда они осветились бирюзой, я нажала на экран и включила звук.

"Ну... Я встретил девушку", пророкотал Рэй Чарльз в воздухе.

Дыхание Айдена усилилось, его плечи запульсировали, но он не отвёл от меня взгляд. Я прильнула к его груди, обняв его руками когда, атом за атомом, напряжение полностью покинуло его тело, и он вздохнул.

— Ты справился, — приглушённо произнесла я, незаметно вытирая слёзы об его футболку.

К моменту как песня закончилась, Айден отпрянул от меня. Я решила, что он собирался выключить iTunes, но он нажал на экран, и Рэй завёл песню с самого начала. Он положил телефон на траву и, вместе, синхронными движениями, мы опустили "Маршалла" в землю. Большие руки, маленькие руки, обрабатывали мой собственный участок земли, прикапывали корни, пока пихта не стала держаться за почву так крепко, чтобы стоять без чужой помощи.

— Расти хорошо, Маршалл, — прошептала я, скользнув ладонью по его иголкам.

Глава 50

Верность

— Элиза! Элиза! Детка, проснись! — настойчивый голос Айдена прозвучал у меня над ухом, а его рука нежно сотрясала моё плечо.

Я резко пробудилась, моё сердце стремительно заколотилось.

— Что? Айден, что случилось?

— Ничего не случилось, любимая. Вот, Боб хочет поговорить с тобой.

Он впихнул свой телефон мне в ладонь, но мои пальцы дрожали так сильно, что телефон дважды упал на одеяло. В итоге, я схватила его месте с одеялом и прижала к пульсирующему уху.

— Алло? — мой голос распадался на крупицы.

— Элиза, это Боб, — его голос эхом вторил в спальне, и я осознала, что он был на громкой связи.

— Да? — я сжала руку Айдена.

— Мистер Хейл рассказывал тебе о свидетеле?

— Да, он сказал, что вы сообщите нам новости?

— Да. Ну, я полагаю, что у нас есть лазейка, дорогая. Я только что получил звонок из

Департамента Юстиции. Они перепроверили свидетельские показания и приостановили расследование. Они считают, что имеют достаточно доказательств, чтобы предъявить иск в адрес Фейна.

— Правда? — мой голос готов был разбить вдребезги стеклянную стену.

— Да. Безусловно, они не раскрывают имена свидетелей, но мне донесли суть показаний. Это инкриминирует преступление Фейна в достаточной степени, чтобы предъявить ему обвинение.

— А что насчёт моего друга? Было ли там какое-то упоминание о нём?

— Нет, дорогая, но, конечно же, если другие клиенты откликнутся на запрос Департамента или органы власти захотят вынести самый строгий приговор, они могут пересмотреть дело по-новому. Но на тот момент, смею надеяться, у тебя будет грин-карта, и ты сможешь защитить своего друга.

Я пыталась бороться с теплом, разливающимся по моей коже, прежде чем опять всё потеряю.

— Каков наш следующий шаг?

— Сегодня нам надо подать документы и ускорить процесс рассмотрения твоего заявления, на случай если вторично примутся за дело, — голос Боба надломился от душевного волнения.

Только после того, как я услышала это пояснение, я начала оттаивать.

— Элиза?

— Да?

— Я пока не хочу тебя поздравлять, но, скрестив пальцы, добро пожаловать в Соединенные Штаты.

Я слушала, но не слышала. Я смотрела, но не видела. Мир погрузился в тишину и исчез. Аура жизни, исходящая из ступней моих ног и воспарившая к моим глазам, была раскалена до свечения. И затем я увидела её. Маленькую девочку с глазами лилового цвета и чёрными волосами, одна рука вложена в руку папы, а другая — в руке её мамы, они в Английском саду роз. Они поднимают её вверх, и она хихикает. Наши взгляды встречаются. Сквозь пелену своих слёз, я вижу, как она моргает и улыбается. Её образ меняется в замедленном воспроизведении с годами, теперь в пределах досягаемости, глаза в глаза. Я улыбаюсь в ответ, когда она становится мною. Вот из чего сделаны мечты. Эта мечта принадлежала мне.

— Элиза, ты ещё здесь?

Сад роз исчез.

— Да.

— Заявление готово. Приди ко мне в офис к четырём часам, мы подпишем его и заверим печатью, — радость Боба прорвалась сквозь телефон, и внезапно, безупречно-чистый смех, незабываемый мной, сорвался с моих губ.

Я не признала девочку, подпрыгивающую вверх-вниз на кровати, визжащую, потом спрыгнувшую с кровати и бегущую кругами по спальне Айдена, в его гардеробе, вниз по коридору и назад. Посреди своих радостных выкриков, я слышала, как Боб даёт мне наставления не попадать ни в какие случайные происшествия и не совершать какие-либо преступления до четырех часов дня.

Когда он завершил разговор, я ещё немного повизжала, наряду с тем, что набрала Хавьеру и Реаган, но никто из них на мой звонок не ответил. Я кинула телефон через всю комнату и бросилась на Айдена, тем самым повалив его на кровать, смеясь и целуя каждый

доступный мне дюйм его тела.

— Спасибо! — визгливо произносила я между поцелуями. — Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Впервые за последние шесть дней, он улыбнулся. Ни звука, ни ямочки, но всё же это была улыбка.

— Я люблю тебя, — сказал я.

Моя страсть была на клеточном уровне. Я желала не только его кожу или внешний облик, который сдерживал его душу. Я жаждала его и изнутри и снаружи, всего полностью.

Я ожидала, что он оттолкнет меня, но он этого не сделал. На его лице была написана нерешительность, но он сдался со стоном. Прошло так много времени с тех пор, как он целовал меня подобным образом. Он перекатился со мной на кровати, пока его тело не накрыло меня, и всё, что не было им, исчезло.

Он покрывал поцелуями старые и новые места на моём теле. Оставил поцелуй на макушке моей головы, блуждал вдоль линии моих волос, поцеловал веки, висок, брови, нос, щёки, линию подбородка, горло. Степенно, словно нашёптывая. Как будто он испытывал побуждение поцеловать каждый миллиметр моего тела. От понимания происходящего, я приняла решение. Пора.

— Поцелуй меня здесь, — прошептала я, указывая на центр моего лба.

Его глаза широко распахнулись, и он покачал головой.

— Элиза, нет —

— Да. Я хочу, чтобы ты поцеловал, — уверенно произнесла я.

Долгое время он просто смотрел на меня, затем обхватил ладонями моё лицо. Медленно, он подул мне на лоб, так же как я делала с его шрамом. Я задрожала, но не от боли. Я задрожала от удовольствия. А затем нежно, подобно касанию крыльев бабочки, его губы прикоснулись к моему лбу. Где-то в глубине души, я почувствовала, как прошлое плотно запечатывалось.

Я притянула его рот к своему и поцеловала. Жёстко и быстро, словно новой, ждущей впереди жизни было недостаточно. Он простонал и резко сел на пятки. Он рассматривал меня пылающим взглядом. Тот мерцающий свет теперь горел ярким пламенем, сильным и диким. Затем он схватил край моей футболки и снял её с меня одним движением.

Я напряглась. Синяки!

Послышался треск сжимаемых зубов. Некоторое время он был сдержанным, напряжение прорывалось сквозь его тело, руки сжались в кулаки, зубы скрежетали, глаза прожигали.

Моим первым побуждением было прикрыться, но он склонился надо мной, посылая нежный поток дыхания на моё лицо. Затем, медленно, он склонился ещё ниже к моему синяку на руке. Он также подул и на него. Словно он пытался прогнать его прочь.

Он поцеловал каждый контур своей хватки, каждый ушиб, образовавшийся там, где я ударялась об дверь. Его губы порхали по моей коже, охватывая мои рёбра и переместившись на бёдра. Он снял оставшуюся на мне одежду и нежно перевернул меня на живот, затем одарил поцелуями и нежными дуновениями мои плечи, опускаясь всё ниже и ниже по моему позвоночнику. Синяки уже и там потемнели. Его губы не останавливались. Когда мы вновь оказались лицом к лицу, не осталось ни единой частички меня, которую он бы ни поцеловал и ни поглотил своими глазами. Его тело, накрывавшее меня, было бальзамом для моей кожи.

— Посмотри на меня, — прошептал он, его голос задохнулся в моем ухе.

Наши взгляды встретились, когда он скользнул внутрь меня. Я поприветствовала его

порывистым трепетом. Он зарылся лицом в мои волосы, накрывая каждый мой дюйм, и начал двигаться медленными, глубокими толчками. Я потерялась в Айдене. Он был единственным, что я могла вдыхать, чувствовать, чего касаться, вкушать, видеть. Он усилил свой жёсткий ритм — моё тело мгновенно прогнулось под ним, и я кончила единственным известным мне способом. Всецело и только для него одного.

Он не остановился. Его неровный сердечный ритм усилился, отражаясь в моих ушах, когда он входил и выходил из меня. Я опять кончила, но он продолжил. Чего я от него и хотела. Никаких слов, только пронзительная буря его дыхания, ласкающая мою кожу. Он отыскивал мои губы. Уста в уста, мы одновременно кончили, неистово содрогаясь.

После обрушившегося шторма, он лежал, склонив голову на мою грудь, а я заключила его в колыбель из своих рук и ног, играя с его волосами. Я не знала, как долго это длилось — время перестало иметь значение. Никаких больше часов, дней, месяцев. Только дорога жизни, ждущая нас впереди, которая, несмотря на синяки, и если смотреть оттуда, где я лежала, казалась длинной и красивой.

Наконец, его дыхание выравнилось.

— Поскольку всё благополучно решилось, я подумываю встретиться с парнями в хижине и провести некоторое время с ними, — его голос до сих пор был охрипшим.

В недрах моего тела произошло два события: озноб проколол основание моего позвоночника, а жаркие угольки в самом центре моей груди воспламенились.

— Хорошо. Ты заслужил настоящий отпуск, учитывая, что я испортила его во всех отношениях.

— Ты ничего не испортила.

— Как долго ты там пробудешь?

— Недолго.

— Когда уезжаешь?

Он глубоко вдохнул, уткнувшись носом за моё ухо, и поцеловал горло.

— Через несколько часов.

Я наглухо сцепила руки и ноги вокруг него. Я буду скучать по нему, как по воздуху, но он нуждался в этом.

* * * * *

— Береги себя, — сказал Айден, когда Бенсон разместил его небольшой чемодан — обнадёживающе маленькую дорожную сумку — в тёмно-синий с белым вертолёт "Белл 430" с надписью "Хейл Холдинг" поперёк его фюзеляжа.

Я выдавила улыбку, но озноб вновь овладел мной.

— Я уже по тебе скучаю, — произнесла я, идя в его раскрытые объятия. Его руки намертво обернулись вокруг меня.

— Не переживай, — пробормотал он мне в волосы. — У тебя это пройдёт через несколько часов.

— Не смешно.

На мгновение его глаза изменились. Но это было настолько мимолетно, и их взгляд опять стал спокойным, светящимся от сосредоточения на новом аспекте. Более внимательным — таким, каким может быть лишь взор, разглядывающий что-то на горизонте.

— Бенсон будет рядом, — сказал он. — Если тебе что-нибудь понадобится, скажи ему. Обещаешь?

— Обещаю, — растаяла я на его груди.

К моему удивлению, он приподнял моё лицо и настойчиво меня поцеловал. Поцелуй был жаждающим, таким же, как и сегодня утром. И он сразил меня наповал, точно так же, как и наш первый поцелуй. Я запустила пальцы в его волосы и сжала их в кулаки, но он слишком быстро освободил меня из своих объятий.

— Я люблю тебя, — произнес он с немигающим взглядом.

— Я тоже тебя люблю.

Он поцеловал меня в лоб и вырвал себя из моей хватки. Бросив на Бенсона странный строгий взгляд, он проворно забрался внутрь "Белл 430".

— Верен долгу всегда, Айдэн, — выкрикнула я, когда Бенсон закрыл дверь и показал пилоту, похожему на Жан-Люка Пикара⁶³, какой-то авиационный жест.

Когда "Белл" поднял Айдэна на небесный свод, тёплый порыв воздуха вырвался из моего рта, словно устремлялся вслед за ним. С точки зрения биологических наук, я понимала, что это просто дыхание, но в тот миг, когда оно покинуло меня, я почувствовала себя опустошенной. Брошенной на произвол судьбы. Так что, возможно, это было не просто дыханием. Может быть, это была моя душа.

Глава 51

Свободная да Отважная

Говорят душе требуется время, чтобы "догнать" тело. Она отстаёт от движений, графиков, намерений, средств. Моя душа всё ещё гналась за Айденом, когда я ворвалась через дверь в свои апартаменты, чтобы взять паспорт и при встрече передать его Бобу.

Реаган, в своей "ЛОНДОН ЗОВЁТ" футболке, прибежала по коридору ко мне навстречу.

— Иза, какого чёрта, ты здесь делаешь?

Я бросилась к ней.

— Ох, Рег. Я пыталась позвонить тебе. Боб закончил работу! Всё чисто!

Ей потребовалось немного времени, чтобы переварить полученную информацию. Затем она так пронзительно завизжала, что это могло оказаться опасным для барабанных перепонок, и притянула меня в крепкие объятия. Мы начали прыгать на месте, пустившись в пляс, пока не выдохлись и не стали просто держаться друг за друга.

В конечном счете, мы прискакали рука об руку в мою комнату, чтобы я смогла взять паспорт и вернуться к Бенсону, который ожидал снаружи, выглядя довольно напряжённым.

— А что насчёт Хавьера? Сможешь ли ты подписать документы, после того как увидишься с ним?

— Я и ему пыталась позвонить, но он не ответил. Сразу после встречи я поеду туда.

Я начала задаваться вопросом "следует ли мне рассказать ей обо всем этом инциденте с Фейном", но она дёрнула меня за локоть.

— Что ты сказала? — её голос был таким тихим, словно она услышала богохульство.

— Я пыталась ему позвонить. Он, вероятно, работает. Что, Реаган?

Цвет лица Реаган иссяк.

— Ты не знаешь, — её шёпот задрожал, а руки начали трястись.

— Не знаю чего?

Но неожиданно, я не захотела слышать её ответ. Мой позвоночник вздрогнул, и мне захотелось прикрыть уши. Она взяла меня за руку.

— Иза, — она тягостно сглотнула. — Его задержали.

Моё тело подверглось распаду от услышанного. Ни осталось ушей, чтобы прокалывать, ни сердца, чтобы сжиматься в груди. Только мой разум, наносящий удар.

"Вы Элиза Сноу? Дочь Питера и Клэр Сноу?... Произошёл несчастный случай.. несчастный случай... несчастный случай..."

— Иза! — руки Реаган предотвратили моё падение. — Милая, как ты могла этого не знать?

"Мисс Сноу?... Нет, ловите её... её голова... Мисс Сноу? Посмотрите на меня... I машине скорой помощи. Сейчас... У неё кровотечение."

— Иза! Нет! Посмотри на меня. Только не таким взглядом. Это не то же самое. Иза, послушай меня.

Кто-то сотрясал меня. Я попыталась посмотреть сквозь огни машины скорой помощи и январскую ночь, но вой сирены вломился в действительность. Сотрясения стали сильнее. Нечто острое пронзило мою щёку. Резкая жгучая боль вернула Реаган в центр моего внимания, когда я осознала, что она только что вlepила мне пощечину.

— Реаган! — я схватила её нежные руки.

— Я знаю, милая. Его арестовали ранним утром в пятницу. Мы с Марией пытались связаться с тобой, позвонив Айдену. Он сказал, что ты знаешь об этом. Как такое вообще возможно?

Сирены завывали. Красные огни пульсировали. Тьма, свет, тьма... Руки Реаган сжались в тиски вокруг моих пальцев. Она медленно вторила. *Утро пятницы. Айден сказал: "Мы знаем". Ещё один звук приблизился к сиренам. Айден отвечает на звонок: "Мы знаем с произошедшем". Входящий звонок с неизвестного номера ранее, когда мы были во дворе. Код района 253. Айден ответил, лишь отойдя подальше от меня.*

Во мне не осталось никаких чувств, так что если хоть что-то ещё и было живо, оно обрело шестое чувство. То самое чувство — видишь-чувствуешь — более сознательное, чем инстинкт, и более подсознательное, чем мышление. Оно заглушило сирены.

— Реаган, где сейчас Хавьер?

— В Северо-Западном Центре Предварительного Заключение в Такоме. Слушание об его освобождении под залог состоится сегодня в полвторого дня. Я как раз собиралась туда отправиться. Вот почему я была удивлена, увидев тебя здесь.

— Какой телефонный код у Такомы?

Из всех вопросов, которые никогда не получают ответа, и из тех, ответы на которые будут даны, этот вопрос был отправным пунктом, который станет ключом к моему следующему шагу. Действительно ли Айден знал об этом и почему он соврал?

— Два пять три, — прочитала Реаган со своего телефона.

Комната накренилась, и сирены опять завывали. Я набрала Хавьеру с телефона Реаган, надеясь, несмотря на всю очевидность, что это было ошибкой. Огромной, ужасной ошибкой.

Вы дозвонились до Харви. Оставьте сообщение.

— Мария сказала, у них забрали все телефоны, — голос Реаган успокаивал меня, пока

она ласково поглаживала мои волосы.

— Позволяют сделать всего лишь один звонок, после задержания. Иногда, два, если по первому номеру не могут дозвониться.

— И всё? — ужас, охвативший Реаган, не затронул меня. Я жила в этой реальности уже четыре года: — Что насчёт адвокатов? Прав на посещения?

— Прав на адвоката нет. Члены семьи, не подкрепленные документами, не могут посещать, поскольку бояться, что их также могут депортировать.

Конечно, ICE не говорит им об этом. Это коллективный здравый смысл, родом из разбитых семей.

— Так он совсем один? Именно поэтому Мария не может присутствовать на его слушание? — Реаган прикрыла рот рукой.

— Он один.

Слова стёрли из вида мою спальню. Стерильный бесконечный коридор, воняющий этанолом, формальдегидом и чем-то гнилостным, протянулся передо мной.

"Вы не можете увидеть их, Мисс Сноу... остановите её... она ударилась головой о пол, потеряла сознание."

— Это как тюрьма?

— Да.

— Но не для преступников, — голос Реаган лишился громкости. Её лицо стало белым, а губы стали тонкими.

— Я знаю.

— Какие там условия содержания?

Я покачала головой. Должна ли она выслушивать версии. Неожиданно, несмотря на то, что она держала меня, оберегать стала её я. Довольно скоро она узреет тьму. Я схватила её за руку, пока дозванивалась семье Солисов.

На звонок ответила Мария, но звучала она совсем не как Мария. Её голос был призрачным намеком на звук, слишком эфемерным, чтобы это можно было назвать шёпотом.

— ¡Amorcita! (пер. с испан. Amorcita — дорогая) Ты в Такоме? Скажи ему, что я там с ним *corazón y alma* (пер. с испан.: corazón y alma — сердцем и душой). Скажи ему, я буду ставить тарелку за ужином для него каждый вечер.

— Я передам ему, Мария. Кто-то его сдал?

Был ли это Департамент Юстиции? Фейн? Но почему?

— Я не знаю. Охранник сказал, что они ожидали его дальше по улице в районе шести утра, когда он отправился на работу.

Кто-то, должно быть, детально донёс на него. Это было уж очень точное время и место, чтобы ICE оказалось там случайно.

— А девочки?

— Они не знают.

— Хорошо. Не говори им. Сегодня у него слушание об освобождении под залог, быть может, его всё же освободят до начала судебного процесса по делу о депортации.

Это было крайне маловероятно. Чтобы освободить Хавьера под залог, судье требуется принять решение, что тот не склонен к побегу. Учитывая, что у Хавьера парализован отец и четыре малолетние сестры, он как раз и создает впечатление именно того, кто выйдет и не вернётся на судебный процесс. Но Марии ни к чему данное напоминание.

Когда она повесила трубку, я повернулась к Реаган.

— Пошли.

— А что насчёт подписания твоих документов?

— У меня есть время до четырёх. Такома примерно в часе езды. Гони изо всех сил, Реаган.

— Может нам стоит позвонить Айдену? Может быть, он сможет предоставить ему адвоката или выступить свидетелем или сделать хоть что-то? Я до сих пор не могу понять, почему ты не знала.

А я понимала. Айден получил звонок в пятницу утром и не сказал мне. Меня коробило от осмысления причин. Защитить меня? Или заставить меня возненавидеть и покинуть его? *"У тебя это пройдет через несколько часов"*, сказал он.

Мы выскочили из апартаментов, дверь глухо захлопнулась за нами. Бенсон ожидал снаружи, прислонившись к "Роверу". Когда он увидел меня, он выпрямился, став нестигаемым. Так вот почему Айден ранее одарил его суровым взглядом?

— Он знал? — спросила я, надеясь, что могла что-то упустить.

Я не могла слышать свой голос, но Бенсон, должно быть, услышал, поскольку запнулся и поджал губы. Неохотно, он кивнул.

— Почему он мне не сообщил?

Я знала, что этот вопрос надо адресовать не Бенсону, но я не смогла себя сдержать. Он плотно сжал губы, словно не мог говорить.

Однажды я уже пережила неистовство. Четыре года назад, когда они привязали меня к каталке. Каковы бы не были спусковые механизмы, теперь во мне разгорались безжалостные пожары. Гнев неумолимо прожигал милю за милей, пока не нашел его в бревенчатой хижине. Его не сможет уберечь и целый корпус морской пехоты США, когда я до него доберусь. Не имея возможности высвободиться, гнев во мне начал разрастаться. Эпицентр окутал его хижину. Мощные волны гнева натравили меня на "Ровер". Я начала пинать машину, но Реаган одёрнула меня назад, обхватив талию.

"Нет... позвольте мне увидеть их... в последний раз... может быть, они пока ещё не остыли... Пожалуйста... позвольте мне попрощаться с ними."

* * * * *

Мы сели в "МИНИ" Реаган. Я ожидала, что Бенсон остановит меня, но он этого не сделал. Он просто отступил назад, его лицо было озадаченным, когда покрышки завизжали по дорожному покрытию.

— Иза, ты можешь объяснить мне процесс? Как, чёрт возьми, всё это работает?

— Ну, он может выехать из страны добровольно, но Хавьер никогда этого не сделает, не оставит он девочек и Антонио. Он будет бороться, если сможет, поскольку он их главная опора. Так что сегодня судья решает, должен ли он быть освобожден под залог. Потом, будет назначено слушание по вопросу депортации из страны, которое состоится через несколько недель, где они решат, имеет ли он какое-либо законное основание на пребывание в стране. Шансы на то, что он выиграет это дело, ничтожны. Затем его выдворят, и он не сможет вернуться в течение десяти лет.

Богохульства Реаган наполнили салон машины, пока та, ускоряясь, двигалась по чёрному асфальту.

В здании суда по иммиграционным делам мы прошли проверку и регистрацию у вооруженных конвоиров. *Оружие? Нет. Незаконные вещества? Моя семья. Есть ли намерения нанести ущерб США? Нет. Паспорт? Не Американка? Нет. Причина пребывания в стране? Проживание.*

Конвоир передал меня в распоряжение другому охраннику, который похлопывая руками по моему телу, сверху вниз обыскал меня. Будучи омертвелой, я чувствовала на себе больше рук, а не меньше. Реаган обыскивать не стали. Они даже улыбались ей иначе. Она одна из своих. В ответ она не улыбнулась.

Зал судебного заседания, отведенный для слушания дела Хавьера, был лишён какого-либо своеобразия. Деревянные стулья. Место судьи. Один стол для представителей ICE, второй для Хавьера. Двадцать девять дней назад, такая же комната сокрушила меня. Сегодня я могла уничтожить её лишь своим собственным сердцем. Я сосредоточила свой взгляд на настенных часах, ожидая. *1:16, 1:20, 1:21.*

В задней части зала заседания открылись двойные двери. У меня подкосились колени. Хавьер был облачен в оранжевую робу. Вооруженный сотрудник учреждения следовал в нескольких дюймах позади него. Голова Хавьера была опущена, и он совершал маленькие шаги. Его кожа была мертвенно-бледной, несмотря на её сиенскую красоту. Впервые в своей жизни, я увидела его с густой, тёмной щетиной.

Я встала, когда он подошел ближе. Он поднял голову и посмотрел на меня впалыми глазами. Его лицо было измождено, губы потрескались. Я поковыляла вперед, с целью обнять его, но офицер — Бейли, как утверждал его жетон — прошмыгнул между нами.

— Никаких контактов с находящимся под арестом, мэм, — Бейли выставил вперёд руку. — Пожалуйста, отойдите в сторону.

Я проигнорировала Бейли и не сводила глаз с Хавьера.

— Я здесь. *Corazón y alma.*

Он поймёт, что это от Марии. И от меня. Бейли с трудом подвёл его к столу. Через несколько минут одетый с иголки, с кожаным портфелем в руках, широкими шагами в зал вошёл мужчина. Адвокат. Я ожидала, что он займет место за столом ICE, но он встал рядом с Хавьером. *Как Хавьер смог нанять одетого с иголки адвоката? Может быть, это дело рук Айдена?* Пустота внутри меня завибрировала чем-то напоминающим жизнь.

— Мистер Солис, я Кристофер Бенетто из фирмы "Бенетто и Бриггс". Приношу свои извинения, что не смог встретиться с вами в центре предварительного заключения. Я получал материалы по вашему делу.

Бенетто осмотрел зал заседания. Его взгляд немного задержался на нас с Реаган. Они с Хавьером очень тихо перешёптывались, держась поодаль от Бейли. После некоего разговора вполголоса, Бенетто зашагал в нашу сторону.

— Мисс Сноу, мисс Старр, вы обе подтверждены документами?

— Да, сэр. Мне предоставлен период отсрочки, а Реаган — гражданка.

— Хорошо. Послушайте. Я настоятельно рекомендую не произносить ни слова во время его слушания. Иногда члены семьи и друзья начинают высказываться, но это приносит больше вреда, чем пользы. В частности, если вы знаете что-то, что может ему навредить, — когда он произносил последние слова, Бенетто смотрел прямо мне в глаза.

Я поняла, чего он не произнёс. Хавьер работал незаконно, и я была тому свидетель. Если я не удержусь и заговорю в его поддержку, то ICE начнёт меня допрашивать под присягой, и тем самым я могу навредить Хавьеру.

— Кто-то его сдал? — я попыталась заговорить, но мой голос вырывался свистящими дуновениями воздуха.

— Да. ICE получило анонимный донос. Должно быть это был кто-то, кто знал, когда и где будет Хавьер.

— Это был Департамент Юстиции? Они вели расследование по кое-каким делам, — предположила я.

Реаган вскинула бровь от услышанной новости, но я сильнее сжала её руку. На эту историю у нас позже будет время.

Бенетто покачал в отрицании головой.

— Нет, я проверял. Департамент, похоже, закрыл расследование и занялся ведением судебного преследования Фейна. Донос пришёл откуда-то ещё — до того, как Департамент Юстиции закрыл досье.

Неспособная сделать что-нибудь полезное с полученной информацией, я сосредоточилась на других ужасных последствиях.

— Означает ли это, что ICE теперь придёт и за его родителями?

Впервые за всё это время Бенетто улыбнулся.

— Это маловероятно. Недавние президентские указы требуют ICE сосредоточиться на первоочередных случаях. Они не будут тратить ресурсы на его родителей. И даже если они это сделают, они не депортируют их, а малолетних девочек оставят одних. Но всё же, лучше, если его родители будут держаться в стороне — избегать львиного логова, так сказать.

Я втянула в себя немного воздуха — на один ужас меньше, но ещё слишком много предстоит пережить.

— Мистер Бенетто, что насчёт вознаграждения? У Хавьера нет столько денег и —

— Не переживайте, мисс Сноу. Я могу вести это дело на безвозмездной основе, к тому же договоренности о гонораре являются конфиденциальностью. Я не могу обсуждать их с вами, но о нём позаботятся.

— Как вы узнали о Хавьере? — кое-что не сходилось.

Как Бенетто мог узнать о случайном иммигранте, которого задержали?

— Я не могу обсуждать и этот вопрос. А теперь, если вы меня простите, — он закончил обсуждение кивком головы и направился обратно к Хавьеру.

Они возобновили своё перешёптывание. Я не сводила с Хавьера глаз, симбиотическая нить держала нас связанными друг с другом.

ICE появилось во всем блеске. Один адвокат и два сотрудника службы поддержки. Когда они прошли мимо нас, взгляд адвоката задержался на нас с Реаган. Он занял своё место за столом, выложив огромные пачки бумаг, и занялся тем, что начал что-то строчить в документах. Я отвела взгляд в сторону, когда его рука неистово начала перелистывать листы, и сосредоточилась на Хавьере. Единственным признаком, говорящим о том, что он дышал, были незначительно приподнимающиеся плечи.

На двенадцатый подъём его плеч, почтенный судья Лопез вошёл в зал, и мы все встали. Судья наблюдал за Хавьером, пока тот присягал "говорить только правду, и ничего кроме правды, да поможет ему Бог".

Да поможет ему Бог? Чей Бог? Кому он присягал? Правительству, которое не хочет признавать его? Как вы можете признавать слова человека, но не его жизнь? Какие удостоверения личности мы имеем, однако, как мы проживаем свою жизнь?

ICE начало своё дело: *Незаконный иммигрант в течение десяти лет. Не имеет прав на*

получение освобождения от депортации. Анонимный источник информации упомянул о художественных принадлежностях и рамах картин. Свидетельские показания указывают на то, что он где-то работал незаконно. У него есть сообщник, который будет его укрывать. Он скроется. Он не должен быть освобожден под залог. ICE осыпало ударами Хавьера. Он порождение закона, а не природы. Не человек, чужеземец. Не подкрепленный документами, нелегал. Ни члены семьи, соучастники.

Когда ICE закончило свою речь, Бенетто занял оборонительную позицию: *Хавьер приехал в страну, будучи подростком. У него есть младшие сестры, которые являются гражданами, они талантливы, но финансово полностью зависят от него. Его отец получил травму. На нём не числится досье преступника. Он вернётся на слушание. Он должен быть освобожден под залог.* Тактика Бенетто была проста: вывести на первый план мужчину, сына, брата, а не закон.

Наконец-таки, всё это закончилось, и на мои барабанные перепонки сошла тишина. Черты лица судьи Лопез были непроницаемы. Он беззвучно постукивал своим карандашом по столу судьи.

Холодно... я босиком... больничный халат вздымается волнами вокруг меня... ряды встроженных в стену боксов из нержавеющей стали, дверцы закрыты.

— Иза? — тревожно прошептала мне на ухо Реаган.

Я вынырнула из своих воспоминаний, как раз в тот момент, когда голос судьи заполнил зал.

— Мистер Бенетто, есть ли у вашего клиента законное основание, которое может позволить ему остаться? Брак с гражданкой или дети?

— На данный момент нет, Ваша честь. Однако у него имеются не терпящие отлагательства обстоятельства в семье. Мы будем решительно придерживаться данного обстоятельства.

— У них у всех есть нетерпящие отлагательств обстоятельства, мистер Бенетто, но вопрос о его выдворении из страны передо мной сегодня не стоит. Мне требуется принять решение о возможности его освобождения до той поры.

— Я понимаю, что у мистера Солиса сильные связи с этой страной. Но, к сожалению, ничего из этого не даёт ему установленного законом основания для освобождения. Наоборот, эти связи делают из него подсудимого, которого не рекомендуется освобождать под залог, из-за большой вероятности, что он скроется от правосудия. У него есть причины для побега и невозвращения, если я его освобожу. Залог отклоняется. Он останется под арестом, но я назначу слушание по вопросу его депортации из страны на более ранний срок, на пятнадцатое июня. Я проверю ваше заявление о его роли в обеспечении благополучия сестёр за это время. Объявляю заседание закрытым.

Тело Хавьера резко ссутулилось, моё тело осело вместе с ним. Бенетто поднял его с места, а Реаган подняла меня, чтобы выказать честь судье. У меня не было лёгких, не было ни сердца, ни крови. Не было даже слёз. Бенетто взял руку Хавьера, Бейли следил за каждым их движением.

Наконец, Хавьер посмотрел на меня. Глаза в глаза. Я понимала, что мы видим одно и то же. Наше первое Рождество. Карнитас. Танцы. Наши нянченья с девочками. Шутки над Фейном. Картины.

Картины? ICE сказал, что источник конфиденциальной информации знал о художественных принадлежностях и рамах. Только три человека, не являющиеся членами

семьи, знали о картинах: Фейн, Айден и Бенсон. Мысль попыталась укорениться в моей голове, как ядовитый сорняк, но мой разум отказывался принимать её.

Хавьер, Бенетто и Бейли начали движение в медленной процессии. Когда они поравнялись с нами, Хавьер остановился передо мной. словно вырвавшись на волю благодаря его присутствию, мои слёзы, в конечном счете, потекли и каплями падали между нами. Я обвила его руками, игнорируя протесты Бейли. Пусть арестует меня за то, что обнимаю свою единственную семью.

— Иза, — нежно заговорил Хавьер, укладывая мою голову к себе на грудь. Он больше не пах перечной мятой и краской. Только как дом престарелых: — Не рассказывай девочкам и не привози их сюда. Они не поймут.

— Я знаю.

— И сама *не приходи* сюда, пока не будешь иметь на руках свою грин-карту. Пообещай.

— Что? Нет —, — я отклонилась назад, чтобы возразить, но Бенетто положил руку мне на плечо.

— Он прав, мисс Сноу, — сказал Бенетто. — Если вас будут аттестовывать, лучше перестраховаться.

— Но кто будет приходить навещать тебя? Я не хочу, чтобы ты был в одиночестве.

— Я буду, — голос Реаган был хриплый, но уверенный. — Каждый день, Хавьер. Мало ли что понадобится.

Хавьер поблагодарил её, его лицо выражало тень смущения и удивления. Затем он повернулся ко мне и взял меня за руки.

— Не позволяй им голодать, если ситуация не наладится, — прошептал он.

— Не позволю, — пообещала я.

Некоторое время он удерживал мой взгляд, а потом резко притянул меня к своей груди. Его плотное объятие причинило боль моим синякам, и я непроизвольно вздрогнула. Он заметил мою реакцию и нахмурился.

— Пустяк. Просто сглупила.

Он выглядел так, словно собирался что-то сказать, но Бенетто слегка подтолкнул его локтём. Бейли наблюдал за нами. Мне хотелось выяснить разговаривал ли Хавьер с Айденом, но я не могла сделать этого здесь.

— Пора, мисс Сноу, — сказал Бенетто, а потом всё произошло слишком быстро.

Руки Хавьера опустились, Бейли вступил между нами, и все они стали удаляться. Я бездумно пошла вслед за ними. Они задержались на мгновение в двойных дверях, и наши с Хавьером взгляды встретились.

— Люблю тебя, — произнесла я, придавая своему голосу всю силу этих слов. Любовь, которую Хавьер дарил мне, и которую я дарила ему.

— Всегда.

Двери за ним закрылись, в то же самое время, как его лицо лишилось красок жизни.

"Элиза, помни, мы меняемся при смерти..." Два металлических стола, бок о бок... белые простыни... две бледные руки, потерявшие все цвета в трупном окоченении... "Ты уверена, Элиза?..." — "Нет, больше нет. Руки совсем не такие, как у них". Я попятилась... двери передо мной закрылись.

Руки Реаган крепко обвили меня. Каким-то образом, мы оказались на парковке, в её машине.

— Кто мог так поступить? — повторяла она снова и снова. — Мог ли это быть сам

лично Фейн? Ты сказала, что он был под следствием.

Я покачала головой, глядя вникуда.

— Какую тогда выгоду он может извлечь из этого, в конечном счете?

— Я не знаю — может быть, он запаниковал. Кто ещё может такое сделать?

Я попыталась обдумать её теорию, но мой мозг начал проводить параллели, которые я никак не хотела проводить. Художественные принадлежности до сих пор находились в доме Айдена; Айден настаивал, чтобы я сдала Хавьера; его обещание уничтожить всё, что может навредить мне; наводчик знал, где живёт Хавьер и его расписание; никаких связей с Департаментом Юстиции. Я ненавидела подозрения, которые формировал мой разум, так что я позвонила ему с телефона Реаган, чтобы их развеять.

Телефон Айдена не отвечал в течение длительного времени, в сравнении с тем, что на мои звонки он обычно отвечал сразу же после первого гудка. Когда я уже собралась прервать звонок и набрать заново, он ответил.

— Элиза, — его голос был сдержанным.

— Я знаю, что ты в курсе того, что его задержали, и мы разберемся с этим позже. Прямо сейчас мне надо услышать от тебя, что ты не имеешь никакого отношения к этому.

Он не ответил. Я прислушивалась к звуку, но ничего не было. Будучи опустошённой, я ощущала себя, как трубопровод. Свободной для протекания любых, подобным нечистотам, чувствам. Первым чувством был: страх.

Он всё ещё хранил молчание.

— Это ты его сдал? — мой голос упал до смерти перепуганного шёпота.

— Да, — его голос был тихим, но спокойным.

— Нет! Нет, ты врешь. Скажи мне, что ты врешь.

Он молчал.

— Я не верю тебе.

Не имея причины, я цеплялась за природное чутьё. Но когда я произнесла слова, я вспомнила его отвратительную угрозу в адрес Хавьера, на случай если что-нибудь когда-нибудь подвергнет меня опасности.

— Ты не сделал бы это. Ты никогда бы не причинил мне такую боль, — каждая клеточка, а их не так уж и много осталось, отвергала эту мысль.

— Я уже это сделал, — его голос был безропотным.

Асфальт на парковке преобразился в чёрное сукно. Чёрное траурное платье, чёрное кружево, а затем тьма.

Я боролась, уговаривала и умоляла его, но его ответ так и не изменился. Боль, соизмеримая только с несчастным случаем со смертельным исходом, наполнила пустоту. Я ожидала, что мышление достигнет меня. Но оно складывалось в обрывки.

— Зачем ты это сделал? Ты так сильно хотел, чтобы я оставила тебя, что было неважно, какова будет цена этого? Это что некий извращённый способ спасти меня от самого себя? Заставить мои мечты воплотиться в жизнь, списав в расход других?

— Разве важно, почему?

Боль стала обескураживающей, пульсирующей, пока я постепенно угасала. Поскольку он был прав. Понимание причины не поможет, если, в конечном итоге, сделал это именно он. Цена была слишком высока.

— Полагаю, нет. Ничто не оправдывает это. Даже любовь.

— Может быть, и нет. Но теперь тебе не грозит попасть в тюрьму ради его спасения. И

его судьба не в твоих руках. Ты, наконец, можешь жить своей американской мечтой, — его спокойный тон заполнял мои уши ещё очень долго, после того как телефонная линия "умерла".

Розы... два белых гроба... сотни людей... "Посмотрите на неё, она не моргает..." — "Бедное дитя..." Гравировка на надгробной плите "Amor Vincit Omnia"... любовь побеждает всё.

Лучшая когда-либо сказанная ложь.

Время шло, а мы всё также находились на парковке здания суда. "Как я могу уладить это? Как мне это исправить?" Слабый отголосок взволновался внутри меня. Спуганный образ самой себя, ступающей шаг за шагом, покидая место захоронения, спустя несколько часов после того, как похоронная процессия закончилась. "Продолжай идти", — я помню, как слышала эти слова, но не знаю, кто их произносил. "Продолжай идти", — всё тот же голос вторил это и сейчас. Я была совсем одна. Это не походило на жизнь. Лишь призрачный шёпот, напоминающий мне о других жизнях, оставшихся после меня и Хавьера.

Я попросила Реаган отвезти нас назад в Портленд. Она выжала газ, словно участвовала в отборе на гонки "НАСКАР"⁶⁴.

Мы припарковали "МИНИ" в месте, не отведённом для парковки, и рванули в офис Боба. Он ожидал, с полностью готовыми моими документами. Увидев меня, он оцепенел. Я рассказала ему всё — даже выдала ему имя Хавьера, сжимая руку Реаган, на адвокатскую тайну стало наплевать.

Боб моргнул, изумившись, и покачав головой.

— Это не мог быть мистер Хейл. Зачем ему надо было проходить через трудности в поисках свидетеля, если он сам планировал это сделать?

Но пока мы ехали сюда я кое-что постигла.

— А что если свидетеля на самом деле не существовало? Не странно ли, что он появился сразу же, как задержали Хавьера?

— Свидетель существовал. Я проверял эту информацию в Департаменте Юстиции.

— Но что если сам Айден выступил свидетелем?

Глаза Боба широко распахнулись.

— Да, — прошептала Реаган. — Это логично. Может быть, он убил трёх зайцев одним выстрелом. Если Хавьера арестовывают, необходимости его защищать больше не будет. Иза не будет выбирать между помощью себе или своей семье. И благодаря свидетельским показаниям Айдена, Департамент Юстиции будет иметь истинную картину происходящего. Отпадёт необходимость допрашивать Изу. Ей никогда не придётся врать ради Хавьера, да и вообще рассказывать Департаменту о своей работе в качестве модели. Айден пытался спасти её!

Каждое слово прозвучало подобно словам Айдена. За исключением того, что ничего из этого не играло никакой роли, теперь это было неважно.

— Он всё же разрушил мою семью, Рег, — я подавила накотившееся рыдание.

Боб покачал головой.

— Я этому не верю. Это принесёт тебе огромную боль. Зачем ему желать, чтобы ты возненавидела его?

Я сглотнула, поскольку Боб не знал правды. Даже Реаган не знала. У Айдена были все основания хотеть, чтобы я возненавидела его. Все причины на то, чтобы я оставила его.

Но я не могла им этого рассказать.

— Как я могу помочь Хавьеру, Боб? Пожалуйста!

— Элиза, я не могу представлять его, поскольку ты мой клиент и это вызовет конфликт интересов. Но Бенетто — первоклассный адвокат. Он не берёт много дел, за которые не получает гонорар, так что, должно быть, им что-то движет.

— Каковы его шансы? Только правду, пожалуйста.

Боб взял меня за руку.

— Невелики, моя дорогая. Аргумент, что это станет причиной дополнительных трудностей семьи, является основным, но он крайне редко бывает выигранным. Есть обстоятельства непреодолимой силы, и его семье необходимо быть готовой.

Часы моего отца показывали 3:45.

— Элиза, ты должна подписать документы, до того как здесь появится курьер "ФедЭкс", чтобы мы смогли их отправить, — нежно произнёс Боб.

Я посмотрела на бумаги, лежавшие передо мной. Моя Американская мечта. Но что делает мечту мечтой? Для меня, это была новая жизнь, свободная от призраков. Я больше не хочу этого здесь. Хавьер с Айденом будут преследовать меня. Я не могу видеться с Хавьером. И в случае если ему позволят остаться, он не восполнит пустоту от отсутствия Айдена и не аннулирует его предательство. Если меня, так или иначе, неотступно будут терзать, то для меня есть лишь единственное место. Оно ждало — *они* ждали — в течение четырех лет, когда я смело предстану перед этим.

И я могу спасти шесть жизней. Без Хавьера, четыре девочки, у которых пожилая мама и больной отец и у которых отсутствует брат, могут попасть под опеку государства. Даже имея Хавьера, они всё также находятся в зоне риска из-за парализованного Антонио и отсутствия постоянных поступлений от работы на Фейна. Подобающе, что моя первая семья — изобретение моего папы — должна спасти мою вторую семью.

— Мне жаль, Боб. Я не могу их подписать. Пожалуйста, внесите миллион долларов на доверительный счёт на имя Марии и Антонио Солисов, а также Хавьера, Изабелы, Изадоры Даниэлы и Анамелии Солисов, в качестве получателей денег по страховому полису на случай кончины Марии и Антонио. Хавьер Солис — попечитель, вступает в силу немедленно.

Реаган начала рыдать.

— Иза, нет! Боб, скажите ей! Скажите ей, что она не может этого сделать!

Одинокая слеза скатилась по щеке Боба.

— По закону, она может. Но Элиза, ты уничтожаешь свою мечту.

— Одна мечта, стоящая выше семи жизней, это слишком высокая цена.

Он некоторое время внимательно смотрел на меня.

— Могу я дать тебе небольшой совет?

Я кивнула.

— Разумно сделать родителей, а не девочек, бенефициарными собственниками, поскольку невзгоды должны лежать на гражданах США, если мы хотим, чтобы Хавьер выиграл. Если у девочек будут деньги, у него нет основания для ходатайства. Так же рационально сделать Хавьера попечителем, затем что у него есть дополнительные обязательства, требующие его присутствия здесь. Предполагаю, именно поэтому ты и предложила это. Но осуществлять перевод средств сейчас неблагоприятно.

— Почему нет.

— Потому что если они получают миллион долларов до слушания, Хавьер никогда это

дело не выигрывает.

Ярость забурлила во мне из-за невыносимого варианта. Разрушить семью, чтобы спасти одного, или уничтожить одного, чтобы всех их спасти.

— Но есть законное решение. Я придержу средства на твоём доверительном счете до пятнадцатого июня, пока не пройдет слушание по делу Хавьера. К тому времени ты уже уедешь. Я сделаю перевод средств в тот же день, независимо от происходящего. Но крайне важно, чтобы никто из них не знал об этом.

— Почему нет.

— Если ICE встретится с ними, и им потребуется засвидетельствовать тот факт, что они будут испытывать лишения без Хавьера, они соврнут, находясь под присягой, если будут знать о твоём пожертвовании. Никто не узнает о том, что ты сегодня совершила здесь пока ты не уедешь.

— Меня это не тревожит, если это поможет им.

— Один миллион долларов поможет им. Но ты должна взять некую сумму денег, чтобы помочь себе в переходный период.

Я всё обдумала. Я не хотела ничего из этого, но как я собираюсь вылететь домой? Я не могу брать в долг у Реаган. Только один билет обойдется примерно в две тысячи долларов.

— Я возьму десять тысяч, насколько возможно наличными.

Боб кивнул и отправился поговорить со своим главным бухгалтером. Мы с Реаган держались друг за друга, пока мы его ждали.

— Я не знаю, как сказать тебе "прощай", — всхлипнула Реаган.

— Не надо, пожалуйста. Я еле держусь на ногах.

— Я приеду навестить тебя сразу же, как состоится слушание Хавьера. Я привезу твои вещи, и мы сможем просто провести некоторое время вместе.

Я кивнула, находясь в её объятиях, и зарылась лицом в её рыжие локоны. Быстрее, чем вообще время может вести свой счёт, Боб вернулся с наличными в конверте и чеком. Я подписала чек, и он положил руку мне на плечо.

— Когда ты уезжаешь?

— Сегодня, если смогу найти рейс.

Реаган захныкала, а Боб кивнул.

— Если тебе надо пережить это, то начинай прямо сейчас. А если ты останешься, возможно, тебе придётся дать показания, в качестве свидетеля нелегальной работы Хавьера. От тебя будет больше пользы, если ты уедешь.

— Спасибо, Боб. За всё.

Эти годы стоили того, благодаря таким людям, как он.

Он начал пожимать мою руку, но в последнюю секунду притянул меня к своей груди, даря мне объятие дедушки. Он проводил нас на улицу и помахал рукой на прощание, когда Реаган, дав полный газ, повезла нас к следующему пункту назначения.

Дом семьи Солисов. Мария находилась на кухне. Девочки, вместе с Антонио, были на детском празднике. Всё к лучшему. Я не смогла бы с ними попрощаться. Я сказала Марии, что люблю её *con mi corazón y alma* (пер. с испан. — всем своим сердцем и душой). Уведомила её о наказе Хавьера насчёт девочек. И сообщила, что у неё теперь есть новая дочь в лице Реаган. А потом я взяла её за руку. Настало время для правды. Ну, или частично правды.

— Мария, адвокат сказал, что мне надо на некоторое время вернуться в Англию. Мне

также необходимо позаботиться о коттедже. Мистер Племмонс стареет. Я не могу бросить дом.

Она очень долго всматривалась в меня, линии её лица в этот момент сплошь изрезались морщинами. Она молчала. Она понимала, что есть какие-то ещё другие причины, но не стала настаивать, чтобы я о них поведала ей. Её глаза до краёв наполнились слезами.

— *¿Y tu amor?* (пер. с испан. — А твоя любовь?)

— Он продолжит дальше жить. Как и вы. Ты же знаешь, как не рассказать девочкам о Хавьере, поскольку некоторые вещи лучше не знать до самого конца? Посмотри на меня. Каким бы не был конец, с девочками всё будет хорошо. Ты мне доверяешь?

— *Con toda mi vida.* (пер. с испан. — со всей своей жизнью)

Со всей её жизнью. Она обхватила пахнувшими мускатным орехом руками моё лицо и потом в воздухе, над моим лбом, вывела крест.

— *Bendita* (пер. с испан. — благослови), — прошептала она, пока осеняла крестом меня.

Она медленно встала и взяла мою руку, пока мы с трудом шли в сторону выходной двери. У порога она расцеловала меня в обе щёки и пальцами рук расчесала мои волосы.

— Я люблю тебя, *мама*.

Она это заслужила.

Мария прикрыла глаза и сложила ладони вместе в молитве. "*Береги мою девочку, береги её*".

* * * * *

В машине Реаган разработала план посещения моих двух последних пунктов. Я оставалась на улице у дома Айдена, в то время как она упаковывала мои вещи. Я по памяти излагала периодическую таблицу на английском, испанском и итальянском языках, пока ожидала её. Наконец она выскочила из дома с моим рюкзаком, Бенсон следовал за ней по пятам. Он выглядел суровым, но протянул мне руку. Я взяла её.

— Бесполезно будет просить тебя проигнорировать всё, что ты сегодня услышала? — голос Бенсона был стаккато, словно он сожалел, что не мог сказать большего.

— Я могу проигнорировать то, что услышала, но не то в чём он признался. Каковы бы не были его причины, цена была слишком высока.

Бенсон выглядел так, словно невысказанные слова душили его.

— До свидания, Бенсон. Если когда-нибудь окажешься один в Англии, позвони мне.

Его лоб перекосялся и нахмурился, глаза широко распахнулись от ужаса.

— Англия?

— Теперь это мой единственный дом. Спасибо тебе и спасибо Коре, спасибо вам за всё.

— Может быть, всё ещё уладится с делом Солиса, — возразил он, проводя рукой по волосам. Он не понимал, что даже спасение Хавьера не сможет исправить потерю Айдена:

— А что насчёт Боба? Твоей грин-карты? Твоего будущего? Ты же сказала, что поехала подписывать бумаги, — Бенсон тревожно понуждал. Его голос был выше, чем мне казалось, он мог бы быть способен. Я рискнула и поцеловала его в щёку.

— Позаботься о нём. Убедись, что он встречается с Корбином.

Я быстро развернулась и села в машину, при этом Бенсон не моргая, не сводил с меня глаз. Реаган нажала на газ. В зеркало заднего вида, я видела, как Бенсон стремглав рванул

внутри дома. Я оставила простое сообщение для Корбина с телефона Реаган. Воздав хвалу его литиевому сердцу, за то, что телефон дождался, пока я завершу звонок, прежде чем умереть. Мы все были на исходе жизни.

В наших апартаментах я упаковала сокровища своих родителей и одежду на следующие две недели. Когда я открыла ящик с нижним бельём, пуговица с его рубашки выкатилась вперёд. Я засунула её назад. Я наблюдала за всем со стороны, находясь вне своего тела. Когда мечты умирают, к сожалению, они тебя не убивают.

Из аэропорта PDX был только один вылет в 6:55 вечера. 2.050 долларов. На часах уже было 6:10. Как может день перечеркнуть четыре года жизни в считанные часы? Но если жизни должны обрываться, пусть это будет моя жизнь. *"Если я вернул тебя к жизни, я хочу, чтобы ты проживала её"*, — однажды сказал он мне. Воспоминание заставило мою грудь неудержимо содрогаться. Мне казалось, будто я теряла нечто жизненно-важное, но у меня не было сил анализировать это, потому что его признание верховенствовало над всем. Так много неизведанного до сих пор было в каждом из нас. Это было красивое начало на фоне самого разрушительного конца. Бездна, образовавшаяся из-за его потухшего света, люто зияла подо мной, поскольку однажды я это уже избежала. На этот раз изголодавшиеся пучины предъявляли свои права на меня, ибо я падала.

Меня рвало в уборной до тех пор, пока ничего кроме кислоты не выходило. Реаган поддерживала меня словами, которые я не слышала. У линии безопасности, она приобрела газету *"Орегонец"* и подняла на меня взгляд, из её глаз лились слёзы.

— Твоя традиция, — она шмыгнула носом, и запихнула её внутрь моего рюкзака, вероятно рядом с моей первой газетой, которую я купила в Штатах.

Мы обнимали друг друга до тех пор, пока меня не пригласили на посадку. *Элиза Сноу...* точь в точь, как в моих ночных кошмарах, но Реаган была со мной здесь до самого конца.

— Возьми, — сказала я, снимая с шеи камеру, которую он купил мне. — Здесь запечатлены все наши места, вся наша жизнь. Посещай их время от времени.

Реаган взяла "Никон", рыдая.

— Я люблю тебя всей своей жизнью, — сказал я ей.

— Я тоже люблю тебя. Увидимся через пару недель. Я привезу с собой любого американца, которого смогу встретить на своём пути, чтобы выдать тебя замуж и вернуть обратно.

Сотрудник службы безопасности счёл мою бледность за страх и провёл меня к выходу. Образ Реаган струился волнами из-за жидкой завесы моих слёз до тех пор, пока я больше не смогла её видеть.

Внутри самолёта я уложила свой рюкзак под кресло и немигающим взглядом неотрывно смотрела в окно. Я не хотела упустить ни единого проблеска своей американской не-мечты. Вдалеке солнце садилось за горы Вест Хиллс, в которых ютился его дом. Я гадала: "А не находилась ли моя душа до сих пор на реке Роуг". Она никогда не воссоединится со мной в Англии. Она всегда будет свободно парить здесь, следя за Солисами, Реаган и ним. Я предполагала, что если ты достаточно далеко уезжаешь, душа разбивается на части.

Прямо подо мной Америка постепенно меркла. Пожалуй, дело было в высоте или пустоте внутри меня, но в этом полёте я не повлекла за собой призраков. Я была одна. Содрогнувшись, я потянулась за рюкзаком, желая достать свой шарф. Из-под блузки выпянул армейский жетон Айдена, но я проигнорировала его, поскольку, когда я расстегнула свою кладь, на самом верху находились перевязанные пурпурной лентой,

пожелтевшие, запечатанные конверты и прикреплённая к ним записка на белом клочке бумаги.

Я потянулась к записке, спрашивая себя: "А может ли она воскресить меня к жизни". Мои призрачные пальцы соприкоснулись с хрустящим листом бумаги, но осязать они не были больше способны. Они просто работали: схватить, поднять, развернуть. Я читала текст, написанный незнакомым, наклонным почерком, по одной расплывчатой букве за раз.

Элиза,

я нарушаю правила мистера Хейла, отдавая тебе его письма, в надежде, что они приведут тебя к мужчине, которого ты знаешь, а не к тому, кого ты слышала вчера.

Не совершай ошибку, сожалеть о которой вы оба будете всю свою жизнь.

Бенсон

Ох!

Бонусная глава

Тридцать ночей Хейла

Глава 10

Парадокс

"Это моя винтовка. Таких винтовок много, но эта — моя...

Моя винтовка — мой лучший друг. Она — моя жизнь...

Мы станем частью друг друга... "

Молитва морпеха США

Субботним утром ровно в 9:42, Бенсон въехал на западную парковку колледжа Рид, расположенную близ здания факультета химии, как можно дальше от лаборатории Дентона.

— Мы на месте, сэр, — сказал он.

На месте. Да, на месте. Какого хрена я вообще тут делаю?

Я прекрасно понимал, что делал. Я действовал для целей дальнейшего упрочнения своего положения на вершине Самого Одержимого и Опасного Поклонника в мире.

Я в замешательстве посмотрел из окна "Ровера" — несущественное, напрасное действие. Я уже помнил каждый пискель этого образа. За исключением новых листьев, опавших в сточную канаву, бутонов на вишнёвых деревьях и двух голубых соек, клюющих хлебные крошки на тротуаре.

— Колледж закрыт на каникулы, так что кампус должен быть пустым, — продолжил Бенсон. — В округе никого нет. И я буду следовать за вами на расстоянии.

Я опустил окно — ещё одно несущественное, напрасное действие — но его ротативный шум наполнил воздух иным, кроме слов Бенсона, звуком. Звуком, отличным от болезни, в которую я начал мучительно медленно затягивать себя этим туманным весенним утром. В жизнь Элизы Сноу.

— Она будет в безопасности, сэр, — упорствовал Бенсон.

Его слова — произнесённые низким, глубоким, со свойственной ему подчёркнутой медлительностью, голосом — раскололи воздух. Вместо того чтобы уверить меня, я почувствовал нечто похожее на острый такт заряжаемой винтовки. В воздухе появилось ощущение необратимого выстрела, который навечно изменит ход войны. Проблема этой ситуации была такова, что не я держал оружие; я сам был оружием. Холодный металл согревался в нежных женских руках. Заряженный под завязку пулями. Ей оставалось лишь выбрать куда меня нацелить. Мой ужас был таким же, как и у любой винтовки, я могу причинить боль своему владельцу с равным успехом, как и мой враг. И как любая винтовка, видимо, я перестал быть сам себе хозяином. Я настолько хорош, насколько хороша рука, владеющая мной. Может быть, мне повезёт, и Элиза укажет мне на всё, что преследует её, дабы я смог покончить с этим. Или может быть удача будет на её стороне, и она вовсе не подберёт меня. Но есть и третий вариант — один из самых кровавых — заключающийся в том, что она подберёт меня и направит на саму себя.

Из всех трёх вариантов, единственный вариант, который я должен был желать, так это второй — тот, где она будет держаться подальше от меня, вполне возможно, после воплощения в жизнь варианта за номером "Один" с моей помощью. Но, будучи беспощадным, вариант, которого я так сильно страшился, равно, как и сильно жаждал — это последний. Тот, где я заявлю на неё права, как на свою, раз и навсегда. Это моя «Уловка-22»⁶⁵: у меня не было золотой середины. Никакой альтернативы, в которой она смогла бы просто держать меня, не производя выстрела. В этом и заключалась проблема заряжённого оружия: всегда на что-то нацелено.

Неожиданно короткой вспышкой промелькнула мысль. А может быть есть вариант за номером "Четыре": она сможет разрядить винтовку. Я фыркнул. Нет, дорогой, эта винтовка не поддается разрядке без выстрела. С самого рождения она содержит в себе пулю в патроннике.

— Сэр? — окликнул меня Бенсон, на этот раз слегка настойчиво. — Должны ли мы вернуться?

Ладно, пора завязывать. Нет, я не хочу возвращаться. Я хочу увидеть её. Именно по этой причине я и был здесь — во-первых, и прежде всего, увидеть её. Не её образ в своём воспоминании, не её иллюзию в своём сне. Её. К тому же было ещё несколько других причин... Внезапно, мне стало легче.

— Хорошо, иду, — сказал я, открывая дверь. — Следуй за нами, но не слишком близко.

— Куда вы её поведете?

— Куда бы она ни пожелала... так безопаснее.

Он понимал, что я подразумевал под этим. Я захлопнул дверь и направился по избитой дорожке к зданию факультета химии, решительно игнорируя нелепый вопрос о том, достаточно ли хорошо я выглядел для этой встречи. И о чём конкретно я собираюсь с ней говорить? Мне надо было запомнить содержание учебника по органической химии, или может быть что-нибудь из квантовой физики, вместо того, чтобы погрязать в ненависти к самому себе, следуя рядом с Бенсоном. Ну, если уж совсем будет критическая ситуация, то я могу поговорить с ней о теории относительности Эйнштейна. Я читал о ней двенадцать лет назад. Уныло, как песок в пустыне.

Я рывком открыл дверь в здание факультета химии со странной, отнимающей силы энергией. Перешагивая через две ступеньки, вверх по лестнице, я направился к офису Дентона. Даже, несмотря на то, что Элиза Сноу не имела никакого понятия, что я находился

здесь, почему-то я ощущал опоздание. Опоздание на 32 года.

Кабинет Дентона был закрыт, свет погашен. Но дальше по коридору, была открыта его лаборатория, из которой доносилось гудение со зловещим свистящим треском, что звучало совсем небезопасно для места, битком набитого химическими реактивами. Чёрт! Что если она пришла раньше и находится в опасности? Я бегом бросился в лабораторию, прежде чем осознал, что о химии она знает гораздо больше меня. Пролетая мимо застеклённых окон, я попытался оценить ситуацию. Я отсортировал все свои знания по обращению с химическим оружием и вломился в двери лаборатории, осматривая территорию от края до края. Слава Богу, её здесь не было. Зато вместо неё, худощавый парень с чёрными, как смоль волосами, торчащими во все стороны, стоял, склонившись над выложенным белым кафелем, рабочим столом, бормоча самому себе в трёх повторностях:

— Дерьмо, дерьмо, дерьмо! Нет, нет, нет. Тише! Тише! Тише! Веди себя хорошо, пробирка, веди себя хорошо. Не лопайся. Не лопайся. Ах, на этот раз Сноу меня убьёт, — он нервно возился со своеобразными тигельными клещами, держа их в одной руке, и пинцетом в другой руке.

Господи! Это должно быть её замена. Чёрт меня подери — мой грант потратится впустую, если этот олух будет осуществлять надзор над стадией испытаний пищевой добавки Элизы. Что-то опять зашипело, и он отскочил назад, будто пробирка собиралась его укусить. Мне хотелось уведомить о своём присутствии, но этот ребёнок выглядел так, словно прямо сейчас не смог бы выдержать напряжение от знакомства. Неожиданно он наклонился вперёд и выключил горелку, расположенную под пробиркой. Шипение прекратилось.

— Вот так! Хорошая пробирка. Хорошая пробирка, — прошептал он.

Я тихо прочистил горло, с целью привлечь его внимание. Он взвизгнул и резко развернулся, его глаза были такими же широкими, как и его защитные очки. Но когда он увидел меня, он с усилием втянул в себя воздух, его колени подогнулись, и он схватился за край столешницы. Мне пришлось подавить смех, когда я осознал, что он изначально был обеспокоен, что в лаборатории появилась Элиза Сноу, а не я. Мысль о том, что этот ребёнок до ужаса боялся больше её, нежели меня, была просто смехотворна.

— Здравствуйте, — произнёс он, явно испытывая признательность, что проживёт ещё несколько секунд.

— Приношу прощение за вторжение. Сейчас безопасное время? — спросил я на случай, если у него ещё что-нибудь варится, что может спровоцировать взрыв и разнести всех нас в пух и прах.

— Ох, да, да. Я отключил горелку Бунзена. Простите. Я... ну... ах... новенький... здесь. Я хочу сказать, что я второкурсник, но новенький в лаборатории Дентона и Сноу. Истинная удача учиться у них, понимаете ли. Сорок два человека подали заявку на это место. Однако же... ах... ум... кто вы? — выпалил он всё как на духу, сделав один короткий, нервный выдох.

Заменить Элизу Сноу в качестве главного научного сотрудника Дентона должно быть было настоящим подвигом. Хоть у меня и не было вообще никаких на неё прав, я испытал глубокое чувство гордости.

— Я Айден Хейл, — ответил я, переступая порог лаборатории. — Я... а... я ищу мисс Сноу, — очевидно, Элиза Сноу заставляла всех мужчин заикаться.

Олух выглядел так, будто не мог понять, зачем какому-то мужчине, находящемуся в здравом уме, добровольно ходить поблизости, в поисках мисс Сноу. Его глаза метнулись к

настенным часам.

— Она вот-вот должна здесь появиться. Она никогда не опаздывает. Я провожу сегодня эксперимент, так что у неё должно быть время.

Он начал очень сильно походить на зелёную вязкую массу, содержащуюся в его пробирке. Он неловко кивнул и снял свои защитные очки. Затем надел очки в толстой оправе и начал энергично очищать пробирку.

Из-за его повышенного внимания, во мне возникла потребность немного походить. Энергия, которая росла в моей крови, просочилась в мой разум, в мои лёгкие. Я оглядел лабораторию, дабы отвлечь себя от нелепой физической реакции всего-навсего на её ожидание. Я тотчас распознал стол, который однозначно должен был быть её. Безупречный. Полированная до идеального состояния поверхность отражала свет люминесцентных ламп. Огромная коллекция ручек готова была вывалиться, подобно букету, из маленькой хрустальной вазы. Большинство из ручек имело разноцветное оперение, приклеенное к их вершинам, подобно птичьим перьям. Другие имели бабочек, цветочки, или футбольные мячи.

Я медленно переместился чуть ближе к её столу, страстно желая даже столь незначительный вуайеризм в её мир. Если бы тут не было олуха, я бы открыл ящики стола. По этой причине эйдетический зверь внутри моей головы поглощал в себя всё в два раза быстрее. В углу стола находился флакон с аэрозольным распылителем, на нём красовалась этикетка с надписью "Этанол с розовой отдушкой". Следом за ним расположилась маленькая, выполненная из прозрачного стекла, мерная ёмкость с белым кремом, этикетка гласила "Ши-Олива-Моё". Мне потребовалось немного времени на расшифровку этого каламбура. *Боже правый, она создаёт свою собственную косметику!* Учитывая шелковистое ощущение от прикосновения её руки, её косметика была действенна. На полке, возвышающейся над столом, стоял разгаданный двенадцатисторонний кубик-рубик, ввиду того, что шестисторонний явно был чересчур простым.

— Ах, вот и она! — завопил олух.

Я развернулся. И вот она на самом деле!

Стоя в дверях лаборатории, она пристально смотрела на меня. Как по команде, внемлющий абсолютно всё зверь внутри моей головы перестал сеять хаос, преклонил колени и склонил голову. Дарованное Элизой спокойствие наполняло каждый нейрон до тех пор, пока какое-либо возможное пространство между всем и ничем не оказалось наполнено лишь ею одной. Ощущение было исключительным. Абсолютно всё внутри меня погрузилось в умиротворенность, а всё, что было снаружи пришло в состояние войны. Разум, сердце, возможно даже душа — унялись. Тело, кровь, кожа — объаты пламенем.

Полный жизни лиловый цвет её глаз излучал тоже самое удивление, как и вчера на презентации доклада, но её ресницы ни на секунду не сбросили с себя их фирменную грусть. Сегодня её волосы были выпрямлены. Подобно глянцевому полотну чёрного сатина. Мне больше нравились её естественные волны, но это не о многом говорит. Это как сравнивать одну звезду с другой и отдавать предпочтение той, что слева, поскольку она находится со стороны твоего сердца.

Её одежда плотно облегла её тело, не то чтобы я винил её за это. На ней были надеты светло-голубой свитер и тёмные джинсы. Современный стиль одежды, казалось, вовсе не подходил ей. Словно Снежная Королева или Элизабет Беннет облачились в нечто столь обыденное, как джинсы. Лишь после того, как эта мысль пришла ко мне в голову, я осознал

какая же она поистине особенная. Самый распространённый из всех материалов выглядел на ней никчемно. Второй мыслью было то, что вообще любой предмет одежды на ней был излишен.

Элиза всё ещё стояла в дверях, изучая меня. Впервые мне хватило присутствия духа, находясь близ неё, чтобы разглядеть учёного в её глазах. Они были пронизательными и сосредоточенными; как лазер, они прожигали меня насквозь, как будто проникали прямо под кожу к самому центру молекул и клеток. Она оценивала меня так, словно я стал причиной, какой бы то ни было теории, возникшей в её голове. Удивительно, но пока что я не был склонен позволить ей придти к заключению. Ни на йоту. Я шагнул к ней навстречу, стараясь выглядеть при этом нормальным.

— И снова здравствуйте, мисс Сноу.

Как только я обратился к ней, я заметил странный феномен. Я захотел назвать её Элизой. Не просто произнести её имя в пустоту, а слышать её отклик на это.

— Доброе утро, мистер Хейл. Какой сюрприз? — своим звонким, как серебряный колокольчик голосом, она вступила в разговор, но я пришёл в смятение, ощутив ещё одно прозрение. Несомненно, мне хотелось, чтобы она произнесла и моё имя. Полное безумие!

— Да, — тихо произнёс я, за исключением того, что мой "сюрприз" не мел ничего общего с появлением в этой лаборатории. На самом деле, все откровения, в которые была вовлечена Элиза, моё присутствие здесь было наименее неожиданным и более предполагаемым.

— У вас возникли какие-то дополнительные вопросы по моему проекту?

Обоснованное предположение. Но совершенно неверное. Все же, я не мог порицать её за то, что она не задала вопрос: "Вы здесь, так как не можете спать ночью, поскольку я посягнула на все ваши мысли, ибо частичками себя завладела вами, а вы и не знали, что можете находиться в чьей-то власти, и ничего не сможете с этим поделать?"

— Не совсем, — вместо этого ответил я. — Но я бы хотел несколько минут поговорить с вами. Я узнал от мистера Ли, что у вас гибкое расписание.

— Конечно. Позвольте мне только оставить записку профессору Дентону и показать Эрику таймер.

Я улыбнулся на её "да" в мой адрес. Её щеки окрасило розовым румянцем, и она плавно двигаясь, направилась в офис Дентона. Эрик окончательно побледнел, понимая, что после этого она сразу же примется за него. И, конечно же, она вернулась через двадцать секунд и улыбнулась ему. Он попытался улыбнуться в ответ, но это больше походило на то, будто он страдал от зубной боли. Боже правый, надеюсь, я не выгляжу подобным образом, когда улыбаюсь ей.

— Ты сжёг протеин? — она тихо поинтересовалась у него.

Её мягкость впустую растрачивалась на Эрика, который для поддержки ухватился за рабочий стол обеими руками.

— К-к-к-как ты узнала? — ухитрился выговорить он.

Хороший вопрос. *Как* она узнала? Бедный паршивец безупречно вычистил ту пробирку.

— Ну, обычно в лаборатории пахнет этанолом, с нотами перечной мяты и корицы. Сегодня же не улавливается никакой мяты, никакой корицы, но зато присутствует сильный запах алкоголя с намёком на углекислый газ. Это подтолкнуло меня к выводу, что ты сжёг протеин и продезинфицировал пробирку, немного переборщив с этанолом, — прошептала она так, словно убаюкивала его ко сну. Я предположил, что она старалась не смущать его в

моём присутствии.

Эрик совершенно забыл, как говорить по-английски и просто в изумлении смотрел на неё, широко открыв рот. Она рассмеялась красивым, благозвучным звуком.

— Не переживай, я тоже сжигала, когда только начинала этим заниматься. Вот, ты должен помнить, что надо использовать это...

Она погрузилась в страну ботаников и начала говорить, разъясняя Эрику как пользоваться специализированным хронометром. Эрик попытался всё записать, но буквально через несколько слов, он затерялся в её лице. *Да, малыш, понимаю. Жестко, не так ли?*

Она дала ему последние инструкции, рассмеявшись и сказав ему:

— Я ионю за тобой.

Её игра слов попросту потерялась в Эрике, который, не моргая, в изумлении смотрел на неё. Она хлопнула его по плечу — олух получил прикосновение! — и направилась ко мне. Наконец-то!

Я открыл дверь лаборатории, испытав облегчение, что мог двигаться немного лучше Эрика. Она вышла с играющей улыбкой на губах. *Этих губах.* Я отвёл от неё взгляд, с силой заставляя свои глаза не блуждать по всему её телу. И уж тем более, не по её попке. Или по вершинкам её груди, которые истязали меня в течение пяти дней. Я целиком и полностью потерпел неудачу и всё равно продолжил внимательно рассматривать её, частично заморожен и частично разъярен своей инфантильной реакцией на эту женщину. До тех пор пока мы не дошли до главных дверей — проклятие моего существования — когда я вынырнул из своих нелепых фантазий.

Я открыл их для неё, аккуратно отступая в сторону, так чтобы она никоим образом не смогла оказаться близ моей спины. Она вышла — не подозревая об опасности — и я последовал за ней в транс. Как только я оказался на улице, я осмотрел территорию. Поблизости никого не было, за исключением Бенсона, который последовал за нами, держась на расстоянии. Я почувствовал взгляд Элизы на своём лице и чересчур рьяно взглянул на неё. Незначительная часть моего разума отметила, что она, вероятно, ожидает пока я что-нибудь скажу, вместо того, чтобы тарашиться на неё, подобно половозрелому идиоту.

— Есть какое-то определенное место, куда бы вы хотели пойти? — предложил я, но так как, на самом деле, я не мог отвести её куда бы она ни пожелала, я тут же озвучил места, в которых были приватные обеденные залы. — "Зе Найнз" или "Зе Хезмэн"? "Андина"?

Она улыбнулась, но нечто похожее на сожаление сохранилось в уголках её губ.

— Всё это звучит прекрасно, но мне надо будет вернуться в ближайшее время. Эрик всё ещё учится пользоваться биореактором. Может быть кафе Рида "Парадокс"?

Боже милосердный, Эрик заведует реактором?

— Конечно. Хотя если вдруг реактор взорвется, то в кафе "*Tour Eiffel*" будет безопаснее.

Её улыбка была ослепительной, печаль так и не покинула её ресницы. *Почему же?* В этом кроется другая причина моего здесь появления — выяснить это. Понять её. Понять, смогу ли я сломить эти преграждающие стены, которые иногда воздвигались в её глазах. Но я слишком хорошо помнил её сопротивление моей пытливости, поэтому начал с простых вопросов.

— Как прошли выпускные?

— Хорошо, все, — ответила она, её губы изогнулись в улыбке, но затем она нахмурилась. — В том смысле, что... все они прошли хорошо, спасибо.

Намёк на румянец растекся вдоль её линии волос, и она упорно удерживала свой взгляд на своих красных туфлях. Смутилась? От чего — от двусмысленности сказанного? Я не знал почему, но это было восхитительно. Она только что придала слову "выпускной" три абсолютно уместных значения в одном изречении. И она улыбнулась, это означало, что колледж был безопасной темой для разговора.

— У вас был любимый предмет в этом году?

— Мой дипломный проект с профессором Дентоном, — она пожала плечами, и тотчас в её глазах выстроились стены.

Хмм. Может разговор об учебе и не такая уж безопасная территория. В чём же особенность этого вопроса? Может всё дело в том, что обучение в колледже окончено?

Попробую так.

— Рид оправдал все возлагаемые на него ожидания?

Она кивнула, но не заговорила. Ладно, мы уже почти пришли. *Попробуем новую тактику.*

— Я заметил, что вы любите кубики-рубрики.

Защитные стены рухнули. Появилась ослепительная улыбка.

— Да. Недавно выпустили новый кубик-рубик с зеркалами. Должно быть, это будет поистине сложно, — её глаза заискрились, как будто подвергнуть свой мозг мучительной загадке было её представлением о веселье.

— Как думаете, Эрик справится с экспериментом, после вашего ухода?

Защита возведена.

— Он всё сделает, как нужно.

Так, нечто важное связано с научной работой и окончанием обучения. Должно быть дело в этом. Но на данный момент, я вернул свои мысли в более нейтральное русло, поскольку мы приближались к кафе "Парадокс". Потому что независимо от того успокаивала ли меня Элиза Сноу или нет, мне надо иметь ясную голову, если я собирался войти в общественное место. Краем глаза я заметил, что Бенсон сократил некоторое расстояние между нами. Он осмотрительно поднял в жесте три пальца, затем постучал ими по левой руке. Внутри помещения находилось три человека, все слева от меня.

Я открыл дверь кафе для Элизы, борясь с напряженностью в своих плечах. Это не так сложно, как обычно — вероятно из-за того, что она находилась здесь, успокаивая меня своим полным присутствием. И, стало быть, делая меня гораздо опаснее, поскольку я не был особо бдителен.

Кафе было маленьким — 30 на 24. Один пожарный выход в задней части помещения. Стена из окон. В левой части расположился бариста, типичный гот, с пирсингом в брови. Рядом с ним, вытирая стаканы, стояла бодрая официантка — спиральные светлые локоны, блестящие тени на веках. А в самом дальнем левом углу, ссутулившись над книгой под названием "Чёрная Афина", расположился студент, его шея подергивалась с регулярными интервалами, словно это был нервный тик.

Безопасно. Столь же безопасно, как это может быть в моём присутствии.

Я вновь почувствовал взгляд умных глаз Элизы на своём лице и быстро провел её к столику, расположенному в дальнем правом углу. Она никогда не увидит эту часть меня. Я улыбнулся ей для разнообразия. По какой-то причине, она покраснела и мгновенно отвела взгляд в сторону, зацепившись глазами за незаконченную шахматную партию на столе. Четыре хода до "шах и мат" для белых. Словно я вслух обрисовал это в общих чертах, её глаза

проследили те же самые четыре хода с опытной непринужденностью.

— Вы играете? — спросил я, подавляя в себе порыв нелепого рвения, от того, что, возможно, у нас с ней будет непревзойдённая совместная стратегическая игра.

Когда мой мозг не занят слияниями и поглощениями, он играет в шахматы. Картины имеют тенденцию приглушать воспоминания и направлять мысленную энергию к наименее жёсткой форме войны.

— Играла. Хотя теперь нет, — произнесла она слова мягко, но защита в её глазах стала походить на крепость. Непрístupную крепость.

— Почему нет? — я попытался говорить спокойным голосом, чтобы она не отдалилась ещё больше, если такое вообще было возможно.

Оказалось, что возможно.

— Длинная история. Что вы хотели обсудить, мистер Хейл? — её голос даже лишился переливов серебряного колокольчика. Теперь он был ниже, подобно глухому звуку клавиши фортепиано.

— У меня есть время, — настаивал я. Пока она этого хочет. Пока это безопасно.

Она смотрела на меня ровно также, как и на презентации. Она не произнесла это вслух, но за неё сказали глаза. "Пожалуйста, не спрашивай меня об этом", — умоляла она. Внезапно, приступ гнева вызвал колющую боль на краю моего сознания. Мне хотелось потребовать от неё всё рассказать, поскольку явно что-то было не так. Но я не был уверен, что из этого причинит ей больше боли. Поделиться со мной этим или нет?

Краем глаза я увидел, как протискиваясь между столиками, к нам приближалась официантка. Я оторвал свой взгляд от Элизы только для того, чтобы сделать заказ. Но официантка не сводила с меня широко распахнутых глаз, её щёки пылали румянцем, рот приоткрылся. Ах, чёрт! Не сейчас. Я вызывающе приподнял бровь. Никакой реакции. Я нахмурился. Ничего. Я склонил голову набок. Опять ничего. Ладно. Я прочистил горло. Официантка моргнула и резко втянула воздух. Слава Богу. Прямо сейчас мне не нужна была поклонница, если только она не сидела напротив меня, блистая остроумием, и у неё не было лилового цвета глаз.

— Привет! Меня зовут Меган. Что могу предложить вам, друзья?

Я не сводил глаз с Элизы. Мы не были вместе, но как ни странно, я не хотел, чтобы она посчитала, будто у меня появился какой-то интерес к Меган или к любой другой женщине. В действительности, учитывая то, как эйдетический зверь в моей голове был сражён до бессознательного состояния, крайне маловероятно, что я вообще когда-либо снова заинтересуюсь в другой женщине. Я ужаснулся. Если бы я мог, я бы прямо сейчас ушёл и никогда бы не возвращался.

— Горячий шоколад, пожалуйста.

Элиза сделала заказ с улыбкой, словно мир вот-вот преобразиться в ожидании шоколада. Такой простой заказ — это то, что я мог понять, нормальные девушки любят шоколад — дал мне немного надежды, что не всё в Элизе Сноу является загадкой, на решение которой требуются мозги физика.

— А вам, сэр? — Меган повернулась ко мне.

— Двойной эспрессо и воду "Пелегрино", безо льда, без лимона, — ответил я, делая ровно такой зрительный контакт, насколько неукоснительно этого требует вежливость.

Меган удалилась. Великолепно. Но Элиза сжала губы так, словно пыталась подавить улыбку.

— Что забавного? — поинтересовался я.

Она освободила свою сдерживаемую улыбку.

— Я просто размышляла о том, что нужно продать вам мою секретную формулу спрея с запахом скунса, чтобы вы могли отпугивать поклонниц.

Я рассмеялся — что само по себе уже было неожиданностью. Конечно же, она заметила кокетливый взгляд Меган. Конечно же, у неё найдется такое изобретение.

— И какова будет цена за это средство обороны?

— Один миллион долларов, — не колеблясь, выпалила она.

— Ну, конечно же, — я вновь рассмеялся, но не от стоимости. Я рассмеялся потому как, наверняка, заплачу.

По какой-то причине, её глаза широко распахнулись, откликнувшись на мой ответ, и она отвела взгляд в сторону. Я собирался узнать у неё причину такой реакции, но Меган вернулась с нашим заказом. Она передала горячий шоколад Элизе, которая в свою очередь выглядела так, словно молила о сдержанности, чтобы одним глотком не выпить целую чашку. Одержимая, под стать мне, это заставило меня опять рассмеяться. Трясущимися руками, Меган поставила чашку эспрессо и бокал с водой передо мной и сбежала.

Я повернулся к Элизе, чтобы задать свой заблаговременный вопрос, или поинтересоваться о её явной одержимости шоколадом, или о чём-то ещё, но у неё были совсем иные планы.

— Итак, что вы хотите обсудить, мистер Хейл?

Чёрт возьми. Всё время так стремится отделаться от меня. Вероятно, это и к лучшему. Я не могу позволить себе быть в её обществе — или наслаждаться этим, если уж на то пошло. И я наслаждался этим куда больше, чем должен был. Я опустил чашку эспрессо — чересчур сладкий — и вернулся к поставленной задаче. К варианту, который удержит её от поднятия оружия.

— Это вы изображены на моих картинах? — начал я.

Я всего-навсего хотел получить подтверждение, но возможно, я равным образом произвёл выстрел. Её тело оцепенело, начиная с ресниц, заканчивая сцепленными вместе руками. Она побледнела, и лишь её рот слегка приоткрылся, то ли для того чтобы сделать вдох, то ли выдохнуть, я не знал. Что, чёрт возьми, я сделал? Я уже было собирался сказать ей забыть об этом — чтобы не спровоцировал мой вопрос, это не стоило такого страха — но спустя несколько секунд, она вернулась к своему уверенному обладанию. Защитные стены в её глазах стали крепостью. Стена за стеной вздымались по некой внутренней команде. Я никогда ещё не видел, чтобы разум подобным образом брал верх над эмоциями, стоявшими на его пути. Единственное, что осталось нетронутым, так это её очевидная печаль. Видимо, независимо от того, что её разум может подчинить себе, печаль преодолеть он не был способен. Что бы ни вызвало эту меланхолию, это вне её силы или, возможно, является частью её самой.

— Почему вы спрашиваете меня об этом? — её голос на удивление был жёстким, но её контролируемая подача намекала на скрытый, тщательный расчёт. Я попал в точку, но я не знал было ли это болезненным, пугающим или просто личным.

— Я состоятельный человек, мисс Сноу, — тихо произнёс я, будучи не совсем уверенным, как мне справиться с этим.

— Что вообще это значит?

Учёный вернулся. Она не вымолвит и слова, пока не получит ответы на свои

собственные вопросы.

Хорошо, я не против. Я дам их ей, если её это успокоит. Я начал объяснять, сохраняя свой голос нежным, поскольку мы, несомненно, ходили по краю:

— Это значит, что если я чего-то хочу, я не остановлюсь ни перед чем, чтобы это получить. При этом, кстати, придти к такому выводу было несложно. Я видел вас в галерее Фейна и то, как администратор приказала вам уйти, указывало на то, что вы, должно быть, там работаете. Я получил копию кадрового учета Фейна и только две женщины работали на него, и обе были блондинками. Вы единственная женщина с тёмными волосами, а у женщины на картине, где изображена шея, волосы тёмные.

— Но моделью не обязательно должна быть сотрудница. Она может быть кем угодно, — всё тем же беспристрастным голосом учёного ответила она.

Почему она настаивает на этом? Она стыдится того, что позировала обнаженной? Хмм... Такая возможность мне и в голову не приходила.

— Да, может. Но она — не кто угодно. Это вы.

— Если вы уже пришли к такому заключению, зачем спрашиваете меня?

Прекрасный вопрос. И наиболее актуальный.

— Чтобы услышать ваше подтверждение, мисс Сноу.

— И почему же моё подтверждение имеет значение, если вы столь убеждены в этом?

Её непроницаемые глаза чуть посветлели, и она склонила голову на бок, как будто эксперимент только что стал очень увлекательным.

Её решающий вопрос обнажил всю мою подноготную, но не раскрыл ничего в ней. *Жалкое зрелище, Хейл. Очень жалкое зрелище. Всего с помощью четырёх вопросов она умудрилась добраться до сути дела, а ты за целую неделю не смог ни черта выяснить о ней.* Ну, я в такой же мере мог бы быть честным.

— Потому что это будет капитуляция, а не завоевание, — я анализировал выражение её лица, но её контроль не дрогнул ни на йоту.

— Капитуляция? Поэтому вы здесь?

— Это одна из причин. И прежде чем вы снова попытаетесь использовать свою отвлекающую тактику, позвольте мне заявить, что я не намерен оглашать другую причину своего визита, пока вы не ответите мне на этот вопрос.

Она слегка прищурила уголки глаз, как будто разрабатывала некую иную стратегию.

— Признайтесь в этом, — сказал я до того, как она нанесла мне очередное поражение.

Я не знаю почему, но для меня неожиданно стало важно, чтобы она подтвердила мою правоту. Возможно, потому что подобного рода уловка настолько расходилась с достоинством, которое она источала, и которое я ощутил с самого первого взгляда на неё. Или возможно мне хотелось, чтобы она открылась в чём-то мне — в чём-то, что она так сильно оберегала.

— Похоже что, несмотря на ваши невероятные дедуктивные способности, вы упустили из вида одну возможность, мистер Хейл, — наконец, произнесла она.

О, нет, Элиза! Я, вне всякого сомнения, ничего не упустил.

— Неужели?

— Да. Вполне возможно, на каждой из картин изображена разная женщина, — она понуждала принять её опровержение. Что она скрывает? Безусловно, было бы гораздо проще признать это, чтобы мы смогли двинуться дальше.

— Там изображена только одна женщина, мисс Сноу. И мы оба знаем кто она. Но если

вы нуждаетесь в других доводах, я с радостью продемонстрирую вам это.

— *Продемонстрировать мне? Как?* — нервно изрекла она.

Я воспользовался этой крошечной трещиной в её броне и наклонился через маленький столик, внедрившись в её личное пространство. От её близости у меня пересохло во рту. Впервые за всю свою жизнь, я испытывал нерешительность в том, чтобы прикоснуться к женщине. Не просто к какой-то женщине, а к этой женщине. Она была здесь, всего в нескольких дюймах от меня, от неё исходил чистый запах мыла и роз, но я не мог прикоснуться, даже, несмотря на то, что прикосновение к ней это единственное о чём я думал на этой неделе. Казалось, что это длилось целую жизнь. И я не понимал почему. С самой первой минуты, как я увидел картины с её изображением, я боялся её осквернить. Всё же, плененный ею, я закружил указательным пальцем близ её кожи. Моё тело отреагировало с удвоенной силой, как будто это "не-прикосновение" к ней было кульминационным моментом.

— К примеру, это, — произнес я. — Ваша линия шеи. Ваше горло. Ваша ключица, — мой палец странствовал по описываемой мной линии, но, не касаясь её тела. — У меня нет сомнений, мисс Сноу, что если вы снимете этот свитер и эти джинсы, я увижу тот самый изгиб талии, бедро и ногу, что и на моих картинах.

Я пристально смотрел ей в глаза, боясь, что вовсе потеряю контроль — особенно свою нерешительность — и прямо здесь, прямо сейчас, сорву с неё всю одежду. Её тело натянулось, напряглось как скрученная спираль, а в её глазах блеснуло нечто похожее на возбуждение и страх. Если бы в её зрачках был бы только страх, я бы отступил. Но это возбуждение — это зачарованное созерцание — что озарило лиловый оттенок её глаз, толкало меня вперёд.

— Я могу описать их, если пожелаете. У вас три тёмные родинки, расположенные в виде равностороннего треугольника справа над левым бедром. Они — единственные родинки на вашей коже. Я буду более чем счастлив, подтвердить все свои аргументы. Вы хотите, чтобы я сделал это, или капитулируете?

Мне хотелось получить лишь её признание, но от моих слов произошло нечто на клеточном уровне. Её дыхание стало прерывистым, её тело натянулось, будто противостояло стремительному потоку изнутри, а её бледно-розовый румянец сменился на густой тёмно-красный — цвет жизни, настолько полный энергии, что в кои-то веки затмил сияющие лиловые глубины её глаз. На любой другой женщине, это выглядело бы как... ну... откровенно говоря, как возбуждение. Но на ней, это... а что это? Словно где-то, в таинственном месте в её венах, кто-то подключил шнур, щёлкнул переключателем, или просто пробил брешь в её плотине, и теперь её живительная сила стремительным потоком нахлынула на неё, сильно и неумолимо.

Потрясенный развитием событий, я едва не упустил, как её тело слегка выпрямилось, как будто синапсис, наконец, заговорил с плотью. Её кожа наполнилась нежным сиянием, и впервые, грусть покинула её глаза. Возможно освободившись от груза, её ресницы мгновенно затрепетали, словно она пробуждалась ото сна. Лиловый цвет её глаз изменился. Голубоватый полутон превратился в индиго, и разгорался с огненной силой до тех пор, пока не остался лишь один оттенок, напоминающий тёмную сирень или орхидею, озаряемый изнутри. Она моргнула раз, потом ещё раз... и ещё раз.

Благодаря её порозовевшей коже и лиловым глазам, я, наконец, нашёл слово, чтобы описать то, что видел. Больше чем рассвет, больше чем жизнь. Пробуждение. Вот что это

было. И по какой-то причине, вызвал это я.

Беспомощно я наблюдал за ней неизмеримый момент — потерявшись в своих собственных чувствах, равно как и в ней.

— Так что вы выбираете, мисс Сноу? — прошептал я. Из всех вариантов, теперь я очень страстно, очень болезненно жаждал третьего.

Она вновь моргнула, как будто вернулась из другого мира. Она улыбнулась от некой мысли, слотнула и закрыла глаза, словно хотела задержать в том ином мире чуть дольше. Когда она их открыла, они всё также пылали.

— Капитулирую, — прошептала она.

Я понимал, что она под этим подразумевала, что она признается в том, что является женщиной с картины. Но эта маленькая победа почему-то значила гораздо больше. Это была не столь её капитуляция, сколько её решение позволить опустить как минимум одну защитную преграду. И это принадлежало мне. Равно как и этот жизненно-важный момент пробуждения. Но до того как я успел как следует поздравить себя, реальность просочилась внутрь меня и я осознал, что на самом деле это было всего лишь решение. Она решила не спорить, не позволить мне проникнуть внутрь. Это не было "да", Хейл. Это было "нет".

Подавленное настроение должно было оставить меня выдохшимся, но по крайней мере, я в этом разглядел луч надежды. Она решила не поднимать оружие. На мгновение, это было соблазнительным. Но в итоге, она пошла против этого. И это было хорошим решением.

— Безопасное решение, — сказал я, игнорируя то, как изматывающе, ужасающе скрутило все мои внутренности.

Я разберусь с этим в одиночку. Но её разум, в конечном счете, одержал победу. Она была в безопасности от меня. Теперь мне надо было уйти. Позволить ей жить. Спокойно жить своей жизнью, которая только что началась. Заслужить степень доктора наук или, скорей всего, десяти наук. Изобрести таблетку, которая будет исцелять от рака одной дозой. Разработать расчетную модель, которая будет предотвращать войны. Приготовить какое-нибудь лекарство, которое утихомирит эйдетическую память. Или просто скажет "да" милому, рассудительному, подходящему ей, коллегиальному профессору, выйдет за него замуж, и родит так много детей, чтобы сделать вклад своего ДНК в мировой генофонд.

На незримый момент зверь не вызывал образы прошлого; он показывал будущее. Элиза Сноу — такая же, как была всего лишь мгновение назад, румянец от возбуждения густо окрашивает её щеки, глаза цвета аметиста, и трепещущие ресницы — одетая в белое. Медленно идёт по церковному проходу в сторону безликого мужчины. Почему же этот образ такой болезненный? Такой глубинный? Я не отличу эту девушку от Евы; она не моя. И именно поэтому. Потому что она не была моей. И никогда не сможет ею быть. Единственное место, где она должна принадлежать мне — это на картине.

Благородный план, Хейл. А теперь придерживайся его. Я сделал плоток воды и сосредоточил свой взгляд на ней.

— Остается лишь один вопрос, прежде чем мы перейдем к другой причине моего появления здесь сегодня, — сказал я, с некоторым удовлетворением отметив, что мой голос вновь стал бесстрастным. — Почему вы солгали об этом?

— Я не лгала, — сказала она в свою защиту.

— Неэтично подобранное слово, но вы не можете отрицать, что попытались скрыть правду. Так почему?

Она взглянула искоса — явно, привычка гениев. Затем она выпрямилась и расправила

плечи.

— Потому что я работала незаконно, мистер Хейл. Моя студенческая виза не разрешает мне работать вне кампуса. Мои недолгие часы позирования дают небольшой, но очень необходимый доход, — её голос спокойный, едва ли не дерзкий.

Ясно! Так вот в чём проблема, не так ли? Она всего лишь преступила закон. Я был удивлен тому, насколько неизменной она осталась в моих глазах. Если это то, что ей необходимо, чтобы сносно существовать, мне глубоко плевать, сколько законов она нарушает.

— Понимаю, — ответил я, стараясь сохранить свой голос непринужденным. — Это объясняет, почему о вас так мало информации.

— Вы наводили обо мне справки?

Наводил справки? Это было преуменьшением.

— Как я уже говорил, я человек состоятельный, — ответил я. — Но я не смог найти о вас много информации, если не считать ваших впечатляющих достижений в учебе.

Она глубоко вдохнула, как будто это даровало ей облегчение.

— Да, это из-за CIS — Служба гражданства и иммиграции США. Они хранят записи о иностранных приезжих под грифом "строго секретно", — степенно объяснила она.

Ну, это объясняет ночной кошмар, каковым была вся прошлая неделя. Бенсон вздохнёт с облегчением. Мне казалось, что он уже начинал волноваться о том, что потерял свой склонный к розыску талант. По правде говоря, я тоже испытал облегчение. Такое простое объяснение. Она просто-напросто не гражданка Америки, вот и всё. Её документальный "след" принадлежит другой правительственной руке. Наиболее недоступной: национальной безопасности.

— Я должен отметить, что вы непредсказуемы, мисс Сноу. Я думал, что вы вольнонаёмный работник, а не подпольный. Но не переживайте, я не доложу на вас, — сказал я, на случай если это тревожило её. Я с трудом втянул воздух, готовясь к финальной части. Части, которая позволит мне сохранить её в том или ином виде: — Собственно, это подводит меня к следующему вопросу. Я бы хотел вас нанять.

Её рот приоткрылся, а лицо приобрело одно из тех редких, незащищённых ею проявлений.

— Нанять меня? — взвизгнула она, как будто никогда такого не ожидала.

— Да, именно. И да, я осознаю, что нарушаю закон. По всей видимости, меня это не заботит, — я лишь хочу тебя в одном единственном виде, в котором должен обладать тобой.

— Но сначала я должна закончить работу над добавкой, — она запнулась — абсолютно всё обладание было растеряно.

Такая наивная и невинная. Дело всегда в её добавке.

— Я говорю не о вашей добавке. Я говорю о картине. Я хотел бы вас нанять в качестве модели для картины только для моих глаз.

Её глаза широко распахнулись, не говоря уже о приоткрытом рте, в идеальной форме под стать букве "О". Но её глаза искрились неким внутренним озорством.

— Какого рода картина? Я не позирую обнажённой.

Хорошо! Я уже было довёл себя до безумия от отравляющей ненависти, полагая, что Фейн видел её обнажённой. Это маленькое открытие подарило мне необычайное успокоение и мгновенно избавило от боли, вызванной её преждевременным отказом. Я улыбнулся.

— Что заставило вас подумать, что я хочу, чтобы вы позировали обнажённой?

Её кожа вновь вспыхнула густым румянцем.

— Я сожалею, я предположила, что это то, чего вы хотите из-за характера картин, которые уже купили. Моя оплошность.

Она всё также удерживала свой взгляд опущенным на чашку с горячем — или возможно уже холодным — шоколадом, выглядя при этом так, словно умоляла землю поглотить её.

— Ваше предположение было верно, но в тоже время и нет. Если бы я был художником, ваше нежелание обнажать тело, конечно, было бы проблемой. Но так как я не художник, и вы будете позировать перед другим мужчиной, у меня нет намерений заказывать картину в стиле ню. Это рассеивает ваши сомнения?

Она несколько раз моргнула, пока я паниковал, полагая, что она ответит мне отказом и оставит меня вовсе без единой частички себя — оставит ни с чем, кроме как с моей неожиданно ставшей несовершенной памятью.

— Почему вас волнует, что другой мужчина увидит меня обнаженной? — вместо этого поинтересовалась она.

Ладно, это уже не "нет". Но это был ещё один вопрос, который рассказывал слишком много обо мне и не достаточно много открывал в ней.

— Я и сам задумывался над этим вопросом. На данный момент давайте просто скажем, что мне нравится, когда мои произведения искусства... единственные в своём роде. Более того, я собираюсь заплатить мистеру Фейну достаточно приличную сумму за то, что он никогда снова не будет вас рисовать.

Это была чистая правда. Её маленький ротик вновь приоткрылся в форме полной, идеальной буквы "О". Этот образ очень сильно отвлекал, приводил в исступление, так что я начал добиваться своего до того, как совершу нечто иное с этим прекрасным "О".

— Я сожалею, что вы из-за этого потеряете работу, в которой так отчаянно нуждаетесь. Я компенсирую вам это по справедливой цене, включая долю прибыли, которую вы должны получать за свою работу.

Она резко закрыла рот. Слава Богу.

— Это очень мило с вашей стороны, мистер Хейл, — произнесла она надменно, выпятив вперед подбородок. — Но вам нет необходимости платить мне. У меня всё ещё есть работа в лаборатории, да и в ближайшее время истекает срок действия моей студенческой визы.

Зачем мне лишать её того, в чём она действительно нуждается? И почему она решительно настроена бороться с каждым сделанным мной шагом в этом направлении? Ярость вновь начала покалывать, испытывая меня, поэтому я выпалил своё первое оправдание. Громко произнес его.

— Кажется, вы неправильно истолковали мои слова и считаете, что это переговоры, мисс Сноу, но это не так. Я хочу заплатить вам, поскольку стану причиной того, что вы никогда ни для кого не будете позировать снова. И здесь больше нечего обсуждать.

Для большинства людей, будь то мужчина или женщина, обычно было достаточно хладнокровного тона, чтобы вызвать ответную реакцию их естественного защитного механизма, с целью добиться их отступления ещё до того, как мой изъясн, приобретённый на войне, спалит их дотла. Работало ли это таким же образом на Элизе? Конечно же, нет. Она резко выпрямилась, любезно склонила голову набок, и улыбнулась ангельской улыбкой, которая не коснулась её глаз.

— Мистер Хейл, похоже, вы, как и Фейн считаете, что иммигранты не имеют никаких прав в переговорах. К сожалению, вы правы, и вы загнали меня в угол, потому что знаете мою тайну. Так что у меня нет иного выбора, кроме как согласиться. Но не обольщайтесь по этому поводу, так как вплоть до вашего ультиматума, я собиралась принять ваше предложение с удовольствием. Теперь всё что вы получите — капитуляцию, как вы и хотели. Итак, давайте перейдём к делу?

Какого. Хрена. Ярость безжалостно наполнила мои вены. Моя кровь превратилась в горячее с металлическим копченым привкусом в горле. Тотчас мои мышцы застопорились в усилии предотвратить стремительную атаку. У меня оставалось всего две-три минуты. Я проиграл в голове "К Элизе", зацепившись взглядом за линию подбородка Элизы, горло, кожу, пытаюсь парировать симптомы. Ещё пятнадцать секунд. Десять. Пять. Мне просто надо, чтобы коготь покинула моё горло. Медленно, она отступала на задворки моего разума, и я почувствовал, как моё горло расслабилось в достаточной мере, чтобы разглядеть мотив в её упрямстве. Чтобы сформулировать слова.

— Я не рассматриваю вас как гражданина второго сорта, мисс Сноу, — степенно произнёс я. — Но полагаю, что могу понять, почему моя подача может быть оскорбительной для кого-то в вашей жизненной ситуации. У меня не было намерений заставить вас почувствовать себя использованной. Примите мои извинения.

Она одарила меня лёгким кивком головы.

— Принято.

Я с трудом втянул воздух, как только моя кровь остыла так же безотлагательно, как и воспламенилась, и остатки пламени осели глубоко внутри меня. Я быстро вернулся к более необременительным темам разговора.

— Итак, приступим к условиям сделки. Я хочу, чтобы вы позировали в моём доме.

Да, мне она там нужна. Хотя бы раз. Всего лишь раз. Этого достаточно, чтобы слить это место воедино с её спокойствием. И может быть, этого будет достаточно для меня, чтобы выяснить, что преследует её и покончить с этим.

— Хорошо, — ответила она, выпивая последние капли горячего шоколада из чашки.

— И я не хочу лишь намёк на ваше тело. Я хочу его полностью, включая лицо.

Чашка задрожала в её руках, и она опустила её на стол.

— Я не знаю почему, но ладно.

Ах! Даже у Элизы есть уязвимые места. Это должно было заставить меня почувствовать себя лучше, словно я сидел рядом с обычной, постижимой человеку, девушкой, которую я мог бы расшифровать, которой мог бы помочь и затем позволить ей уйти. Но вместо этого, в моей груди поселилась какая-то странная, наподобие вызывающей расстройство желудка, боль.

— Вы не знаете почему? — поинтересовался я.

— Нет, не совсем. Но всё хорошо. Вам не надо произносить передо мной речь о том, какая я на самом деле красивая и совершенно себя недооцениваю.

Это было исключительным. По своему опыту я знал, что порядка 80 % людей — мужчина или женщина — будут надавливать на проблему, в поисках подтверждения. Они произнесут такого рода фразы: "Посмотрите на меня", "Я не настолько интересна", "Нет, я не знаю почему". Элиза Сноу отбросила это полностью. Всё потому, что ничего её не убедит?

— Похоже, вы хорошо знакомы с этой речью, — я осторожно прощупал почву.

— Да, и, откровенно говоря, это никогда ни для кого не срабатывало. Было бы лучше, если бы наше время мы использовали продуктивно.

Да, конечно. Боже упаси, мы становились нерациональными. Но что если я действительно смогу избавить её от уязвимости? Что если я расскажу ей, как именно она заставляет меня чувствовать? Польстит ли ей это или запугает её? Надо полагать, внушит ужас.

— Что бы вы хотели видеть на мне? — Элиза прервала мои мысли, конечно же, покраснев.

Ничего.

— Мою рубашку.

Ещё больше румянца, ещё глубже лиловый цвет её глаз.

— А что ещё?

Меня.

— Больше ничего. Только мою рубашку.

Её пустая чашка дребезжала в руках, и она в очередной раз поставила её на стол. Затем она вновь её подняла.

— Должна ли рубашка быть расстёгнута или застёгнута?

Ох, Элиза, твои мозги только что подвели тебя. На этот вопрос был лишь один-единственный ответ.

— Расстёгнута, — одними губами произнёс я, наслаждаясь её реакцией.

Она сильно сглотнула. В кои-то веки, за всю нашу историю, длиной в пять дней, у меня было немного больше контроля, чем у неё.

— Мм..., — начала она, её взгляд переместился на мой стакан с водой и затем вновь вернулся к её опустевшей чашке. — Похоже, это будет проблемой, учитывая правило "никакой-наготы", — ещё один взгляд украдкой на мою воду. — Я буду чувствовать себя более комфортно, если на мне будут трусики, — она окончательно склонила голову.

Я чуть не рассмеялся. Я едва не вырвал её из оранжевого бархатного кресла и не усадил себе на колени. Почти. Был очень близок к этому. Но я очень хорошо понимал, что случится, если я это сделаю; в конечном счете, я причиню ей боль. Не говоря уже о том, что её руки тряслись и ухватились за эту проклятую чашку так крепко, давая понять, что её нервы были на пределе, так что я сжалился над ней и ослабил давление на неё.

— Хорошо, трусики, — уступил я, но было такое чувство, что уже так много вложено, что нельзя было отступить, поэтому я прибавил к этому одно условие. — Но я сам буду их выбирать.

Она кивнула так пылко, что её чёрные волосы соскользнули на её лоб.

— Спасибо, — сказала она, словно я бросил ей спасательный плот, в то время как она была за бортом.

Мне хотелось подразнить её о том, какие трусики она предпочитает, какие на ней были надеты прямо сейчас, должны ли мы купить всю коллекцию белья "Agent Provocateur" или выбрать их вместе? За исключением того, что существовало три проблемы. Первая: мои собственные джинсы — вызывающий отвращение материал. Вторая: я искренне считал, что она не сможет этого выдержать. Если у этой девушки был секс с более чем одним или двумя мужчинами, я добровольно вызовусь на ещё одну дислокацию. Третья: ничего из этого никогда между нами не произойдёт.

— В принципе это всё, — смилостивился я. — Если только вы не хотите поговорить о

цене.

Она вновь энергично покачала головой. Видимо, на этот раз она даже не могла заставить себя заговорить. Я воспользовался преимуществом и перешёл к следующим вопросам, для которых мне требовалось, чтобы она была неосмотрительна. Вопросы, которые, следует надеяться, дадут мне некоторые ответы. Истину, которая принадлежала исключительно ей, которая была складом характера Элизы.

— Итак, я хочу тот же цвет и стиль, что и на остальных картинах, но прежде чем я найму Фейна, я должен получить некую от вас информацию.

Щёки всё также залиты румянцем.

— Какого рода информацию?

Вопрос "Номер Один", который я не должен был задавать, но пошло всё к чёрту.

— Вы спите с Фейном?

Её глаза широко распахнулись, и румянец растёкся по её шее. Я не винил её за это — вопрос был невежественным.

— Нет, не сплю.

Отлично. Вопрос "Номер Два".

— Кстати говоря, вы состоите с кем-нибудь в отношениях?

Крошечная складка пролегла меж её бровей, но румянец сохранился.

— Нет.

Я расслабился и откинулся на спинку кресла, которое уже начинало ощущаться самую малость удобней.

— Тогда я обсужу с Фейном расписание и свяжусь с вами.

Её маленькая складка переросла в полноценное выражение неодобрения — очень милая, притягательная хмурость.

— Почему вы не наняли бы Фейна, если бы я была в отношениях с ним или кем-то другим?

Чёрт, мы опять вернулись ко мне. Без вариантов. Она не одержит ещё одну победу. Я просто сломя её.

— Я не хочу, чтобы вас что-то отвлекало, мисс Сноу. И я определенно не намерен вызывать раздражение у ревнивого дружка. Для него это добром не кончится.

Безусловно, не кончится.

— Полагаю в этом есть смысл, — пробормотала она, но уголки её глаз прищурились.

Я поспешил продолжить с вопросами до того, как она вновь уведёт тему разговора в сторону от самой себя.

— Вы часто ездите в Англию?

Она подняла взгляд, выглядя фактически напуганной.

— Нет.

— А что насчёт ваших родителей? Они в Англии?

Предполагалось, что это будет простой вопрос. Такой простой, что сможет сохранить её скрипичный голос неуверенным. Но достаточно было всего одного взгляда на неё, чтобы осознать свою собственную ошибку. Все мои ошибки в отношении неё. Я знал, каков будет её ответ ещё до того, как она его дала. Я понял это по тому, как распахнулись и стали рассеянными её глаза, точно также, как это бывает с моими, когда я вспоминаю Маршалла. По тому, как приоткрылся её рот, в попытке впустить воздух, потому что у неё не было сил вдохнуть его самостоятельно. По тому, как весь румянец побледнел и исчез с её лица. По

тому, как её губы двигались, будто она считала.

На мгновение мне захотелось попросить её не отвечать на этот вопрос. Мне хотелось вернуться к началу всего этого утра и отменить процесс написания картины, даже отказаться от тех нескольких моментов умиротворения, которые она мне подарила. Лишь ради того, чтобы мне не пришлось наблюдать за этим выражением её лица. Но она заговорила до того, как я решился попросить её не отвечать.

— Мои родители погибли, мистер Хейл, — прошептала она, не сводя глаз с чашки уже давно остывшего шоколада.

Из-за её задыхающегося шепота это прозвучало даже ещё ужаснее. Что я мог ей сказать? Что я мог сделать? Каким же самонадеянным я был, считая, что смогу справиться со всем, что неотступно преследует её. Я ничего не смогу сделать, чтобы вычеркнуть это из её жизни. Ничто не вытеснит пустоту, которую она в себе несёт. Если я и был в чём-то полностью убеждён, так это в этом.

— Приношу свои соболезнования, — сказал я, сожалея, что не могу взять её за руку. Этих слов было недостаточно, поэтому я добавил: — И мне жаль, что я задал этот вопрос. Я и понятия не имел.

Я сожалел о большем, нежели только об этом... жалел, что вообще тут появился, а это уже немалый промах. Но то, что я втягивал себя ещё глубже в чью-то жизнь, кто не имел покровителей, вот это было воистину непростительно.

— Нет надобности извиняться, — ответила она, её голос начал приобретать немного силы. — В добром намерении вины не может быть.

Ох, да, ещё как может быть, Элиза. Поверь мне на слово: может быть.

— У вас есть родные братья и сестры?

Пожалуйста, ответь "да".

— Нет.

Она настолько одинока, насколько вообще такое возможно.

— Я сам единственный ребёнок в семье. Я сочувствую.

Она улыбнулась.

— Я прошла через стадию, когда рисовала брата и сестру. Мои родители были вынуждены терпеть нарисованного человечка за обеденным столом в течение нескольких месяцев.

Я тоже улыбнулся, поскольку было очевидно, что она в этом нуждалась.

— Надо было и мне такое попробовать. Возможно, это сделало бы меня менее эгоистичным.

— Я замечала, что большинство хороших людей думают о себе, как об эгоистах.

Я выдавил ещё одну улыбку, ломая себе голову в поисках способа исправить это. В поисках чего-то, что сможет улучшить её жизнь, даже, несмотря на то, что это никогда не восполнит пустоту. В поисках сил оставить её в покое. В поисках чего-нибудь...

— А что насчёт ваших родителей? — попыталась выяснить она.

— Они отправились в Тайланд на отдых и проведут там весь следующий месяц. Мой отец, Роберт, архитектор; моя мама, Стэлла, редактор, — в данный момент я не мог заигрывать с факторами, играющими роль спусковых механизмов. — Почему вы уехали из Англии?

Она пожала плечами.

— После гибели моих родителей в автокатастрофе, мне нужна была перезагрузка. Я

всегда думала, что Штаты были дружелюбны к иммигрантам. Поэтому-то, я здесь.

Она отлично притворялась. Или, может быть, она действительно в это верила. Но, по крайней мере, она говорила. Возможно, это поможет?

— Должно быть, вам было очень трудно.

Кроткая улыбка коснулась её губ.

— У меня бывали такие времена. Хотя теперь гораздо лучше. Я скучаю по ним до сих пор, но сделала всё возможное, чтобы сохранить их дело живым. К примеру, пищевая добавка, которой мой папа был настолько увлечён. Большинство дней, я просто чувствую себя очень везучей в том, что была настолько безоговорочно любима, пусть даже и короткое время.

— Что же, учитывая то, что я видел, они бы действительно вами гордились.

Если и есть что-то, что она должна была бы знать, так это должно было быть этим.

— Спасибо. Мне бы хотелось в это верить, — прошептал она, опуская свои глаза и вновь сосредотачивая их на чашке. Я склонил голову, чтобы встретиться с ней взглядом, но она так и не подняла свой взор.

Она начала играть с браслетом часов — Сейко, 1970 года выпуска, с широким, круглым циферблатом и прочным, кожаным ремнём, несомненно, произведены для мужчины... Мужчины из 1970-х. Отец. От осознания этого, боль, сродни той, что вызывает нарушение пищеварения, опять начала назревать в моей груди.

— Да, они принадлежали моему папе, — добровольно пояснила она. Она, должно быть, заметила, что я их рассматривал: — Я знаю, что они мужские, но не могу представить на себе что-то иное, — её голос был тоскующим, а её глаза медленно переместились на мои собственные часы.

Гребанные "Одемар Пиге". И почему я должен их носить? Я как бы невзначай опустил руку на бедро.

— Нет необходимости прятать ваши часы Джеймса Бонда, мистер Хейл, — она улыбнулась — читая меня как открытую книгу. Конечно, я был не особо изощренным: — Поверьте мне, сироты не любят заставлять других чувствовать себя некомфортно. Совсем наоборот, я рада за вас, — её голос вновь стал пылким, неоспоримым.

В этом тоне я выявил ещё один уровень защиты Элизы Сноу. Она хорошая — доброжелательная. Самое недооцененное качество в людях, и оно в ней присутствовало. Другие люди могли чувствовать негодование от того, чем они не обладают, и становились неуступчивыми с другими. Она, казалось, извлекала подлинное счастье из того факта, что только ей приходится испытывать на себе уродливое бремя судьбы.

— Ваши родители тоже, должно быть, гордятся вами, — сказала она с ослепительной улыбкой на губах.

Безотлагательно. Образ изломанного, лежащего на полу, тела моей матери обрушился на моё видение. Её вывихнутые ноги, её правая рука выкручена из сустава, в то время как её другая рука слабо тянется к моему лицу. Мои руки — мои собственные, ожесточённые войной, полные ненависти руки — обхватывают её горло. И её шепот судорожно прорывается через артиллерийский огонь, ревущий в моих ушах: "Айден... это я... мама... я люблю тебя... твой папа любит... ты хороший... ты х-хо-хо-роший, с-с-сын... мы... л-л-любим тебя...".

Но затем мелодичный голос — гораздо громче, гораздо ближе — прорвался сквозь мольбы моей матери, едва ли не бессмысленно.

— Если я когда-нибудь продам свою добавку, я пошлю вам фотографию своих часов "Одемар".

Элиза говорила нерешительно, её слова были подобны мелодии, в честь которой должно быть её и назвали.

Так же мгновенно, как и началось, воспоминание быстро сбавило темп. Теперь оно было сродни фотоснимкам, а не перематываемому назад в ускоренном режиме фильму. Но я всё ещё слышал затрудненное дыхание и минометный огонь. Я до сих пор чувствовал запах моей мамы и дыма от взрыва самодельного взрывного устройства. Я принудил себя видеть исключительно лицо Элизы. Её радостная улыбка по-прежнему витала на её губах, но её красивые, цвета орхидеи, глаза потускнели, возможно, из-за беспокойства о том, какой ужас вырывался из моих собственных глаз. Артиллерийский огонь перестал реветь; мольбы мамы больше не было слышно. Мой взгляд зацепился за линию подбородка Элизы — одна из совершенных её черт, которую я первой увидел на картине. Уровень адреналина упал; мои мускулы начали освобождаться от оцепенения. Кровь остыла в моих венах. И наконец, воздух плавно наполнил мои лёгкие. Чистый влажный с едва уловимым запахом мыла и роз.

Элиза в очередной раз улыбнулась; её глаза неотрывно смотрели в мои глаза — не подозревая о штурме, который она только что заглушила, об утешении, которым она окутала меня, о мире, который она соткала.

Я выдавил улыбку и вновь застопорил свои мускулы. Но на этот раз не от воспоминаний, а потому что моё тело жаждало переместиться вперёд до тех пор, пока не смогу зарыться лицом в её волосах. Возможно, если я буду дышать только ею, я излечусь и ретроспективы, подобные этой, покинут меня навсегда. Может быть, если я положу к её ногам мир — мир позволит мне в нём существовать.

Она ждала пока я что-нибудь скажу — всего лишь несколько секунд прошло в её нормальном рассудке, в то время как мой пережил три временных периода и побывал в трех местах одновременно.

— Или, может быть, вы узнаете, что выиграли в лотерею, мисс Сноу.

Какими же пустыми прозвучали мои слова в ответ на то, что она действительно заслуживала. За что я на самом деле заплачу. Но как я могу сказать ей, что с радостью отдам ей всё — каждый заработанный мной пенни, каждый отведённый мне судьбой день в этой неживой моей жизни, в обмен на один день — нет, на один час — абсолютно свободный от разрушительного опустошения в моей голове?

Некоторое время она удерживала мой взгляд — не могло быть и речи, чтобы я отвёл взгляд в сторону от её глаз. Ни сейчас, ни когда-либо потом. Пока я пристально смотрел на неё, я понял, что буду смотреть на эту девушку — единственную девушку во всём мире, которая умиротворяет меня — всю свою оставшуюся жизнь. Она продолжит свою жизнь после написания моих картин. Она отправится в Гарвард, будет бороться с раком, спасать других людей. Она влюбится, выйдет замуж, родит детей. Она состарится, её разум замедлит свой ход, а её воспоминания поблекнут. Возможно, она вернется в Англию, чтобы провести там свои последние дни. И когда с её губ сорвется последний вздох, это будет прекрасно. Именно так, как и должно быть, Элиза. Именно так, как и должно быть.

Возможно, пару раз она вспомнит, как позировала для написания картин по прихоти странного мужчины. Она, может даже, будет гадать, что он сделал с её картинами. Она никогда не расскажет об этом своему мужу, но поделиться этим со своей дочерью или подругой. Но с течением времени она забудет его имя, или, то как его взгляд цеплялся за

неё, как будто она была единственным зрительным образом, представшим перед ним. В конце концов, она забудет его, так и не узнав, что её картины всегда будут висеть в его спальне. Что её образ будет первым и последним, что он будет видеть каждый прожитый им день. Что её лицо будет служить олицетворением, к которому он будет обращаться за помощью в борьбе с каждой ретроспективой, с каждой бездной. Что она будет его лекарством вплоть до самого его конца. Именно так, Элиза. Именно так.

Наконец, она заговорила голосом, напоминающим музыку ветра.

— Вы можете называть меня Элиза, мистер Хейл. Или Иза.

Я сглотнул, словно пытался очистить свой рот ради её имени. Ради имени, которое я хотел произнести вслух с того самого момента, как увидел её этим утром. Ради имени, которое, возможно, сорвётся с моих губ вместе с последним вдохом, если я хочу получить успокоение.

— Элиза.

Она улыбнулась в ответ. Это было так красиво — почти что беспечно — что я едва не произнёс её имя снова, но внезапно её улыбка исчезла, и она вскочила на ноги.

— Я лучше пойду, — быстро произнесла она. — Мне ещё нужно массу информации загрузить в бедного Эрика.

Эрик? Ах, этот олух. Мне потребовалось несколько секунд на возвращение во весь этот обыденный мир. Однако почему-то мне показалось, что он не был истинной причиной её желания уйти. Она увидела монстра в моих глазах? Я надеялся, что увидела. Но в то же время, надеялся, что нет. Иди, Элиза! Иди. Она должна уйти. Она обязана уйти. Каждая проведенная ею минута со мной была минутой с нависшей над ней опасностью. Я знал это... но словно помешанный, я пытался удержать её хоть ещё на несколько секунд.

— Я провожу тебя до лаборатории, Элиза, — я вновь произнёс её имя, оставляя немного денег на столе и ожидая пока она сделает первый шаг в сторону выхода.

Она так и сделала, и я слепо последовал вслед за ней, не будучи уверенным, направлялся ли я навстречу чего-то важного или бежал от этого прочь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[
←1
]

Сиалии, или лазурные птицы (лат. *Sialia*), — род птиц семейства дроздовых отряда воробьинообразных. Один из нескольких родов дроздовых Нового Света. Включает три вида, распространённых в Северной и Центральной Америке.

[
←2
]

Feign — в переводе с англ. яз. означает — притворяться, подделывать, симулировать

[
←3
]

Шакил Рашоун О'Нил (англ. Shaquille Rashaun O'Neal; 6 марта 1972, Ньюарк, штат Нью

Джерси) — американский баскетболист, а также актёр. Игрок «Орlando Мэджик», «Лос-Анджелес Лейкерс», «Майами Хит», «Финикс Санз» и «Кливленд Кавальерс», а также «Бостон Селтикс». Олимпийский чемпион, чемпион мира 1994 г., 4-кратный чемпион НБА.

[

←4

]

Грин-карта — удостоверение личности или так называемая идентификационная карта, подтверждающая наличие вида на жительство у человека, не являющегося гражданином США, но постоянно проживающего на территории США.

[

←5

]

Ланкаширское рагу появилось во времена усиленной индустриализации в Ланкашире, Северо-западной Англии, тогда оно состояло из мяса, лука и картофеля, запеченного в духовке на медленном огне в тяжелом горшке в течение целого дня.

[

←6

]

Компания Hunter (Хантер) производит резиновые сапоги с 1856 года. На сегодняшний день резиновые сапоги Hunter являются признанным эталоном резиновых сапог.

[

←7

]

Комбинаторика — раздел математики, изучающий различные объекты, множества (сочетания, перестановки, размещения и перечисления элементов) и отношения на них.

[

←8

]

Служба гражданства и иммиграции США (USCIS) — подразделение Министерств внутренней безопасности США, ведающее вопросами иммиграционной политики и гражданства.

[

←9

]

"Пауэлс" (Powell's) — крупнейшая сеть независимых книжных магазинов в мире.

[

←10

]

Food and Drug Administration — Управления США по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов.

[

←11

]

Immigration and Customs Enforcement (ICE) — Иммиграционная и таможенная полиция США

[
←12

]

Стаккато (итал. *staccato* — «оторванный, отделённый») — музыкальный штрих, предписывающий исполнять звуки отрывисто

[
←13

]

Louboutins — обувь от известного французского дизайнер-модельера обуви. Отличительный знак обуви Лубутена — красная подошва туфель. В моделях обуви он использует экзотические виды кожи, стразы Swarovski, кружево ручной работы.

[
←14

]

Pinterest — социальная сеть, всемирный каталог идей. Позволяет создавать коллекции изображений на разные темы и делиться ими с другими пользователями.

[
←15

]

Ротический язык — язык, в котором звук *r* произносится во всех позициях

[
←16

]

Audemars Piguet — швейцарская компания — производитель часов класса «люкс». Основана в 1875 году Эдвардом-Огюстом Пиге и Жюлем-Луи Одемаром, жителями небольшого городка Le Brassus

[
←17

]

Севиче (исп. *ceviche*, *seviche* или *sebiche*, *sebiche*) — блюдо из рыбы или морепродуктов, чьей родиной считается Перу. Блюдо получило распространение во многих кухнях латиноамериканских стран, хотя рецепты могут различаться значительно.

[
←18

]

Джонни Кэш (англ. *Johnny Cash*; 26 февраля 1932, Кингсленд, Арканзас — 12 сентября 2003, Нашвилл, Теннесси) — американский певец и композитор-песенник, ключевая фигура в музыке кантри, является одним из самых влиятельных музыкантов XX века.

[
←19

]

«Сибил» (англ. *Sybil*) — драматический телевизионный фильм 1976 года с Салли Филд в главной роли. Фильм получил множество наград и номинаций, включая четыре премии «Эмми». История женщины, чье детство было настолько ужасающим, что впоследствии, когда она стала взрослой, ее личность распалась на множество отдельных персоналий.

[
←20

]

Калико — англ. «Calico» — обозначает лишь окрас шерсти и не имеет отношения к породе. Этот окрас часто называют просто трёхцветная (англ. tricolour), а по стандарту — черепаховая с белым (англ. tortoiseshell-and-white).

[
←21

]

Колин Эндрю Ферт (англ. Colin Andrew Firth; род. 10 сентября 1960, Грэйшотт, Хэмпшир) — британский актёр театра, кино и телевидения. Начав свою карьеру в 1984 году, Ферт сумел обратить на себя внимание мировых кинокритиков только в 1995, сыграв мистера Дарси в телеадаптации романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

[
←22

]

Поросячья латынь, также свинский латинский (англ. Pig Latin, «самоназвание» — Igraу Atinlay) — «тайный язык», представляющий собой зашифрованный английский. Чаще всего используется в шутовском или полужутовском контексте.

[
←23

]

Эскапизм, эскепизм, эскейпизм (англ. escape — убежать, спастись) — индивидуалистическо-примиренческое стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазий.

[
←24

]

Конфеты Васа (Бачи) — шоколадный поцелуй солнечной Италии! Васа — один из самых любимых брендов шоколада Италии. Итальянские шоколадные конфеты Васа — это по истине часть Италии. Если Вы бывали в Италии, Вы наверняка пробовали Васа. Васа является одним из старейших шоколадных брендов мира. Васа — итальянская шоколадная компания, являющаяся частью компании Perugina.

[
←25

]

Aston Martin— английский производитель престижных спортивных автомобилей. У истоков марки стояли Лайонел Мартин и Роберт Бэмфорд. Штаб-квартира находится в Гейдоне, Уорикшир. Название компании происходит от названия холма Астон-Клинтон, где один из создателей Лайонел Мартин одержал в 1913 году победу на Singer-10.

[
←26

]

Лучо Далла (итал. Lucio Dalla; 4 марта 1943, Болонья — 1 марта 2012, Монтрё) — итальянский композитор, певец, инструменталист и актёр. Лучо Далла являлся одним из

самых значительных итальянских певцов, композиторов и актёров современности.

[
←27

]

Худ (англ. Mount Hood, также Маунт-Худ) — стратовулкан. Расположен в Северной Америке, в штате Орегон в США. Находится на севере штата в 50 милях к юго-востоку от Портленда. Высота вершины составляет 3426 м. Это самый высокий горный пик в Орегоне и четвёртый по величине в Каскадных горах.

[
←28

]

Бёзендорфер (нем. L. Bösendorfer Klavierfabrik GmbH) — австрийская фирма производитель фортепиано, один из старейших производителей фортепиано в мире. Основана в 1828 году Игнацем (устар. Игнатием) Бёзендорфером.

[
←29

]

Космический телескоп «Хаббл» — автоматическая обсерватория на орбите вокруг Земли, названная в честь Эдвина Хаббла. Телескоп «Хаббл» — совместный проект НАСА и Европейского космического агентства; он входит в число Больших обсерваторий НАСА

[
←30

]

Секст Авреелий Проперций (50 г до н. э., Ассизи — ок. 16 до н. э.) — древнеримский элегический поэт. До нас дошли четыре книги его «Элегий».

[
←31

]

Нил Даймонд (англ. Neil Lesley Diamond, род. 24 января 1941 года) — американский певец, автор песен и актёр, который занимает (по данным на 2002 год) третье место (после Элтона Джона и Барбры Стрейзанд) в списке самых успешных исполнителей категории Adult contemporary (AC) в истории журнала «Биллборд». Общий тираж пластинок Даймонда (по данным на 2001 год) составляет 125 миллионов; из них 48 миллионов были проданы в США.

[
←32

]

Каденция (итал. cadenza, от лат. cadere — «падать») в музыке: категория гармонии, то же, что каданс (от фр. cadence), виртуозное исполнительское соло (исполнительская каденция).

[
←33

]

Amherst Pheasant (Алмазный фазан) — птица рода воротничковые фазаны с красивейшими перьями. Британский дипломат Вильям Пит Амхерст в 1816 году, привез в

Лондон несколько особей этой птицы и "первооткрывателю" было дано право назвать птицу на свое усмотрение. Что он и сделал, назвав ее в честь своей жены, леди Сары Амхерст, откуда и появилось ее научное название Lady Amherst's Pheasant — фазан Леди Амхерст.

[

←34

]

Международный аэропорт Портленда (PDX) — крупнейший аэропорт штата Орегон, расположен в десяти километрах к северо-востоку от делового центра.

[

←35

]

Число Авогадро, константа Авогадро, постоянная Авогадро — физическая величина, численно равная количеству специфицированных структурных единиц (атомов, молекул, ионов, электронов или любых других частиц) в 1 моле вещества.

[

←36

]

«К Элизе» (нем. Für Elise) — знаменитая фортепианная пьеса-багатель Людвига ван Бетховена. Это произведение Бетховена на протяжении многих лет является одним из самых известных шедевров мировой музыки.

[

←37

]

Графиня Уэссекская Софи — супруга принца Эдварда, графа Уэссекского, младшего сына Елизаветы II и принца Филиппа, герцога Эдинбургского. Вышла замуж в 1999 году. До 2002 года работала в сфере связи с общественностью, в настоящее время поддерживает мужа в королевских делах.

[

←38

]

Флорибунда — Floribunda — в переводе с латинского означает "обильно цветущая". По-немецки группа сортов роз флорибунда называется Beetrose (клумбовые розы).

[

←39

]

Музей Ашмола — старейший общедоступный музей в Великобритании. Это одно из четырех музейных учреждений, действующих при Оксфордском университете.

[

←40

]

Карлов университет — главный университет Чехии, старейший университет Центральной Европы и один из старейших университетов мира, был основан императором Карлом IV в 1348 году.

[

←41

]

Пиньята — мексиканская по происхождению полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или лёгкой обёрточной бумаги с орнаментом и украшениями

[

←42

]

Адриана Франческа Лима — бразильская супермодель, наиболее известна как одна из ангелов Victoria's Secret, а также лицо рекламной косметической компании Maybelline.

[

←43

]

Powerball — американская лотерея. Билеты лотереи продаются в 44 штатах США (все штаты, кроме: Невада, Юта, Миссисипи, Алабама, Аляска, Гавайи). Розыгрыш джекпота практически всегда становится сенсацией.

[

←44

]

Карнитас — это свинина по-мексикански, куски мяса, тушенные с приправами без масла. Мексиканцы едят ее с хлебом и мексиканским соусом — сальсой

[

←45

]

Латиноамериканский молочный торт-пирог "Трес лечес", что в переводе с испанского означает "три молока". Представляет собой желтое лакомство, пропитанное жирным молочным кремом. Традиционно в этот пирог добавляется корица.

[

←46

]

Ток-шоу. «Алан Карр: Болтун» — британское комедийное ток-шоу популярного комика Алана Карра. Это прежде всего интервью со звездными гостями, скетчи.

[

←47

]

Жаклин Ли «Джеки» Бувье Кеннеди Онассис, урождённая Жаклин Бувье (фр. Jacqueline Bouvier), по первому браку Кеннеди (англ. Kennedy), по второму Онассис (англ. Onassis); 28 июля 1929 — 19 мая 1994, широко известная как Джеки (англ. Jackie) — первая леди США с 1961 по 1963 год. Одна из самых популярных женщин своего времени, законодательница моды, красоты и изящества в Америке и Европе, героиня светской хроники

[

←48

]

Психологические триггеры (от английского слова «trigger» — спусковой крючок) являются автоматическими поведенческими реакциями людей, которые возникают в качестве ответа на какой-либо, преимущественно внешний, раздражитель

[
←49

] Рефлекс Моро — это произвольная реакция организма на опасность (угрозу).

[
←50

] Эмерил Лагасси (Emeril Lagasse) — шеф-повар, ресторатор, звезда телеэкрана и автор кулинарных бестселлеров. От родительской кухни до «Большого кайфа».

[
←51

] Перси Джексон — персонаж — главный герой, от лица которого ведётся повествование в серии фантастических романов американского писателя Рика Риордана "Перси Джексон и Олимпийцы".

[
←52

] Дэвид Ганди (David Gandy) — один из самых популярных моделей-мужчин в мире, покоривший миллионы женских сердец

[
←53

] Одри Хепбёрн — британская актриса, фотомодель и гуманитарный деятель. Получила «Оскар» в 1954 году за лучшую женскую роль в фильме «Римские каникулы».

[
←54

] Песня американского рэпера Ваниллы Айса. Мелодия песни основана на сэмпле из совместного трека группы «Queen» и Дэвида Боуи «Under Pressure»

[
←55

] Балвени (Balvenie) (Balvenie) — знаменитый односолодовый виски, производимый семейством Грантов с 1893 года.

[
←56

] Пятый период периодической системы — к пятому периоду периодической системы относятся элементы пятой строки (или пятого периода) периодической системы химических элементов

[
←57

] Фалафель (араб. فلافل, ивр. פּאָלפּעל) — блюдо, представляющее собой жареные во фритюре

шарики из измельченного нута, иногда с добавлением фасоли

[

←58

]

Юридическая библиотека Боли принадлежит колледжу Льюиса и Кларка частному гуманитарному университету в г. Портленд, штат Орегон, США. В состав вуза входит Колледж искусств и наук, Школа права и Аспирантская школа образования. Колледж Льюиса и Кларка является членом Annapolis Group. В колледже обучается около 3500 студентов из более чем 50 стран мира. Колледж Льюиса и Кларка был основан в 1867 году в г. Олбани как Институт Олбани. В 1938 году кампус института переместился в Портленд.

[

←59

]

Суп посоле — одно из самых популярных блюд мексиканской кухни. Этот наваристый суп-рагу одновременно и первое и второе блюдо

[

←60

]

Туфли Мэри Джейн (Mary Jane Shoes) — изначально: модель туфель на плоской подошве с ремешком на подъеме и, чаще всего, закругленным носком. Своим названием обувь обязана героине английского комикса «Buster Brown» — девочке Мэри Джейн, которая носила такую модель.

[

←61

]

Свидетели и информаторы: визы S5 — некоторые иностранцы, предоставляющие ключевую информацию относительно криминальной организации или производству; S6 — некоторые иностранцы, предоставляющие ключевую информацию относительно терроризма

[

←62

]

Пурпурное сердце (англ. Purple Heart) — военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника

[

←63

]

Жан-Люк Пикар (фр. Jean-Luc Picard, в других переводах — Пикард) — персонаж из научно-фантастического телевизионного сериала «Звёздный путь: Следующее поколение»

[

←64

]

NASCAR — Частное предприятие, занимающееся организацией автомобильных гонок и сопутствующей деятельностью. Учреждено Биллом Франсем-старшим в 1947–1948 годах в Соединенных Штатах Америки, и до сих пор находится в собственности семьи Франс.

[
←65

] «Уловка-22» (англ. Catch-22) — роман американского писателя Джозефа Хеллер